

Окно в прошлое

История села Утятского

Курган 2023

ОКНО В ПРОШЛОЕ

*История села Утятского
по страницам периодических изданий и книг*

Составитель Т. С. Иванова

Курган 2023

Окно в прошлое: история села Утятского по страницам периодических изданий и книг / составитель Т. С. Иванова; редактор Е. В. Гаева. – Курган: Типография «Дамми», 2023. – 568 с.

В книге собраны важнейшие сведения по истории села Утятского, начиная с его основания.

Большую часть сборника составляют публикации В. С. Ивановой – сельской учительницы, историка, краеведа.

Здесь также можно найти небольшой материал о близлежащих сёлах: Глядянском, Камышном, Нагорском, Заборском, Новой деревне и Вавилковой.

Фотографии, размещённые в издании, взяты из личного архива Т. С. Ивановой и с сайта Утятской группы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	15
ПРОШЛОЕ СЕЛА УТЯТСКОГО	17
Васильева А. М. Русские на Тоболе в XVII веке	17
Иванова В. С. Слобода Утяцкая и «кучумовы царевичи»	19
Иванова В. С. «Киргизушкины дети».....	22
Иванова В. С. Баклановы нашей деревни	23
<i>Подщетенный Иван</i>	23
<i>Пугачевский агитатор</i>	23
Юрьевский А. И. Слобода Утяцкая в конце XVII и в первой половине XVIII века (<i>страницы из истории киргизских набегов</i>)	24
Варлаков П. В. Фамилии старожилов	29
Варлаков П. В. Раскольники.....	32
Шашков А. Во власти «двоерогого зверя»	33
Плющев В. А. Селу Утятскому – три века	34
1. <i>«Наглядеться не могу!»</i>	34
2. <i>Основание села</i>	35
3. <i>«Государевы» крестьяне</i>	37
4. <i>Семён Новгородов</i>	39
5. <i>Иковский бой</i>	40
Иванова В. С. Мы ищем «натуру» (к 200-летию крестьянской войны под предводительством <i>Е. Пугачёва</i>).....	44
Маслодельный завод в Утятском	48
Иванова В. С. Дедушкин прадедушка рассказывал (про земляные яблоки – картошку)	49
Иванова П. И. Первый самовар и керосиновая лампа.....	51
Нашествие кобылки. 1895 год.....	52
Иванова В. С. Крамольная панихида.....	53
Иванова В. С. Басмановский мост	53

ЖИЗНЬ ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ	57
Иванова В. С. Осуществилась мечта народная (о селе Утятском).....	57
Иванова В. С. Глядянское в старину и ныне	61
Рогулина Л. Земля, которая вскормила (о селе Камышином).....	64
Иванова В. С. Камышинские мужики	66
Иванова В. С. У околицы.....	70
УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СЕЛЕ УТЯТСКОМ.....	73
Иванова В. С. Первый Совет в Утятском.....	73
Иванова В. С. Как устанавливалась Советская власть в Утятской волости (рассказывает И. М. Бобков).....	75
Иванова В. С. Подвиг Андрея Майкова	77
Иванова В. С. Начало новой жизни	77
Иванова В. С. Мученическая смерть Григория Воденникова	81
Иванова В. С. Первая маёвка.....	83
Кубасов В. Коммунист (очерк об И. Сартакове)	85
Сартаков И. П. Кулацкий мятеж в Курганском уезде (исторический очерк; воспоминания).....	90
<i>Перед мятежом</i>	90
<i>Продразверстка и кулачество</i>	92
<i>Появление Землина</i>	94
<i>По кровавым следам банды</i>	97
<i>Гибель Макарова</i>	99
<i>Бой под Лаптево</i>	102
<i>Конец Землина</i>	103
<i>Дальнейшие схватки</i>	104
<i>Окончательная победа</i>	106
Дудко А. Обелиск на главной улице (очерк о Ф. М. Макарове).....	109
Иванова В. С. Время рассказывает (о Владимире Кирильчике).....	113
Ижевский С. Г. И снова забьётся сердце	119
Шульгин В. Мне не забыть (рассказ Анны Сидоровны Шульгиной, жительницы с. Нагорского)	122

Иванова В. С. Как тетка Настасья 12 белогвардейцев к красным привела..	124
Иванова В. С. Знай свой край.....	125
Иванова В. С. Как это было	126
Иванова В. С. Не обижайте бабушку.....	129
КОМСОМОЛЬЦЫ СЕЛА УТЯТСКОГО	131
Иванова В. С. Как молоды мы были.....	131
Иванова В. С. Когда мы были школьниками (<i>из воспоминаний</i>)	134
Иванова В. С. Они были первыми (<i>Иван Вавилов</i>)	137
Иванова В. С. По Ленину (<i>Иван Вавилов</i>).....	144
Иванова В. С. Обелиск у дороги (<i>Вася Уфимцев, первый комсомолец-тракторист</i>)	145
Фрончик В. И сегодня в строю (<i>Василий Уфимцев</i>)	147
Утятский В. Шёл парнишке в ту пору девятнадцатый год... (<i>Роман Ерасов</i>)	149
Сартаков И. П. Боевые мои комсомольцы (<i>воспоминания начальника милиции района</i>)	153
Яковлев Г. Комсомольская юность (<i>из истории сельхозтехникума в Утятском</i>)	156
Иванова В. С. Заря на востоке (<i>отрывок из повести об односельчанах</i>)	158
Сидоров М. Рядом с Даманским (<i>комсомолец Александр Изотов</i>).....	165
ПИОНЕРЫ СЕЛА УТЯТСКОГО	167
Иванова В. С. Поднявшие знамя.....	167
Иванова В. С. Зона пионерского действия.....	170
Иванова В. С. По-пионерски... ..	173
КОЛХОЗ «РОССИЯ».....	177
Девятова А. Г. От личного к общественному (<i>из истории колхоза</i>).....	177
Из истории колхоза (<i>по материалам Утятского музея</i>).....	178
Иванова В. С. У людей на виду (<i>коммунары, ликбез</i>)	179
Иванова В. С. Встреча трактора (<i>первый трактор в Утятском</i>).....	184
Иванова В. С. Слуга народа (<i>И. М. Бобков</i>).....	188
Бобков И. М. Я видел и слушал великого Сталина.....	192

Ушакова Т. Большой души человек (<i>Иван Сергеевич Иванов</i>)	193
Иванова В. С. Хороша земля, наш край дорогой... ..	195
Глазов В. Три поколения Ловыгиных	196
<i>Григорий Прокопьевич</i>	196
<i>Зоя Григорьевна</i>	197
<i>Николай Ловыгин</i>	198
Передовики колхоза «Россия» (по страницам газет)	199
<i>Николай Павлович Решетников</i>	199
<i>Г. Я. Сорокина</i>	200
<i>Виктор Михайлович Бакланов</i>	200
<i>Иван Изотов</i>	201
Максимова Е. <i>Иван Михайлович Бобков</i>	201
<i>А. С. Петина и У. Ф. Попова</i>	202
Иванов В. <i>Моисей Иванович Грещенко</i>	202
<i>Надя Важенина</i>	203
<i>Анатолий Андреевич Сомусев</i>	203
<i>Александра Павловна Воденникова</i>	203
<i>Александр Сорокин</i>	204
<i>Дмитрий Поликарпович Ушаков</i>	204
<i>Виктор Алексеевич Брылёв</i>	204
<i>Николай Кириллов</i>	205
<i>Сергей Родионов</i>	205
<i>Анна Филаретовна Клементьева</i>	205
<i>Юрий Евгеньевич Родионов</i>	206
<i>Юрий Важенин</i>	206
<i>Алексей Андреевич Лобанов</i>	206
<i>Степан Александрович Сартаков</i>	207
<i>Михаил Сикачев</i>	207
<i>Вячеслав Викторович Бобков</i>	207
<i>Иван Наумов</i>	208
<i>Николай Алексеевич Золотарёв</i>	208

<i>Александра Николаевна Ушакова</i>	208
<i>Степан Егорович Шевалдышев</i>	209
<i>Анастасия Павловна Бобкова</i>	209
<i>Николай Комарских</i>	209
<i>Елена Николаевна Максимова</i>	210
Иванова В. С. <i>Маленькая хозяйка большого дела (Валентина Решетникова)</i>	210
Иванова В. С. <i>Иная доля (рассказ)</i>	213
Иванова В. С. <i>Над ширью пашен и полей</i>	217
Иванова В. С. <i>Кулажонок, хромая ножка (рассказ для детей)</i>	219
Фотографии из архива Нагорской библиотеки	223
УТЯТСКАЯ ЦЕРКОВЬ	227
Варлаков П. В. <i>Храм</i>	227
Карсонов Б. Н. <i>Судьбы утятских священников (И. Желницкий, Д. Тутолмин)</i>	229
Карсонов Б. Н. <i>В ожидании малинового звона (церковь начала 2000-х)</i>	233
Карсонов Б. Н. <i>Водою явленная (обретение иконы Николая Угодника)</i>	237
<i>Чудесное обретение</i>	238
<i>А икона многоличная</i>	241
<i>Паломничество</i>	243
<i>Аутодафе</i>	245
<i>Храм зорили</i>	245
<i>Под покровом ночи</i>	246
<i>Погоня</i>	247
<i>Никола в затворе</i>	251
<i>Ограбление</i>	252
<i>Два Николы</i>	255
<i>Романтик Жак и крутой Утюмов</i>	257
<i>Чудотворная меняет одежды</i>	258
<i>Загадочная метаморфоза</i>	259
<i>«Никола серебряный» – из загробных писем</i>	260

<i>Сенсация: найдена риза!</i>	263
<i>Экспертиза</i>	264
СЕЛО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	271
Иванова В. С. Пусть растут берёзки (<i>рассказ к 20-летию великой Победы</i>).....	271
Иванова В. С. Ребята 1942 года.....	274
<i>Шурка</i>	274
<i>Аркаша</i>	275
<i>Васенка</i>	276
Иванова В. С. Солдат вернулся.....	276
Иванова В. С. Есть фотография в музее (<i>очерк</i>)	277
Иванова В. С. Ельнинская незабудка	281
Иванова В. С. Одолень-трава (<i>рассказ-быль</i>).....	284
Иванова В. С. Пирог с картофелем (<i>сельский этюд</i>).....	287
Иванова В. С. Дух хлебного поля	290
Ветераны войны	294
<i>Алексей Михайлович Баженов</i>	294
<i>Андрей Алексеевич Лобанов</i>	294
<i>Николай Филиппович Федоров</i>	295
<i>Степан Степанович Иванов</i>	295
<i>Александр Сергеевич Макаров</i>	296
<i>Василий Родионович Боровков</i>	296
Иванова В. С. Долг памяти (<i>о сельских учителях в годы Великой Отечественной войны вспоминает директор Утятской школы</i>).....	296
<i>Музейная реликвия</i>	296
<i>Пополнение</i>	297
<i>Песнь величальная</i>	298
<i>В то светлое утро</i>	299
Потанин В. Ф. Боря-маленький и другие... (<i>из цикла «Блокадные мальчики»: о детях, эвакуированных из Ленинграда в село Утятское</i>)	301
УТЯТСКАЯ ШКОЛА	320
Лимарь О. 120 лет (<i>история школы</i>)	320

Михайлов Ю. Из прошлого Утятской школы	324
Учителя Тихомировы. 1920-е годы (<i>по материалам Утятского музея</i>)	328
Карсонов Б. Н. Судьбы людские (<i>семья Желницких</i>)	330
<i>Перед уходом</i>	330
<i>Из писем</i>	335
Родионова Н. Мы помним всех	337
Иванова В. С. Легкой старости вам, друзья! (<i>школа в годы Великой Отечественной войны</i>).....	339
Антонова Н. Анна Григорьевна Девятова.....	340
Потанин В. Ф. Клады, которые в сердце.....	341
Потанин В. Ф. Из села Утятского	344
Из книги Олега Бунина «Светлая моя Родина»	345
Ушакова Т. Спасибо вам, учителя!.....	355
Лукашова М. Выступили утятцы.....	355
Иванова, Менщикова. На сцене – «Пашка Огонь».....	355
Прусс И. Детский журнал в Утятской школе	356
Девятова А. Г. Тимуровцы помогли	357
Иванова В. С. Молодая поросль.....	358
Иванова В. С. Из жизни сельской школы	362
<i>Пионерский звеньевой</i>	362
<i>Отцы и матери школьников</i>	363
<i>Вера Сергеевна</i>	365
Желтышев И. Е. Притоболье милое.....	368
Школа в деревне Новой.....	369
Школа в деревне Вавилкова.....	371
МЕДИЦИНА	373
Васильева А. М. История Утятской больницы (<i>1894 год</i>)	373
Врачи родом из Утятского	376
<i>Курлов Иван Николаевич</i>	376

Иванова В. С. Встреча не состоялась (документальная новелла, в центре которой два медика, два друга, родом из Утятского – Иван Курлов и Михаил Иванов)	379
Раков Владимир Яковлевич	382
Иванова Т. С. Шевердин Николай Николаевич (из личных записей).....	384
Иванова Т. С. Иванов Сергей Степанович (из личных записей)	386
Иванова В. С. Утятский аптекарь (очерк)	390
Михайлова Т. Увлечённость (утятский фельдшер Нина Афанасьевна Сикачева).....	392
Матросов Н. В бору под Утяткой (детский психоневрологический санаторий)	393
Забота о детях (детский сад, ясли в Утятском)	396
УТЯТСКИЙ СЕЛЬСКИЙ КЛУБ.....	398
Девятова А. Г. Слёт мальчишек	398
Трифонов А. Каждый четверг.....	399
Ушакова Т. На сельской сцене.....	399
Ловыгина Г. Интересный диспут.....	400
Веселов В. «Представление» в коридоре	400
Ушаков В. Вскрыть в 1974 году	401
Колташов В. Как мы работаем	401
УТЯТСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ	403
Лимарь О. Краеведческий уголок-музей.....	403
Тараданкин К. Музей в Утятском	406
Герасимова Т. Клады села Утятского (о красоте человеческой).....	409
Смирнов В. Музей села Утятского.....	414
Софронов Л. Не по должности, а по душе	415
Воспитатели нового поколения	419
Иванова В. С. Будь ясной, память... (Иван Вавилов)	419
ПРИРОДА	422
Иванова В. С. Край родной.....	422
Акулинкино озеро.....	422

<i>Плакучие берёзы</i>	422
<i>Родничок</i>	423
<i>Зеленинская лука</i>	423
Иванова В. С. И к ним прилетят соловьи.....	424
<i>Черёмуха</i>	424
<i>Лилии и ландыши</i>	424
<i>Калина</i>	425
<i>Ирисы</i>	425
<i>Берёзонька белая</i>	425
Иванова В. С. Природа и люди	426
<i>Чья голубая полянка?</i>	426
<i>Не хватает берёзки!</i>	426
Иванова В. С. Так дозаривается вишня.....	427
Плющев В. А. Потоп. Год 1914	428
Яковлев Г. Тобол разыгрался. 1947 год	429
Иванова В. С. Зимний Тобол.....	434
Иванова В. С. Три речки-невелички.....	434
Иванова В. С. Быструшка и Серебрянка	436
Иванова В. С. Утоление жажды	437
1. <i>Зеленеют луга</i>	437
2. <i>Акулинкина слеза</i>	438
Бунин О. Акулинкино	439
Иванова В. С. Ода сосновой роще	441
Иванова В. С. «Обыкновенная»	443
Иванова Т. С. Одинокая сосна	444
Иванова В. С. Баллада о черемуховом саде.....	448
Иванова В. С. Завьялов сад.....	451
УТЯТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИ, ОБЫЧАИ...	453
Иванова В. С. Бокогревы перевёрты (<i>февраль</i>).....	453
Иванова В. С. Солнце в лето катится (<i>Масленица</i>).....	455
Иванова В. С. Талая вода, шалая вода (<i>апрель</i>).....	457

Иванова В. С. Звёзды над нами (<i>Кичиги</i>)	459
Иванова В. С. Акулинкин венок (<i>трагическая история Акулины</i>).....	462
Иванова В. С. Утичьи озерки	465
Иванова В. С. Озеро Белое	466
Иванова В. С. Путешествие за околицу (<i>сказка-бывальщина для детей</i>)..	468
Иванова В. С. Бугор Бабай (<i>бывальщина</i>).....	471
Иванова В. С. Запах детства (<i>новелла</i>)	473
Иванова В. С. Гривастый	475
Иванова В. С. Михеев грех	475
Иванова В. С. Эти длинные вечера... (<i>гадание</i>).....	479
Иванова В. С. Развилка в поле	481
Иванова В. С. Легенды и были Завьяловского черемухового сада	482
Иванова В. С. Последние колдуны	483
ДЕРЕВЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР	485
Иванова В. С. Песнопевцы	485
Иванова В. С. Наши колыбельные.....	488
Иванова В. С. Притобольные страдания	491
Иванова В. С. После свадьбы.....	495
Иванова В. С. На склоне дня	498
Иванова В. С. На брёвнышках	500
Иванова В. С. Грановитое кольцо.....	503
Иванова В. С. Притобольные новеллы.....	506
<i>Ветла-вещунья</i>	506
<i>Прялка-прялица</i>	507
Иванова В. С. Семик – берёзкины именины.....	508
Иванова В. С. Чем богаты, тем и рады	510
ЖИЛИ-БЫЛИ В СЕЛЕ УТЯТСКОМ... ..	512
Иванова В. С. Иван Фролович.....	512
Иванова В. С. Миней Иванов. Минеев переулоч	513
Мика.....	515
Иванова В. С. Добродея Алексеевна	518

Митя Иванов (<i>Менщиково</i>).....	519
Иванова В. С. Тёщица	520
Иванова Т. С. Марина Фирсоновна (<i>из личных записей</i>)	521
Иванов В. Д. Макар Бубнов	523
Иванов В. Д. Иван Аника (<i>об Иване Лебедеве</i>)	524
Иванов В. Д. Бабушка и Макрида Китовна.....	527
Иванов В. Д. Силя (<i>о Викторе Потанине</i>).....	528
Иванов В. Д. Мига.....	530
Иванов В. Д. Жабрей (<i>о Петре Луканине</i>)	531
Потанин В. Пётр Луканин.....	532
Андреев Константин Сергеевич	534
Андреев К. Память и время	534
Александр Новиков.....	536
Новиков А. Не жить без оглядки.....	536
Иванов Степан Степанович.....	539
Долгих В. Горит в нём искорка.....	540
Иванова В. С. Добрые мои соседи	544
<i>Молодожёны</i>	544
<i>Поздняя любовь</i>	545
<i>Большая семья</i>	546
ПРОГУЛКИ С ФОТОАПАРАТОМ.....	547
Утятка	547
Новая деревня	555
Деревня Вавилкова.....	559
Заборка	563
По дороге из Утятки в Нагорку	566

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошлое имеет над душой человека особенную силу, память помогает преодолеть время и не оставляет человека равнодушным.

Селу Утятскому повезло, что жила там Варвара Степановна Иванова, которая смогла запечатлеть в своих очерках и рассказах дела давно минувших дней.

Настоящая книга большей частью состоит из ее публикаций, которые я постаралась разделить по темам. В личном архиве В. С. Ивановой сохранились газетные вырезки, но, к сожалению, источник некоторых публикаций найти не удалось.

Не менее интересен материал об Утятском и других авторов – известных в нашем крае историков Бориса Карсонова, Владимира

Плющева, Александры Васильевой.

Воспоминания начальника милиции Глядянского района И. П. Сартакова содержат ценный фактический материал о кулацком мятеже 1921 года.

С особой любовью я выделила в отдельную главу легенды, были и другой деревенский фольклор села Утятского. Это не только память о старине: легенды передаются из уст в уста и тем самым связывают разные поколения.

Уезжали из родной деревни многие. И, если душа начинала болеть, возвращались или не возвращались, но любили свою Утятку всегда.

Обращение к прошлому – это понимание своих корней, это ощущение себя в истории. Мы становимся богаче, когда обретаем прошлое. Любовь к Родине дает смысл жизни. А хранить память о других – это оставлять добрую память и о себе.

Т. С. Иванова. 2023 год.

ПРОШЛОЕ СЕЛА УТЯТСКОГО

В. Ф. Илюшин. «Форпост Утятский», масло, 1953 г.

Русские на Тоболе в XVII веке

Необъятные просторы Сибири всегда привлекали внимание русского человека. Уже в XV веке в русских летописях начинает попадаться название «Сибирская земля» с рассказами о тамошних жителях в фантастических формах. Во второй половине XV века начинаются походы в Северное Зауралье по приказу московских государей. Но подлинное заселение и освоение Сибири начинается после похода Ермака в 1581–1595 гг. Легко было завоевать Сибирь, труднее было удержать её за собой. Русское правительство стремилось как можно быстрее основать в Зауралье побольше городов и слобод, главным образом вблизи рек, которые были связующими путями.

Захватив реки в свои руки и свободно плавая по ним на стругах, русские проникали всё дальше и дальше вглубь Сибири, распростра-

няя своё влияние с северо-запада на юго-восток. Так пришли русские на среднее течение Тобола, где сейчас раскинулась Курганская область. Поднимаясь вверх по Тоболу и его притокам, которые в XVII веке были гораздо полноводнее, землепроходцы выбирали места, наиболее удобные для заселения. Крестьяне-переселенцы успешно осваивали плодородные земли, вырубали леса, прокладывали дороги, разводили на обширных пастбищах скот. Но соседство с кочевниками приносило много неприятностей, нужны были опорные пункты, слободы, в которых можно было бы содержать гарнизон солдат, в любой момент способный выступить на защиту крестьян. Первым русским поселенцам приходилось свои поселения превращать в небольшие крепости, обнесенные валом, рвом, частоколом, которые не всегда спасали от набегов степняков. Уходя в поле, землепашец надевал кольчугу, всегда имел при себе оружие. По словам сибирского историка Н. Абрамова, русские крестьяне часто становились лёгкой добычей кочевников, потому что в поле уходили пахать поодиночке или небольшими группами. А дальнзоркие степняки, увидев человека, набегали и за несколько метров набрасывали ему на шею аркан. Затем пришпоривали коня и стремглав мчались прочь, а бедный пленник вынужден был бежать со скоростью лошади, либо падал на землю и волочился на аркане, пока не задыхался в этой петле. К женщинам относились более снисходительно. Их усаживали на лошадь позади себя и связывали им ноги под брюхом коня, чтобы они не свалились, нечаянно или специально. Пленники становились рабами, а чтобы они не могли убежать, им надрезали пятки и засыпали раны изрубленным конским волосом. После заживления пятки становились колкими и болезненными, и даже на короткие расстояния было трудно передвигаться.

В 1671 году Утяцкую, или Утятскую, слободу основали Игнатий Репин и Антон Менщиков. Но вскоре она была разорена и сожжена дотла кучумовыми царевичами. Игнатий Репин погиб, но остался в живых его сын Тимофей, который в 1680 г. получил разрешение наново строить Утяцкую слободу, во владения которой были отведены земли по обеим сторонам Тобола, на левом берегу на 35 вёрст, на

правом – на 25 вёрст. Там тоже было укрепление – «город лежащий в столбах, с надолбами и рогатками».

Едва успели поселиться русские в Утятской слободе, как она сделалась предметом нападений кочевников. Из документов известно, что кроме частых мелких нападений Утятская слобода пережила три страшных набега. Самый ужасный был в 1691 году. Жители были убеждены, что набег сделан был киргизами, людьми Тевки-хана. Налётчики выжгли дворы, приказчика и многих крестьян изрубили до смерти, многих взяли в плен. Набеги продолжались и в последующие годы. В апреле 1694 г. тобольский воевода Андрей Федорович Нарышкин отправил к Тевки-хану двух казаков в качестве послов. Те потребовали, чтобы хан учинил розыск тех людей, что грабили наши слободы, в т. ч. и Утятскую, и подверг их наказанию. Но Тевки-хан ответил, что на Тобол ходят не они, а каракалпаки. Тем дело и кончилось.

Следующие два больших набега были в 1701 и 1707 гг., когда на помощь Утятской слободе шли отряды из Царева Городища, сюда были направлены роты шадринская, мехонская, суерская и другие. Каждое лето в самой Утятской слободе стояли значительные отряды драгун в ожидании нападения степняков. А зимой отправлялись в свои постоянные гарнизоны потому, что глубокие снега не позволяли вражеской коннице ходить на далёкие расстояния и жители тобольских слобод могли вздохнуть свободно.

Таким образом, в XVII веке мы видим на Тоболе ряд крепостей, из которых только Царево Городище превратилось в город Курган, остальные же сделались крупными селами.

Васильева А. М. Времена минувшие. – Курган, 2013.

Слобода Утяцкая и «кучумовы царевичи»

Середина XVII века для среднего Притоболья явилась началом заселения русскими «охочими людьми». Одним из первых селений была слобода Утяцкая. Основателями ее считаются слободчик Угецкой слободы Игнатий Репин и пашенный крестьянин Антон Менщиков, выходцы из Новгородской земли.

Место для поселения облюбовали – лучшего желать не надо: левый берег Тобола с пойменными землями, с многочисленными озерами, с вековым сосновым лесом. Все нужное для жизни под руками, а ниже по Тоболу, в сорока верстах, закладывалась тоже русская слобода Царево Городище, надежный сосед.

Своему селению первопроходцы дали название – Утяцкая, возможно потому, что возле водоемов водилось много уток, гусей, которых можно брать просто руками, а может, что в звучании названий Угецкая – Утятская много сходства. Основатели слободы имели письменное дозволение на владение землей вверх по правому берегу Тобола на двадцать пять верст, по левому – на тридцать пять.

**Общий вид села Утятского из-за реки Тобол.
Фотография А. Кочешева, 1895 г.**

Население слободы быстро росло: всяким «охочим людям», в том числе и раскольникам, отказа не было. Люди рубили для себя избы, для скота находили уголья, пахали землю, сеяли рожь, ярицу

(пшеницу). Одна беда: нет покоя от разбоя так называемых «кучумовых царевичей».

«Кучум – презренный царь Сибири», разбитый наголову русскими казаками, бежавший в азиатские степи и промышлявший там грабежом, давно был убит, а его внуки-правнуки все еще именовали себя «царевичами», промышляя тоже разбоем и грабежом. Шайки разбойников много раз нападали на вновь возникшую Утяцкую слободу. За первые годы ее существования угнали более тысячи голов скота. Особенно свирепым было нападение весной 1671 года. Разбойники в прах разорили слободу, убили многих людей, увели в полон парня Ивана Бакланова, пастушонка Кирьку, девку Евланку. Убит был и вожак слободы Игнатий Репин.

Сын Игнатия Репина Тимошка вместе с Антоном Менщиковым вступили в ходатайство перед правительством о дозволении построить для защиты от набегов кочевников крепость-острог. Дозволение было получено, и в 1680 году начали строительство крепости. Вот что хранится в письменных источниках о той крепости:

«Утяцкая слобода, кругом той слободы город, лежащий в столбах, тако ж надолбы, рогатчи и ров, и при том городе четверы ворота проезжие, на которых имеются караульные каланчи» (*«Список населенных мест Тобольской губернии», С.-Петербург, 1871 г.*)

Так слобода Утяцкая стала надежным форпостом для дальнейшего освоения русскими диких пустынных мест среднего Притоболья. Форпост Утяцкий содержал специальный военный отряд, скомплектованный из беломестных казаков, являвшийся грозой для разбойных орд.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 132 (9 июня). – С. 4.

«Киргизушкины дети»

...Баю-баю, мое дитяtko.

Ты по тятеньке – татареночек,

Ты по мамоньке – полоненочек,

Ты по бабушке – дитя русское!

Из песни далекого времени

Поп Евмен ходил на рыбалку, а вместо рыбы принес домой ребенка – девчоночку лет трех. «Нашел ее, – рассказывал, – под ракитовым кустом, вконец обессиленную»...

– Грей воду, – велел он попадье. – Вымыть надо дитя человеческое, молочком напоить да и спать уложить. Дитя-то ровно не русского отрывку...

Тут же в деревянном корыте поп девчоночку окрестил и имя ей нарек – Анна. В кою пору все у него поспело, сам поп дак...

Поп с попадьей были бездетны и люди, видно, добрые, стали держать девчоночку заместо дочери. Растет Анюшка – попадье помощница, соседским девчонкам подружка. Кто-нибудь из подружек иногда к имени девчоночки и добавит: «киргизушка». Девчоночка в слезы, побежит матери жаловаться, а мать ее успокаивает: «Ты наша дитя, не верь никому, это они от зависти, вот я ужо доберусь до обидчиков»...

Выросла Анюшка собой стройная, лицом белая, щечки – два лепесточка, только глазки узковаты – щелочки и как угли черные, с тлеющими огоньками да волосы иссиня-черные и жесткие. Пришло время, жених для Анюшки нашелся Егорко, сын Петра Афонасьева. Свадьбу сыграли по всем правилам того времени, приданое за Анюшкой дано было доброе...

И народила Анюшка детей: четыре сына и три дочери. Сыновья-то – молодец к молодцу, русоволосые, голубоглазые, в отца пошли. Только младший Пантюшка в мать удался, такой же черноволосый и узкоглазый. Добавились в слободе Утяцкой четыре мужика-пахаря с фамилией Афонасьевы, с прозвищем «киргизушкины». Да так и шло то прозвище по жизни не одно поколение и докатилось до наших

дней. Ничего не поделаешь, глянется – не глянется: на каждый роток не накинешь платок.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 132 (9 июня). – С. 4.

Баклановы нашей деревни

Баклановы – одна из коренных фамилий в нашей деревне. Разрослась ветвь Баклановых. Семьи Виктора Михайловича, или Сергея Григорьевича, или Владимира Ивановича, или Анны Григорьевны, или Николая Михайловича – люди настоящие, работающие. А корень Баклановых ушел глубоко в старину. Вот что известно о далеком прошлом Баклановых:

Подщетенный Иван

Рассказ о Иване Подщетенном хранится в памяти и переходит из поколения в поколение. Передаю его теми словами, как он сказывается:

– Парнишком тринадцатилетним Иванко Бакланов был насильно увезен в монгольскую орду на реку Амударью. Там Иванко парнем стал. Там его женили, да не одну жену дали, а две, от третьей еле отказался. Шибко тосковал Иван по родному краю, ничего не мило было, и все смышлял, как бы убежать из орды...

Чтобы не убежал Иван, решили в орде его подщетенить. Срезали с пяток кожу, да на кровотокающую рану насыпали мелко нарезанного конского волоса – щетины. Потом кожу на пятках поставили на свое место и пришили. Долго маялся Иван, а когда зашили пятки, ступить на ноги невозможно. Учился ходить на щиколотках, корячился. На таких ногах далеко не убежишь!

И все же Иван убежал. На лошади верхом. Да еще жену любимую захватил с собой. Улькой жену звали.

Пугачевский агитатор

Вот какое письмо хранится в государственном архиве об одном из Баклановых.

«ПИСЬМО

Тобольского губернатора Чичерина к Тобольскому же епископу Варлааму от 22 февраля 1774 года.

Преосвещеннейший Варлаам, епископ Тобольский, мой милостивый патрон.

Сейчас прислан ко мне из Тары бродяга Ялуторовского дистрикта бунтующей Утяцкой слободы крестьянин Федор Бакланов, который пойман в разглашении и возмущении жителей в злодейскую толпу, не имеющий никакого вида, а единственно проходил все места с данной ему от Тобольской духовной консистории книгою для сбора на строение церковное.

Итого Вашего преосвященства сим покорнейше прошу, в рассуждении нынешних обстоятельств, для пресечения свободного проходу бродягам, духовной консистории дать о таковых запрещение.

Впрочем, прося Вашего архиепископского благословения...

Денис Чичерин».

Я бы была несправедливой, если бы не добавила от себя то, что мне известно еще о Баклановых, чему была сама свидетельницей.

В 1920 году Филипп Бакланов был в нашей деревне одним из организаторов партийной ячейки, а его дядя – Иван Бакланов – организатором первой коммуны.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 121 (26 мая). – С. 4.

Слобода Утятская в конце XVII и в первой половине XVIII века (страницы из истории киргизских набегов)

Из представленного краткого очерка киргизских набегов на южную часть Тобольской губернии в XVII и XVIII веках можно видеть, в какие условия были поставлены находившиеся там в то время слободы и деревни, с каким трудом доставалась оседлая жизнь нашим русским людям в соседстве с «воровскими людьми». Неудивительно поэтому, что столь плодородные уезды заселялись очень медленно. В ряду первых селений Курганского уезда была слобода Утятская.

Время основания этой слободы с точностью неизвестно. Но несомненно, что она основана была в царствование Федора Алексеевича и едва ли позже 1680 года. Документально известно, что в 1682 г. слобода Утятская уже существовала и даже пользовалась большой известностью. Без непосредственного разрешения со сторо-

ны самого государя в то время строить новые слободы в Сибири было нельзя. Возникшая по царскому указу около 1680 года слобода Утятская была заселена «пашенными и оброчными крестьянами и служилыми и беломестными казаками из вольных охочих людей». Для защиты от нападения «воинских людей» слобода была обнесена «острогом», т. е. оградой, состоявшей из отвесно вкопанных и сверху заостренных кольев высотой от 2-х до 3-х сажень. Этот Утятский острог был одним из первых в XVII веке на юге губернии.

Для управления Утятской слободой тюменские воеводы назначили приказчиков, которые были ближайшими начальниками «слободчиков». В начале XVIII века из Утятских приказчиков упоминается некто Василий Шерстов. Приказчикам принадлежала судебная власть над крестьянами и казаками в делах гражданских, с правом наложения штрафа не свыше, однако, 10 рублей. На обязанностях приказчиков лежал также сбор всяких пошлин с торговых людей в пользу государевой казны. Приказчики обязывались предохранять остроги и слободы от возможных пожаров, особенно летом. С этой целью они должны были строго следить за тем, чтобы печи летом топились лишь в определенные дни и притом рано утром. В остальные дни пища готовилась бы «на простых местах за острогом». Бани, запечатанные на летнее время, не топились «по все лето». На случай пожара на избах была вода в кадках. Нарушителей этих порядков приказчики были уполномочены «бить батоги и давать на поруки».

Сверх приказчиков в слободе были старосты, целовальники и десятники, выбиравшиеся самими крестьянами. Они обязывались смотреть за крестьянами «беречь накрепко от всякого воровства и побегу унимать». О замеченных в проступках крестьянах они должны были доносить приказчику.

Едва успели поселиться русские в Утятской слободе, как она сделалась предметом нападений и разгрома со стороны хищных шаек киргизов. Нападения были довольно часто, так как в конце XVII века в пределах нынешнего Курганского уезда было всего только две слободы – Утятская и Царево Городище. Документально известно лишь три набега на Утятскую слободу.

Первый из известных набегов и вместе с тем самый ужасный был в 1691 году. Впрочем, трудно сказать с определенностью, кто сделал набег в этот год, киргизы ли, или другие среднеазиатские ино-родцы. Русские, однако, были убеждены, что набег был сделан киргизами, «людьми Тевки-хана». Стольник и воевода Тобольский Андрей Федорович Нарышкин нашел нужным отправить в апреле месяце 1694 г. к Тевки-хану двух казаков в качестве послов с требованием, чтобы хан «тем вора́м», что учинили грабежи и набеги «по розыску, указ учинил». Но Тевки-хан, послушав речь казаков, ответил им, что в 1691 году в слободы приходили войною каракалпаки, а не его орды татаре. Тем дело и кончилось.

Следующий набег был в 1701 г., когда для защиты русских крестьян уже существовал сформированный Петром Великим драгунский полк, полковник которого имел местожительство в Исетском остроге. Когда распространились слухи о приближении к русской границе киргизов, ближайший боярин и воевода князь Михайло Яковлевич Черкасский распорядился, чтобы драгунский полковник принял меры к отражению неприятелей. Полковник Давид Яковлевич Мейн, полголова [т. е. помощник] Степан Текутьев собрались в Исетском остроге с капитанами исетской роты Иваном Алексеевым и мехонской роты Карпом Толстовым. Они взяли из Исетского острога боевые припасы (пушки, порох, ядра). 13 июня пришли в слободу Царево-Городище. Отсюда через неделю, 20 июня, послали капитана Ивана Алексеева да с ним 100 человек драгун в Утятскую слободу.

С этого дня почти до конца сентября производились в слободе Утятской еженедельные смены капитанов и драгун. Так 27 июня «на перемену» к прежде посланному послали в слободу Утятскую шадринской роты капитана Степана Ранчковского да с ним драгун 100 человек. Их сменил 6 июля мехонской роты капитан Карп Поставалов. 12 июля – суерский капитан Андрей Куртуков. 19 июля – колчеданской роты капитан Василий Лосев. 27 июля на смену прибыл арамильской роты капитан Иван Буткеев и 100 человек драгун. Вот во время дежурства капитана Буткеева и сделан был киргизами набег на Утятскую слободу. Впрочем, этот второй набег не сопровождался те-

ми ужасными зверствами, какими отличалось первое нападение на слободу. Набег произошел 29 июля «в обед», т. е. около полудня. Об этом экстренно было донесено в Царево Городище полковнику Мейну.

Вот как изображается этот набег в «отписках» должностных лиц. Утром 29 июля двое драгун колчеданской роты, из которых одного звали Якимкой Кисельниковым, отправились из слободы Утятской «за поскотину по траву для конского корму». Около полудня напали на них «воровские воинские люди». Якимку Кисельникова взяли в плен, а другой человек от поимки убежал. Кроме того, киргизы «убили до смерти» шедшую в Утятскую слободу жену крестьянина Бориса Меньшикова. После этого киргизы подступили к самой слободе и «осадили» её. После боя киргизы отступили в степь. Следом за ними помчались человек 30 драгун на конях. Гнались за неприятельской шайкой три версты. Но догнать не могли.

Полковник Мейн и полуголова Текутьев, получив письмо приказчика Шерстова, немедленно отправились из Царева Городища в слободу Утятскую, взяв с собою драгун. На дороге они встретили драгуна Софонку Тимофеевича, он вез «отписку» капитана Буткеева. Вечером того же 29 июля Мейн и Текутьев с драгунами были уже в слободе Утятской. Переправились за Тобол и утром следующего дня (30 июля) отправились в погоню за киргизами. Это преследование продолжалось несколько дней и было безуспешным. Возвратился Мейн со своими драгунами в Утятскую слободу лишь 3 августа. Отсюда они отправились в Царево Городище, куда и прибыли 5 августа. После этого (второго набега) киргизов на слободу Утятскую, смены капитанов и драгун производились еженедельно до 25 сентября. А затем в слободу Утятскую был назначен шадринской роты сержант Митька Мартынов, за ним драгун 50 человек. Известно, что в 1707 г. был даже в Утятской слободе подполковник Федот Матигоров с несколькими ротами драгун. Возможно, был в слободе выдающийся набег киргизов, сведения о котором до нас не дошли.

Известный же третий набег киргизов на Утятскую слободу был 5 сентября 1707 года. В этот раз киргизы самой слободы не косну-

лись. Обстоятельства этого набега были таковы. В начале сентября 1707 года крестьяне Утятской слободы Трофим Репин и Мокий Завьялов по приказу приказчика Василия Шерстова отправились из своей слободы на речку Алабугу «для сенной поставки и горного промыслу». Утром 5 сентября вышли на них и взяли их воровские люди. Трофима и Мокия били плетьюми, тыкали саблями и велели вести к слободе. Пленники согласились в надежде, что их спасут драгуны, стоявшие в слободе. Но надежда их не оправдалась. Близ слободы Утятской воинские люди взяли в плен крестьян, еще 23 человека. Но узнав, что в слободе стоят государевы ратные люди, воровские люди убежали в степь.

Вероятно, услышав шум и крики во время нападения киргизов на крестьян, бывший за Тоболом подполковник Матигоров, собрав драгун двух рот, решился пуститься в погоню за неприятелями. Погоня увенчалась успехом. 7 сентября в степи за солеными озерами, внизу Ишима-реки настигли воровских воинских людей. Зная, что русских драгунов не одолеть, киргизы старались излить свою ярость на русских пленниках: «ножами резали их и копьями кололи». Четырех человек – Ульяну Кабанову, Матвея Кабанова, Настасью Завьялову и Аксиною Филиппову – «убили до смерти» да 10 человек ранили. При приближении драгунов воровские воинские люди коней покидали, запасы бросили и побежали в степь.

Конечно и после этого, третьего из известных набегов, кочевники не перестали тревожить жителей Утятской слободы. Лучшей защитой в то время, конечно, могла быть только стена вокруг всей слободы. И такая стена в первой половине XVIII века при Утятской слободе действительно была, что можно видеть из сведений, представленных Ялуторовской управительской канцелярией генералу Киндерману при рапорте от 14 апреля 1749 г.

Очевидно, что Утятская слобода в XVIII веке представляла собою крепость и притом довольно сильную для кочевников того времени. С наружной стороны слобода была окружена рвом и обнесена «городом, лежащим в столбах», т. е. стеною, сделанною из бревен, положенных горизонтально между столбами. Для сообщения с полем в

степи имелось четверо проезжих ворот, над которыми для наблюдения за неприятельскими шайками были устроены каланчи. Кроме того, в качестве укреплений близ слободы были наставлены ряды рогаток и надолбы. Рогатки устраивались очень просто: брались два кола и, соединенные друг с другом крестообразно, наподобие буквы «Х», вбивались в землю. Надолбы же представляли собою столбы из толстых бревен, поставленных тесно один возле другого и составлявших сплошную стену. Надолб было два ряда, ряды эти соединялись между собою поперечными связями из бревен наверху и имели вид извилистых коридоров. Ряды рогаток и надолбов служили преимущественно для задержания натисков со стороны более или менее значительного отряда киргизских всадников.

Известия о числе жителей Утятской слободы не восходят далее 1749 года. По сведениям Ялуторовской управительской канцелярии, в слободе Утятской около 1749 года было 39 дворов, а людей мужского пола от 16 до 50 лет было 123. Следовательно, чтобы определить, хотя приблизительно полное количество жителей Утятской слободы обоего пола и всех возрастов во второй четверти XVIII столетия, нужно число 123, по меньшей мере, увеличить в два с половиной раза. Из сохранившихся от конца XVII и начала XVIII века документов мы узнаем и фамилии некоторых крестьянских семейств, живших тогда в слободе Утятской. Так например, крестьяне: Иноземцевы, Меньшиковы, Завьяловы, Репины, Кабановы, Филипповы, Цыренщиковы. В 1707 г. Дмитрий Цыренщиков был «крестьянским старостой» Утятской слободы.

Юрьевский А. И. Тобольские епархиальные ведомости. 1900.

Фамилии старожилов

Охохонины. Ведут свой род от Никифора Охохонина, который родился около 1645 года. Трое его сыновей, Павел, Фёдор и Давид, родились в Чубаровской слободе. В 1680 году жили «во крестьянах» на речке Шаве в деревне Шадриной. У старшего из братьев, Павла, был сын Лука. Павел владел мутовчатой мельницей на речке Шаве. В конце семнадцатого века на левом берегу Тобола ими была основана

деревня Охохонина. В 1710 году все Охохонины жили в деревне Барабинской (впоследствии ставшей селом Успенским).

Предеины. В 1637 году крестьянин Исаак Васильевич Предеин поселился в Киргинской слободе. Родился он в Важском уезде Ростовской волости. Вскоре на речке Кирге появляется деревня Предеина. В 1680 году у Исаака было шестеро сыновей. Одного из них звали Никон. Вместе с племянником Кузьмой Афанасьевичем Предеиным и его детьми Василием, Андреем и Савой Предеиными он стал одним из первых поселщиков Утятской слободы.

Репины. Происходят от Игнатия Репина, под его руководством у реки Пышмы была построена Угецкая слобода. Его дети Артемий и Тимофей родились в Нижней Ницынской слободе. В 1680 году были беломестными казаками в Угецкой слободе. В 1692 году Тимофей Игнатьевич Репин стал слободчиком в Утяцкой слободе. Утяцкие Репины являются его родственниками.

Серковы. Предком этой фамилии был Лука, родившийся около 1620 года. Известны его сыновья: Григорий, Гаврила, Харитон и Евтихей. Все они родились в Киргинской слободе и жили в деревне Серковой на речке Иленке. Старший сын Григорий родился около 1640 года в 1680 имел мельницу. Его дети, Ерофей и Алексей, в конце XVII века переселились в Утяцкую слободу. В 1702 году Алексей Григорьевич сделал вклад по родителям в Далматовский монастырь. В конце XVII века на Лебяжьем истоке, возле Беянина острова, появляется деревня Серкова. Просуществовав несколько лет, она исчезает. Впоследствии в первой половине XVIII века в Утяцкой слободе Серковыми было основано ещё две деревни.

Новгородовы. В переписных книгах 1621 года говорится, что на реке Мугае в 79 верстах от города Верхотурья у пашенных крестьян братьев Петра и Ивана Новгородовых была заимка. Петрушка Новгородец торговал хлебом «на двадцать рублей в год». «Пашню пахать и сено косить» братья начали с 1618 года. В переписи 1640 года в Новой Ирбицкой слободе Гришка Петров Новгородов был в пашенных крестьянах. В 1666 году среди ирбицких оброчных крестьян значится Алёшка Григорьев Новгородов, «а у него сын Карпушка десяти лет да

брат Офонка двадцати лет». Вскоре Новгородовы переселяются в Утяцкую слободу.

Меншиковы. Меншик – младший (сын или брат) в семье. Фамилия является самой распространённой в Курганской области. В конце XVII века в Утяцкой слободе жили два рода Меншиковых. Оба рода переселились из деревни Меншиковой (на реке Вязовке), относящейся к Чубаровской слободе. Пять сыновей слободчика Антона Ивановича основали деревню Меншикову на реке Юргамыш. Дети Фёдора Яковлевича Меншикова жили в самой слободе.

Шмаковы. Происходят от Никиты Шмака, «казанского переведенца». В 1624 году он и двое сыновей, Сидор и Анцифер, жили в Невьянской слободе, в деревне на Ключе (Ключевской). В 1645 году крестьянин деревни Ключевской Евсений Сидоров присягает новому царю Алексею Михайловичу. У его сына Савелия Евсеньевича Шмакова было шестеро сыновей. Они стали одними из самых первых поселщиков Утяцкой слободы. Вскоре на месте заимки Шмаковых на речке Юргамыш возникает деревня с одноименным названием.

Завьяловы. Фамилия образована от древнерусского неканонического имени Завьялко (в народной этимологии – вялый человек). Ведут происхождение от Логина Павловича Завьялова, крестьянина Киргинской слободы, жившего в деревне Завьяловой на реке Юрмыче. Сейчас – село Завьяловское Талицкого района Свердловской области. В конце семнадцатого века сыном Логина Гаврилой была основана деревня Завьялова. Из-за частых нападений кочевников было принято решение деревню оставить, а жителей перевести в Утяцкую слободу. После на протоке Быстрой они основали деревню Завьялову.

Галишевы. Род происходил от Михаила Максимовича Галишева, крестьянина Киргинской слободы. В Утяцкой слободе Михаил Максимович основывает деревню Галишеву (Галищеву). В двадцатых годах XVIII века род Галишевых по мужской линии прерывается.

Павел Варлаков

// Курган и курганцы. – 2007. – 1 февраля. – С. 7.

Раскольники

Согласно документам РГАДА считается, что первоначально поселение было вблизи речки Утяк и основателем был Федор Иноземцев. Но вследствие неоднократного разорения кочевниками в 1680 году слобода Утятская была отстроена на новом месте – на левом берегу Тобола. Федор Иноземцев, он же слободчик, со старцем Авраамием заводят в Утятской слободе раскольническую пустынь. Вскоре слобода становится одним из центров старообрядческого движения в Притоболье, куда начинают стекаться раскольники.

1682 год, 27 апреля. Умирает царь Федор Алексеевич. На русском престоле воцаряются Петр и Иоанн Алексеевичи. Слободчик Иноземцев со старцем Авраамием заводят в Утяцкой слободе раскольническую пустынь. Вскоре слобода становится центром старообрядческого движения. Сюда начинают стекаться раскольники. Они отказываются присягать в верности престолу. Тобольский воевода Голицин требует от них объяснений. В особой сказке раскольники излагают причины произошедшего, добавляя ко всему, что «и впредь они Великим государям креста целовать не хотят». Для переговоров из Далматовского монастыря приезжает игумен Исакий и пытается вразумить раскольников, но те отказываются с ним разговаривать. Заговорщики во главе с Фёдором Иноземцевым «обводят дороги мимо Царёва Городища», по которым в Утяцкую слободу собираются старцы и приверженцы старой веры вместе с женами и детьми. Ситуация

принимает политический характер. Воевода велит приказчикам по всем дорогам поставить заставы и никаких людей в Утяцкую слободу и обратно не пропускать, а в случае поимки задерживать и присылать в Верхотурье или Тюмень. Для подавления выступления раскольников правительство посылает крупный отряд «тюменских служивых людей, литвы и конных казаков» численностью 150 человек во главе с Петром Титовым сыном Текутьевым.

Декабрь 1682 года. Карательные отряды окружают Утяцкую слободу со всех сторон, но попытка взять бунтовщиков штурмом оканчивается массовым **самосожжением** (гарью) старообрядцев. В ходе операции были пойманы семь старцев, которых отправили в Тобольск. Там они были расстрижены, подверглись пыткам и вскоре «померли».

На картографических чертежах С. У. Ремезова на правом берегу Тобола против места нахождения Утяцкой слободы отмечено урочище «Погорелка».

Предположительно на этом месте состоялось самосожжение.

Павел Варлаков

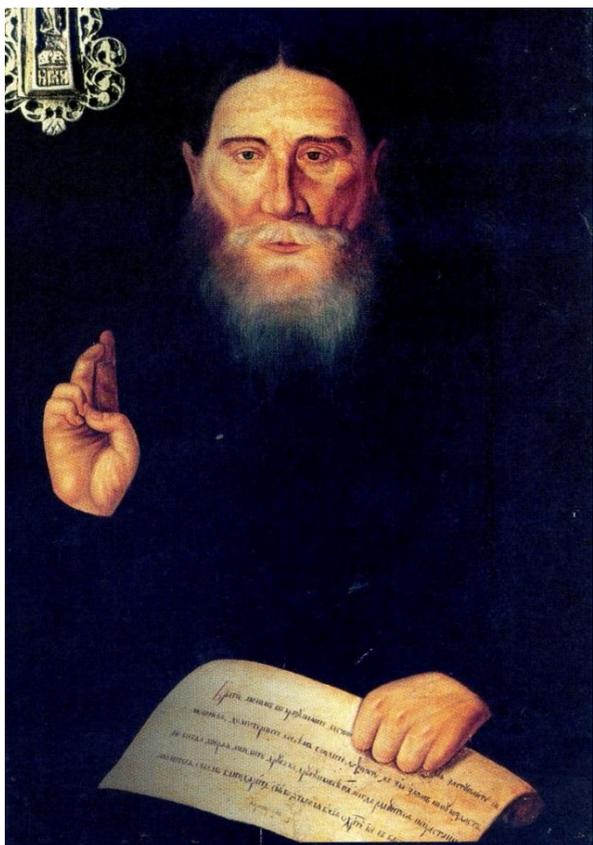
// Курган и курганцы. – 2007. – 1 февраля. – С. 7.

Во власти «двоерогого зверя»

И начаша оба, патриарх и царь,
казнити в Руси христианскую веру.

Протопоп Аввакум

Староверческое движение в конце XVII века приобретало в стране все более широкий размах. По мере превращения церкви в послушный инструмент государственной политики ужесточались репрессии органов светской власти по отношению к врагам официального православия. В этих условиях еще больше возрастал авторитет идеологов «древлего благочестия». Их неустанная проповедь «ис-

**Портрет старообрядца Ястребова.
1840-е гг. Неизвестный художник**

тинной дониконовской веры» ассоциировалась с утраченными идеалами правды и справедливости и находила, поэтому сочувственный отклик в народе.

События в Утятской слободе приняли форму открытого протеста против «антихристовой» царской власти. Именно тогда Авраамий вместе с Федором Иноземцевым написали «сказку» о том, почему собравшиеся отказываются «целовать крест» новым царям Ивану и Петру. В декабре 1682 года в Утятскую слободу были посланы войска. В ответ большая часть старообрядцев приготовилась к самосожжению.

По некоторым сведениям, сгорело тогда 400 человек. Старцы Авраамий и «Иванище» сумели скрыться...

Шашков А.

// Родина. – 2001. – № 11. – С. 124–126.

Селу Утятскому – три века

1. «Наглядеться не могу!»

На северной границе Притобольного района, в сорока километрах южнее Кургана стоит на берегу Тобола старинное село Утятское. Нынче ему исполняется 300 лет. Несмотря на столь почтенный возраст, село выглядит молодым и красивым – в этом легко убедиться, если посмотреть на него с другого яра, что возвышается на противоположном берегу реки. Добротные дома, зелень и обилие цветов радуют взгляд.

Рядом неширокой лентой вьётся Тобол; спокойно течет мимо села, и только там, где кончается людское жильё, – на крутом повороте – ускоряет своё течение. Это место реки называют Быструшкой,

здесь любимое место рыбаков. А чуть подальше Тобол-река отбрасывает в сторону рукав, как бы обнимая старинное поселение. Эту протоку называют Прорвой – через неё весной прорывается избыток воды и затопляет луга.

С крутого правобережья виден ещё один живописный пейзаж: на возвышенности между протокой и основным руслом Тобола переливается на солнце многоцветными красками осиновая роща. Раздольные, красивые места! Не здесь ли, на высоком крутояре была сложена безымянным автором известная в этих краях частушка:

*Раскатиха – раскатилась,
А Нагорка – на боку.
Моя милая Утятка –
Наглядеться не могу!*

Вот уже 300 лет течет Тобол мимо села Утятского. Всё, что он сумел увидеть здесь за века, унёс с собою на север, в арктическое безмолвие. Вместе с его водами утекли безвозвратно в прошлое нужда и горе первых поселенцев здешних мест, забылись многие старинные обычаи. И село, помолодев, стало совсем иным, нежели в старину. Но память людская крепка – она хранит интересную историю о селе Утятском. Об этой истории и поведём мы свой рассказ.

2. Основание села

Документальные материалы свидетельствуют, что основание села Утятского тесно связано с судьбой Кургана. В те далёкие времена первым русским поселенцам, жившим по низовью Тобола, приходилось очень трудно. На них постоянно нападали кочевники, обитавшие в южных степях – они называли себя «кучумовыми царевичами», на самом же деле это были внуки и правнуки «презренного царя Сибири» Кучума, окончательно разбитого московскими ратными людьми ещё в 1598 году.

Чтобы обезопасить себя от набегов этих полудиких племён, царское правительство распорядилось выдвинуть ряд укреплений дальше на юг. Так на территории Зауралья возникли новые крепости-остроги: в 1650 году – Исетский острог, в 1658 – Катайский, в 1659 – Ялуто-

ровский, в 1660 – Мехонский и, наконец, в 1662 – Царёво Городище (нынешний Курган).

Крепость Царёво Городище явилась надёжным прикрытием от набегов кочевников, и около неё начали расти русские поселения-слободы. Самой южной слободой была Утятская. По данным, добытым местным краеведом В. С. Ивановой, основателями Утятки считаются житель Угетской слободы Игнатий Репин, приписанный ранее к заводам Демидова, и пашенный крестьянин Антон Менщиков, выходец из Новгородской губернии.

Они облюбовали место для поселения – лучшего желать не надо: «Угоже, крепко, рыбно, пашенка не велика есть и лугов много». То есть всё нужное для жизни у них было под руками: пойменные плодородные земли, рыбные озёра, вековой сосновый лес, годный для строительства, а ниже по Тоболу в сорока верстах – крепость Царёво Городище, верный страж от набегов кочевников. Кроме того, они имели письменное дозволение на владение землёй вверх по правому берегу Тобола на 25 вёрст и по левому – на 35 вёрст.

«Своему селению, – пишет В. С. Иванова, – первопроходцы дали название – Утятская, возможно, потому, что возле водоёмов водилось множество уток и гусей... А, может, потому, что в звучании Угетская – Утятская было много сходного».

Население новой слободы начало быстро расти. Сюда прибывали всякого рода «охочие» и «гулящие» люди. В том числе и раскольники, ссыльные, бродяги. Переселенцы рубили себе избы из кондового леса, разводили скот, занимались рыбной ловлей, охотой. И, конечно, пахали землю. Сеяли рожь, ярицу (пшеницу), овёс, и ячмень. Поля не удобрялись, засевались по нескольку раз подряд одной и той же культурой. Урожай зависел от разлива реки и от выпадавших дождей. В хороший год с посевной десятины снимали урожай до 100 пудов зерна, в средний – 60 и в «худой» – до 30 пудов.

Словом, жить можно было, да вот беда: и под защитой такой грозной крепости, как Царёво Городище, не было покоя от «кучумовых царевичей». В первые же годы существования Угетской слободы они угнали из неё более тысячи голов скота. Особенно опустоши-

тельным стало нападение весной 1671 года, когда кочевники разорили слободу до основания, многие избы спалили, многих людей убили, в том числе и вожака слободы Игнатия Репина; а иных увели в полон.

После этого набега сын Игнатия Репина Тимошка вместе с Антоном Меншиковым выступили с ходатайством перед Сенатом о дозволении построить на месте слободы крепость-острог. Через несколько лет, в 1680 году последовал указ Сената о строительстве на реке Тобол новой крепости, которая называлась бы Утятской. По данным, добытым профессором А. А. Кондрашенковым, основание её положил в том же 1680 году слободчик Ф. Иноземцев

В Курганском областном госархиве хранится редкая книга «Список населённых мест Тобольской губернии», издания 1871 года. В ней говорится, что слобода Утятская превратилась теперь в «город, лежащий в столбах, тако ж надолбы, рогачи и ров, и при том городе четверы ворота проезжие, на которых имеются караульные каланчи». В крепости находился военный отряд из беломестных казаков – он был грозой для «кучумовых царевичей». Так острог Утятский стал надёжным форпостом дальнейшего освоения Сибири русскими поселенцами.

3. «Государевы» крестьяне

Крестьяне покидали европейскую часть России и уходили за Урал в надежде избавиться от помещиков. Действительно, помещиков в Сибири не было, зато царские воеводы заставляли крестьян нести разные повинности. И вот каким образом. Вся земля, отвоёванная у кочевников, объявлялась государственной, а государство в то время олицетворял, можно сказать, один человек – царь, которого поэтому и называли «государём». Он являлся верховным собственником всех государственных земель, но поскольку сам не мог их обрабатывать, то через воевод отдавал землю в пользование крестьянам – естественно, за определённую мзду.

И получалось, что крестьяне, избавившись от одной феодальной зависимости по отношению к помещику, попадали в другую – от государства в целом. И название сохранилось за ними соответствующее:

«государевы» крестьяне. По существу они отработывали на государство и царя ту же барщину, что и на помещика.

Но барщинный труд вскоре стал не выгоден и для государства, поскольку урожай хлеба из-за плохой обработки «государева» поля был очень низким. Царское правительство решило перейти от барщинной системы ведения хозяйства к оброчной. Но не везде и не сразу. Так, крестьяне Утятской слободы одними из первых в Зауралье стали протестовать против барщины и раньше всех добились замены её натуральным оброком.

Однако сибирский губернатор Соймонов в 1759 году решил восстановить «десятинную пашню» во всём Ялutorовском уезде Тобольской губернии, куда входила и слобода Утятская. По его мнению, крестьяне этого уезда были уволены на оброчный хлеб «в противность указам и с убытком для казны, ибо у них «весьма хлебородные земли были». Известие об этом крестьяне Утятской слободы встретили враждебно, с трудом удалось принудить их произвести посев озимого хлеба.

А весной 1760 года они взбунтовались – решительно отказались пахать казённую землю и убирать казённый хлеб. На место волнений прибыл карательный отряд под командованием подпоручика Моисеева и прапорщика Журавлёва.

Каратели арестовали 13 крестьян в слободе Утятской и доставили их в Курганскую слободу. Но и здесь тоже вспыхнуло восстание. Как рассказывается в документах, 20 августа 1760 года курганцы, вооружившись кто чем, напали на карательный отряд и разгромили его: на голове подпоручика Моисеева был поставлен «кровавый знак дубиной», проломили голову сержанту Вялову, у правителя Панаева «против самого сердца бито», крепко пострадали многие драгуны.

В результате 13 утятских крестьян были освобождены из-под ареста и вернулись в свою слободу, где их радостно встретили собратья по борьбе за отмену барщины. Среди них был и Семён Новгородов, будущий видный сподвижник Емельяна Пугачева.

4. Семён Новгородов

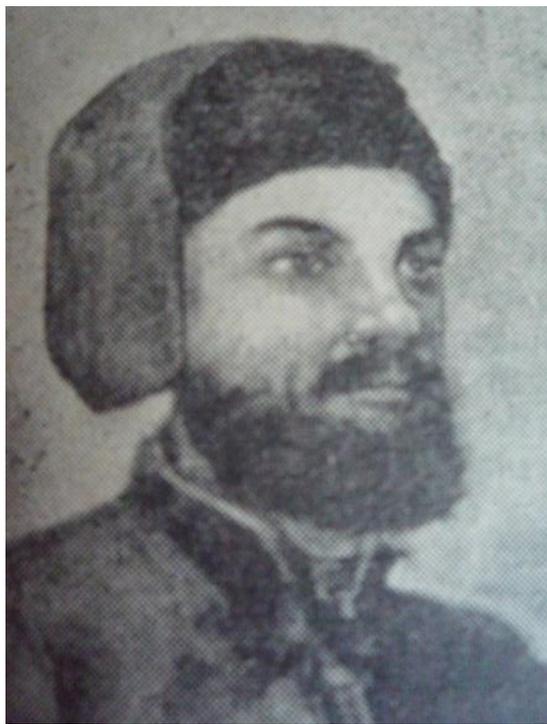
В 1773 году царское правительство издало манифест объявляющий, что за царя Петра III выдаёт себя донской казак Е. И. Пугачев и называть его следует не иначе, как «извергом», «вором» и «убийцей». Но это не изменило отношения крестьян к Пугачеву. В Утятской слободе, например, они заявили сержанту Чернышеву: «Нас замучили подводами разноследующие команды, и дай бог – скорее пришёл бы Пугачев».

По вечерам они тайно собирались в избе Семёна Новгородова, стоявшей в осиннике, и готовились к восстанию. Кроме Новгородова тут были отставной солдат Фёдор Завьялов, церковный пономарь Михайло Колмогорцев, Фёдор Бакланов и другие. Вскоре к ним присоединились Яков Кудрявцев и Андрей Тюленев – они привезли с Урала манифест Пугачева, в котором обещалась крестьянам воля и свобода промыслов. Когда манифест был зачитан жителями слободы, то все они «в подданстве у Пугачева быть согласились».

Неожиданно из Тобольска прибыл отряд солдат и тут же приступил к арестам и массовым наказаниям. Попытка схватить вожака крестьян окончилась неудачей: Новгородов бежал в лагерь пугачевцев под Челябинск, а оттуда под Уфу, к помощнику Пугачева Зарубину – Чике, и передал ему челобитную от утятских крестьян с просьбой освободить их от «излишних тягостей» и уменьшить поборы.

Челобитная заканчивалась заверениями, что «все Утятской слободы крестьяне готовы за императора Петра III умереть».

Зарубин похвалил Новгородова, дал ему звание атамана, наградил деньгами, вручил манифест Пугачева и отправил обратно в Утятскую слободу поднимать восстание.

**Атаман Семен Новгородов.
Рисунок В. Ф. Илюшина.**

Домой Новгородов вернулся в марте 1774 года, когда почти весь Ялуторовский уезд был охвачен крестьянским восстанием: на 12 слобод бунтовали 11 и 178 деревень – с населением свыше 16850 душ мужского пола. Новгородов возглавил повстанческие отряды в слободе Утятской. Разгромив дома чиновников и купцов, повстанцы создавали крестьянское самоуправление, конфисковали денежную казну и казённые магазины, товар которых продавали в два раза дешевле.

6 марта 1774 года под Пуховой слободой (ныне село Усть-Суерское Белозерского района) произошел ожесточенный бой, длившийся целый день. Повстанцы были разбиты из-за предательства пленного вахмистра Боровикова, втёршегося к ним в доверие. Командуя артиллерией, он поставил пушки так, чтобы ядра не попадали в цель – в результате все шесть пушек попали в руки врага, и 600 человек повстанцев из 3000 было убито.

А спустя немного времени Семён Новгородов уже рассылал во все концы Ялуторовского и Куртамышского уездов гонцов с копиями манифеста Пугачева, призывая немедленно собирать силы для нового похода против правительственного войска. На призыв откликнулись крестьяне Куртамышского пригородка, Каменской и Таловской слобод, отряд ичкинских татар и башкир, разрозненные отряды крестьян Ялуторовского уезда. Теперь у Новгородова насчитывалось до пяти тысяч повстанцев.

С этой армией он занял Курганскую слободу, а отсюда направил гонцов в Челябинск к Зарубину и Грязнову, прося у них пушек, тысячу казаков и военное знамя. Из Челябинска пришёл ответ: подкрепления не будет, а знамя велено сделать самому. И тогда Новгородов решил действовать самостоятельно.

5. Иковский бой

Не получив подкрепления с Урала, от основных сил пугачевской армии, Новгородов решил немедленно наступать на Иковскую слободу и дать генеральное сражение премьер-майору Эртману. Он рассчитывал в ходе боёв пополнить свои ряды, перетянув к себе часть сол-

дат противника, а затем двинуться на Тобольск и «стараться оным завладеть».

Утром 18 марта 1774 года пятитысячный отряд Новгородова, имевший всего 5 пушек, направился к Иковской слободе. В четвертом часу дня его заметили пикеты майора Эртмана. Правительственные войска построились в боевой порядок. Они имели хорошо вооруженные две конных и одну мушкетёрскую роты, а также солидную артиллерию. Однако разгромить повстанцев одним ударом им не удалось.

Как отмечают историки, у Иковской слободы произошёл замечательный по своей организации и тактике бой, который провели восставшие. Эртман вынужден был со своими командами ретироваться ближе к слободе и, укрепясь со всех сторон батареями, вести из ружей и пушек «пальбу до самой ночи». Он объяснял причины своей неудачи тем, что восставшие вели сильный пушечный огонь и, «рассыпавшись в разные стороны, стали окружать слободу и все дороги совсем отрезали».

Село Утятское. Возвышенность между Прорвой и Тоболом. Предположительно, тут располагалось пятитысячное войско Семена Новгородова.

Бои продолжались три дня. В ночь на 21 марта в одной версте от слободы повстанцы заняли Крутоярскую протоку, насыпали здесь снежный вал и облили его водой. На валу установили пушки. Наутро каратели предприняли вылазку с целью овладеть этим «редутом». Крестьяне легко отбили атаку, однако в наступление не перешли. На следующий день правительственные войска повторили атаку, и им удалось овладеть повстанческой батареей, а затем и всеми снежными укреплениями.

Лишившись трех пушек, восставшие отступили. В этом бою они потеряли убитыми более 700 человек, 52 человека попали в плен – большинство из них были повешены и поколоты, и только некоторые отпущены домой «с достойным наказанием». Отступив, Новгородов вернулся в Курганскую слободу, ставшую главным центром восстания в Зауралье. Он намеревался вновь собрать отряд, разбить Эртмана и начать наступление на Тобольск.

Но осуществить этот план не удалось. Один из предводителей повстанцев, есаул Алфёров «его, Новгородова, не послушал, ушёл поспешно в Оренбургскую губернию». Вскоре после него ушли в свои слободы многие другие крестьяне. Новгородов вынужден был оставить Курган и отступить в Утятскую слободу, чтобы попытаться там объединить свои силы с отрядом атамана Куртамышского пригородка Никиты Добрынина. Однако и это ему не удалось, так как отряд Добрынина вскоре был разбит, а в начале апреля команда Эртмана и 11-я полевая команда с двух сторон повели наступление на Утятскую слободу. Отряд Новгородова был разбит, а сам атаман решил скрыться вместе с семьёй – «притаиться в пашенной своей избе», что стояла в осиннике, но 3 апреля был схвачен, избит и отправлен в Тобольск.

Каратели схватили также ближайших сподвижников Новгородова: Лаврентия Антонова, Гаврилу Кокшарского, Фёдора Завьялова и других. Расправа была жестокой: одиннадцать человек во время следствия замучено до смерти, шестнадцать человек отправлено на вечную каторгу. Как свидетельствуют материалы следствия, Семён Новгородов при допросах и пытках вёл себя достаточно мужественно

и «не имел раскаяния». Екатерина II оказала ему «милость», сослав непреклонного пугачевского атамана навечно в прибалтийский город Рогервик, где он должен был всю жизнь содержаться в оковах...

Теперь о Семёне Новгородове напоминает лишь осиновая роща, что возвышается между Прорвой и Тоболом. Она хранит тайну легендарного прошлого села Утятского. Эту тайну, которую постепенно раскрывают краеведы и исследователи архивных материалов. Так, недавно краевед из села Просвет Е. Селетков нашёл в «Ревизских сказках» такие сведения об утятском атамане, каких не встретишь ни в одном литературном источнике о пугачевском восстании. Оказывается, Семён Андреевич Новгородов (записано Новгородов) родился в 1735 году в деревне Предина ныне Кетовского района.

*В. Плющев, ст. преподаватель КГПИ,
кандидат исторических наук
// Притоболье. – 1980. – 21, 23, 29, 30 октября.*

2020 год. Осиновой рощи уже нет

Мы ищем «натуру»

(к 200-летию крестьянской войны
под предводительством Е. Пугачёва)

Туман времени скрывает от нас многие события. Мы благодарны тем, кто оставил письменные свидетельства о делах, давно минувших. Мы рады, что и народная память хранит многое. Собрать бы это многое, рассеянное по крупицам!

Настоящее неотделимо от прошлого, как и будущее не может быть без настоящего, – это все понимают, и поэтому так велик сейчас интерес к истории. В частности, к истории своего края: в школах и клубах, в колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях создаются краеведческие уголки и даже музеи.

Двухсотлетней давности борьба крестьян за лучшую для себя жизнь привлекает к себе сейчас большое внимание. Нас, зауральцев, всегда восхищал образ вождя притобольских крестьян тех лет Семена Новгородова. Кто он, каков собой был, о чем думал, чего хотел?

Письменные источники сообщают, что Семен Андреевич Новгородов – крестьянин слободы Утятской, а народная память уточняет: крестьянин деревни Прединой, приписанной к слободе Утятской. И будто изба его стояла у самого осинника.

Известно, что задолго до выступления притобольских крестьян Семен Новгородов вел к тому подготовительную работу. Документы следствия по делу Семена Новгородова именуют его главным возмутителем». После того как крестьяне потерпели поражение и когда началась расправа над ними, Новгородов укрылся в полевой избушке, где и был взят, закован в кандалы и отправлен на вечное поселение.

А в деревне Утятской издавна бытовала щемяще-тоскливая песня:

Прощай, сторонюшка родная...

Прощайте, милые друзья...

Первые строки куплета выводил обычно высокий голос, более низкие голоса вступали со второго:

Благословляй-ка, мать родная,

Навек в Сибирь сошлют меня.

Пели эту песню всегда почему-то одни мужчины. Летописец сообщает, что правой рукой атамана Новгородова был отставной солдат Федор Завьялов: «Новгородов и Завьялов зазывали крестьян к себе в избу и склоняли их к мятежу». Южный край Утятского и сейчас называется – Завьялов край. Чуть на отшибе заметно место, где был двор Завьяловых. Отсюда открывается пологий берег речной поймы, где лагерем стоял пятитысячный отряд крестьян. Новгородов и Завьялов думали дать здесь бой противнику, но вся артиллерия была потеряна в сражениях возле деревень Пуховой и Иковской.

Молва передает: «Другое дело, не было у них знамя. Не успели изготовить его. Завьяловы-то бабы пряли да ткали, какой хочешь узор выведут. И кросна на ходу, да вокруг пальчика такое дело не обведешь. Опять же не знали, то ли Спасителя надо на знамя выкладывать, то ли царя...

Так ничо и не получилось. Без знамени кака война!»

В то время в слободе Утятской было две церкви. Одна старая, деревянная, другая новая, каменная. Многие старожилы и сейчас помнят плиты в ограде старой церкви, на них было написано, кто из служителей церкви схоронен в ограде. Любопытно нам было узнать, не там ли похоронены дьячок Гаврила Соколов и пономарь Федор Рудаков, которые зачитывали грамоту – обращение Пугачева к народу?

«Созывал народ на площадь колокол, только что поднятый на колокольню. Звук его во все стороны верст на десять шел, а по реке катил аж до самой слободы Курганской. Колокол-то был не простой, а «Самсон». [Почему «Самсон», объяснить затрудняемся. – **В. И.**]

Чтобы доходчивее рассказать народу, что было и как было в ту яркую дружную весну 1774 года, мы решили в своем музее иметь наглядность – картину.

Надо, однако, сказать, кто мы. Мы – это старшие школьники Утятской школы Притобольного района, их учителя и взрослое население села. Назвать всех поименно не представляется возможным.

В первую очередь нам потребовался художник. Наш местный художник Федор Иванович Вотин, не в упрек ему сказано, отказался

писать такую картину. «Фантазеры! – сказал он. – Как я могу изобразить на полотне звук колокола? Увольте...».

Послали гонца в бывшую «слободу Курганскую», ныне областной центр город Курган, искать художника. Такой нашелся. Взялся за это дело сам патриарх областного отделения Союза художников Валериан Федорович Илюшин.

Провели мы Валериана Федоровича по всем памятным нашим местам, связанным с крестьянкой войной, и остановились на площади возле церкви. Смотрит художник на церковные кресты, на синее небо с белыми облачками, на сосновый бор за церковью, на стаю галок и голубей, вьющихся над колокольней.

– Как вы думаете, – спрашивает нас, – таким ли было небо двести лет назад? Голубел ли бор тогда? Может, галок тогда не было?

Мы поняли шутку Валериана Федоровича.

– Не должно, – говорим, быть особых изменений в природе.

Приступил к работе Валериан Федорович. Пишет «натуру» (эскизы). Чуюм, задачку мы задали художнику непростую: не дышим, мешать боимся.

Идет время. Обращается опять к нам художник.

– Нужен, говорит, «типаж», то есть типы людей. С кого, например, писать атамана Семена Новгородова? Каким он был?

– Красивым! – пискнул девчоночий голосок. Смелым! Мужественным! Справедливым! Он же за крестьян стоял человек, – говорят вразнобой и хором ребята.

Начали примерять – похожи ли мы внешне на наших прапрадедов? Посчитали: как будто являемся мы пятым поколением. Не ахти как далеко ушли!

– Семена Новгородова надо писать с Алексея Михайловича Баженова, – предложил кто-то из взрослых. – Герой минувшей войны. И рост, и осанка – все подходит. Только бороды нет, а двести лет назад все мужики бороды носили...

– Бороду подрисуем, не беда, – успокоил художник.

– Пономаря Рудакова, читающего пугачевскую грамоту народу, можно написать с дедушки Петра Николаевича Луканина. Хорош

дед! – опять предложение.

– Не пойдет, нельзя! – не соглашаются другие. – Дедушка-то Петро – герой Цусимского сражения, бомбардиром на броненосце был, а мы его в пономаря заделаем. Что он нам за это скажет?

Решили пономаря писать с камышинского старика, который все с псалтырем ходит, да молится, а дедушка Петр Луканин, бывший бомбардир, будет на картине хлеб-соль подносить атаману Новгородову и его войску.

Картина В. Ф. Илюшина «Пугачевцы в Утятском»

Женщины тоже должны быть на картине. Не такой человек Семен Новгородов, чтобы запретить женщинам присутствовать, где будет торжественно зачитываться «царская» грамота! И поставил на картину художник тетку Орину Пухову, да тетку Офонасью Бубнову, да солдатскую вдову Оксинью Макарову. В костюмы, понятно, соответствующие тому времени их нарядили. Две тетки, как тетки, уж немолодые, а Оксинья Макарова – раскрасавица. Были же в ту пору

красавицы, надо ж правды держаться, оберегать ее!

Славная получилась картина. Висит она в Утятском сельском музее, и приходят к ней люди, вспоминают героическое прошлое своей деревни.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – № 84 (10 апреля). – С. 4.

Маслодельный завод в Утятском

Конец XIX – начало XX века. Это время бурного развития маслоделия в Зауралье. В 1894 году петербургский купец А. А. Вальков открыл в селе Утятском первую в Курганском уезде маслодельню, а вскоре здесь началась маслодельная лихорадка. К 1900 году в Курганском уезде было уже 60 маслозаводов.

**Маслодельный завод купца А. А. Валькова
в селе Утятском Курганского уезда.**

Дедушкин прадедушка рассказывал

(про земляные яблоки – картошку)

Дедушки Минейя давно нет в живых, а мне он видится сидящим на лавке в своей черной избе. Что-то делает, копошится, чинит не то узду, не то шлею для коня Белоножки. На шестке варится картовная каша. Мы бросим в нее горсть сухарей и будем хлебать кашу прямо из котелка. Тут дедушка расскажет мне любопытное про картошку.

– Картофель-то в наших краях появилась не так уж давно. Мой прадедушка Егор, покойна головушка, не раз рассказывал, как люди не хотели ее принимать, чертовым яблочком называли, в реку свалить семенную картошку хотели. За вилы, за топоры брались...

Привезли ее к нам в деревню накануне Николы-вешнего, нашего престольного праздника. Сложили в мангазину (амбар) за деревней, закрыли на замки, ключи поручили хранить моему прадедушке Егору. Он вишь, был у нас в деревне лицом неприкосновенным, крестом Георгия Победоносца был жалован за подвиги на войне. Положил Егор ключи к себе в карман, на грудь прицепил крест Георгия. Возьмите его голыми руками – слугу царя и отечества! Кто посмеет?

В деревнях наших в ту пору волнение было сильное. Лучшие, уже разработанные земли у крестьян отбирали и дарили их богатым. На наших полях появились земельные участки Матвеевых, Пинаевых, Дедовых, Дунаевых, попы получили участки... Боялись, крестьянам хуже смерти попасть в барскую неволю...

А тут еще эти «яблочки»! По наряду для них землю распахали, потом уход за ними заставят крестьян выполнять, а потом и земли-участки новоявленных бар-помещиков заставят обрабатывать.

Кривой Сысойка с дружками уже подходил к мангазине. Сысойка с топором, Гераська с вилами.

– Эй, служба, – кричит Сысойка, – отворяй мангазину, не то сам отворю, изрублю топором двери...

– Ой, Сысойко, – отвечает Егор Иванович, – не лезь на грязь, замараешься весь, не отмоешься... Дурья башка... Вся Расея ест эти яблочки да похваливает, ты чо, не русской? Я сам хочу у себя в огороде

гнезд десять посадить этих яблочек, на осень позову тебя в гости, яблочками угощу, штофчик горькой с тобой разопьем.

Падкий на выпивку, Сысойка повеселел, топор за спину спрятал. Пошептался с дружками, увел их прочь от мангазины...

День Николы-вешнего. Раз в год бывает такой день! Приходит он с зеленой травой, с голубыми цветами, – от которых и небо голубеет. Птицы поют-заливаются на разные голоса. Радуются и люди, как не радоваться? Главные полевые работы уже закончены. Посеяна ярница (пшеница), овес, озимая рожь землю укрыла, в ней галка спрячется. Никола-вешний – роздых от большой и трудной работы. После роздыха остается посеять еще только просу да лен с коноплем...

Понаехало, приволоклось на праздник гостей со всех волостей. Гости общие, заходи в каждую избу, двери для всех настежь распахнуты, угостят чем бог послал, и кружка пива-травника найдется.

Полна богомольцами небольшая церковь, там служба идет, но главные толпы людей на площади возле нее. В два ряда возле входа в церковь расселились прямо на землю нищие, калеки, уроды, среди них много малолетних детей. Тянутся нищие к людям за подающим, поют псалмы про Лазаря, про Николу-святителя, любителя пегих лошадей. Жалостлив русский человек, оделяет убогих пряниками, шаньгами, блинами, медными грошами – копейками. Невесть откуда приехавшие торговцы раскладывают свои товары: обливные горшки и кадки, глиняные игрушки, платки, полушалки и прочее. На середине площади – балаган, там порявкивает медведь на цепи, вот-вот начнется представление. Будет медведь людям кланяться, будет плясать, показывать, как бабушка-старушка к обедне идет...

Ходит среди людей незнакомый человек, показывает это самое «земляное яблочко» – ну точь-в-точь чертова голова. Два рога во лбу, один глаз, рот до ушей... Шарахаются люди от незнакомца, а он нашептывает, что в соседней деревне Меньшиковой эти «чертовы яблочки» кончили. Половину ногами растоптали, другую половину в речку бросили... Поглядывают люди в сторону мангазины, а там урядник с саблей на боку похаживает, писарь с книгой сидит на при-

ступке, сунься попробуй, запишет в книгу, что тогда?

Тут вдруг слепой Яша в колокола ударил. Умеет Яша колокола перебирать, музыку ими творить, берет за душу та музыка. Но вот перешел на набат: «Где пожар, что горит?» Никакой не пожар. Отец Василий на церковное крыльцо вышел, проповедь будет говорить. Подрагивает в его руке крест, голос перерывается, побаивается толпы поп.

– Миряне, – обращается он к людям, – благословенна земля-кормилица, благословенны плоды ее, не может быть земной плод нечестивым. Не яблоками называются плоды, которые мы по царскому велению должны посадить, а картош... картош... – не может вспомнить окончание нового слова батюшка. Вспомнил: касы... картошкасы...

Взгляните, люди, на голубое небо, на благодать вокруг... Быть нынче урожаю, и в такой день, как сегодня, не грех отдохнуть человеку от трудов праведных...

Тут звонарь Яша опять ударил в колокола, и такая музыка пошла, что не хочешь, да запляшешь.

Веселился, гулял народ до глубокой ночи, а утром увидели широко распахнутые двери мангазины. Увезены картошкасы... Ранним утром они были посажены в землю. И всего-то было их посажено две межи... Растите картошкасы. быть вам в почете у людей. Так и стало.

Неточно передала я образную речь дедушки Минея, это трудно, хотя и пыталась...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 220 (23 сентября). – С. 4.

Первый самовар и керосиновая лампа

Первый самовар появился в Утятском около 1881 года. Купила в городе самовар просвирня Марья. Смотреть самовар сбежалась вся деревня.

– Мать-просвирня, покажи самовар. Говорят, он шипит, как змея, огонь во все стороны... – просили люди.

Просвирня кипятила самовар у всех на глазах, вместо чая вишневый корень заваривала. Пробовали кипяток и хвалили, а кто и отплевывался.

Керосиновая лампа появилась почти одновременно с самоваром. До этого сидели вечерами с лучиной. Ходил слух, что лампу в избу грех вносить. Будто на реке у воды ведьма плясала, да про керосин пела: «Керосин, керосин, ты все города скрасил».

*Записано в 1930 году по рассказу П. И. Ивановой
// Притоболье. – 1969. – № 108 (11 сентября). – С. 3.*

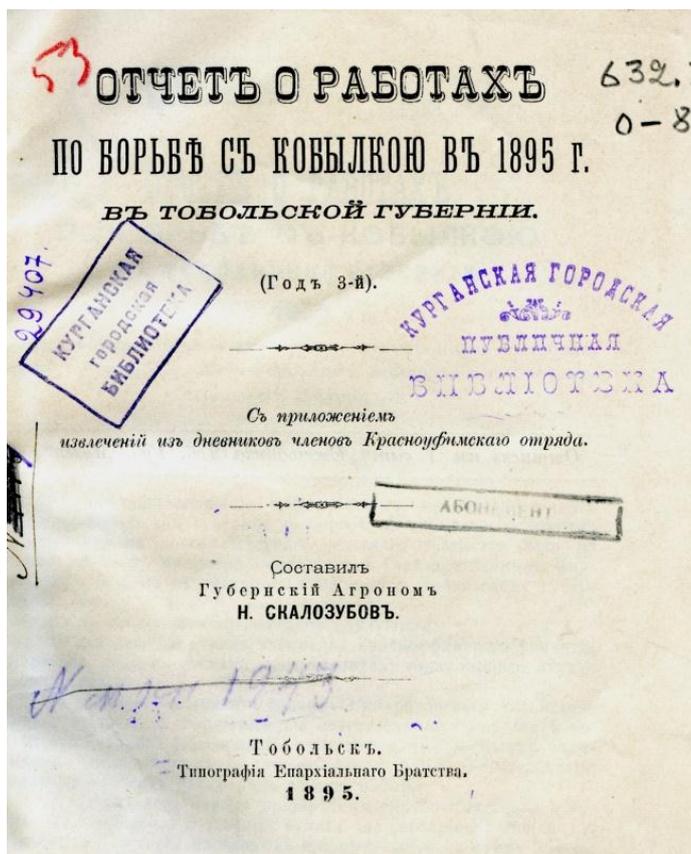
Нашествие кобылки. 1895 год

Старинные записи помогают нам заглянуть в прошлое.

– 28 мая 1895 г. Село Утятское. Местный хозяин Д. Н. Матвеев применял много мер для борьбы с кобылкой. Наиболее действенными он признает собирание кобылки на солому, разбросанную по межам, и сжигание этой соломы. По словам Матвеева кобылка здесь всегда была, но не всегда она вредит хлебам. Пропадает она больше всего от «медвяной» росы около Иванова дня, между 10–15 июня. Сильно проявляла себя кобылка в 1866–69 годах, 1888–90 гг. и 1891–92 гг.

– Около Шмаково на покотине и на полях встречается много зверьков, ростом более крысы, рыжего цвета с толстым хвостом, их называют «польскими кошками». Около 1-ого Спаса они уходят на спячку глубоко в землю. Не размножаются эти зверьки, потому что их по пороше очень сильно уничтожает хорек.

– Село Утятское. Во дворе у Матвеева два больших камня, которые он называет фосфоритом. Пробовали бросать их в печь, они го-

рят. Находят такой камень на берегу реки Басманки, между Нагоркой и Камышным.

Крамольная панихида

Анатолий Алексеевич Умов – ветеринарный врач, всю жизнь проработал в Зауралье. Большой знаток истории родного края, он часто оказывал нам, сельским учителям, неоценимую помощь в работе со школьниками по вопросам краеведения.

Сейчас Анатолий Алексеевич на пенсии.

Как-то зашла навестить его. Вот какой он рассказал, на мой взгляд, интересный случай.

– В молодости я был учителем в казачьей станице – ныне село Звериноголовское. Мы, молодые учителя, зачитывались произведениями Льва Толстого, возмущались гонениями, обрушившимися на него со стороны церковников. Даже местный молодой священник Василий Бирюков полностью разделял наши взгляды.

Как известно, в 1910 году Толстой умер и его похоронили без отпевания в церкви. И вот наш поп Бирюков решил поехать в Ясную Поляну и отслужить на могиле писателя панихиду и тем самым, как говорил, он, поставить «дулю» святейшему синоду, предавшему гордость русской земли – Льва Толстого – «анафеме».

Так и сделал.

Попа ловили жандармы, но он благополучно ушел от них.

В московской газете рассказывалось об этом «возмутительном» случае, а мы от души радовались поступку Бирюкова.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1969. – № 221 (20 сентября). – С. 4.

Басмановский мост

Речка Басманка рвалась к Тоболу и пробуровила его высокий берег местами до семи метров и более. Сделав свое дело, запряталась в Камышах, в мелком кустарнике, и теперь еле шевелит струйкой-ручейком. Только иногда, вспомнив молодость, взбрыкнет, прошумит и опять успокоится. Лет двадцать назад пришли строители и возвели через Басманку железобетонный мост: довольно маяться, мол, каж-

дый год строить деревянные мосты, которые своевольная речка не признает и сбрасывает! И день, и ночь во все времена года идут теперь через мост тяжелые грузовые машины, бегут юркие легковушки, мчатся мотоциклы, проходит осторожный пешеход.

Всех принимает и провожает молчаливый гордый мост. Разве только вслед проезжим и пешим прошумит вековой бор, словно бы желая рассказать многое, ему известное, и про речку, и про мосты. Речка и все бывшие и теперешний мосты – басмановские: от тюркского – «басма», что по-русски – «отпечаток».

Подобных «отпечатков» много на зауральской земле. Вот и невдалеке от Басманки хлебное поле, принадлежащее колхозу им. Фрунзе, называют люди еще иногда «Юртищем»...

Басмановский мост. 2022 год

Накладывает свои отпечатки и наше время. Нельзя не заметить возле Басмановского моста более чем скромный обелиск в память о первом трактористе юном Васе Уфимцеве. Поднявшись вверх по левому берегу Басманки, увидим мы следы людского жилья и надворных построек. Заметен спуск к водоему, на котором хозяйничает сейчас полевая утка, останавливая своих расшалившихся утят.

А в начале двадцатых годов здесь начинали новую жизнь несколько крестьянских хозяйств, создав коммуну «Заря жизни». Это были семьи из деревни Нагорской – Бобковы, Уфимцевы, Мартюшевы, Менциковы, – всего чуть больше десятка. «Заря жизни» оправдала свое символическое название – она положила начало переходу всего притобольного крестьянства к коллективному хозяйствованию.

Плуг и меч – вот чем были вооружены коммунары «Зари жизни» в первые дни своего существования. Еще рыскали бандитские шайки, творя свое черное дело, но побоялись они подступить к коммунарам, готовым встать на свою защиту. Позднее член правления коммуны Иван Михайлович Бобков был послан делегатом на XV съезд партии, на котором вырабатывалась главная линия в коллективизации крестьянских хозяйств, и съезд вошел в историю страны как съезд коллективизации.

В нынешнем году исполнилось пятьдесят пять лет со дня основания коммуны «Заря жизни». Не можем, нельзя забыть нам заслуги первой в Притоболье коммуны, и естественно наше желание: положить на Басмановском урочище, на месте, где когда-то была коммуна «Заря жизни», вековечный камень-отметину.

...Гудит в эти дни земля от работы комбайнов, тракторов, автомашин. Собирают большие урожаи колхозники, радуются жизни. И вспоминается учредительное собрание крестьян деревень, расположенных вблизи от Басманки, собравшихся, чтоб объединиться в один колхоз. Вспоминаются минуты, когда решался вопрос, как назвать свой колхоз? И единогласно принято было решение назвать колхоз самым красивым на свете, самым дорогим именем – «Россия».

Но пройдем еще и по правому берегу речки Басманки в сторону Тобола. Зарастает там травой-муравой старая дорога, на которой распоряжением царского всесильного временщика Аракчеева были посажены березы в начале девятнадцатого века.

Пройдет время, и окончательно забудется «аракчеевская дорога». На ее месте местный лесник Виктор Пашков заложил новые посадки редкого в нашем крае дерева – лиственницы. Рядом с соснами они хорошо прижились, и уже – держи шапку, если, подойдя к лист-

веннице, захочешь взглянуть на ее верхушку. Хорош отпечаток на нашей земле около Басмановского моста на Звериноголовском тракте!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – № 208 (6 сентября). – С. 4.

Берёзовая аллея по дороге из с. Утятского в с. Чернавское, посаженная по распоряжению Аракчеева.

ЖИЗНЬ ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Осуществилась мечта народная

Издrevле мечтали люди о свободном праве на жизнь, о возможности распорядиться своей судьбой, о власти родной, народной.

...Почти 270 лет существует село Утятское, одно из старейших сёл Западной Сибири. Возникло оно как крепость (острожок), для защиты от опустошительных набегов кочевых азиатских племён. Когда же эта опасность миновала, крепость стала именоваться слободой, число жителей росло, прибывая за счёт, главным образом, ссыльных.

Привольные земли, обширные пастбища, сочные луга и богатые рыбой водоёмы для большинства жителей слободы не были доступны: голыми руками их не возьмёшь! В слободе справно жили шесть-семь домохозяев, остальные терпели нужду.

Однообразно, медленно текла жизнь. И эта сонная жизнь в 1773 году была нарушена вихрем Пугачёвского восстания. До слободы долетели горячие слова «прелестной грамоты» Пугачёва и мужики взялись за дрекольё. Но пожар народного возмущения был потушен, зачинщики жестоко подавлены, и в числе их – Фёдор Бакланов, который первый принёс в здешние места весть о Пугачёве.

Приехавшая в 1880 году в село Утятское учительница Надежда Ильинична Лукиянова в своём дневнике писала: «Вся “культура” села сосредоточена в кабаке Могильникова. Там, перед кабатчиком за рюмку водки, потрясая лохмотьями, пляшет бедняк Микулка Чудак, за глоток сивухи он подставляет кабатчику свою нечёсаную голову, а тот дерёт её конской скребницей, а кругом хохочут, свистят...»

Учительница Лукиянова с трудом уговорила утятских мужиков отпустить в школу мальчиков, о девочках не могло быть и речи.

В Утятском поселился на жительство земский начальник. Ему выстроили особняк – ныне пристроенное и расширенное здание, в котором теперь находится семилетняя школа. Утятское село стало волостью. «Выбираются» волостной старшина и сельский староста.

Любопытны «выборы», проходившие 40 лет назад, летом 1910 года.

...Жаркий июльский день. Воскресенье. С утра десятник бежит под окнами крестьянских изб, сзывая мужиков на сходку. Сход собирается в центре села под соломенным навесом, называемым «пожарным».

Сельский сход в селе Утятском

Кто побогаче из мужиков, – проходит под навес, бедняки жмутся у столбов навеса. Бабы, проходя по улице, далеко сворачивают в сторону – им не полагается и близко подходить: «не бабьего ума дела будут решаться!»

Вдали показался земский начальник, его все называют барином. Барин важно выступает, помахивая резиновым хлыстиком. Он с ним никогда не расстаётся, и многие мужики не раз испытывали этот хлыст на своей спине. При виде барина вскочили все, вытянулись, сдёрнули картузы, шапчонки, низко, в пояс поклонились.

Речь барина была короткой. Он сказал, что нужно нового старосту избрать и что нужно избрать Александра Чукомина, «мужика

степенного, справного». Писарь угодливо настроил протокол. Кто-то из богачей поддакнул, и «выборы» состоялись. Сход расходился. Мужики спрашивали друг друга: «Кто будет старостой? Неуж Саша-Белочка? Сдерёт нам шкуру, попускает».

А Александр Петрович Чукомин уже прицеплял к своей рубахе бляху, увесистую, медную – знак сельского старосты.

В то же лето проходили «выборы» и волостного старшины. В дом скотопромышленника Матвеева (ныне корпус детского дома) съехались кулаки деревень Меньшиково, Нагорка, Камышное, Темляково и Бараба. Здесь же присутствует земский начальник и «святые отцы» трёх церквей: утятской, камышинской и барабинской. На этом своеобразном съезде власть имущих волостным старшиной избран темляковский матёрый кулак Иван Никифорович Трубин. Новый старшина за услугу своим «избирателям» выставил ведро вина. Началась буйная попойка. Денег на вино Трубин не пожалел, знал, что возместятся они сторицей.

...Приближался грозный 1917 год. В Утятском всё оставалось по-прежнему: лучшие земли, леса, луга – в руках Чукоминных, Тюкачёвых, Мерзляченцевых, Демидова. Беднота бьётся, как рыба об лёд... но всё громче раздаётся ропот недовольных, всё чаще разговоры о больших переменах в жизни.

И вот могучая волна революции, буря гражданской освободительной войны докатились до Утятского...

Неузнаваемо переменялась жизнь села с тех пор. И поля, и луга, что раскинулись вокруг Утятского, переданы колхозу, носящему имя Советской Армии.

Нынче выращен такой урожай, какого даже старики не помнят. Полноценен трудодень колхозника. Ещё нет окончательного распределения колхозных доходов, а в виде аванса многие колхозные семьи получили по 150–180 пудов великолепной пшеницы, как солнце наливной и ясной.

В селе не найдёшь неграмотного. Многие колхозники имеют семилетнее и среднее образование.

В Утятском две начальные школы, одна семилетняя, есть санаторно-лесная школа, детский дом. Стоит пронаблюдать хотя бы один обычный день жизни в селе Утятском. Какая полнокровная жизнь!

...8 часов утра. На широкой улице села оживлённое движение. То юные граждане спешат в свои школы. Идут обозы с зерном и сеном. Проходят тракторы, ведущие в МТС комбайны. То и дело бегут автомобили.

...8 часов вечера. Ярко освещены дома колхозников. Зайдите в любой дом, и вы найдёте там либо школьника, склонившегося над учебником, либо взрослого, читающего книгу или газету.

Учится взрослое население. По четвергам актив села собирается в семилетней школе, чтобы послушать лекцию по истории нашей коммунистической партии и страны, по географии, о великих делах советского народа, обсудить, что делается за границей.

Все эти невиданные перемены принесла людям наша родная Советская власть, велика партия Ленина-Сталина.

Вместе со всем народом нашей Российской Федерации идёт село Утятское навстречу выборам в местные Советы.

На собраниях горячо обсуждаются сельские дела. Надо нашему селу – пора! – иметь электричество, свой мощный радиоузел. Крайне необходимо в будущую осень открыть и среднюю школу. Все эти неотложные дела под силу гражданам села Утятского, они записывают это в наказ новому составу Совета.

И уж не кулака-мироеда, не какого-нибудь «жилу» Сашу-Белочку, а своих трудовых людей выбирают утятцы в народные советские органы власти.

...10 ноября 1950 года в Утятском прошли собрания по выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов. Первым было названо имя гениальнейшего из людей, отца, учителя и друга всех трудящихся – Иосифа Виссарионовича Сталина, под руководством которого свершены величайшие преобразования в жизни страны и в судьбе каждого трудового человека. Вслед затем были названы имена местных тружеников села. Работники санаторно-лесной школы выдвинули кандидатом в депутаты Глядянского районного Совета учи-

тельницу Анну Григорьевну Девятову. Общее собрание утятских колхозников поддержало её кандидатуру, а также кандидатуру трактористки Веры Максимовны Платоновой, выдвинутой для баллотировки в Курганский областной Совет депутатов трудящихся.

И осуществилось в древнем селе Утятском невиданное, небывалое: деревенские девушки становятся депутатами, утятцы стали хозяевами своей судьбы.

В. Иванова

// По сталинскому пути. – 1950. – № 60 (23 ноября). – С. 2.

Глядянское в старину и ныне

К 1771 году слободе Царево Городище (ныне город Курган), принадлежало 26 деревень, тянувшихся вверх по Тоболу. По ним пролежала так называемая Ордынская дорога, ведущая в «Орду киргизскую» (казахскую).

Первыми основателями этой линии были «охочие» люди, пришедшие из разных губерний центральной России. Преимущественно это были смелые, предприимчивые, свободолюбивые пришельцы, не желающие мириться с произволом помещиков. Немало было среди них и «беглых», для которых сибирские «трудности и лишения», в сравнении с их положением на родине, были сущим раем.

Влекли их сюда и богатства края – вековые леса, полные пушного зверя, изобилующие рыбой реки и озера. Тучные, плодородные неосвоенные земли, просторные, сочные пастбища.

Не очень, однако, приветливо встречали первых поселян суровая здешняя природа и местное кочевое поселение.

Но как то бы ни было, а в районе современной Глядянки обосновалось три поселения: Шадруха, Худяково и Полусальное. Жители их вынуждены были держать постоянный сторожевой пост для наблюдения за конными разъездами кочевников, вооруженных стрелами, пиками, кривыми монгольскими саблями.

Наблюдательной вышкой служила огромная сосна, с которой днем и ночью «глядели» и давали знать о приближающейся опасности. Был ли то очередной грабительский набег кочевых соседей и тогда – по сигналу – их принимали в топоры и косы, в ружья и копья;

был ли то весенний опустошительный паводок – тогда в мобилизационную готовность приводились спасательные дружины на лодках, с баграми и прочей аварийной снастью.

Систематически повторяющиеся наводнения и набеги, заставляли жителей Шадрухи и Полусалья покинуть облюбованные места и переселиться в более безопасное место, к наблюдательному пункту, к сосне – *глядянке*. Отсюда и пошло название нового поселения – село Глядянка.

Многие десятилетия шла упорная борьба между кочевниками и русскими поселенцами.

Пользуясь смутным временем, на Ордынскую дорогу, как волки, вышли и некоторые «предприимчивые» здешние жители: Художитковы и Устюговы из Глядянки, Корнильцевы из Чернавки, Репины из Раскатихи и т. п. Занимаясь, под шумок, разбоем, они разбогатели, превратились в кулаков-мироедов и приумножили свои богатства за счет эксплуатации беднейшей части односельчан.

Шло время, кровавые, всячески подогреваемые царским правительством схватки с кочевниками постепенно утихали: русские и казахи поняли, наконец, что делить-то им нечего, что враги-то их – кулаки и баи, царские чиновники и полиция, а бедному кочевнику и крестьянину не стоит класть свою голову за богатеев.

Беднейшее крестьянство Глядянки и округа видело, что хорошо в этих привольных местах живет лишь кучке богатеев. Остальных всюду и везде подстерегали беда и горе. То у мужика изба сгорела, то пала его последняя корова, а помощь где, куда податься, куда приклонить несчастную голову? Кто поддержит мужика в такую тяжелую минуту? Недаром же говорили крестьяне в такую безысходную нужду, в несчастье: «Я от горя – в чисто поле, горе – меня впереди; я от горя – на реку, а оно – на берегу; от него я – в горницу, оно стучит в оконницу»...

Так, в нужде и бескультурье прозябало местное население, было оно в те времена поголовно неграмотным, так как школ не было.

Тучны и плодородны земли, а неурожаи повторялись часто.

Памятен год 1887. Ему предшествовало три неурожайных года,

а потом появилось столько саранчи, что она съела не только хлеба, но даже травы, кустарники. Летом разразилась страшная холера. В Утятке умерло 200 человек за одну неделю. То же самое было повсеместно, во всей округе, по всей ордынской дороге, всюду. Спасать население от эпидемии было некому: не было ни больниц, ни медицинских работников.

Радость и счастье народам принесла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Советскую власть абсолютное большинство населения нашего района встретило как свою родную власть, власть-избавительницу от кулацкой кабалы, от нужды и горя.

Памятниками об Октябрьской революции, о гражданской войне в Западной Сибири в Зауралье остались во многих селах района братские могилы, в которых покоятся останки отважных, бесстрашных борцов за свободу, за родную Советскую власть, за счастье народное.

Благоговейно обнажая голову, мы с трепетным волнением вспоминаем их славный боевой путь... Думая о героическом прошлом отцов своих, мы с глубочайшим уважением вспоминаем о героическом подвиге участников Великой Отечественной войны, о братьях, отстаивших честь и независимость Родины, вернувшим нам счастье жить на советской земле.

И вот она наша родная земля советская, вот он отдаленный от города район и районный центр – Глядянское...

Глядянка превращена в благоустроенный районный центр. В районе 44 населенных пункта, объединенных в 25 крупных мощных коллективных хозяйств. Труд в колхозах почти полностью механизирован. На полях работает 246 тракторов, 125 комбайнов, 98 автомашин.

Механизированная, культурная обработка колхозных полей и высокая агротехника навсегда избавили нас от регулярно повторявшихся в прошлом неурожаев. 1950 год принес нам высокий урожай, многие полеводческие бригады получили на больших площадях по 200 пудов зерна с гектара.

Далеко вперед шагнула культура притобольских сел.

В Глядянском районе 39 школ, в том числе 9 семилетних и одна средняя. Неграмотного в наших селах трудно отыскать, зато все больше становится людей с высшим и средним образованием, осуществлено всеобщее начальное, осуществляется всеобщее обязательное семилетнее образование.

Хорошо налажено и медицинское обслуживание населения. В районе две крупных, хорошо оборудованных больницы, 14 медицинских пунктов.

Так изменилась жизнь сел, что расположены вверх по течению Тобола, к югу от Кургана. Под солнцем Сталинской Конституции она становится с каждым днем все полнокровнее, светлее и радостней.

В. Иванова

// По сталинскому пути. – 1951. – № 2 (5 января). – С. 2.

Земля, которая вскормила

(о селе Камышном)

Мы расскажем сегодня о селе Камышном, каких много вокруг. В Камышном 160 дворов, в добротных домах живут хлеборобы, трактористы, животноводы – рослые, красивые люди с не нашим сибирским говором, а по-«расейски» певучей мягкой речью.

Здесь в каждом доме, как и везде, мечтают о счастье и достигают его. Здесь, как и в любой другой деревне, сейчас пахнет свежим хлебом, сухим березовым листом. Здесь с достатком каждый дом, и этим не удивишь.

Но из Камышного не уезжают за длинным рублем. Здесь рождаются, женятся, живут дружно и весело. И нет роднее на земле для них места, чем Камышное.

Алексей Пашков, колхозник, комсорг бригады

Пришли солдаты домой – Николай Мартынов, Владимир Трифонов, Николай Лукин.

Камышному 180 лет, живут в нем не коренные сибиряки, а люди пришлые. У них была своя родина, и свое место на земле. Но не было земли, не было воли и счастья. Просили прощения у древней Псковщины, к богу посылали молитвы и долго стоял комом в горле затихающий колокольный звон. Не от хорошей жизни, от беды уходили искать по свету свое счастье.

Перевалили за Урал, и открылась им вольная земля. Облюбовали место среди озер и речушек. Избы рубили наспех, только бы зацепиться за землю, бросить бы в неё пшеничные зерна. От тех, рубленых изб, осталась одна, перекатанная не раз и сгодившаяся теперь под сени у Галактионова Ильи. Нашли землю, а до счастья было ещё далеко, много-много лет. Биография Ильи Лукича – биография Камышного. Рассказывает летопись...

«Три года в батраках жили, потом еле-еле выбираться стали, а из бедняков так и не могли. Семи лет остался без матери: много в голодный год народу умерло. В школу ходил две зимы, да и то не полностью». Увидел Илья новую жизнь, когда пришла Советская власть. Сам её и завоёвывал. В летописи записал: «По директиве товарища Ленина стали строить новую жизнь. Колхоз организовали в 1930 го-

ду. Собрали, у кого что было, сошонки свои плохонькие – так и начали».

Был Илья Лукич и председателем колхоза, и в сельском Совете. И сейчас, как приходит время в поле выезжать, вся душа у него изболится. Не выдержит, дойдет помаленьку до конного двора, запрягут там лошадь, и едет он на поля. Приложит ладони к земле, разотрет спелые колосья, и долго смотрит, пробует на нюх и на вкус спелые зерна.

«Такая гордость за нашу нынешнюю жизнь, – добавляются к летописи строчки. – 1952 год – прошла дорога через нашу деревню. Мост через реку добрый выстроили. 1962 год – провели электричество из Кургана. 1963 год – колхоз перешел на денежную оплату».

Пишет о колхозе, о людях, о том, как в один день на Первое мая весь лес зеленью раскинулся, он купил радиоприемник, дочка колхозницы уехала на врача учиться, телевизоров теперь уж не сосчитать, а мотоциклов с колясками больше тридцати. Летопись сохранят потомки, продолжат её и будут так же вести счет годам и событиям.

Л. Рогулина

// Молодой ленинец. – 1967. – 5 декабря.

Камышинские мужики

В полукилометре от села, за долгим осинником, начинается поле. Тут его ближний край, а дальний теряется где-то у горизонта, за колками-перелесками. Поле и село – одна у них история, едина судьба.

Полтора года лет назад переселенцы основали село Камышное. Пришли издалека, от самого Чудского озера. Вел переселенцев мужичок по имени Филипп Сидоров.

Остановились на взгорье бивуаком. Умаялись. Справа лес и степь, слева поблескивает Тобол. Пойменные озера. Простор!..

– Отсель никуда не пойдем, – сказали мужики. – Подсчитывай, Хвилипп, дүши, добивайся земельного надела.

Девяностолетний Илья Лукич любил рассказывать, молодым:

– Ен, бес, землемер, тяне мерную чепь вдаль, в дикую степу, а мужикам надо землю ближе получить. Отбрасывает Хвилипп чепь,

ступав на ее ногой. И день и другой иде на поле борьба со змием, а на третий Хвилипп, тихонько плечом стал подталкивать землемера в нужную сторону. Угодил Хвилипп в острог! Пострадала за народ праведная душа.

Рассекли межи поле вдоль и поперек. У каждой семьи – свой клочок. На ощупь будто добрая земля, а неродимая. В лучшие годы с десятины двадцать-тридцать пудов. С межей, со степи лезут на посевы сорняки, саранча-кобылка жрёт всходы, нет спасу! У старожилов, у нагорских и раскатихинских мужиков, урожаи выше, земля разработана.

Подсмеивались старожилы над нуждой камышинцев!

Илья Лукич продолжал рассказ.

– Стыд сказать, грех утаить, до женихов ходил я в холщевой рубахе, как в платье! Свататься поехал, дак сшили мне шаровары. Все лето босой, а чтоб не кололо ноги, смажешь ступни смолой, да дегтем...

– Что его, старое, вспоминать! – перебивал рассказчика кто-нибудь. – Думать надо, как добиться, чтоб урожаи получать хорошие, чтоб лучше жить...

Обиделся Илья Лукич. Забыть прошлое человек не в силах. От самого себя нельзя отказаться.

– Весной восемнадцатого года готовились камышинцы провести передел земли по справедливости, по закону, подписанному Лениным. Отныне за женщинами признано равноправие, земельный надел положен и им. Но белогвардейско-эсеровская заваруха помешала делу. И только когда все Притоболье было очищено от колчаковских банд, когда в Камышном образовалась партийная ячейка, а именно в 1920 году, было осуществлено это.

Невелика была первая партийная организация в Камышном, многих ее членов тех лет уж нет в живых. Но люди помнят и ценят их самоотверженную работу по переустройству всего уклада жизни.

К 1930 году земельный массив, принадлежащий селу Камышному, был поделен между двумя колхозами, образовавшимися в селе. Затарахтели на поле тракторы, но было их до обидного мало. Хуже

того, люди не умели ими пользоваться, и тракторы больше стояли на приколе, чем работали. По-прежнему всё полевые работы выполнялись на лошадях, на быках, на коровах.

Сегодня село Камышное – четвертая бригада колхоза «Россия». Расширилось поле за счет распаханной целины, его площадь сейчас свыше трех тысяч гектаров.

Над полем, над селом, над Тоболом в эти дни голубое высокое весеннее небо. Плавают в небе легкие, как дымка, облака и тают. Еще не окончательно проснулось поле, но дух от земли волнует кровь, и ты полон ожидания радостных свершений.

Потомки пришельцев с Чудского озера – с того самого, в котором русские мужики когда-то топили немецких рыцарей-захватчиков, отстояли русскую нацию, ее складывающуюся государственность, – живут и здравствуют в Камышном. Живут Павловы да Ульяновы, Мартыновы, Тарасовы, Трифионовы, Кирилловы да Петровы – люди могучие, с русским обликом, с русским характером. Лишь среди стариков сохранилась еще протяжная псковская речь с характерными словами: «ен, пришедши, ушедши, тягае, хвороба»... От молодых этих слов уже не услышишь.

Почти половина взрослого мужского населения Камышного – члены коммунистической партии, точнее – 31 человек. Себя камышинские хлеборобы называют мужиками, и я, по их примеру, здесь называю их так же. Только о теперешнем мужике не скажешь, что он «тележного скрипа боится», мужик сегодняшней – человек бывалый, грамотный, думающий, много знающий.

Камышинской полеводческой бригаде присвоено звание «Бригада высокой культуры земледелия». В прошлом году она получила наивысший урожай в колхозе. Собрано было столько хлеба, сколько прежде собирали все четыре бригады колхоза вместе взятые. И это не с неба свалилось. Хлеборобы вместе и в одиночку глубоко постигают основы земледелия, изучают сложную сельскохозяйственную технику.

Старейший тракторист бригады Николай Иванович Павлов заведует машинно-тракторной мастерской колхоза. Под его руковод-

ством производится весь ремонт техники. Иван Степанович Павлов, занимаясь экономической наукой, стал главным экономистом колхоза, с его помощью бригада перешла на полный хозяйственный расчет.

Слава мастеров земледелия у трактористов Кириллова Андрея, Лукина Алексея, Ульянова Николая, Прокопьева Ивана и многих других. Как не сказать доброе слово и о бригадире камышинской бригады Петре Ивановиче Тарасове, бывшем матросе, побывавшем в заграничных плаваниях? Но где бы он ни был, и что бы ни видел, любовь к родному селу, к земле, вскормившей его, неистребима.

С секретарем партийной организации Иваном Ивановичем Карповым мы прошли село из конца в конец, побывали во многих домах. Много и охотно рассказывает Иван Иванович о делах совета бригады, о деятельности партийной организации, о том, как село отметило юбилей великого Ленина, круто повернувшего мужицкую жизнь.

Много новых светлых просторных домов в Камышном. Крашенные палисадники, резные наличники, кружева, резьбы на воротах – все радует, веселит душу. Но среди красавцев новых домов нет-нет да и встретишь старую подслеповатую избенку, напоминающую о недавней бедности камышинцев. И словно прочитав мою еще не высказанную мысль, Иван Карпов рассказал эпизод из своей жизни.

– Я танкист, воевать пришлось на земле праотцов на Смоленщине, Псковщине. В экипаже из пяти человек нас, камышинцев, было трое. Я был радистом-пулеметчиком, Виталий Никитин – наводчиком, Иван Тупикин – заряжающим. В одной жестокой схватке с врагом подорвался танк, погибли товарищи, а я – надо ж было так случиться! – отделался легкими царапинами. И вот я дома. Сажу за столом в кругу родных и близких, сам себе не верю, что дома. Вдруг запахнулась дверь избы, вошла мать Вани Тупикина. Я не успел подхватить ее, она так и грохнулась на пол. Потом тихо вошла мать Виталия Никитина и тихо так: «Ванюш, расскажи мне о Виталеньке... о его смертоньке...». С тех пор не покидает меня чувство будто бы вины перед матерями, перед памятью друзей, погибших на войне... Их нет, а я живу... Как жить-то надо, сколько сделать надо, чтобы оправдать свою жизнь!

Поле, безмежное поле, ухоженное с лета. Вот и опять настал час, идут к тебе хозяева, чтобы засеять отборным зерном. И ты взвеселишься богатым юбилейным урожаем, поле наше – судьба наша.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 103 (2 мая). – С. 4.

У околицы

Вряд ли найдется сейчас человек, который дальше околицы своей деревни нигде не бывал и ничего не видал. Но кто знает, почему все эти лужайки, рощицы, ложбинки и взлобки, казалось, давно, с детства примелькавшиеся, милы остаются нам до бесконечности. Каждый раз будто видишь их впервые! На каждом шагу, если внимательно глядеть тебя подстерегает удивление...

...Что-то хвоя на соснах какая-то темно-синяя, а стволы, словно из красной меди... Красиво! Откуда на этом взлобке появилась таволга? – прежде ее будто тут не было!.. Пытаешься сломить ветку, не поддается... Надо же! Недаром наши деды пользовались стеблями таволги как иглосшивателями.

Деревня наша занимает благодатное место в излучине реки, прижавшись к берегу. Если перейти на противоположный берег, подняться на крутой яр, то вся деревня, до последней избы, на виду.

Неширокой лентой вьется Тобол. Там, вдали, он делает крутой поворот. Заспешила, заторопилась вода, и эта часть реки называется Быструшкой. Быструшка – любимое место обитания крупных окуней, щук. По наледи на Быструшке в январе знатоки определяют весенний паводок.

Спокойно течение реки мимо деревни, и там, где кончается людское жилье, река отбросила в сторону рукав, как бы обняв деревню. Рукав назван Прорвой: через Прорву река выливает весной свои воды, затопляя луга.

Между основным руслом реки и Прорвой, на возвышенности, – столетние замшелые осины. Хорошо летом в шумливом осиннике! Таинственно волшебю зимой, когда на раскинутых ветвях алмазами сверкает куржак.

А может, таинственность осиннику придает предание, слышан-

ное еще в детстве? Будто тут, в осиннике, стояла изба сподвижника Емельяна Пугачева. Сквозь туман времени вглядываешься в пугачевского атамана полуторатысячной армии восставших крестьян Семена Новгородова... Видятся его ближайшие помощники: отставной солдат Федор Завьялов, церковный служка – пономарь Михайло Колмогоров, вербовщик в армию Новгородова крестьянин Федор Бакланов...

Не сохранилось вещественных памятников о том далеком героическом времени, кроме изустных преданий, легенд, да разве вот этих осин, что у Прорвы стоят. Да еще Завьялов сад, что на отшибе от деревни возле Серебрянки...

История нашей деревни – это история всего Притоболья.

У соснового лесочка, около Басмановского оврага стоит обелиск в честь основателей первой коммуны. В березовом перелеске – обелиск в память погибшего за Советскую власть Григория Воденникова.

К деревне подкатил очередной рейсовый автобус. Идут вдоль улицы приезжие, замедляют шаг у обелиска героям Отечественной войны, у обелиска героям гражданской войны...

Деревня не потеряла родства с былым, но стала другой, помолодев. Ушла в прошлое вековая крестьянская привычка огораживать свое жильё плотным забором, чаще плетнем, чтоб не видно было неопрятного двора. Теперь люди стараются возле своего дома создать красоту – уютный палисадничек, огороженный штакетником.

Залюбуешься усадьбой молодых супругов Ивановых – Николая и Валентины. Любимый Валин цветок – «Девица в зелени», им и украшает она свои цветочные клумбы. А другой двор – с ажурной изгородью, в бутонах гордых пионов, со скульптурой двух косуль у пышного куста черемухи! Без красоты никак нельзя, красота делает жизнь радостней!

В 1980 году наша деревня будет отмечать свое трехсотлетие. Хочется заглянуть в недалекое будущее, помечтать сегодня о нем. И не одной мечтать, а вместе с молодыми хозяевами деревни, с теми, кому дорого здесь все, кто своим трудом, своим поведением являет

собой нового крестьянина, нового человека. Это Брылев Виктор, Ловыгин Николай, братья Ивановы Виктор и Александр, Бакланов Виктор и многие-многие другие.

И мы должны не только мечтать о том, как в наступившей девятой пятилетке мы полностью озеленим свою деревню, сделаем асфальтированные подъезды к животноводческому городку, а может быть, асфальтируем и главную улицу деревни.

Бегут во все стороны от околицы дороги. Дороги разные: длинные и короткие, ровные и тряские. И куда бы ни уводили они, а вернувшись домой, как не скажешь:

– То ли дело, друзья, дома...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1971. – № 138 (13 июня). – С. 4.

За околицей. Дорога к Завьяловскому саду

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СЕЛЕ УТЯТ- СКОМ

Первый Совет в Утятском

В конце ноября 1917 года в нашем крае устанавливалась Советская власть. В эти дни в селе Утятском образовался Совет крестьянских депутатов. Волостной старшина кулак Иван Трубин отстранен от власти. Постоянное место пребывания Совета – здание бывшей волости.

В исполнительный комитет Совета входят крестьяне-бедняки, бывшие солдаты Степан Камынин, Николай Луканин, Родион Лебедев и Иван Чистяков.

Свою деятельность Совет начал с общей в селе демонстрации. Демонстрация была назначена на воскресенье. День выдался погожий, стоял легкий морозец. На улицу высыпались все от стара до мала. Депутат Совета Николай Луканин, выполняющий обязанности военкома, верхом на лошади устанавливает ряды демонстрантов. Заагнали красные знамена, зазвучали революционные песни.

На площади около церкви состоялся митинг. «Да здравствует власть рабочих и крестьян, да здравствуют Советы!!» – провозглашают ораторы.

Запомнилось всем выступление крестьянки Матрены Калининой. Слыханное ли дело, испокон веков бабам не разрешали даже присутствовать на сходках, а тут батрачка на подмости поднялась и слово держит.

На голове Матрены ярким маком горит алый полушалок.

– О чем она говорит? – на площади установилась тишина.

– Женщины-крестьянки, – начала Матрена, – вечные печальницы, кончились наши страдания. Власть Советская – наша власть, она нам дарует равные права с мужчинами. Да здравствуют большевики, да здравствует Ленин! – долгими аплодисментами проводили Матрену с трибуны присутствующие на митинге.

Энергично взялся Совет за установление революционных порядков в селе. Открыт клуб, создана библиотека. По распоряжению Совета в школе отменено преподавание закона божьего. Совет выполнил закон Советского государства об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Усиленно готовился Совет и к проведению посевной компании. В плане Совета намечалась помощь бедняцким хозяйствам в тягле, в семенах. Но прежде всего надо было уничтожить вековую несправедливость – раздел земли по душам мужского населения. Решено было провести общий крестьянский сход и добиться переделки пашни и луговых угодий по едокам. Мероприятие это должно было быть осуществлено в начале лета, когда можно было практически перемеривать землю.

Оказал Совет помощь многим бедняцким хозяйствам семенами, а безлошадные получили лошадей.

– Спасибо Советской власти. Вот это власть! – говорил бедняк Григорий Ловыгин, получивший на семена зерно пшеницы.

– За нас, за бедняков болеет власть, – сияя радостью заявлял Степан Колесниченко, получивший лошадь с упряжью.

Так славно начатая деятельность первого крестьянского Совета была прервана чехословацкими мятежниками в июле 1918 года. Подняла голову контрреволюция, депутатам первого Совета пришлось скрываться от жестоких преследований.

Разогнав Советы, белогвардейцы установили в селах и деревнях террор. В начале 1919 года в селе Утятском расквартирован кавалерийский отряд колчаковского генерала Каппеля.

Хорошо обмундированные, сытые и всегда пьяные белогвардейцы бесчинствовали. О себе они любили горланить такую песенку: «Отряда Каппеля уланы семь раз в неделю бывают пьяны».

Особым преследованиям подвергались семьи депутатов Советов и те бедняцкие хозяйства, которые получали от первого Совета какую-либо помощь и внимание.

Не проходило дня, чтоб кого-либо из местных крестьян не поролли розгами.

– Мы вам покажем Советы... мы вам покажем большевиков, – кричал при этом ротмистр Рождественский.

Двадцать пять розог получил ни за что ни про что бедняк Евгений Луканин. Пятьдесят ударов получил Петр Рохин и на второй день после порки умер. Василису Чистякову отодрали за то, что ко времени она не успела для белогвардейцев истопить баню. По двадцать пять плетей получили Александр Менщиков, Михаил Вотин, Гаврил Петров и многие другие, всех не перечислишь.

Чем хуже шли дела на фронте у белогвардейцев, тем злее и мстительнее они становились.

На утренней заре все слышнее становилось уханье пушек. Крестьянская беднота ждала Красную Армию как свою избавительницу.

В. Иванова

// Искра. – 1957. – № 50 (1 мая). – С. 2; № 51 (5 мая). – С. 2.

Как устанавливалась Советская власть в Утятской волости

(рассказывает И. М. Бобков)

В 1905 году я, двадцатидвухлетний парень, был призван на военную службу. Призывная комиссия, ощупав мои крепкие мускулы, сказала «Лоб!» – и я холщовую рубаху сменил на матросскую тельняшку, картуз на бескозырку. С этого времени началась для меня суровая школа жизни.

Моими учителями были матросы-большевики. Я служил на крейсере «Аскольд», где была сильная подпольная организация большевиков. За то, что подружился с ними, пришлось отсидеть шесть месяцев в тюрьме. В Бухте Широкая нас, молодых матросов, заставили присутствовать при расстреле наших товарищей.

И. М. Бобков

– Запомните, вам то же будет! – кричал на нас полковник Цы-

бульский, показывая свой здоровенный кулак.

И мы запомнили все. Мы дали клятву отомстить врагам трудового народа.

Домой, где не был более десяти лет, я вернулся в ноябре 1917 года. Но здесь почти ничего не изменилось. В Утятской волости Курганского уезда дела мирские по-прежнему вершили волостной писарь Кыштымов, купец Соколков, поп Тутолмин, кулаки Тюкачевы, Чукомыны.

Но я и мои земляки, побывавшие на войне, были уже не те. Большевики помогали нам, деревенским людям, разобраться в жизни, понять ее правильно.

В старом здании школы мы организовали клуб. Здесь ставили спектакли, разучивали революционные песни, выступали с речами. У всех на устах, кто приходил в этот клуб, было: Ленин, большевики помогут нам жизнь построить по-иному.

Вскоре я попал в число делегатов I уездного крестьянского съезда, проходившего в г. Кургане. Съездом руководили большевики, в том числе т. Пичугин. Это был буквально орел, покоровший нас всех. На съезде мы получили прямые указания, как надо строить жизнь в деревне.

В личной беседе Пичугин сказал нам, делегатам от Утятской волости:

– Что вы терпите у власти купцов и кулаков? Гоните их!

Так мы и сделали. Возвратившись со съезда, мы создали волостной Совет. Волостного старшину кулака Трубина Ивана и его приспешников уволили. В исполнительный комитет Совета вошли крестьяне-бедняки: Степан Камынин, Николай Луканин, Родион Лебедев, Иван Чистяков и другие. Такие же мероприятия были проведены во всех двенадцати деревнях волости.

Записала В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1966. – № 177 (29 июля). – С. 4.

Подвиг Андрея Майкова

Андрей Александрович Майков в 1916 году вернулся с войны в свое родное село Утятское инвалидом. За ратные подвиги он был награжден несколькими георгиевскими крестами. Когда начались революционные события, богачи рассчитывали иметь в лице Майкова свою опору. Но ошиблись.

Бедняк-крестьянин, инвалид войны, георгиевский кавалер Майков был всей душой за Советскую власть. Он уничтожил списки большевиков, которые богатеи поручили ему доставить в штаб белогвардейской разведки.

Когда фронт приблизился к селу, Андрей Александрович ушел к красным, указал место на реке, где всего удобнее строить мосты для переправы, и сам лично вместе с красными саперами под артиллерийским обстрелом возводил мост. По его совету была взорвана плотина около деревни Бараба, и это облегчило переправу через Тобол.

В 1920 году Андрей Майков вступил в партию коммунистов и до конца дней своих (умер он в 1944 году) был верным сыном нашей социалистической Родины.

В. Иванова

// Притоболье. – 1968. – № 86 (19 июля). – С. 2.

Начало новой жизни

По тракту, что проходит по нашему селу, день и ночь идут войска отступающих беляков, движутся обозы беженцев. Пыль стоит густым облаком. Какие-то барыни, с собачками на руках, в экипажах прикрываются зонтиками от знойного августовского солнца и пыли.

Полдень. Набатно гудит церковный колокол. Местный утятский поп собирает народ. Он хочет отслужить последний молебен и присоединиться к беженцам. Уже запряжены лошади, уложен багаж. Именем бога попик закликает мирян оказать сопротивление большевикам, уходить из села, угонять скот. После молебна поп задерживает Андрея Майкова – георгиевского кавалера. Они остаются в церкви с глазу на глаз. Плохо верится, что щуплый, с выбитым правым глазом, с нервно подёргивающейся щекой Андрей Майков – герой войны. Из пустой глазницы постоянно сочится гной, и он вытирает его рукавом

ветхого, затасканного пиджачишка.

– Вручишь этот пакет самому полковнику Краснову, – говорит поп. – Это важный пакет, такое можно доверить не каждому, а только такому, как ты – опоре нашей родины. Твои заслуги не забудутся.

Андрей прячет пакет в карман пиджака. Ему ещё надо забежать домой, взять на дорогу кусок хлеба, надо встретиться с учительницей Марьей Васильевной: она просила из церкви зайти к ней обязательно.

Марья Васильевна Лучинская встретила Андрею Майкову на дороге, и они зашли к ней в школу.

– Я знаю, – начала Марья Васильевна, – поп задерживал вас неспроста. Вам поручено доставить в штаб карательного отряда список местных большевиков. Послушайте, Андрей, неужели вы это делаете? Я уверена, что в этом списке имя вашего родного дядюшки Ивана, а может быть и моё имя...

Андрей дрожащими руками достаёт из кармана пакет и разрывает его. Так и есть, на белой гербовой бумаге выведены фамилии 19 местных большевиков, с которыми, по мнению попа и волостного старшины Трубина, надо немедленно расправиться. Список скреплён печатью волостного старшины и печатью Утятской церкви. Андрей чиркает спичку, маленький язычок пламени касается уголка бумаги и весело разгорается.

– Я сапер и знаю, что мне делать, – говорит Андрей. Рот его искривился, на впалых щеках появились красные пятна. – Пойду туда, – он показал рукой на запад, – и помогу красным организовать переправу через реку. Белогвардейцы отлично укрепились на правом берегу Тобола и хотят сделать реку поворотным рубежом. Не получится!

...Августовские ночи уже по-осеннему темны и прохладны. Андрей ёжится в своей старой солдатской шинели. Он идёт навстречу глухим орудийным раскатам. Идёт только ему одному известными тропками и дорожками, петляющими между колками и перелесками. Вспоминаются такие же ночи на западе, где он воевал под командованием генерала Брусилова. Первый крест за доставку языка ему вручал сам генерал. Потом удачное форсирование реки – второй крест.

Затем ранение, госпиталь, опять строй, опять сражения. И вот дома... Инвалид войны... Железные крестики за подвиги давно лежат ненужными на дне деревянного сундука.

– Опора родины... но не ваша опора, – вслух говорит Андрей, вспоминая разговор с попом.

Уходил на германскую войну Андрей крепким парнем. И теперь он ещё не стар годами, хотя и похож на старика. Он одинок, кто пойдёт замуж за такую развалину? Сватался к солдатской вдове Зинаиде, не отказала, но и твёрдого слова не дала.

– У меня двое сирот, будешь ли любить их, Андрюша? Да и время беспокойное, повременить надо, – говорит она.

– Детям буду отцом, а времени дождёмся хорошего.

На том и кончился разговор.

Дорожку перебежал какой-то зверёк – не то лиса, не то хорёк. Андрей на минуту остановился, закурил сигарку и зашагал быстрее.

Перейти фронт не столь уж трудно. Он найдёт штаб красных и скажет, что пришёл оказать помощь в форсировании Тобола. Первым делом нужно взорвать плотину около деревни Барабы, тогда вода в реке спадёт. Мост строить нужно левее, вместо старого, там дно надежнее, да и прикрытие хорошее.

Большевики... Советская власть... Как ни порочат, ни охаивают её поп и богачи, она, советская власть, уже испробована, она уже себя показала. Ведь в селе в декабре 1917 года был создан Совет. Пусть просуществовал он всего семь месяцев, но за бедняков стоял горой. Как-то встретил на улице Андрея депутат Совета Степан Камынин. «Ну, как живёшь? – заговорил он. – Всё бобылем ходишь? Женись, брат, семью заводи, а хозяйство завести поможем. Хоть сегодня лошадь со всей упряжкой дадим... Землю дадим поближе...»

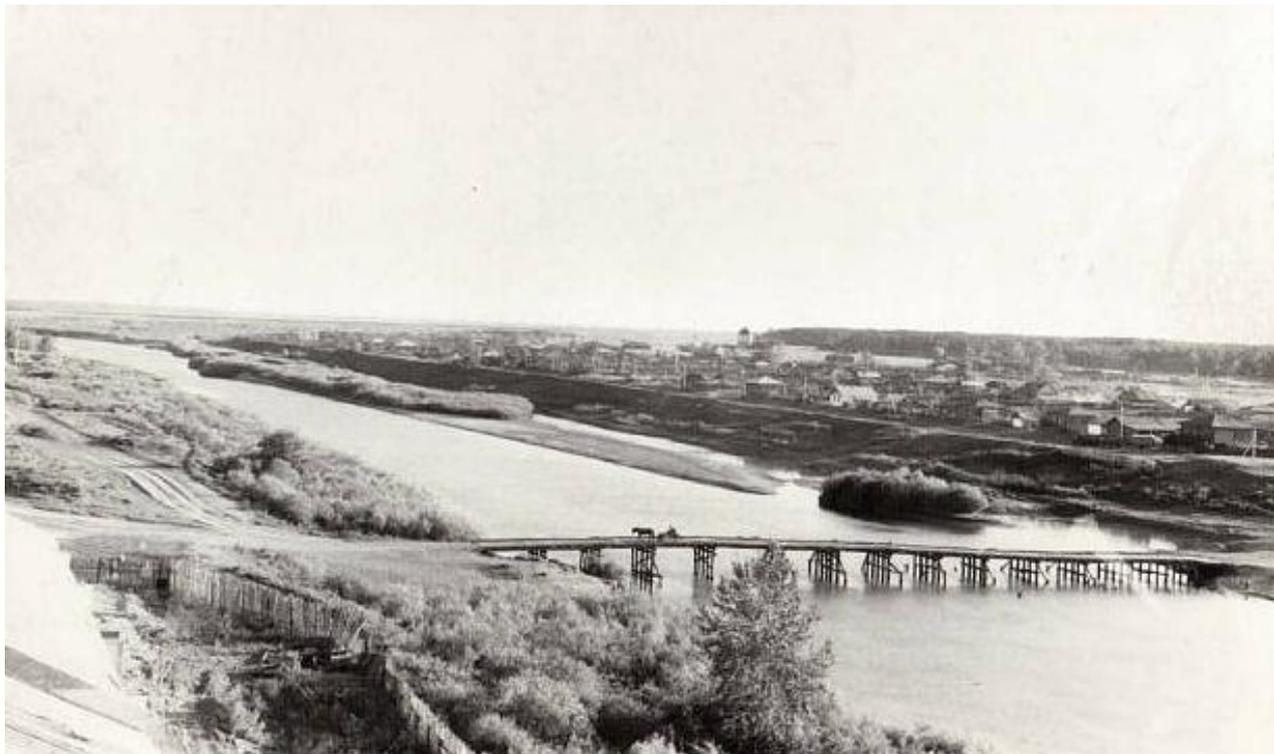
Андрей не успел завести семью и получить хозяйственную помощь, но ведь многие, похожие на него, получили. К примеру – Григорий Ловыгин или Степан Колесниченко.

Ночь подходила к концу, заалел восток, сырой туман стеной надвигался с севера, и окутав всё кругом, мелкими холодными каплями садился на одежду, лицо, руки. Вдруг утреннюю тишину разо-

рвали орудийные выстрелы, слышалась пулемётная очередь. Фронт недалеко...

В ту ночь в селе никто не спал, разве одни несмышлёнышеребятишки. Люди покинули свои жилища, перешли в устроенные в земле укрытия. Учительница Марья Васильевна Лучинская нервно ходила взад и вперёд по своей каморке при школе. На кухне сидя дремал школьный сторож Арсентьевич. Перед самым рассветом в дверь кто-то постучал, и в комнату вбежала возбуждённая, запыхавшаяся Шурочка, дочь местного купца, тоже учительница.

– Сегодня будет взорван мост через реку. Мне сказал об этом ротмистр Фельдман. Что делать, Марья Васильевна? Бежать надо, а то поздно будет. Наш зав, Сергей Николаевич, ушёл на правый берег ещё вчера вечером. Бежимте, Марья Васильевна.

Утятский мост

– Мне незачем бежать, – резко сказала Лучинская и отвернулась к окну.

С минуту постояв, Шурочка выскользнула в дверь.

Вдруг раздался взрыв, посыпалась штукатурка со стен, зазвенели окна в рамах.

– Не успела Саша, – усмехнувшись, прошептала Марья Василь-

евна. – Мост взорван...

Около недели держались белогвардейцы на хорошо укрепленных позициях. Вода в Тоболе сильно спала. Мост для переправы сооружали под обстрелом беляков. Андрей Майков вместе с красными саперами работал на постройке моста.

Штыковой атакой белогвардейцы были выбиты из укреплений. Местное население встречало красноармейские части хлебом и солью. Вечером в селе около школы была устроена открытая сцена. На шаткие доски взошел суровый человек в военном, с красным бантом на груди. Он поздравил собравшихся крестьян с победой и провозгласил:

– Да здравствует Советская власть!

– Это командир Петроградского полка Степанов, – передавалось по рядам.

Потом начался концерт. Молоденький красноармеец читал стихи Пушкина, два солдата лихо отплясывали русскую под гармошку. Вот на сцене появилась фисгармония, и учительница Марья Васильевна под собственный аккомпанемент спела несколько романсов.

Уже зажглись в небе звёзды, когда расходился народ по домам. Майков и вдова Зинаида Луканина шли домой вместе.

– Вот и началась новая жизнь, Зина, – сказал Андрей. – Я, знаешь, хочу вступить в партию коммунистов, большевиков. Что ты мне скажешь на это?

– Вступай, Андрюша. Если нужно будет, и я вступлю, – ответила Зинаида.

Андрей крепко обнял её.

В. Иванова

// Красный Курган. – 1957. – 7 ноября.

Мученическая смерть Григория Воденникова

Был август месяц 1919 года. Фронт подходил к реке Тоболу вплотную. Белогвардейцы решили хорошо укрепиться на правом берегу реки с тем, чтобы опомниться и перейти в контрнаступление.

Крестьянин села Утятского Григорий Алексеевич Воденников, не желая попадаться на глаза колчаковцам, почти совсем не бывал

дома. Он безвыездно жил на пашне или на лугу.

Однажды, путая своего пегашку, Григорий не слышал, как к нему подъехали три всадника с красными бантами на гимнастерках.

– Эй, дядя, где тут через реку брод? – спросили незнакомцы.

– Везде глубь, нет тут брода, – ответил Григорий, выпрямился и поглядел на всадников.

– Вы кто такие будете? – в свою очередь спросил Григорий.

– Аль не видишь, – ткнув пальцем себе в красный бант, ответил усатый всадник и понизил голос: – красные мы, разведка красных.

– Неужто красные? – вдруг просиял Григорий. – Родные вы наши спасители... замучили ведь нас те гады... – и он показал рукой в сторону белогвардейских частей.

– Для вас, желанные, найдется брод, пойдемте, покажу... – и Григорий Воденников зашепел по направлению к реке. Удар хлыста по лицу остановил Григория, и только тут он понял, что попал в ловушку, что это была провокация со стороны переодетых беляков.

Били его долго. Особенно изощрялся безусый молодой белогвардеец по имени Костя.

– Мы разукрасим тебя по первое число! – визжал он. Григорию выщипали половину бороды, отрубили правое ухо.

– Хорош, хорош!!! – хохотали палачи. Григорий, стиснув зубы, молчал. Потом его вели по селу уже с опаленной головой и отрубленным кончиком носа. Завидев страшную процессию, люди в страхе прятались. Жена Григория Воденникова выбежала из ограды и, заломив руки, крикнула: «Гриша, куда они тебя?»

Григорий повернул к ней голову и ещё ответил:

– Прощайте, не горюйте обо мне, – несчастная женщина грохнулась на землю.

Григория Воденникова увели за реку. Там, где сейчас элеватор, в первых сосенках за ним продолжались еще пытки.

Из спины вырезали ремень, на лбу долбили пятиконечную звезду, а Григорий не просил пощады, не издал стона. Несколько пуль в голову и живот оборвали жизнь.

Труп Григория Алексеевича долго валялся на земле, пока не прогнали белогвардейцев из их укреплений.

В. Иванова

// Искра. – 1957. – № 51 (5 мая). – С. 2.

Могила Григория Воденникова в с. Утятском.

Первая маёвка

Берёзовая роща, лежавшая между двумя деревнями, должна была стать местом сбора участников первомайской маёвки. Отсюда демонстранты пройдут по улицам деревни, а затем отдадут дань труду – заложат около школы сад. Ведь Первое мая не простой праздник, а праздник труда.

Организаторы первой в селе маёвки, члены местной партийной ячейки, радовались: собралось много народа. Поляна рощи заполнилась людьми всех возрастов. На лицах счастливые улыбки. Да и как было не радоваться. Ведь это была первая весна Советского Зауралья – весна 1920 года. Сама природа располагала к веселью, счастью, ра-

дости. Березы успели напоить влагой свои стебли, почки набухли, чуть высунув зелёные язычки. В такую погоду воздух особенно прян, а может быть, его делают таким серебристые подснежники, которых так много кругом.

И люди, напоённые ароматом воздуха, сознанием своей свободы, готовы на любой подвиг. На преодоление любых трудностей.

Посредине поляны небольшой холмик. На нем водружен красный флаг. Это импровизированная трибуна. С нее секретарь партийной ячейки т. Жунин поздравляет собравшихся с праздником Первомая. Его сменяют другие ораторы. Они с любовью говорят о Советской власти, давшей крестьянам землю и свободу, о труде без эксплуататоров.

Вот сильные руки подняли флаг над головами. Кто-то подал команду строиться. Самопроизвольно вспыхнула песня: «Смело, товарищи, в ногу!» Слова её зажигали сердца решимостью бороться с каждым, кто посмеет посягнуть на свободу и независимость Родины. «И водрузим над землею Красное знамя труда!» – несется над деревней и как бы символизирует смысл всего происходящего. Кажется, что красный флаг, плывущий над демонстрантами, это и есть знамя труда.

А когда демонстрация закончилась, все, не сговариваясь, направились к школе. И закипела работа: одни чистили дорожки, другие копали землю, третьи садили деревья. Особенно упоенно трудились члены первой коммуны «Заря жизни».

Через несколько лет в память о первой маёвке возле школы зазеленел прекрасный сад.

Таким навсегда запечатлелся в моей памяти и в сердцах многих моих сверстников праздник Первого мая – праздник труда, свободы, радости и счастья.

В. Иванова

// Ленинский путь. – 1962. – № 6 (1 мая). – С. 2.

Коммунист

(очерк об И. Сартакове)

Гордо высится в центре села Утятского обелиск. Каждую весну видят здесь сельчане старого седого человека. Это Иван Петрович Сартаков – первый начальник милиции бывшего Утятского района. Я хорошо знаю его и хочу рассказать вам об этом замечательном человеке.

Начать, пожалуй, стоит с того августовского дня 1911 года, когда семнадцатилетний Иван с узелком вышел на пыльный большак. Позади – пепелище родной деревни, впереди – чужой, каменный город. В пути и произошло у него знакомство с высоким крепким парнем – молотобойцем Филиппом Матвеевым.

Вот и Курган. Пошел Иван в услужение к богатому купцу, любителю щеголять на городском ипподроме. Стал ходить за породистыми рысаками. Хозяин был доволен работающим конюхом:

– Быть тебе, Иванко, моим первым наездником.

Но однажды понесла лошадь, не удержался парень в седле.

Добрые люди донесли наездника со сломанной ногой до дому, но купец, увидев его без коня, велел убираться ко всем чертям.

Вернулся Иван в деревню. Женился. Только стали скоро называть односельчане Христину солдаткой – первая мировая война началась.

За храбрость и смекалку Сартаков был произведен в унтер-офицеры, командовал взводом. Вражеские пули его миновали. Но вот он сидит под строгим арестом и ждет расстрела за то, что вступился перед фельдфебелем за раненого солдата и за связь с большевиками. Спасла Сартакова революция.

И вот он уже член полкового, а затем – дивизионного ревкомов, делегат второго съезда Западного фронта. Ивану Петровичу доверили командование особым красногвардейским отрядом по борьбе с контрреволюцией. Тяжелое ранение, госпиталь, демобилизация.

В деревне Могильное он был первым коммунистом. Здесь было не легче, чем на фронте. Из-за каждого угла мог ожидать член волостной земельной комиссии смерти от озверевшего от мысли, что скоро придется расстаться с землей, кулака.

В июне 1918 года Зауралье заполонили белочехи. Коммунистам пришлось уйти в подполье. Сартаков вместе с земляками скрывался в казахском ауле Куромбай. Здесь они и организовали партизанский отряд. Позднее он внезапным ночным налетом на оборонительные позиции колчаковцев открыл путь через Тобол триста седьмому Петроградскому стрелковому полку. После завершения операции отряд влился в полк, с которым и бил белогвардейцев до полного их разгрома.

Но это было позднее. А пока в только что организованном отряде ждали представителя омской партийной организации. Он прибыл глубокой ночью. Пожимая руки, Макаров остановил взгляд на комиссаре:

– Никак конюх купца Ушакова?

– Неужели Филипп? При такой бороде тебя не сразу узнаешь.

Начался военный совет. Макаров показал исписанный листок:

– Семьи многих членов отряда арестованы и будут держаться

под залогом до тех пор, пока скрывающиеся от мобилизации не явятся на призывной пункт. Вот список...

В нем значилась и семья Сартакова. Приняли рискованное решение явиться на призывной пункт. Сделать вид, что покорились, а по прибытии на поле боя перейти на сторону Красной Армии. Но этого мало. Нужно дезорганизовать ряды противника, перетянуть на свою сторону как можно больше солдат. Макаров подвел итог:

– Отряд во главе с Худяковым останется до поры здесь, а заложники, те... – тут он посмотрел на Сартакова, – тебе, Ваня, как коммунисту и бывшему красному...

Сартаков перебил:

– Двум смертям не бывать. Да и не все им обо мне известно. У меня сохранилась фронтовая книжка, где значусь унтер-офицером. Явлюсь прямо в штаб и попытаюсь сыграть на этом документе. Ну, а если...

– Да, – подал голос Мокей Жданов, – на унтера-то они, пожалуй, клюнут.

Риск был оправдан делом. По дороге курганцы старались держаться вместе. Как и предполагали: Сартакову дали один из взводов Саткинского полка 6-ой Уральской дивизии. Командирами отделений были назначены его земляки: Яков Моисеев и Петр Михалищев. По прибытии на Урал Сартаков уже знал настроение солдат, со многими удалось в пути поговорить по душам. А путь был не мал: прошли пешком через весь Южный Урал. 7 апреля 4 роты Саткинского полка были брошены в бой против Красной Армии. По прибытии на позиции развернутым фронтом пручик подал команду:

– Рота, прицел 215 – пли!

Около тысячи солдат без боя перешли на сторону красных. Некоторым офицерам удалось бежать. Вскоре по Саткинскому полку был издан приказ, прочитанный во всех ротах, о расстреле семей перебежчиков, в том числе и Сартакова. К счастью, в полку еще оставались свои люди, и приказу не суждено было дойти до Зауралья.

В тот же день перебежчиков встречали на Самарском вокзале работники политотдела 5-ой Красной Армии. На привокзальной

площади г. Самары состоялся митинг. От прибывших речь держал И. П. Сартаков. Он рассказывал о зверствах, чинимых карателями над мирным населением Сибири, о захвате колчаковщиной заводов и фабрик, о том, что землю у крестьян вновь отбирают кулаки и купечество. В заключение своей речи Сартаков заверил:

– За Советскую власть мы готовы сейчас идти в бой!

Сартаков был зачислен на работу в политотдел 5-й армии. И с этого дня вторым его оружием против врагов Советской власти стало боевое слово агитатора. Ему часто приходилось выступать перед массами. На всю жизнь запомнился митинг в клубе имени Карла Маркса по случаю освобождения станции Кипель. На этом митинге ему первому было предоставлено слово. А когда он кочил говорить, председательствующий объявил:

– Слово члену реввоенсовета Куйбышеву.

Зал грянул аплодисментами. Сартаков так и замер – он впервые видел прославленного большевика. Возвратясь в президиум, Иван Петрович еще раз удивился – рядом с ним сидел талантливый военачальник М. Н. Тухачевский.

В мае 1918 года Сартаков был зачислен в Самарскую партийную школу, после окончания которой был направлен в освобожденный Курган. Председатель ревкома Н. Н. Воронцов назначил Сартакова инструктором-организатором ревкома. И стал бывший конюх купца Ушакова организатором Советской власти на местах. Под его руководством было организовано более 10 ревкомов. В марте 1920 года Сартаков возглавлял партийно-советскую школу и подготовил к выпуску 65 коммунистов. А когда вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж, охвативший несколько сибирских областей, Иван Петрович вновь стал в первые ряды защитников Советской власти в Зауралье.

В Притоболье свирепствовала банда, возглавляемая казаком Землиным. Туда-то, в село Утятское, и был направлен начальником 4-ого райотдела милиции человек, преданный делу революции. Соседний Глядянский районный отдел милиции по борьбе с бандитизмом был под началом его давнего друга Филиппа Матвеевича Макарова.

– В третий раз встречаемся на большой дороге! – шутил он, приветствуя Сартакова, и сообщил, – а твоего бывшего хозяина, купчишку Ушакова по решению ревтрибунала пришлось расстрелять. Оказался первым в списке заговорщиков. Теперь очередь за Землиным – хитер бандюга. Умеет напакостить и вовремя скрыться. Вот посмотри, Макаров протянул скомканный листок:

«Хлеб возвратить хозяевам. Продразверстку отменяю. Да здравствует Советская власть без коммунистов!

Начальник южного фронта Землин».

– Где взял?

– А вон обоз с хлебом вернулся.

Сартаков поморщился от боли, потрогал забинтованное плечо.

– В меня уже стреляли через окно. Помощник убит.

Решили объединить отряды милиции обоих районов. Банде всячески сопутствовали кулаки. Они скупали оружие, прятали его до прихода бандитов и пополняли их боевые запасы. Нужно было срочно производить изъятие оружия. Сартаков со следователем Поздняковым за одну только ночь изъяли 20 винтовок, 5 револьверов и 3 ручные гранаты. На кулацкой заимке братьев Поповых старший милиционер Гаврил Лыжин нашел 14 винтовок, несколько ящиков патронов и списки коммунистов, которых бандиты намеревались уничтожить.

Объединив силы отрядов, Макаров и Сартаков организовали погоню за бандой, которая на своем пути зверски расправлялась с коммунистами и грабила мирное население. В селе Верхняя Алабуга бандиты были окружены. Около сорока человек арестовали, остальным, во главе с Землиным, удалось скрыться. Через несколько дней стало известно, что банда вновь пополнилась и свирепствует в деревне Лаптево. Туда с отрядом направился Макаров. Сартаков высказал опасение:

– Может больше людей возмешь?

– Справимся. Ну, а если туго придется, ты будь наготове, pošлю милиционера за подмогой.

Бандиты укрепились в крайней избе деревни. Долго

отстреливались, а потом умолкли.

– Должно быть, патроны кончились, – сказал Макаров и, поднявшись во весь рост, подал команду:

– За мной! Землина брать живым.

Но в тот же миг раздался залп, и Филипп Матвеевич схватился за сердце. Повернулся к товарищам и, оседая на колени, произнес:

– Оплошали мы, – он побледнел, лицо перекосила боль, губы еще что-то шептали, но подоспевший милиционер уже не мог слышать голоса своего командира.

С глубокой скорбью хоронили товарищью. Филипп Матвеевич Макаров был похоронен в селе Утятском. Часто бывает у его могилы Иван Петрович Сартаков и все те, кому дорога Советская власть, за которую было отдано так много жизней.

После подавления мятежа Сартаков был назначен политическим комиссаром Курганской милиции, а в августе 1922 года его как умелого руководителя избрали секретарем Курганского горкома партии. Купец Ушаков не смог бы и вообразить, что его конюх станет видным человеком в Зауралье. Да и мог ли сам Сартаков, сын бедного крестьянина из деревни Могильное Кетовского района мечтать о такой чести, какой его удостоил народ на 29-м году жизни.

В. Кубасов

// Притоболье. – 1969. – 7, 11 ноября.

Кулацкий мятеж в Курганском уезде

(исторический очерк)

Перед мятежом

Вспоминать о кулацком мятеже 1921 года, охватившем Курганский, Тюменский, Ишимский, Ялуторовский и Петропавловский уезды, нам, бывшим работникам милиции, участвовавшим в его ликвидации, равносильно тому, что резать старую, уже зажившую рану тупым ножом. Нам, старикам, прожившим более семидесяти лет, приходилось бывать в ожесточенных сражениях в империалистическую и гражданскую войнах. Но там мы врага видели, различали и били его. Другое дело при подавлении мятежа. Тут враг может сидеть рядом с тобой, а ты и

не подозреваешь этого.

В 1920 году я заведовал партийно-советской школой. Меня вызвали на бюро укома и предложили дать характеристику каждому курсанту. На заседании бюро присутствовали представители милиции, органов юстиции, военкмата и других организаций и учреждений, на работу в которые распределились выпускники школы.

Как сейчас помню контингент учащихся: 60 процентов до этого окончили только сельскую школу, остальные не имели и того образования, 45 процентов – члены партии, 30 – сочувствующие, 25 процентов – комсомольцы. При таком низком уровне партийности и грамотности, казалось бы, не должно было возникнуть споров за курсантов, но все представители горячо доказывали, что в их организации необходимо выделить бóльшее число выпускников. Многие из них тут же были направлены на ответственные посты.

После распределения, тут же на бюро, я обратился к секретарю укома Илье Митрофановичу Гордиенко: «Школа закрывается, прошу определить меня на работу».

– Начальником районной милиции поедешь? – в упор спросил начальник горuezдной милиции т. Гусев.

– В ведомство чека возьмем, – подтолкнул меня в бок сидящий рядом помощник начальника т. Бундин.

– В аппарате укома останешься, – заявил т. Гордиенко и тут же спросил: «А твоё желание?»

Пришлось призадуматься. Будучи инструктором-организатором Курганского уездного ревкома, я с первых дней после разгрома Колчака вел работу по организации волостных ревкомов и других органов Советской власти на селе. Кулачество переходило в наступление. Оно выставляло своих кандидатов в ревкомы, а если это не удавалось, поднимало дебош. Для наведения порядка приходилось прибегать к вооруженной силе, а эта сила была в органах милиции и ЧК. Я решил:

– Прошу направить меня на работу в милицию.

– Возражений нет? – спросил Гордиенко.

– Удовлетворить просьбу, – поддержали члены бюро.

– Поедешь начальником 4-ого района милиции и уполномоченным ЧК. Сегодня же получишь приказ, – закончил разговор Гусев.

В резиденцию четвертого района – село Глядянское – я прибыл 28 августа 1920 года. Начальник милиции Ф. П. Воденников принял меня приветливо. Он неоднократно подавал рапорты о переводе на работу в Курган по семейным обстоятельствам. При передаче дел Воденников ознакомил меня с положением дел в районе, охарактеризовал каждого милиционера в отдельности, особенно старших, обслуживавших волости.

Штат милиционеров не был полностью укомплектован: из восьми волостей, входящих в район, только в четырех имелось по два, в остальных – по одному старшему милиционеру.

Продразверстка и кулачество

Работы для волисполкомов, сельсоветов, милиции было непочатый край. Всюду развернутым фронтом проводилась продразверстка. Кулачество на селе не утратило силы, сдавать хлеб упиралось. Беднота, батраки пока что неорганизованны и оказывать крепкого давления на кулачество не могли. Порой забирать хлеб у кулаков приходилось под силой оружия.

В Митинской волости кулаки Епишев, Быков, Куликов и другие с дубинами в руках окружили председателя волисполкома Федора Бунина и кричали: «Ты наш хлеб не сеял, не убирал, а отбираешь! Голодом заморить хочешь! Убьем, кровопиец!

– Бейте, убивайте, – заявил Федор, – а хлеб, который пять-шесть лет стоит в скирдах, молотите и везите государству. Не будете – без вас обмолотим и вывезем!

Так и пришлось сделать. Не легче обстояло дело с обмолотом и вывозкой хлеба в Давыдовке у председателя т. Тупикина, в Нижне-Алабугской волости у т. Ануфриева. Тут актив бедноты, возглавляемый секретарем партячейки Петром Гавриловым, установил молотилку к скирдам хлеба, принадлежавшего кулакам. Приступили к обмолоту, но кулаки и подкулачники схватили

Гаврилова, подтащили к барабану и намеревались его измолотить. Старший милиционер т. Ермаков с активом выхватили Гаврилова из кулацких рук и спасли от верной гибели.

С элеватора и складов г. Куртамыша отправляли хлеб на станцию Юргамыш. Подводы назначались сельсовета́ми по списку с приложением печати и вручались старшему обоза для сопровождения на станцию. Зажиточные крестьяне села Ключи под руководством дочери попа составляли фиктивные списки с вымышленными подписями, заверенные фальшивой печатью, нагружали свои подводы и развозили хлеб по домам. Милиция раскрыла преступников, и они получили по заслугам.

В дополнение ко всем трудностям Советской власти поднял голову уголовный бандитизм. В царское время были широко известны Евлампий Косо́гов – из села Давыдовки, Васька Салобоев – из деревни Пожарковка, Егор Жданов – из деревни Пищальное и другие. Еще до революции эти конокрады десятками захватывали лошадей с пастбищ и отправляли в Казахстан к баям Мулдашу Тачату и Турганову Тачату, оставляя крестьян безлошадными.

При советской власти они снова занялись воровством, но скоро преступники были раскрыты и обезврежены.

Проходивший колчаковский фронт порассеял немало всякого рода огнестрельного оружия. С ним дезертировали солдаты из колчаковской армии. Контрреволюционные элементы подбирали брошенное оружие и хранили до удобного случая. В ноябре 1920 года я взял пять милиционеров, пригласил народного следователя Егора Позднякова. В одну ночь мы изъяли 21 винтовку, 5 револьверов, 3 ручных гранаты. Кое-кого пришлось арестовать и предать суду.

На заимке у частновладельцев братьев Поповых старший милиционер Гавриил Лыжин и председатель сельсовета́ Иван Гололобов изъяли 14 винтовок, наган и большое количество патронов. Обнаружили и секретные списки, в которых указывалось, когда и кого из коммунистов уничтожить в первую очередь. Поповы были своевременно разоблачены и преданы ревтрибуналу.

В восьми уездах района, по свидетельству архивных

документов, проживало 38 224 человека. Из них коммунистов – 22, сочувствующих – 29, милиционеров – 23 человека, среди них 5 членов партии. Понятно, что при такой малочисленной партийной прослойке работать приходилось очень трудно. Надо было обладать железной волей и стальным характером, чтобы добиться успехов в становлении Советской власти. Коммунисты начала 20-х годов были именно такими людьми.

Появление Землина

В конце декабря старший милиционер по Плотниковской волости Василий Найданов прислал докладную, в которой сообщил: «Трое неизвестных разъезжают по деревням Плотниковской и Нижне-Алабугской волостей до Звериноголовской станицы, останавливают обозы с хлебом, поворачивают их обратно».

К докладной была приложена записка с таким содержанием: «Приказываю обозам с хлебом вернуться обратно. Хлеб не сдавать, продрозверстку отменяю. Коммунистической власти не должно быть! Начальник штаба Южного фронта Землин. Адъютант Рогозин».

Аналогичное донесение прислал и старший милиционер по Нижне-Алабугской волости т. Ермаков. Он писал, что в его волости вернулось два обоза с хлебом, и тоже приложил «распоряжение» Землина, которое дополнялось призывом: «Продразверстки не должно быть. Бей жидов и коммунистов. Да здравствует Советская власть и Красное знамя!»

Милиция принимает меры к розыску «начальника» Землина, но на след напасть пока не удастся, а безобразия продолжают продолжаться.

11 января 1921 года созываю всех старших милиционеров на совещание, на котором обсуждаем создавшуюся обстановку. Милиционеры доложили, что им известно, и высказали свои соображения. Выяснилось, что Землин разъезжает на паре гнедых, запряженных в кошовку с «адъютантом» и кучером.

Контрреволюционных выступлений пока нет, но надо быть готовым ко всему, так как Землиным брошены демагогические лозунги, которые звучат призывом к восстанию.

Вечером с 11 на 12 января силами местного кружка

самодеятельности в Глядянке был поставлен спектакль. На нем присутствовали все милиционеры. Как выяснилось впоследствии, тут же был Землин со своим адъютантом (разведывал силы).

На следующее утро милиционеры разъехались по волостям. Мы с делопроизводителем У. А. Каргаполовым разобрали уголовные дела, и в полдень я повез их в народный суд. Только зашел в кабинет к судье, сюда забежал секретарь волисполкома Евстафий Худяков. Бледный, растерянный, взволнованным голосом закричал: «Товарищ начальник, беда! Бандитское восстание! Председатель волисполкома Иванов и член исполкома Завьялков арестованы, военком Постовалов убит. Что делать?»

Время терять нельзя. Я пустил лошадь галопом к сельсовету, дал распоряжение председателю Кириллу Устюгову немедленно мобилизовать 30 оседланных лошадей. Примерно через полчаса лошади стали прибывать в милицию. Их я передал членам партии, пешим милиционерам и совработникам, пожелавшим принять участие в борьбе с бандой.

О банде все слышали, но толком никто ничего не знал. Вдруг со стороны Березово, где якобы арестовали председателя Иванова, показалась кошовка, а в ней человек. Лошадь потная, закуржавела. Увидев вооруженных людей, мужик хлестанул по лошади и пустил ее галопом. Но уйти от верховых ему, конечно, не удалось.

Дав указание двум товарищам поехать верхами в Чернавскую волость и сообщить находящемуся там вооруженному продотряду, чтобы он прибыл в село Глядянское для совместных действий против бандитов, я пошел допрашивать задержанного.

Это был мужик крепкого телосложения, лет сорока пяти, растерянный и испуганный. Вначале ничего не отвечал, только пот с лица вытирал шубным рукавом. Потом разговорился. Оказалось, что он ехал из Плотниково, не доезжая до Ялыма увидел, как вооруженный отряд раздевает людей в лесу. Слышались выстрелы. Его хотели остановить, но он сумел уйти от погони.

Когда я вышел на улицу, то ахнул: наш отряд здорово поредел. Из оставшихся хорошо запомнил конного милиционера Федю

Кокина, делопроизводителя Ульяна Каргаполова и учительницу Зинаиду Островских. Оставшиеся товарищи заявили, что в любом случае они готовы сражаться с бандитами до конца.

К вечеру к милиции подъехала подвода. В санях лежал закрытый чем-то человек. Возчик подошел и заявил: «К вам, товарищ начальник, привез обмороженного. Бежал нагой от бандитов из-под расстрела».

Занесли его в помещение. Трудно представить и описать состояние обмороженного: лицо черное, как головня. С трудом мы узнали в нем секретаря Н.-Алабугской партячейки Петра Гаврилова, который вместе с Георгием Ермаковым утром уехал из Глядянки к себе в волость.

Собрав силы, он сумел рассказать, что, когда они подъезжали к Ялыму, оттуда выехал обоз подвод в двадцать. На подводах сидели вооруженные люди.

– Что это значит? – спросил Гаврилов у Ермакова.

– Черт его знает! Понужай, догоним.

А когда догнали, из саней выскочили люди, наставили оружие, закричали «Вы арестованы!» и повезли с собой. Когда довели до леса, начали раздевать. Ермаков бросился на бандитов, подмял под себя одного, другого, третьего сбил с ног. Выстрелить в него нельзя, можно убить своего же. Поднялась возня, суматоха. Ей воспользовался Гаврилов и пустился бежать в лес. Пули со свистом пролетали над его головой. В селе Гаврилов забежал в первую избу, где его одели и отправили в Глядянку.

О судьбе Ермакова Гаврилов не знал. Он видел еще двух мужиков в коробе, которых бандиты везли под охраной. Это, видимо, были Иванов с Завьялковым. По предположению Гаврилова, значительная часть бандитов – мужчины из Дубровки, расположенной в трех верстах от Глядянки. Заворачивал ими кулак Сидор Менщиков.

Мы с милиционером Федей Кокиным решили немедленно ехать в Дубровку. В деревне тихо, но деревня не спит.

– Товарищ начальник, из-за изгороди люди выглядывают, –

предупредил меня Кокин.

– Приотстань, – говорю я, – и езжай сзади: как бы стрелять не стали.

Подъехали к дому председателя сельсовета Николая Позднякова, постучали в окно. Хозяин не узнал нас или сделал вид, что не узнает, спросил: «Кто будете, и что нужно?»

– Кто организовал здесь банду? Почему не сообщаем об убийствах?

– Убитых у меня в деревне нет, – отвечает Поздняков. – Прибыл конный отряд, арестовал всех наших мужиков и увез с собой, не знаю куда.

– Что ты врешь? А комиссар Илларион Иванович Постовалов здесь убит?

– Не видел, не знаю.

– А как же они тебя не арестовали и не убили?

– Укрылся от них.

– Я тоже не буду тебя арестовывать, но ты за нами же следом поезжай в милицию и обо всем доложи.

Чувствуя за собой вину в содействии бандитизму, Поздняков в милицию не явился, а скрылся в лесах. В последствии был пойман и получил по заслугам.

По кровавым следам банды

Поздно вечером в милицию прибыли трое вооруженных под командой старшего милиционера Гавриила Лыжина. А утром 13 января приехал к нам на помощь из Утятского начальник второго района милиции Филипп Матвеевич Макаров со своими милиционерами. Слились в один отряд и двинулись в направлении села Ялым. Проезжая деревню Разломайку, узнали, что местные кулаки арестовали коммуниста Андрея Красилова и увезли его вдогонку банды Землина.

Возле Ялыма обнаружили убитого, раздетого донага Ермакова. Отряд окружил труп. Кто-то скомандовал: «Шапки долой». Все, не сговариваясь, дружно запели похоронный марш.

Рассказ Гаврилова подтвердился: в Ермакова стрелять бандиты

не могли, он дрался, как лев. Его не застрелили, а били прикладами, кололи штыками, превратили в груды рваного мяса.

Ермаков – коммунист. Он не думал о спасении, вступая в неравный бой с бандитами. До последней минуты он защищал Советскую власть.

В селе Плотниково возле здания волисполкома увидели короб, лежащий вверх дном. Под ним оказалось два трупа. В убитых мы узнали волвоенкома Леонова и уполномоченного по продразверстке Кацило. Что сделали с ними бандиты!

Они ворвались в село внезапно. Землин с подручными вбежал в волисполком. Приступили к допросу захваченных.

– Кто ты? – спросили Леонова.

– Я волостной комиссар.

– Коммунист? Арестован! Ведите его в отряд.

– А ты? – обратился Землин к Кацило.

– Уполномоченный по продразверстке.

– А, это ты грабил крестьян, хлеб отбирал, коммунистов кормил!

До самого последнего момента коммунисты не теряли твердости духа, смеялись, бросали шутки по адресу бандитов-охранников. Насмешки привели в бешенство кулака Менщикова.

– Иван Александрович, – крикнул он Землину, – эти коммунисты над вами и нами смеяться вздумали.

– Бей их, – злобно вскричал Землин.

Менщиков ударил прикладом по арестованным. Кацило с Леоновым сумели ухватиться за винтовку, завязалась борьба. Сам Землин бросился на выручку своим подручным, выстрелил из парабеллума сначала в Кацило, потом в Леонова и перевернул короб.

Следуя дальше по кровавым следам банды, в деревне Мочалово мы подняли труп коммуниста Моталкина, возле Борового – коммуниста Бутакова.

Когда подъезжали к Верхней Алабуге, разведка донесла, что бандиты заняли село и расположились в нем. Отряд в конном строю окружил бандитов, дал залп, и те, побросав оружие, сдались без боя. Среди захваченных бандитов оказались Гавриил Иванов, Платон

Завьялков, Андрей Красилов.

А где Землин? Цитирую сводку, сохранившуюся в архиве, направленную в управление Курганской горюездной милиции: «Бандитский отряд Землина пойман и обезоружен. Арестовано 39 человек. Сам Землин с тремя бандитами скрылся... Розыски продолжаются».

Так было ликвидировано первое кулацкое восстание под руководством Землина, начатое в ночь с 11 на 12 января 1921 года. Оно явилось предвестником крупного мятежа, охватившего четыре уезда, территорию в 600 километров с юга на север и 500 километров с востока на запад.

15 января наш отряд вернулся в Плотниково, чтобы похоронить погибших товарищей. При похоронах состоялся большой митинг, на котором присутствовал полностью наш отряд и население нескольких близлежащих деревень. Над могилой товарищей мы поклялись отомстить классовым врагам за кровь, пролитую ими. Прощаясь с товарищами, начальник милиции т. Макаров не думал, что через месяц и сам Филипп Матвеевич ляжет в сырую землю, погибнув от рук той же банды Землина.

Гибель Макарова

14 февраля из Кургана в Глядянское прибыл вестовой и привез пакет от начальника управления милиции т. Гусева. Он писал: «Приказываю сдать четвертый район милиции т. Громову, принять второй район от т. Макарова». Тот же гонец доставил записку от Филиппа Матвеевича. В ней говорилось: «Сегодня же жду в Утятку. Искренне твой Макаров». Прочитав приказ и письмо, я задумался: сдать четвертый район, принять второй, главное – сегодня же... В этом что-то особенное, не терпящее отлагательств.

Вызвал Громова, делопроизводителя Каргаполова, передал по акту район, велел запрячь в кошовку пару резвых лошадей, попрощался с друзьями-товарищами, и пара вихрем поскакала большим трактом в село Утятское. Да и что могло задержать тех, у кого все имущество состояло из одного чемоданчика, пары подушек и одеяла. Смеясь, мы с женой лихо катили по тракту.

Проскакали Межборку, Чернавку, Раскатику и не заметили ничего подозрительного, а между Раскатигой и Камышным встретили 12–15 подвод с хлебом, возвращающихся обратно.

– В чем дело? – спросил я мужиков.

Мужики узнали меня, замялись, а потом сами с упреками:

– Замаляли вы нас, товарищ начальник: заставляете из Глядянки везти хлеб в Курган, а дорогой встречается вооруженный конный отряд и приказывает везти обратно. Дескать, в Кургане власть Советов пала, разверстка отменяется... Вот какой документ нам дали.

В бумажке написано то же, что раньше: «Разверстку отменяю, коммунистической власти не существует. Землин. Рогозин».

Прочитав «приказ», я вспомнил жертвы бандитов, которые месяц назад мы опустили в сырую землю.

– Где вы встретили Землина?

– Не мы, а он нас встретил между деревнями Крюковой (Лесники) и Лаптевой.

– А где он сейчас?

– Не знаем. Может быть, за нами следом едет.

– Товарищи, это распоряжение незаконное. Предлагаю повернуть в Курган.

– Да вы нас на верную смерть гоните, – взмолились мужики. – Их тридцать, а вы один. Кому подчиняться? Они вас встретят и тут же расстреляют, как Ермакова. Они из Кургана едут, знают, что там творится.

Жена и кучер внимательно слушали разговор и предложили вернуться. Да я и сам, откровенно говоря, подумал, как бы не попасть в руки бандитам: изрубят чертям на колбасу!

Из деревни Камышное мы свернули с тракта и лугами благополучно доехали до Утятки. Во дворе милиции три милиционера сидели верхами, а двое на подводе. Из управления вышел Макаров.

– Не ожидал, что так скоро подвернешься, – пожимая руку, радостно сказал Филипп Матвеевич. – Вот собрался съездить в Лаптево. Там какой-то отряд бесчинствует, возвращает обозы с

хлебом. Надо съездить в разведку.

– Землин там обосновался. Вот его «приказ», – и я подал бумажку, взятую у мужиков. – Будь осторожен. Сам знаешь, коварный зверь не пощадит.

Боевой отряд из пяти милиционеров и начальника милиции отбыл в Лаптево. Оставшись с делопроизводителем Ковалевичем, я приступил к ознакомлению с районом. Канцелярские дела интересовали меня меньше всего. Из кого организовать отряд? Вот что главное. В Утятском и рядом расположенной деревне Нагорской имелись ячейки РКП(б), Союз молодежи, при волости создан ЧОН (часть особого назначения), к которой прикреплены все члены партии.

Я предложил Ковалевичу собрать всех членов комсомола. Но тут прискакал милиционер Семен Евдокимов, уезжавший вместе с Макаровым.

– Что случилось?

– В Лаптево бандиты убили Макарова и милиционера Кирильчика, – разом выпалил Евдокимов.

– Где остальные?

– Там, ведут бой с бандитами. Я погнал сообщить...

– Какой же бой? Милиционеров в живых осталось трое, а сколько бандитов?

– Не знаю. На улице вооруженных много.

Потом уже о подробностях гибели Макарова и Кирильчика рассказал помощник начальника милиции Андрей Лыжин.

При въезде в Лаптево отряд Макарова обезоружил часового мужика с винтовкой в руках. На вопрос: «Кто тебя поставил?» – мужик ответил: «Конный отряд».

– Где отряд, кто командир, сколько солдат?

– Отряд стоит дальше в деревне, сколько солдат – не знаю, командира тоже не знаю.

– Ты все врешь! Говорить с тобой некогда. Пошли дальше! – скомандовал Макаров.

У одного двора скопилось много людей. Среди них военные с

винтовками. Макаров с Кирильчиком пошли вперед, остальные остались позади.

– Кто начальник или командир? – спросил Филипп Матвеевич.

– Я, – ответил один из толпы. – А ты кто?

– Начальник милиции, – ответил Макаров.

Тут взметнулись винтовки. Залп! И Макаров с Кирильчиком упали, как подкошенные. Милиционеры, оставшиеся позади, вбежали в один из домов, дали залп по бандитам и скрылись.

Бой под Лаптево

После рассказа Лыжина стало ясно, что горсткой милиционеров бандитов не возьмешь. Ожидать, когда они сами явятся, тоже нельзя. Нужно быстрее организовываться и переходить в наступление. Даю команду собрать всех членов партии.

Первыми прибежали члены волисполкома, с ними военком Жунин, начальник ЧОН Олехов. Прибывшие товарищи вооружились. Винтовок оказалось недостаточно, патронов всего по 2 обоймы на винтовку. Часть людей получили дробовые ружья, но настрой у людей боевой. Организовался отряд в 40–45 человек. Тут выяснилось, что не явился член партии Григорий Тюкачев.

Кто-то сообщил, что он был дома. Послали товарищей на квартиру, и те вытащили Тюкачева из-под амбара. В семье, как говорят, не без уroda. Но таких, как Тюкачев, были единицы.

К вечеру отряд двинулся в Лаптево. В Темляках, Воробьевке, Барабе чувствовалось спокойствие, но в ночное время в Лаптево мы не решились войти и сделали остановку в деревне Мухино. Ночью со стороны Лаптево послышалась сильная ружейная стрельба. Наш отряд насторожился. С кем вели бой бандиты? Неизвестно.

Лишь потом мы узнали, что вооруженный отряд под командованием Лобсакова следовал ночью из Кургана в Лаптево рекой Тоболом, но был с горы встречен ружейным огнем, понес потери и отступил.

Утром 15 февраля мы выступили на Лаптево. Бандитов здесь не оказалось. Они, как нам сообщили, выбыли в деревню Крюково. Посреди улицы лежали голые трупы Макарова и Кирильчика, во

дворе третий – члена закупочной комиссии Михеева. В хате лежал при смерти раненый продработник Хайбулин.

Отправив тела в Утятское, отряд пешим строем вошел в Крюково. С Дереговской горы бандиты открыли огонь. Наш отряд дал ответный. Взять гору штурмом было невозможно. Я дал указание своему командиру Лыжину с двумя десятками товарищей речкой Утяк под прикрытием кустов обойти гору и ударить с тыла. Что Лыжин и сделал.

Землин разгадал наш маневр, почуяв угрозу с тыла, начал отступать. Отряд Лыжина дал несколько залпов по отступающим. Преследуя противника, мы гнались за ним до деревни Пестерево Варгашинского района, но настичь его так и не смогли.

Конец Землина

Вернувшись с отрядом в свой район, мы приступили к расследованию бандитского нашествия. Следствие показало, что Иван Александрович Землин и его адъютант Андрей Петрович Рогожников (Рогозин), как их называли и величали бандиты, происходили из казаков станицы Озерной Звериноголовского района.

После революции Землин служил в конном отряде Красной Армии, стоявшем в Кургане, занимал должность начальника отряда. Ночью заехал на квартиру к начальнику Ниткину, убил его, вместе с ним и жену его. Ворвался в арсенал, наложил воз винтовок, патронов и двинулся в южную часть Курганского уезда. Вместе с ним ушли 13 вооруженных всадников.

Выбитые местными отрядами из Глядянского и Утятского бандиты не нашли себе приверженцев среди местного населения и бежали в станицы Озернинскую и Прорыв. Отряд, организованный из членов партии, комсомольцев и красноармейцев, под командой военкома Озернинской станицы окружил бандитов в казачьем ауле. Завязался бой. Часть бандитов была убита, остальные взяты в плен.

Но и на этот раз главарям удалось скрыться, но ненадолго. Землин и Рогозин ускакали на заимку Елохина близ деревни Ново-Николки. Отряд выследил беглецов, которые укрылись в избе, стоящей на отшибе. Бандиты отказались сдаваться и отчаянно

отстреливались. Принять против них решительные меры было опасно, так как в избе, кроме Зеблина и Рогозина, находились старик, мальчик лет 12-ти и девочка лет 6-ти.

Старик попытался убежать: открыл дверь, ступил через порог. Зеблин выстрелил, отбросил тело и снова захлопнул дверь.

Один из красноармейцев, подкравшись к избе, бросил в окно ручную гранату. Взрыв потряс хату, бандиты прекратили стрельбу. Из хаты выскочил мальчик и крикнул: «Не стреляйте! Дяденьки в хате убиты».

– Как же вы спаслись? – спросили мальчика.

– Мы к курам под шесток спрятались, нас ничем не тронуло.

Так получили заслуженное возмездие враги Советской власти за пролитую кровь верных сынов Отечества.

Дальнейшие схватки

8 марта 1921 года меня назначили комиссаром Курганской уездной милиции. Во время работы в Глядянском и Утятском, ведя борьбу с бандитизмом Зеблина я предполагал, что здесь начало и конец кулацкого мятежа. Оказалось, я ошибся.

События, связанные с Зеблиным, явились как бы прелюдией более крупного мятежа, распространившегося от степей Казахстана до Тобольска, и от Петропавловска до границ Челябинского уезда. Кулацкий мятеж расширился, обрушился на коммунистические организации и Советы.

Я не в состоянии дать цельную картину ожесточенной классовой борьбы, разгоревшейся весной и летом 1921 года, хочу ограничиться лишь отдельными эпизодами.

В ночь с 10 на 11 февраля бандитский отряд врасплох захватил село Чашу, центр 9-ого района милиции, окружил квартиру начальника милиции Михаила Нефедовича Антипина, предложил ему сдаться. Михаил Нефедович открыл огонь, принудил бандитов отступить и, воспользовавшись этим, бежал в деревню Могильное. Но был снова окружен и бился до последнего патрона, и пустил его себе в висок. Бандиты вытащили труп на улицу и жестоко надругались над телом.

Также геройски погибли коммунисты-милиционеры Иван Бразильский, Северьян Комаров, Константин Булатов, Григорий Верников, Давыд Федотов и многие другие.

По селам и деревням 9-го района милиции бандитами было арестовано 115 активистов, из них в живых осталось только 22 человека.

Не менее трагические события произошли в Белозерском уезде. Ворвавшись в Белозерское, бандиты за одну ночь убили 19 человек, 54 увезли с собой. Их судьба неизвестна.

В Шмаковской волости (ныне Кетовский район) бандиты арестовали 25 человек. Зверски замучили – 19.

Вторично они ворвались в село в конце мая. Местный отряд укрылся на колокольне церкви и отстреливался в течение суток, но боеприпасы кончились. Этим воспользовались бандиты и зажгли церковь. Языки пламени лизали ее изнутри и снаружи. Герои оказались в огненном котле. Коммунист, милиционер Трушечкин встал в окне рядом с колоколом и крикнул:

– Надо?! Возьмите! Я последняя ваша жертва.

Охваченный пламенем, он бросился на землю. За Трушечкиным выбросились еще трое.

В селе Веденском в ночь с 14 на 15 февраля коммунисты и советские работники, зная, что бандитизм свирепствует в окружающих волостях, собрались в здании волостного правления и назначили в караул милиционера Павла Шульца. Тот из-за трусости или из-за холода оставил пост и зашел в избу. Тут и нагрянула банда, окружила исполком. Коммунисты, заперевшись в здании, оказали сопротивление, охраняли окна и двери. Тогда бандиты натаскали соломы, облили стены керосином и подожгли.

Совершая налеты на железнодорожные станции, мятежники разбирали полотно железной дороги, спиливали столбы. На три недели были порваны железнодорожная и прямая телеграфная связь Сибири с центральной Россией.

С захватом бандитами Петропавловска и Тобольска в их руки попали типографии. Они издавали свою газетенку, печатали

листовки-прокламации с лозунгами: «Советы без коммунистов, свобода торговли, долой хлебную разверстку».

Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров приняли экстренные меры для ликвидации кулацко-эсеровского мятежа. Сибирское Бюро ЦК РКП(б) создало полномочную тройку. Для оперативности руководства район мятежа был разбит на три участка: Северный (Ишимский), Южный (Петропавловский) и Западный (Камышлово-Шадринский). В последний входил и Курган.

Окончательная победа

Помглавком по Сибири В. И. Шорин для усиления частей Красной Армии двинул в район Ишима и Петропавловска три полка и два батальона 29 стрелковой дивизии. Получили подкрепление и другие участки.

Результаты принятых мер не замедлили сказаться. С приходом подкреплений уже во второй половине февраля развернулись операции по ликвидации Ишимско-Петропавловской группировки бандитов. Она состояла из так называемой «Ишимской народной армии». «Восточная группа» действовала к востоку от Петропавловска. «Петуховская группа» – на участке железной дороги Мамлютка – Макушино. «Казачья Сибирская кавалерийская дивизия» под командованием полковника Токарева орудовала южнее участка железной дороги Петропавловск – Курган.

Действиями мятежников в этом районе руководил так называемый штаб Сибирского фронта во главе с эсером Розиным. Располагался штаб в феврале в селе (ныне город) Петухово.

Бандиты в этом районе создали несколько оборонительных рубежей. Одним из наиболее укрепленных опорных пунктов был район Локти – Н.-Травное – Лорихинское. Днем 10 февраля ими была предпринята безуспешная попытка овладеть городом Ишим. Бандиты, захватившие было половину города, были выбиты оттуда кавалерийским отрядом под командой помощника командира 181-го полка Е. И. Лушников.

Части Красной Армии совместно с отрядом ишимских коммунистов в феврале несколько раз врываются в село Н.-Травное,

но всякий раз отступали с большими потерями. 18 февраля в бою погиб Е. И. Лушников.

В середине месяца образцовый отряд Высшей военной школы Сибири, направленный из Омска под командованием т. Раслова, разгромил «Восточную группу» мятежников. 16 февраля Красная Армия освободила Петропавловск. Для освобождения железной дороги к Западу от него был направлен отряд т. Звездова, а навстречу со стороны Кургана двинулись части 69 бригады и Сибирский полк. Эти части предотвратили захват мятежниками Кургана. «Курганская освободительная дивизия» была отброшена далеко на восток.

Утром 1 марта части Красной Армии перешли в решительное наступление. Из района южнее Ишима в направлении Локти – Нижне-Травное – Лорихинское двинулись 181 и 256 полки. Со стороны Петропавловска наступал образцовый отряд Высшей военной школы. К западу от него действовали части 21 дивизии и два полка 28 стрелковой дивизии.

Через сутки 181 и 256 полки с боем вступили в Лорихинское и Н.-Травное. Лишь к вечеру 3 марта сопротивление противника было сломлено. Лохтинско-Лорихинское бандитское гнездо перестало существовать. Остатки разгромленной в этом районе «Ишимской народной армии» отошли к деревне Пеганово-Смирново.

Таким образом, в первых числах марта противник был отброшен далеко на юг и сжат в полукольце по линии Пеганово – Истошино – Армизонское – Курган. Это полукольцо дополнилось другим полукольцом войск Петропавловской группы, наступавшей от железной дороги Петропавловск – Петухово. В окружении оказались, главным образом, потрепанные части «Ишимской народной армии», «Курганской освободительной дивизии», «Петуховской группы».

В стане бандитов начался разброд. Середняцкая масса, примкнувшая было к мятежу, еще раньше убедилась, что истинные дела и намерения кулацко-эсеровских элементов лежат в иной плоскости, чем ее интересы.

Кольцо наших войск продолжало сжиматься. Кулацко-эсеровские банды, сконцентрировав на узком участке фронта в

районе села Армизанское большие силы, 8 марта обрушились на левый фланг 6-го запасного пулеметного батальона и после продолжительного ожесточенного боя прорвали окружение и заняли деревни Кайнак, Иваново, Северо-Дубровное.

На ликвидацию прорыва немедленно был брошен из Ишима 187-й полк 63-й стрелковой дивизии. На помощь 6-му запасному пулеметному батальону был выслан десантный отряд с бронепоезда № 51 и ружейно-пулеметный полк 85-й бригады.

Стремительным натиском вновь прибывших частей прорыв был ликвидирован, и кольцо вновь замкнулось. Однако значительная часть банд успела уйти: одни на север, просачиваясь мелкими группами через железную дорогу, другие – на запад, третьи – разошлись по домам.

В конце марта основные силы мятежников «Ишимско-Петропавловской армии» были разгромлены. Отдельные разрозненные банды еще продолжали бесчинствовать, терроризируя население, нарушая работу восстанавливаемого советского и партийного аппарата. Наиболее многочисленными были банды Бардакова и Булатова. Их ликвидация продолжалась до осени 1921 года. В этом активное участие принимали отряды местных коммунистов, комсомольцев, милиционеров и советских работников. Многие из них пали смертью храбрых, чтобы их братья, дети, внуки смогли жить мирной жизнью, строить социализм и коммунизм.

Пусть же светлая память о героях Филиппе Макарове, Георгие Ермакове, Петре Гаврилове и многих других навечно останется в людях.

Воспоминания И. П. Сартакова

// Притоболье. – 1966. – 26, 28, 30 июля; 2, 4, 6 августа.

Обелиск на главной улице

(очерк о Ф. М. Макарове)

На центральной улице села Утятского Притобольного района среди густой сирени и разлапистых кленов стоит скромный обелиск...

Оба они ушли из жизни, когда многих из нас еще не было на свете. О них напоминают лишь скупые строки, высеченные на обелиске, старые фотографии да пожелтевшие листочки архивных документов. Как увидеть за всем этим живых людей? Как услышать

биение их сердец, когда-то горячих, страстных?

Об одном я узнал совсем немного. Милиционер Владимир Петрович Кирильчик – бывший балтиец, затем рабочий одного из челябинских заводов.

О другом могу рассказать больше. Это наш земляк, уроженец села Колесниково Кетовского района Филипп Матвеевич Макаров.

Тревожный 1918 год. Над селом опустился тихий декабрьский вечер. В жарко натопленной горнице

Шушариных двое – Филипп и Александр. Оба молчат, прислушиваясь к потрескиванию мороза за окнами.

– Вот так и живем, – будто подводя итог длинному разговору, вздохнул Александр.

– Ты о чем, шуряк? – встрепенулся Филипп, поднимаясь со стула.

– Жизнь, говорю, хуже некуда. Колчаковщина – вот она где, – Александр рубанул ладонью по шее.

Гость медленно прошелся по комнате, и, остановившись у

Ф. М. Макаров

простенка, где висела гитара, тронул струну. Та отозвалась мягким мелодичным звоном.

– Жива, моя старушка! Играешь?

Александр отрицательно покачал головой.

– Забыл, когда и в руки брал.

Макаров снял гитару с гвоздя, потянул струны, взял несколько пробных аккордов, и запел.

Гитара, словно почувствовав настроение хозяина, вздыхала, жаловалась, бунтовала. По щекам Филиппа скользнула крупная слеза.

Бесшумно открылась филенчатая дверь, и на пороге появилась Марфа Яковлевна. Горестно подперев щеку, молча слушала песню, а когда замер последний аккорд, осушила фартуком глаза и спросила:

– Пошто плачешь, Филя-батюшко?

Смахнув непрошенную слезу, зять грустно улыбнулся:

– Вспомнил, маманя, друзей-товарищей. Пытали в колчаковских застенках, и тогда никто из нас не плакал. А теперь, когда все позади, слезы сами... Простите за минутную слабость.

– Ну, ничего, – поспешила утешить теща. – Поживешь сдесь недельку-другую – всё забудется.

– Я – большевик. Не имею права отлеживаться на тещиных пуховиках. Да и контрразведка вот-вот заявится. Ведь я для них арестант, бежавший из тюрьмы.

В этот вечер долго не спали в доме Шушариных – слушали рассказ Филиппа.

Еще в Кургане, когда работал в депо кузнецом, познакомился с большевиками. Переехал в Омск. В июне 1917 года стал коммунистом. В столице Сибири устанавливал Советскую власть. С приходом Колчака ушел в большевистское подполье. Арест. Пока шло следствие, подпольщики, оставшиеся на свободе, устроили побег.

Как и предвидел Филипп, контрразведка не заставила долго ждать. Однажды вечером кто-то забарабанил в окно. Накинув полушубок, Марфа Яковлевна вышла на улицу и тут же вернулась обратно. С шумом распахнув дверь, крикнула:

– Филюшка, каратели идут! Даже не рассмотрела, чья девчушка прибежала. Говорит: пусть Матвейч торопится – за озером подвода ждет.

Из ватника, висевшего на стене, Филипп достал револьвер, сунул в карман и, на ходу надевая борчатку, двинулся к двери.

– Да не сюда, – остановила его теща, – через кухонную иди, в хлев. А там через гумно к озеру.

Обыск длился долго. Солдаты перерыли все подполье, истыкали штыками сено, но так ни с чем и ушли. Однако за домом Шушариных была установлена слежка.

А между тем Филипп Матвеевич Макаров под чужой фамилией жил в деревне Орлово (теперь д. Романово Половинского района). Местные жители и не подозревали, что молодой, общительный, веселый кузнец – командир партизанского отряда: под его руководством народные мстители совершали дерзкие налеты на колчаковские гарнизоны, громили обозы, отвлекая на себя с фронта регулярные части.

Отгремела гражданская война. Семья Макаровых возвратилась в Омск, но ненадолго. При бесконечных переездах, когда приходилось скрываться от контрразведки, простудились дети, двое близнецов. Как ни старались родители, но спасти не удалось.

Убитые горем Филипп Матвеевич с женой, Анной Яковлевной, возвращаются на родину. Вскоре его назначают начальником милиции Утятской волости.

Трудное было то время: голод, разруха. Грабежи среди белого дня. Кулаки саботируют продразверстку. Процвечают конокрадство, террор. Работники милиции вместе с чекистами и отрядами ЧОН устраивают облавы, засады, распутывают хитросплетения заговоров и преступлений.

Особенно тревожно начался 1921 год. В Ялуторовском уезде вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж. Уже пожар восстания полыхает в Шадринском, а на юге Курганского и Куртамышского уездов гуляет банда Землина.

Утро 14 февраля не предвещало ничего плохого. День выдался

на редкость теплым. С солнечной стороны здания, где размещалась милиция, таял снег, с крыши то и дело плюхались сосульки.

Макаров сидел в своем кабинете, перебирая бумаги: готовил дела к сдаче новому начальнику милиции в связи с переводом на другую должность. Вдруг скрипнула дверь, и на пороге появился милиционер.

– Товарищ начальник, только что задержали хлебный обоз. Мужики говорят: встретил их конный отряд военных и командир приказал вертаться обратно. Будто хлеб от продрозверстки теперь никому не нужен – в Кургане Советская власть низложена.

– Где этот отряд?

– В Лаптево.

Тут же Макаров распорядился собрать отряд ЧОН и коммунистов местной партиячейки:

– Будьте наготове, – наказывал он делопроизводителю Ковалевичу, седлая коня, – возможно, это очередная вылазка банды.

По ровной, снежной глади Тобола лошади шли резво. Шесть милиционеров спешили, не подозревая, что через час встретятся с врагом.

На улице деревни Лаптево, у одного из дворов, увидели группу военных. На шапках звезды.

– Наверное, в самом деле красноармейский отряд, – подумал Филипп Матвеевич и приказал: – Кирильчик со мной. Остальным оставаться здесь, у околицы. Действовать по обстановке.

Спешившись, они двинулись к центру деревни.

– Кто командир? – когда поравнялись с отрядом, спросил Макаров.

– Я, – ответил один. – А ты кто?

– Начальник милиции Утятского района.

В это время взметнулись винтовки и раздался залп.

Так погибли два отважных коммуниста, милиционера.

Весь район провожал их в последний путь. На могиле работники милиции поклялись: «Не сложим оружия, пока будет жив хоть один бандит». И слово свое сдержали: вскоре кулацко-эсеровский мятеж

был подавлен, а банда уничтожена.

А. Дудко

// Советское Зауралье. – 1970. – № 264 (10 ноября). – С. 4.

Время рассказывает
(о Владимире Кирильчике)

Середина февраля, а на улице с крыш капель. Да не верят люди февралю – обманщик он. Люди знают, март говаривал: «Кабы я был февралем, я бы у быка-третьяка рога сломал». А тут что получается?

У самого волкома партии – лужица. Сушат её люди валенками, а она не убывает.

В прихожей волкома шумок. Ребята готовятся постовых сменять. Филя Бакланов в валенках стельки перетряхивает. Стеша бумагой ноги обвертывает – бумага от сырости ноги защитит.

В соседнюю комнату дверь чуть приоткрыта. Там секретарь волкома партии Жунин с уполномоченным из города разговор ведет. На вид уполномоченный совсем еще мальчишка, от силы ему лет двадцать.

– Кирильчик, Владимир, – отрекомендовался уполномоченный.

– Кирильчик – понятно, Владимир – зачем? – шепчет Стеша на ухо Филе и смеется в кулачок.

– Чудачка... Фамилия Кирильчик, а имя – Владимир.

– Имею полномочия от укома партии сказать вам, – говорит Кирильчик, – что все излишки хлеба нужно немедленно отправить на станцию, что рабочий класс Москвы, Петрограда и других городов голодает, и от товарища Ленина на этот счет есть прямое указание. Если Сибирь не поддержит Центральную Россию хлебом, Советской власти не устоять. Вы с телеграммой Ленина знакомы?

– Знаком, – отвечает Жунин. – Сегодня направили в город обоз в десять подвод. Промашку дали, товарищ уполномоченный. Все уговаривали богачей... Не помогло это... Вчера вскрыли у одного кулака амбар – до крыши хлебом засыпан. Нагрузили десять подвод, да еще раз десять по столько будет.

Форточка в окне настежь открыта, а в комнате жарко. Кирильчик снял кожаную куртку, одернул зеленую гимнастерку,

поправил тяжелый наган на ремне и сел к столу.

– Из какой деревни родом будешь? – спрашивает Жунин.

– Родом из Челябинска, а к вам сейчас прямо из Москвы.

– Из Москвы?! – удивился Жунин и, помолчав минуту, опять спросил:

– Ленина не приходилось видеть?

– Посчастливилось... Видел и слышал... Делегатом был на съезде молодежи, там и видел Ленина.

Полуоткрытая дверь скрипнула. Филя и Стеша подошли к двери, чтобы послушать интересный разговор.

– Каков он из себя? – с волнением расспрашивает Жунин.

– Ростом Ленин невысок, не выше тебя, только в плечах будто шире. А так самый обыкновенный человек: и прост, и до всех доступен. Говорят: «Человек не солнышко, всех не обогреет», а от слов Ленина, от встречи с ним тепло на душе становится у каждого и силы прибавляется.

Филя и Стеша, сами того не замечая, уже стояли в комнате секретаря и во все глаза смотрели на Кирильчика. В эту минуту Кирильчик уже не казался Стеше мальчишкой. «Ему, пожалуй, лет двадцать семь, а то и больше будет, – думает Стеша. – Морщинки у глаз, у переносицы».

– Слушая Ленина, – продолжал Кирильчик, – всяк себе определял место, искал самое трудное, самое нужное... Сейчас самое нужное, – после небольшой паузы сказал Кирильчик, – это дать хлеб стране, вы понимаете, товарищи?

– Понятно, – кивнул головой Филя.

– Хлеб есть, и хлеб дадим! – убежденно ответил Жунин. – Я думаю, товарищ продуполномоченный, не худо бы тебе сегодня вечером выступить перед народом в клубе и рассказать об обстановке...

– Про Ленина расскажите людям, – вставила Стеша и залилась румянцем.

...Стеша несет пост за селом, на дороге, ведущей в город. На девушке короткая стеганая кофта, домотканый платок и берданка через плечо. Справа от дороги стеной – сосновый бор, слева – степь сверка-

ет белизной снега до самого горизонта. Дорога утрамбована, отполирована, как каток. Стеша пробует скользить по ней, но сырые валенки не скользят, прилипают к дороге.

Тревожное время переживает край: бродят шайки бандитов по его просторам. Зорко охраняют комсомольцы свое село со всех сторон, но кто знает, не прячет ли угрюмый лес в себе бандитов, этих двуногих зверей...

Вдали, где дорога близко подходит к лесу, Стеша замечает двигающиеся навстречу ей точки. Стеша пристально вглядывается и различает: это возвращается из города обоз, который утром увозил хлеб... Но почему мешки с хлебом они везут назад?

– Стой! – кричит Стеша и вскидывает берданку. – Почему хлеб везете обратно?

– Нет пропуска в город, – отвечает старший обоза. – В деревне Лаптевой нас задержали, расстрелять хотели... Везите, говорят, хлеб назад и отдайте тому, у кого взяли.

– А я вас домой не пропущу, езжайте в город и сдайте хлеб, как велено вам! – решительно заявила девушка.

– Теперь хоть на небо полезай, – развел руками мужик. – В город не пропускают, домой нет ходу. Лошадей пожалей, животные тут причем, им отдых нужен...

– Тогда марш прямо к волкому, а там вам укажут место! – командовала Стеша.

Опять ружье на плечо, опять отсчитывает шаги на дороге. Хотелось бы знать Стеше, как встретили в волкоме возвратившийся обоз с хлебом, но село безмолвно. Только трубы домов тоненькими столбиками дыма обнаруживают скрытую в них жизнь. Вечереет, крепчает мороз, мерзнут ноги в сырых валенках.

Из деревни вырывается пара коней, запряженных в легкую кошевку. В кошевке сидят начальник милиции Макаров и продуполномоченный Кирильчик.

– В разведку поехали, – решает Стеша.

– До скорой встречи! – кричит ей Кирильчик и машет рукой.

...Зрительный зал клуба наполнен людьми до отказа. Люди стоят

в дверях, в коридоре. Народ собрался послушать приезжего человека, который лично видел и слышал Ленина. Потом будет концерт, тоже любопытно. Но почему нет Кирильчика? (Все уже знали фамилию приезжего.)

– Даешь начало! – шумит молодежь и гремит хлопками ладоней.

– Уж не случилось ли беды какой? – хмурит брови Жунин.

Наружная дверь клуба с шумом распахнулась.

– Коммунисты и комсомольцы, немедленно в волком! – заглушил шум чей-то встревоженный голос. Клуб мгновенно опустел...

В волкоме бледный, как полотно, ямщик Степан рассказывал о гибели от рук бандитов Кирильчика и Макарова, а во дворе уже строился отряд для погони за бандитами.

На площади, в центре села Утятского, стоит памятник. Под ним покоится прах дорогих нам людей – Филиппа Макарова и юного Владимира Кирильчика, который не успел тогда, в суровый февральский вечер 1921 года, поведать нам, жителям села, слышанное из уст Ленина. Но время рассказало нам об этом, время воплотило ленинские идеи.

В небольшом двухэтажном доме размещается наш сельский музей. В нем рассказывается об истории села, о героях сегодняшнего дня, строящих коммунизм. На переднем плане музея в позолоченной раме портрет дорогого Владимира Ильича, указавшего нам путь к свету, к счастью.

В торжественные дни жители села подолгу бывают в музее, потом идут на площадь, несут к подножию памятника цветы, венки. Вместе со всеми бываю и я. Мне, живой свидетельнице всех великих преобразований и свершений, которые происходили в родном краю, в родной деревне, видится отчетливо пережитое. Образ великого Ленина в каждом из нас. Пусть будет вечной народная память о тех, кто отдал свою жизнь за наше сегодня.

В. Иванова

// Ленин и Южное Зауралье. 1870-1970.

– Челябинск, 1970. – С. 250–253.

О них не забудет народ

В центре села Утятского, на площади стоит деревянный памятник, обнесенный железной оградой. На памятнике надпись: «Слава борцам революции». Около памятника могила, в которой похоронены коммунисты Макаров и Хайбулин, убитые бело-бандитами в феврале 1921 года.

В те годы с. Утятское было волостным центром. Здесь была сильная партийная организация большевиков. Устанавливая революционный порядок, партийная организация прилагала силы к тому, чтобы дать центральным районам России хлеб.

Рыскающая по окрестностям банда Землина, решила сорвать отправку хлеба на станцию Курган. Бандиты засели в деревне Лаптевой и не пропускали обозы с хлебом.

Утятская партийная орга-

низация поручила коммунистам Макарову, бывшему в то время начальником милиции Утятской волости и Хайбулину — милиционеру разведать место нахождения бандитов.

Оставив лошадей на попечение курьера за деревней, Макаров и Хайбулин вошли в деревню Лаптеву. Из крайней избы им навстречу вышел неизвестный и в упор убил из револьвера Макарова и Хайбулина. Убийца был атаманом бандитской шайки Землин.

В деревню Лаптеву спешно был выслан из Утятского отряд коммунистов и комсомольцев из 40 человек. Этот небольшой отряд рассеял врагов. Трупы Макарова и Хайбулина были привезены в Утятское и похоронены на площади.

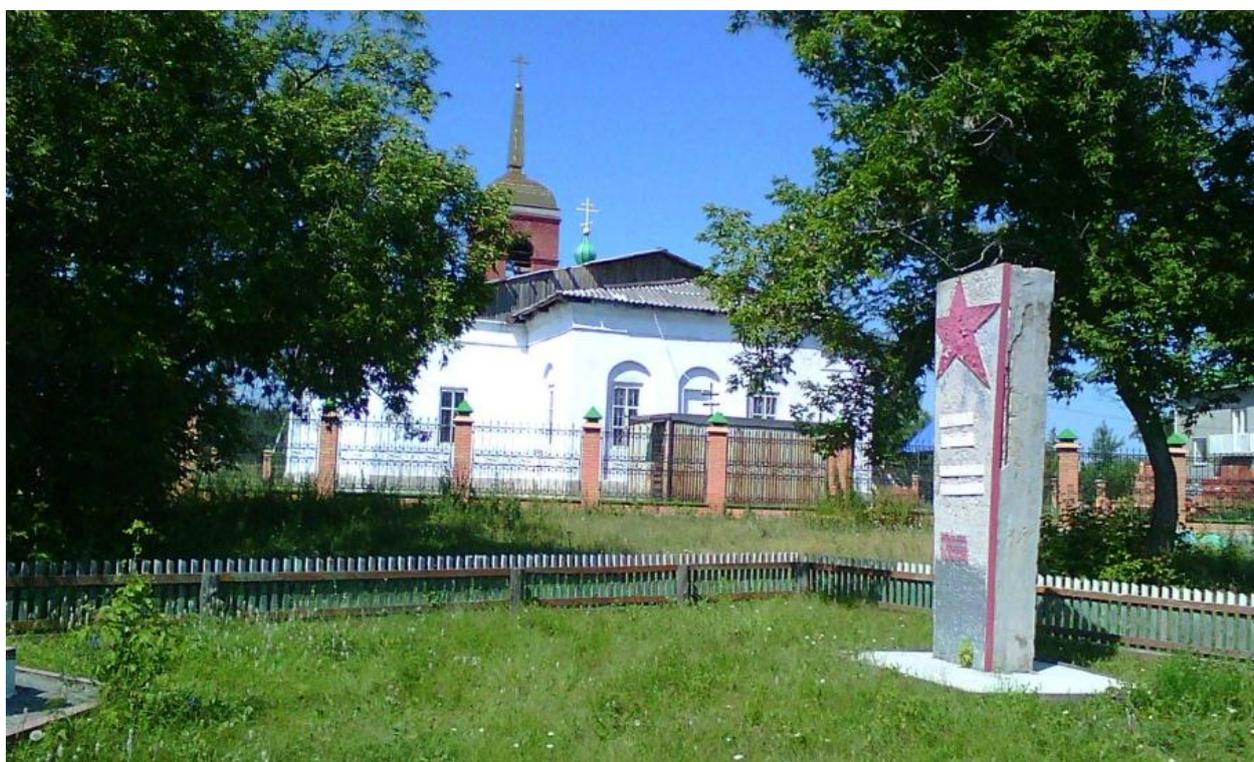
Записано со слов
В. С. Ивановой.

// Искра. — 1957. — № 58. — 21 мая. — С. 2.

Из газетных публикаций, посвященных героям-милиционерам, становится понятно, что, скорее всего, памятник установлен на месте захоронения не только Ф. Макарова и В. Кирильчика, но и Михеева и Хайбулина.

На фото рядом с церковью виден деревянный памятник

**Памятник Ф. М. Макарову и В. П. Кирильчику в Утятском.
Фото 2000-х годов**

И снова забьётся сердце

Степан Георгиевич Ижевский родился в 1895 году. 30 лет отдано работе в системе органов внутренних дел. В партию вступил при организации партийной ячейки в деревне Нагорское в июле 1920 года. Майор в отставке.

Легко в нынешнее время покидают люди насиженные места, не торопятся проведать родные дали. И я много раз пытался вернуться в свое Нагорское, что находится в Притобольном районе, да все никак не получалось. Красота там большая, по-деревенски ненадоедливая.

Только душе и телу в дни моей молодости было при таких переменах одинаково плохо – в маленькой хибарке ютилась семья в шестнадцать человек. В одиннадцать лет отправился я «в люди». Сначала батрачил у местного кулака, платившего по копейке за день, потом отправился в город, где мыкался от двора к двору, выпрашивая за кусок хлеба работу. Немало обездоленных бродило в начале века по русской земле, обучалось мудрости жизни по приметам улицы. Вечерами выходили на нее купцы да мещане, чтобы не людей посмотреть, а себя показать, или били от скуки жен да таскали за уши приказчиков. Трудно, но и к таким эпизодам сердце привыкало, даже не верилось, что бывают другие, светлые.

К 1914 году поднялись на ноги старшие братья, завелась в хозяйстве корова, лошаденка, решили и меня отозвать домой. Да недолго в крестьянском труде усердствовал – призвали в царскую армию сначала братьев, а через год и меня. Вот с этого момента и началось во мне брожение мысли. Копилось с годами недовольство, откладывалось по углам памяти, а теперь вдруг забродило. Как подошедшее пиво. Призывали бороться за веру, царя и отечество, внушали, что без того счастья не будет, а на деле отнимали последние крохи. Два моих брата совсем не вернулись, двое остались инвалидами и вскоре умерли. Никакой бог и царь не смог бы моей боли залечить. А тут еще разговоры между боями. Лежишь под дождем и снегом, живот от голода подвело, а все мысли о доме.

Семнадцатый год застал меня на Волге, в городе Камышине. 27 февраля подозвал меня дежурный поручик и говорит тихо:

– Сегодня ночью восстание. Согласен в нем участвовать?...

Когда пришел по названному адресу, там был почти весь гарнизон. В одну ночь город очистили от чинов царского правительства. Все население, стар и млад, высыпало на улицу. Маршировали воинские части, пели «Марсельезу» и «Отречемся от старого мира». А этот «мир» шел следом – во фраках, в лаковых туфлях, на всех пальцах золотые кольца, а через грудь золотые цепи – так вырядилась местная буржуазия, добавив к амуниции большие красные банты. Шли по улице из-за собственного живота своих ног не видели и тоже пели: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил».

– Ну, – думаю, – хозяйчики, не про вас эта песня. Не забыли мы, как нас морили да унижали.

Да, мы отрекались от старого мира, но он не хотел умирать, каждой живой клеточкой вгрызался в революцию, стремясь ее задушить. Боролся я с ним в Камышине, где был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов, боролся и в Курганском уезде, куда вернулся после ранения и болезни. Не успел вжиться в отцовское хозяйство, помочь ему после стольких потерь, как в ночь на третье июля произошел в городе переворот, разъехались по деревням карательные отряды. Один из них добрался и к нам, в Нагорское. При обыске обнаружили мандат, хотели шашками изрубить, но в это время на зов матери прибежали соседи – с топорами, с вилами...

Не успели от одной беды очнуться, как объявил себя верховным правителем Колчак. Я вместе с другом Шевалдышевым попал в 1919 году под его мобилизацию. Решили дезертировать – не наша там правда. Бежали, но по дороге встретили пять вооруженных солдат. Избили нас прикладами, продержали трое суток в карцере и опять на фронт.

По дороге я снова бежал и снова был пойман. Сдали под охрану конвоиров, а те оказались земляками, тоже в лес смотрели...

Опять сбежал, теперь уже окончательно. Несколько дней скрывался у знакомого грузчика, а тут Томин подошел с красногвардейцами. Решил записываться в добровольцы – не приняли, велели ждать общей мобилизации. Вернулся домой, в Нагорское. Вместе с инвалидом войны Трофимом Алексеевым и односельчанином Михаилом

Шульгиным организовали сельский революционный исполнительный комитет.

В смертельных судорогах сопротивлялся старый мир, нелегко утверждалась Советская власть. С ее злейшими врагами столкнулся еще раз, когда работал уполномоченным по продразверстке.

В одну из очередных поездок в волость попал в руки бандитов. Избили так, что не мог и ползти. Ночь продержали в подполье, потом повезли дальше, в Мокроусово. По дороге еще семь человек прихватили. Издевались над нами, как могли, потому что были мы для них не людьми, а классовыми врагами. Убивая, они думали, что убивают идею, да ничего из этого не вышло – на их ненависть отвечали не страхом. А еще большей ненавистью. Полу-обмороженных, нас втолкнули в клуб. Утром появился комендант:

– Кто коммунисты, выходи на улицу. Иначе каждого пятого расстреляем.

Вышли, не хотели, чтобы погибли товарищи. Погнали нас отдельной группой, без еды и питья. Мечтали, видимо, увидеть моральную гибель, услышать мольбу о пощаде. Если кто-то наклонялся за снегом, били прикладом по голове. Я тоже выбился из сил. Что было дальше, не помню, очнулся среди мертвых тел. Пока соображал, что к чему, услышал за дверью голос:

– Гришка, тут один ожил.

– Добей его, – ответил тот лениво.

Но в первом бандите еще, видимо, сохранилось что-то человеческое. Нашел фонарь и перетащил меня в соседний склад, к живым. Перевалился я через порог, взял в руки горсть земли, прижал к сердцу и так простоял до утра...

Шли уже двадцатые годы. Советская власть утвердилась повсюду. Много с тех пор дней миновало, захлестнула жизнь новыми впечатлениями, новыми проблемами. Но оглянись назад, и забьется сердце...

С. Ижевский

// Молодой ленинец. – 1977. – 1 марта.

Мне не забыть

(рассказ Анны Сидоровны Шульгиной, жительницы с. Нагорского)

Это было в сентябре 1919 года. Красные стояли в селе Обухово и готовились отбить последнюю атаку белогвардейцев, которые наступали со стороны села Дубровного.

Наша семья (мне тогда шел четырнадцатый год) и еще много людей жили на пашне и убирали свои хлеба. Днем страдавали, а ночью сидели в убежище, оно тут же было, в Буруздинском колке.

И вот настал день, когда белогвардейцы решили взять Обухово. Нам было видно, как они ставили на выгоне пушки и наводили их на село.

– Нюрка, – сказал мне отец, – пойдешь домой в село и прине- сешь хлеба.

И я пошла, хоть и страшно было.

Пришла домой и вижу – во дворе у нас лошади, а в доме красно- армейцы спят.

Мать очень обрадовалась, увидев меня на пороге, быстро пригото- вила мне продукты и тихонько, чтобы не разбудить спящих, прово- дила обратно.

И только я вышла за село, как вдруг выехали из лесу двое кон- ных белогвардейцев. Мне надо было идти направо, а я повернула налево, решив скрыться от врагов.

Догнали они и спрашивают:

– Эй, ты! Какие солдаты стоят в деревне?

Я сказала, что никаких солдат я не видела в селе. Была, мол, до- ма и опять иду на пашню, хлеб несу.

Один белогвардеец взял у меня хлеб и отобрал валенки, которые тоже велел мне взять отец.

В километре шла пехота и конница белых. Много, много!

Подъехал на серой лошади тот, к кому меня вел белогвардей- ский разведчик. В каске, голос грубый. Спросил:

– Девчина, какие солдаты у вас в деревне?

Я опять ответила, что была дома часа два и никаких там солдат не видела.

– Тогда быстрее уходи в лес, – приказал он. – Быстрее!

Среди белогвардейцев оказался один человек, которого я узнала.

Он крикнул:

– Девочка, правда, что Карпей Пушничин убит, или неправда?

Я сказала, что Карпея контузило и его увезли в лазарет. Это отец спрашивал о сыне, который сражался против белогвардейцев, не поддавшись обману богачей. Были тогда такие случаи.

И только успела я добежать до нашего лесного убежища, как начался бой. Загрохотали пушки, застрочили пулеметы. Все заволочло дымом, земля задрожала. Не понять было, кто кого побеждает.

Но вот затих бой, и мы увидели отступающих белогвардейцев.

– Ура! – закричали мы. – Наши взяли! Красные наступают!

После боя отец снова отправил меня домой. На этот раз я шла с жившим в нашем селе военнопленным австрийцем. Он был из бедной семьи и очень скучал по родине, проклинал войну.

Шла я и старалась не смотреть по сторонам: куда ни глянешь – везде убитые валяются, раненые мучаются. Их укладывали на санитарные повозки и увозили в село. Страшные были эти повозки: то нога висит, то рука, кровь течет на пыльную дорогу...

У самой деревни я увидела того самого белогвардейца, что хлеб и валенки отнял у меня. Теперь я не боялась его: белогвардеец был убит.

К чему я, престарелая колхозница, рассказываю это? А к тому, что никогда не забыть мне той битвы за Советскую власть, которая разгорелась на моих глазах.

Я как сейчас вижу раненых красных бойцов, которых везли на повозках в мое село, и мне почему-то кажется, что это они отдыхали перед боем в нашей маленькой крестьянской хате. Где они сейчас, те герои, пролившие кровь и за меня, деревенскую девчонку, обманувшую белогвардейцев, и за всех бедных обуховцев? Может, кто из них жив и так же, как я, вспоминает сейчас годы большой битвы за свою родную власть.

Я не хочу, чтобы была война. Пусть никогда и нигде её не будет.

Сын говорит мне, что капиталисты затеяли войну в Лаосе, Ал-

жире и хотят напасть на Кубу. Позор им, поджигателям войны, я проклинаю их и требую, чтобы они не смели нарушать мир, который так нужен нам, счастливым советским людям, и всем-всем, у кого честное сердце.

*Рассказ Анны Сидоровны Шульгиной
записал её сын, наш селькор В. Шульгин
// Искра. – 1961. – № 8 (19 января). – С. 4.*

Как тетка Настасья 12 белогвардейцев к красным привела

Настасье Ивановне Кузьминой 77 лет. Это еще очень бодрая старушка. Вот что рассказала она мне:

– Было лето 1919 года. В нашей деревне Ярославке дома были почти одни женщины. Мужчины служили, кто у белых, кто у красных, а кто просто прятался по лесам.

Мой муж дома лежал больной. Время было страдное, запрягла я лошадей и поехала на пашню овес в копны сложить.

Только начала работу – стрельба открылась. Красные белогвардейцев гонят. Я лошадей в лес загнала, а сама хотела домой убежать. По дороге захватил меня конный белогвардейский отряд. Будешь, говорят, за ранеными ухаживать. Я в слезы: «У меня дома дети, муж больной...» Слушать не хотят. У нас, мол, дома тоже дети и жены... Так очутилась я в белогвардейском лагере.

Где-то за Обуховой белогвардейцам такую баню устроили, что спасайся кто как может. Я спряталась в копну сена. Когда стихло все, вылезая и хочу бежать в домашнюю сторону. Только вылезла из укрытия, а тут солдаты-белогвардейцы, 12 человек.

– Куда, тетка? – спрашивают.

– Не сидеть же тут, куда-то надо идти, – отвечаю.

– Ну, веди и нас, – говорят, – а то мы не знаем, где наши, а где красные.

Повела я их. Дорогой посоветовала снять погоны, как бы на красных не нарваться. Вела я их лесами, болотами и привела в свою Ярославку, прямо к себе во двор. Деревня наша была занята красноармейскими частями, и двор наш был заполнен красноармейцами.

– Кто у вас тут старший? – спрашиваю красноармейцев. – Вот я

вам гостей привела...

– А мы мамку тогда уж и живой не считали, – подтверждает дочь Настасьи Ивановны Матрена Никитична Иванова.

В. Иванова

// Искра. – 1959. – № 121 (13 октября). – С. 3.

На фото Сергей Воденников – красноармеец 7-го погранотряда, маневренная группа, конный взвод. 1927 год. (Сергей – сродный брат В. С. Ивановой).

Знай свой край

Первые Советы просуществовали до июля 1918 года. Белогвардейские мятежники свергли власть Советов в Сибири, началась гражданская война. Осенью 1919 года части Красной Армии с жестокими боями выгнали белогвардейцев-колчаковцев с нашей территории. Освобождали Курган и все села нашего района 241-й Крестьянский полк, командир полка товарищ Серкин, 242-й Волжский полк, командир полка товарищ Вострецов, и 243-й Петроградский полк, командир товарищ Сокка.

Местное население встретило красные полки как своих избавителей и оказало Красной Армии помощь и содействие: помогали возводить укрепления, добровольно вступали в ряды армии и сражались с врагами.

В. Иванова

// Искра. – 1962. – № 22 (22 февраля). – С. 2.

Как это было

Нас было немного, десятка два-три подростков – мальчиков и девочек из разных сел и деревень Курганского округа, окончивших в свое время двухклассные училища с пятью годами обучения. Мы явились в Курган продолжать образование.

Окружной отдел народного образования предоставил нам под общежитие большой деревянный дом напротив бывшей женской гимназии по улице Куйбышева, гимназия же стала именоваться советской школой второй ступени.

Заведующий окроно товарищ Пискунов добился для нас бесплатного питания. Он постоянно бывал среди вас, вникал в нашу жизнь.

У нас в общежитии в зале есть рояль, красивый просторный стол, трюмо. По вечерам, собравшись вокруг стола, мы любим помечтать о будущем. Товарищ Пискунов рассказывает нам о Ленине, он не раз встречался с ним. Он говорит, что Владимир Ильич возлагает большие надежды на молодежь, на нас, значит. Нам в ту пору еще невдомек, что мы – современники Ильича и всю оставшуюся жизнь свою будем гордиться, что нам выпало на долю счастье воплощать в жизнь его заветы. Я не называю Пискунова по имени-отчеству: не хочется отступать от обычая того времени. В слово «товарищ» вкладывалась особая почтительность, особое уважение и еще что-то большее, наверное, причастность к своему времени.

Шла вторая половина 1922 года. В советской школе второй ступени нас учили те же учителя, которые учили гимназистов и гимназисток. Заведующая школой Зинаида Петровна Гиганова, чопорная строгая дама, сочла нужным с каждым из нас, деревенских, поговорить отдельно. Запомнился мне тот разговор. Я рассказала о своей

деревне, о своих родителях, братьях и сестрах, назвала себя.

– У вас красивое имя, – как бы мимоходом заметила Зинаида Петровна, – благородное, истинно русское.

– Неправда, нет-нет, – вспыхнула я, – у меня деревенское, крестьянское, некрасивое имя.

Не обращая внимания на мою вспышку, Зинаида Петровна опять с вопросом: «А сколько вам лет, Варя?»

– Шестнадцать, – отвечаю.

– Не поняла, повторите еще раз.

– Шестнадцать, – поправляюсь я. – У нас в деревне всегда говорят – шестнадцать, я и попривыкла.

– Надо следить за своей речью и стараться говорить правильно, – наставляет Зинаида Петровна.

Все учителя школы нам, старшеклассникам, говорят «вы». В этом слышится уважение, стало быть, на уважение надо тем же и отвечать. Ты становишься уже личностью, пожалуй, надо построже относиться и к самому себе.

Только учитель истории Матвей Дмитриевич Русинов с нами на «ты», и мы не в претензии. Он для нас патриарх (бывает же такая старость – красивая, величественная), и каждый урок его – открытие.

Нельзя не вспомнить и таких учителей, как Михаил Васильевич Белов, Петр Михайлович Черепанов, учитель танцев Иван Федорович Колинченко, и только-только вступившая на учительскую стезю, почти наша ровесница, Любовь Васильевна Крючкова...

По поводу образования Союза Советских Социалистических Республик у нас в школе бал: не умолкает музыка, духовой оркестр чередуется со струнным. Мы лихо отплясываем русско-славянский танец, польку, модный тогда «тустеп» и кружимся в вальсе, а где-то впереди уже маячит расставание. Скоро нам дадут документы о среднем образовании, об окончании советской школы второй ступени, единственной на весь Курганский округ... Мы все безоглядно собираемся в деревню работать учителями, избачами, библиотекарями, комсомольскими организаторами.

Нас не упрашивали ехать работать в деревню, не приказывали –

мы сами, рвались туда, просили назначения, многие в заявлениях писали: «Очень прошу!...»

Группа старых коммунистов. 1964 год. Второй ряд слева направо: Александров, С. А. Раков, И. М. Бобков, П. Ракова, Н. С. Иванова, А. Раков. Сидят слева направо: Шав...?, ...?, Тюленева, ...?, А. И. Махнев, В. С. Иванова, ...?, П. Кривенко, П. Сергеев.

Без хвастовства, без зазнайства от имени своего поколения берусь сказать: мы честно потрудились, мы славно жили. К началу сороковых годов была ликвидирована азбучная неграмотность среди взрослого населения, осуществлено обязательное начальное обучение подрастающего поколения. Нацеливались уже на обязательное среднее, да война, навязанная стране, помешала.

А сегодня у нас – всеобщее среднее образование, в нашей области пять вузов, более двух десятков средних специальных учебных заведений, множество профессионально-технических училищ. Всех специальностей и не перечесать. Широкая дорога знаний открыта для сегодняшних шестнадцатилетних. Но, вспоминая свою молодость, я благодарю ее и низко кланяюсь ей: спасибо, что сразу бросила в гущу жизни, научила учить и учиться, быть равнодушным к несправед-

ливости, к неправде. Так что погоди, старость, не торопи, дай порадоваться жизни. Какие наши годы!..

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1982. – № 155 (4 июля).

Не обижайте бабушку

Бабушке Анне на девятый десяток перевалило. Точно она не знает: то ли восемьдесят лишний пошел, то ли восемьдесят второй. Не в этом дело. Старушка крепка, ещё на ногах, руки работают, молодой не угнаться. Правда, на глаза стала обижаться, слезиться стали глаза, а очков еще не нашивала.

По праздничным дням бабушка Анна любит принарядиться, выйти на улицу, посидеть с соседками на завалинке, поговорить. Послушать ее любопытно, всяких историй знает уйму.

Как-то, беседуя с соседками, бабушка Анна сказала, что ей довелось встречаться с Лениным и говорить с ним:

– Вот как бы с тобой, – и показала она на соседку Марью.

Та возьми да и скажи:

– Что это вы, Анна Павловна, придумываете. Где вы встречаться с ним могли, когда вы дальше Басманова ложка нигде и не бывали.

Обиделась Анна Павловна, крепко обиделась на Марью. И с тех пор по праздникам сидит одна лавочке у своих ворот, к соседкам не подходит.

– Марья-то в лгуньи меня вывела, – жалуется она каждому. – А я в лгуньях не бывала. Всю правду рассказываю. Была осень не то 1920-го, не то 21-го года. Точно не помню. Бандиты в ту пору по деревням шныряли, советскую власть уничтожить хотели. Деревня наша в ту пору охранялась. На всех дорогах посты стояли. Вон Дарья по улице идет. Даша, иди сюда! – позвала бабушка.

– Помнишь, как тебе мост охранять велено было? Ты стояла около моста с винтовкой! А в это самое время человек десять нас женщин шли на пашню. Идем, а навстречу нам человек на подводе едет. Остановился. Поздоровался с нами. А мы как глянули, так сразу и признали его. Ленин это был. Невысокий, в плечах широконый. Костюмчик на нем серый, галстук с горошком, кепка серая.

Точь-в-точь, каким его на портрете рисуют, а сейчас в кино показывают.

И говорит он нам:

– Правильно делаете, что деревню свою от врагов охраняете. Берегите, крестьянки, великие страдальцы, советскую власть, она для вас мать родная.

– Будьте уверены, Владимир Ильич, – сказали мы, – свою родную власть в обиду не дадим. Детей своих, внуков и правнуков в любви и уважении к Советской власти воспитывать будем.

По ручке попрощался с нами Владимир Ильич и уехал. Вот как это было, всю истинную правду рассказываю.

– Дарьюшка, – обратилась бабушка Анна, сходи к Марье, подтверди, что не лгунья я.

Не знаю, как бы вы поступили на моем месте. А я не стала убеждать старушку, зачем?

В. Иванова

// Притоболье. – 1965. – № 10 (22 апреля). – С. 2.

КОМСОМОЛЬЦЫ СЕЛА УТЯТСКОГО

Как молоды мы были

Присмирело, притихло наше село, пережившее столько тревог и волнений. Все страсти, всё горькое вобрала в себя сосновая роща и вряд ли доверит-расскажет о них первому встречному. Смешное, веселое, радостное хранит берёзовая легкомысленная роща. Даже Тобол-река таит в себе что-то такое таинственное о нашем селе. А время летит, машет могучим крылом над селом, не дает ему заснуть, успокоиться...

...Велением времени наше Утятское сразу же при Советской власти стало районным центром, с учреждениями, в названиях которых первым слогом стало «рай»: райисполком, райком, райбольница, райсуд, раймилиция...

Райкому комсомола выделена была прихожая комната в бывшем поповском доме. Через эту комнату проходили работники райкома партии и служащие профессионального союза. Не помню, был ли у нашего секретаря свой стол и стул. Кругом-бегом он один, наш Миша Овчинников. А мы, тринадцать человек членов райкома, – его помощники: успевай, давай задания, всегда готовы выполнить любое.

Мы не только уважали своего вожака, но и любили. За сердечность, за простоту, за бескорыстие любили. А так среди нас он ничем

не выделялся – ни знаниями, ни умением, ни удалью, ни даже красотой. Был просто парнем в возрасте от силы лет девятнадцати. Нас, девушек, в составе райкома было только трое, остальные все – парни, разве это справедливо? А ещё наш секретарь Миша не признавал танцев. Русская пляска – пожалуйста, а танцульки разные – долой, глупости. Мы танцевать хотим! Худо ли закрутиться в клубе (народном доме) на пару с Костей Зелененко в вальсе? Ставьте на голову Косте и мне по стакану с водой – не расплещем, это ли не восторг?

Культурно-просветительскую работу в райцентре мы сдвинули с мертвой точки. Заимели клуб. Спектакли, концерты, устная газета...

– Послушайте, товарищи члены райкома, – не забывал напоминать нам Миша. – На нашей совести не только районный центр Утятское, а еще свыше двадцати крупных селений. Надо в каждом иметь комсомольскую организацию. А мы на сегодня что имеем? В Митино в комсомольской ячейке только три человека: Андроник Лесников, да Семен Епишев, да Александр Захаров. В Шмаковой один Михаил Шишминцев, а во многих селениях вообще нет ни одного комсомольца. Придется нам, товарищи, отправиться в эти села для организации комсомольских ячеек из молодежи не на день, не на два, а, может, на месяц и больше.

– Ну и что? Надо, так и поедem хоть на год, хоть и более, факт!

На одном заседании райкома мы слушали комсомольца Александра Карпова о работе с сельскими батраками. Шумное было заседание.

– Все батраки и батрачки в возрасте от шестнадцати до двадцати лет должны быть в комсомоле. Это же представители сельскохозяйственного пролетариата! – шумели одни. Другие возражали:

– Сначала надо среди них ликвидировать азбучную неграмотность, они же сплошь неграмотные!..

– А нам, что, не надо учиться? Мы, что, достигли потолка? Однако мы состоим в комсомоле! Будут в комсомоле, и букварь им в руки, факт...

На наш шум несколько раз выходил из своей комнаты секретарь райкома партии Тарас Павлович Гаськов, утихомиривал наши пре-

ния, стоило ему отвлечься, как всё начиналось сначала. И всё же решились: немедленно начать ликвидацию неграмотности среди батрачества и другой деревенской молодёжи, привлечь к этому делу в первую очередь учителей и грамотную беспартийную молодёжь.

Но тут, как снег на голову, свалилась новая беда. Казалось, все беды и несчастья уже позади: покончено навсегда с колчаковцами, с бродячими белогвардейскими бандами, пережит голод двадцать первую года, перенесён сыпной тиф... А вот теперь, в лето двадцать третьего года, – повальная эпидемия малярии... В народе болезнь эту называли тресьей-лихорадкой, и виной ее будто бы уже были не вошь, как при сыпняке, а проклятый долголапый комар. Тучи нынче комаров, узнай, который на них малярийный, у которого длинные лапы?

Наша больница с одним фельдшером Петром Адамовичем на весь район не в силах бороться с эпидемией. Люди придумывали самолечение, среди которого был метод прямо смехотворный: надо будто бы вперед пятками идти в сторону кладбища, там стряхнуть с себя болезнь и без оглядки во весь дух бежать домой.

Дочь фельдшера комсомолка Галя Кяргес пришла к нам с докладом о малярии. Мы дружно собрались на этот доклад, чтобы заслушать его и самим пойти людям на помощь. Балагур и рифмоплет Яшка предварил доклад придуманной им шуткой с приплясом:

– А меня тресья не трясывала и на полати не забрасывала... – И в тот же миг укусил его, как видно, комар. Долго не мог избавиться от тяжелой болезни Яша, чуть не умер, а когда выздоровел, долго мы подсмеивались над ним, напоминая эту шутку-прибаутку.

...Пролетела наша молодость быстрокрылой птицей. Новое, молодое комсомольское племя заменило нас. Особенно был сильным приток в комсомол в год кончины вождя и создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. С тех пор комсомол носит его имя.

Разбирая свои записки о далекой комсомольской юности, нашла список членов Утятского райкома комсомола тысяча девятьсот двадцать третьего года. Почему мы растерялись? Где Миша Овчинни-

ков? Где Яша? Где Семен Потоскуев? Куда девались неугомонные парни? Многие, ох, многие, погибли в войне с фашизмом. А вот Александр Карпов, есть слух, жив: в годы войны он был редактором фронтовой газеты, живет сейчас в Москве в чине генерала в отставке. Подозреваю, не о нем ли рассказывает писатель Константин Симонов в своих военных дневниках.

Нет на свете и Гали Кяргес – военврача, участницы великой битвы за нашу советскую Родину...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 246 (24 октября). – С. 4.

Когда мы были школьниками

(из воспоминаний Варвары Степановны Ивановой)

Это происходило в начале 1921 года. В тот год в Кургане в помещении бывшей женской гимназии широко открылись двери советской школы второй ступени.

Молчат гудки. Они возникали всегда неожиданно – то ночью, то днем. Шли со стороны вокзала. Тонко начинался гудок депо. К нему присоединялись паровозные, и подолгу висел тревожный гул над городом. От этого щемило сердце... Маленькие ребяташки жались к матерям.

Молчат тревожные гудки. Стало быть, бандитов отогнали. А мальчики наши что-то не возвращаются! Когда бандиты угрожают городу, комсомольцы-школьники уходят с отрядом взрослых защищать его. Этой зимой так было уже несколько раз.

Вася Лушников отвечал урок по истории. В классе обычная рабочая обстановка. И вдруг в стены ворвалось тревожное: у-у-у!..

– Извините, Матвей Дмитриевич, доскажу в следующий раз! – И Вася бросился к выходу. Сорвались с парт и следом за Васей кинулись Виктор Тресвятский, Иван Серков, Степа Осокин. И сразу в классе образовалась пустота.

Урок не в урок! Да и учитель словно бы не в себе: то подолгу стоит у окна, то крупными шагами меряет класс. Что он думает, наш старый учитель?

На всю школу осталась одна комсомолка – Ия Ермилова. С со-

бой ее ребята не брали, хотя винтовкой она владеет не хуже любого, имеет навыки медицинской сестры. Но она назначалась политруком школы.

Политрук. Нелегкая должность даже в школе. К примеру, класс не ладит с учителем физики... Отчего этот поджарый, в очках, еще не старый человек вечно раздражен, вечно ехидничает, будто зол на весь мир?

– Ну-с, милостивые государи и милостивые государыни, – начинает он еще с порога. А ребята такое воспринимают как издевку.

– Мы просто школьники, а не государи и государыни! – выкрикивает кто-то с места.

– Прошу без замечаний! – резко обрывает физик. – Я выставлю вас за дверь!

Класс шумит и гудит на все лады. Им предстоит объясняться с учителем.

До сих пор в комсомольской школьной ячейке из девочек была одна Ия. А сегодня в ее портфеле лежит уже несколько заявлений от девчонок. Вернутся ребята – и на первом же собрании их будут принимать в комсомол. Витька Тресвятский по этому поводу, возможно, сочинит стихи, он на это мастер. А Василий Лушников скажет хорошую речь, он признанный оратор. Смешной вообще-то Васька Лушников! Девчонки говорят, что он точь-в-точь Пьер Безухов, когда тот был в плену у французов: такой же неуклюжий, близорукий, на носу очки в железной оправе, потрепанная отцовская шинель висит мешком. Но когда же все-таки вернутся мальчишки?!

Перед самым уходом с Лушниковым произошла неприятная история: поспорил с парнем из параллельного класса – тот оскорбительно отозвался о комсомольцах. Василий не сдержался и дал в физиономию. А злюка-физик тут как тут. К возвращению ребят готовится на Лушникова карикатура: она будет выставлена для общего обозрения!

Как в этом случае быть политруку? В душе Ия – за Лушникова, но и согласна, что в споре кулаки не аргумент. И надо же было Ваське!.. Но всё-таки выставлять на посмешище товарища нельзя позво-

лить. Физик сам рисовал карикатуру и вложил в нее все свое злопыхательство против комсомольцев. У кого искать поддержку? С кем посоветоваться? Как быть?

Был бы дома товарищ Пискунов, заведующий окроно, он бы разобрался по справедливости. Но он, как и все коммунисты и комсомольцы, ушел на разгром банды. Ия живет в общежитии для учащихся из сел и деревень, а Пискунов в общежитии – свой, близкий человек! Все свободное время с ребятами. О чем только не беседуют они! Интересный человек!.. Может, поговорить с Матвеем Дмитриевичем?

Морозная зима на редкость малоснежна. Неприкрытая снегом земля местами потрескалась. Начало марта, а солнце все еще не сняло рукавиц.

Ия видит через окно: бегут школьники второй смены на занятия, кто в чем. Деревенских сразу отличишь: сермяжки, зипунчики. На ногах стоптанные валенки или обуточки. Среди городских нет-нет, да и мелькнет старая гимназическая шинель. Было в городе две гимназии – мужская и женская, теперь вместо них единая советская школа второй ступени.

Трудно ребятам учиться – ни учебников, ни тетрадей, ни программ по предметам! А желание – огромное.

У пятого «б» последний срок сдачи домашнего сочинения на тему «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!». Половина класса с работой не справилась. Собравшись группками, ребята обсуждают свою неудачу. Вдруг дверь распахивается. На пороге – Василий Лушников. Рука перевязана, висит на лямке через плечо. За его спиной – Ваня Серков и Степан Осокин.

– Здравствуйте! Вот и мы.

Василий очень бледен, взгляд какой-то странный.

– Мы вернулись, – продолжает Василий. – А Тресвятского больше нет... Погиб Витька!..

Класс оцепенел. Первой срывается с места Ия. Она бежит через всю школу в учительскую... Успеть, успеть, не дать физику вывесить проклятую карикатуру!

Что она сделает, и сама не знает. Забыв спросить разрешения войти в учительскую, не помня себя, она уже там. В учительской много учителей, но Ия никого не видит кроме физика.

– Вернулись ребята! – срывающимся голосом почти кричит она. – Лушников ранен в руку, Тресвятский убит... Карикатуру... Вы не смеете! – и Ия плачет по-детски, вздохнув.

Учитель физики, держа в руках рисунок, направляется к двери. К нему подходит Матвей Дмитриевич. Ни слова не говоря, старый учитель берет рисунок, рвет лист пополам. Потом ещё и ещё и... бросает обрывки в сторону.

– Вы с ума сошли, коллега!..
– позеленев, вымолвил физик. – Какой пример подаете? – кивок в сторону Ии.

– Вы мне не коллега! Вот так!

Матвей Дмитриевич, обняв Ию за плечи, направил ее в класс.

В. Иванова

*// Советское Зауралье. – 1967. –
№ 113 (16 мая). – С. 4.*

На обороте фотографии надпись: «В память нашей дружбы, времен упорной горячей работы, времен надежд и желаний. 1930 год, август» (В. С. Иванова снизу).

Они были первыми

(Иван Вавилов)

Спрашивают меня школьники, была ли я комсомолкой.

– Да, была.

– А пионеркой?

– Пионеркой – нет. Когда впервые в нашем селе появился пионерский отряд, я работала уже учительницей.

– А кто в селе был первым комсомольцем? – не унимаются ребята.

Тогда я с волнением называю имя Ванюши Вавилова. В памяти встает его короткая, но полная героизма жизнь, и я начинаю рассказывать им о нём.

Мы пытаемся на листе бумаги нарисовать его портрет. Рисуем русское лицо крестьянского парня. Открытый взгляд, чуть вздернутый нос и улыбающиеся губы.

– Прядь русых волос, – говорю я юным художникам, – непокорно спадала у него на лоб. Мы делаем надпись: «Иван Вавилов, первый комсомолец села Утятское».

Взрослые, которые помнят Ванюшу, говорят, что портрет плохо удался. Но что же делать, если фотографий его не осталось: за свою короткую жизнь он ни разу не фотографировался...

Когда в нашем крае устанавливалась советская власть, Ванюше

Иван Вавилов. Портрет самодеятельного художника Федора Вотина. Масло.

было всего семнадцать лет. Он вдоволь уже хлебнул батрацкого горя. Подкидыш, сирота – он не знал родительского крова. Рос в людях, с малых лет батрачил. Жил впроголодь. Одна отрада – книги. Их прочитал он много. Наш учитель Николай Филиппович помог сироте успешно окончить двухклассное училище.

Учился Ванюша блестяще. Сидит, бывало, за партой, лицо осунувшееся, худенькая одежонка густо усеяна заплатами, на ногах вместо валенок рукавицы, а сам весь поглощен рассказом учителя, в глазах – неугасающий огонек пытливости.

Так он и вырос. Крестьянские парии и девушки льнули к Ивану.

Любопытно было послушать от него книги, которые он знал несметное количество.

Любили Ивана и за веселый нрав, за самоделку-балалайку, с которой он редко расставался. Сколько спели под эту балалайку задорных частушек и песен! Но главное, Ванюша умел дружить – это был чуткий, умный товарищ и друг.

...Шёл 1920 год. Наши села и деревни очищались от белогвардейцев. Не слышно стало в Утятском по зорям оружейных выстрелов. Налаживалась новая жизнь – открыли больницу, начала работать школа. Трудные это были годы. Жизнь создавалась заново.

В старом полуразрушенном школьном здании Иван с группой молодежи решили оборудовать клуб. Парни ремонтировали двери, вставляли в рамы стёкла, изготавливали скамьи для сиденья. Девушки, подоткнув длинные юбки, мыли полы, обметали со стен паутину и пыль. Вот и готов клуб. Кто-то притащил керосиновую лампу, раздобыли дров, истопили печи. Вечером на огонек собралась молодежь.

Пришел в клуб и товарищ Жунин, секретарь партийной ячейки. С Иваном Вавиловым они дружили.

– Товарищи, – поднявшись на сцену начал Жунин, – я пришёл поблагодарить вас от имени нашей партии. Вы сделали, товарищи, большое и полезное дело. Через этот клуб мы понесем в народ культуру. Спасибо вам, товарищи-молодёжь.

Слово «товарищи» в то время употреблялось, может быть, излишне часто. Но от него веяло чем-то новым, это слово ласкало слух, заставляло учащенно биться сердце.

– А сейчас, товарищи, повеселимся на новоселье, – кричит Ванюша. Заиграла гармонь во все лады, затараторили балалайки, и пустился в пляс веселый молодежный хоровод.

Совсем молоденькие Ксенька и Настька отозвали Вавилова в сторону.

– Знаешь, Вань... – начала робко сероглазая Ксенька, – говорят, в Кургане школа второй ступени открывается, как учиться хочется...

– Поступить надо... я сам хотел вам об этом сказать...

– А ты? – спросила Ксенька.

– Я тоже... только немного позднее... Дела есть, пока всю белую контору не переловим – не учиться мне. А вы завтра же направляйтесь в город. Идите прямо к Пискунову, в наробраз. Вот человек! Настоящий коммунист! Он вас устроит и в школу, и с жильем. Последнее было немаловажным: Ксенька росла сиротой и помощи ей от родных ждать не приходилось.

Да, дел у Ивана было много. Сколачивалась крепкая комсомольская ячейка, и не хотелось отрываться от новой жизни, которой Ваня весь отдался без остатка.

Само собой получилось, что Ванюша стал комсомольским вожаком. Да кому ещё по плечу была эта роль в те дни? Кто бы смог так вот смело самозабвенно взяться за это трудное и новое дело? Кому бы, как не ему, могли поверить сверстники – сыны и дочери бедняцких семей. У кого ещё было такое твердое убеждение и вера в партию. И молодежь тянулась к нему, чтобы узнать о новой правде...

Запомнился мне вечер, когда впервые исполнялся пролетарский гимн «Интернационал». Клуб был переполнен народом. Хор молодёжи стоял на сцене полукругом. Ваня вышел вперед и объявил: «Будет исполнен гимн пролетариев “Интернационал”. Встать, граждане, шапки долой!»

И полилась величественная песня. Вдруг Иван заметил, что сын купца Сухарева шапки не снял. Среди пения раздался громкий голос Ивана: «Эй, кто там шапку не снял, выйди вон!»

Комсомольская организация крепла. Это был дружный отряд. Мне запомнилась Танюшка Луканина, храбрая, отчаянная комсомолка. Афоня Шульгин, весёлый наш запевала, «артистка» Настя Ваганова, заливчатский танцор Иван Баженов, гармонист Сергей Воденников, Нюрка Ижевская, Иван Девятов, Глаша Иванова, Сергей Потоскуев. И всегда в кругу их непременно Ванюша Вавилов.

Он весь полон огня, выдумки, веселья. Ребята любили выполнять поручения своего вожака. Ставили на сцене спектакли, с винтовкой стояли на посту, когда деревне угрожали бродячие белогвардейские банды, делали доклады, вовлекали парней и девушек в комсомол.

Однажды комсомольцам удалось предотвратить контрреволюционный мятеж. Это случилось летом. Сгущались тёплые сумерки. Храбрая Танька Луканина одиноко торчала с ружьем на посту: несла караул. Вдруг из леска вынырнул возок сена. Наверху сидел старик-цыган и правил лошадёнку к мосту. Танька выжидающе замерла. Обоз не спеша приближался.

– Стой! – приказала Танька, но лошадёнка продолжала двигаться. Танька вскинула ружье.

– Куда едешь, говорю! – загородила собой дорогу. Старик залопотал по-своему, потом ласково попросил:

– Пусти, ночевать в лесу боюсь.

Танька свистнула, и на мост, шлепая босыми пятками, во весь дух примчался караул. Старика сняли с возка, обшарили сено и нашли там... винтовки.

Тотчас же доставили цыгана в ревком. Под подкладкой сапога вытащили записку, адресованную местному кулаку. В ней был расписан подробный план и срок контрреволюционного мятежа. Татьяне Вавилов вынес благодарность.

В селе создали продовольственный отряд. Записывались в него коммунисты и комсомольцы. Ходил отряд по селам, собирал хлеб, отправляли его на фронт. Это было опасное дело; кулаки мешали отряду, устраивали засады, угрожали. Ванюша работал в отряде всё лето. Загорел под солнцем, возмужал, с ружьем не расставался. Дела в селе препоручил Семену Потоскуеву.

Богат наш край хлебом, не одну сотню обозов отправил отряд на фронт. Лютым казался этот хлеб врагу. Кулаки сколотили вооруженную банду, залегли возле села и закрыли дорогу обозам. Узнал об этом ревком и послал в разведку коммуниста Макарова. Не вернулся Макаров больше в село: погиб в неравном бою. Создали специальный отряд по охране обозов. Ванюша записался и него первым. Было в отряде сорок человек.

Долго преследовал отряд кулаков, но враг бой не принимал, отступал, петляя по деревням. Горевал Ванюша: встретить бы главаря один на одни, прикончить. Много злости было у наших на этого раз-

бойника. Знали, что он бывший бедняк, купленный кулаками за большие деньги. Мстили за погибшего Макарова.

Стал проситься Ванюша в разведчики. Мечтал, что лазутчиком, может, натолкнется на главаря. И видел его несколько раз, но стрелять дисциплина не позволяла: разведчик должен доставить сведения. Но момента выжидал.

В погоне загнали кулаков к Варгашам, прижали к железнодорожному полотну. Снова пошел Ванюша в разведку. Шел осторожно, пробирался перелесками, полз по степи. Добрался до полотна. Кругом тишина, чуть брезжит рассвет. Перекинулся через рельсы, видит – а там, в колках разместился враг: спят бандиты, вблизи пасутся кони.

Стал считать. Одни... шесть... двадцать... сорок. Много насчитал – большой отряд у бандитов. Повернул обратно, переполз рельсы, под насыпь скатился и на плечах почувствовал чьи-то грубые сильные руки.

– А-а... хорош щенок! – заревел над ухом голос. В один миг эти руки поставили его на ноги. Смотрит – трое вооруженных. Рванули рубашку, обшарили... но оружия не было у Ванюшки: в отряде нехватка его, и потому он ходил в разведку с голыми руками.

Били долго, спрашивали, где отряд, кто послал, как звать... Ничего не сказал им Вавилов, только, встретясь глазами с главарем, раздельно произнес:

– Сволочь, продал мужиков.

Бандиты спешили: брезжил рассвет, боялись нападения. Расправа была страшной: вспороли живот, набили зерном, воткнули кол с дощечкой: «Так будет всем коммунистам». И умчались дальше.

Ждали Ванюшу в отряде долго; когда вышел весь срок, послали по его следу другого и лишь тогда узнали о гибели комсомольца... Так вот и погиб Ванюша.

В Утятском об этом узнали недели через две. И когда после печального известия собралась молодежь в клубе, Семен Потоскуев, один из близких друзей Вани, сказал:

– С нами нет и не будет больше нашего любимого товарища Ивана Вавилова. Только, товарищи, слёз не надо. Споём лучше его любимую песню.

И все запели: «Вихри враждебные веют над нами...».

Много лет прошло с тех пор, но жизнь Ванюши Вавилова не забыта земляками.

...А недавно семиклассники проводили обсуждение книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Ребята говорили, что Корчагин и Вавилов очень похожи друг на друга. Я согласилась с ними.

– Мы предлагаем школе нашей присвоить имя Ивана Вавилова, – сказали ребята и долго молчали. Каждый из них после слов этих думал, смогут ли они оправдать теперь имя своего боевого героя-земляка. А я верю – оправдают.

В. Иванова

// Молодой ленинец. – 1957. – № 2 (17 февраля). – С. 2;

№ 3 (20 февраля). – С. 3.

По Ленину (Иван Вавилов)

Шел 1920 год. С треском ломались вековые устои старой деревни, в трудностях рождалась новая жизнь.

В полуразрушенном старом школьном здании комсомольцы села Утятское устроили клуб. Небольшая комната служила местом, куда собирались для обсуждения текущих дел. Хорошо запомнилась мне эта комната. Всё её убранство: стол посредине да скамьи вдоль стен. На передней стене портрет Ленина. Под портретом лозунги: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Советская власть!»

Комсомольский вожак, девятнадцатилетний парень Иван Вавилов, подал заявление о вступлении в партию. И вот члены партийной ячейки собрались в этой комнате.

Секретарь ячейки товарищ Жунин, худощавый человек с высоким лбом и вьющимися волосами, предложил:

– Хоть и знаем мы тебя, товарищ Вавилов, но закон порядка требует. Расскажи нам о себе как на духу.

– Мне 19 лет, – начал Вавилов. – Кто мои родители – не знаю. Вот только что Архипыч мне однажды рассказывал, как меня нашли... Прошёл, говорит, я по больничному двору с колотушкой раз, прошёл другой, темно было, слышу, будто ребёнок где-то пищит. Почудилось, думаю... Нет, и правда плачет... Подхожу, говорит, к крыльцу, что-то в тряпках копошится. Побежал к доктору, разбудил. Подняли кузовок, занесли в приёмную, развернули. Смотрим: парнишечка, к ручке записка привязана: «Не крещёный. Спасите несчастного»... Сносили в церковь. Поп имя дал – Иван, фамилию придумали – Вавилов, а об отчестве забыли. Так и живу.

Иван на минуту замолчал, потом усмехнулся:

– Архипыч вот говорит, что батраку отчество иметь не обязательно. Батраков по отчеству не навеличивают.

– М-да... даже отчества человек не имеет, – с грустью вставил начальник милиции Макаров, высокий и стройный, похожий на грузина.

– Вот примем в партию, и отчество подберём, – встрепенувшись,

заговорил Николай Уфимцев, один из организаторов коммуны. – Мы, большевики, за человека полной формы, у нас «кто был ничем, тот станет всем». Выбирай отчество!

Вавилов отбросил назад упавшую на глаза прядь волос и встретился взором с Лениным на портрете.

– Честно буду служить партии! А отчество запишите по Ленину – Владимирович... Если можно...

Все повернули головы к портрету. Глаза Ильича по-отечески глядели на людей. Секретарь ячейки громко и торжественно объявил:

– Кто за то, чтобы принять в партию товарища Вавилова Ивана Владимировича? Прошу поднять руки!

– Принят единогласно. На этом данный вопрос будем считать исчерпанным.

В. Иванова (источник не установлен).

Обелиск у дороги

(Василий Уфимцев, первый комсомолец-тракторист)

Мы не имеем права забывать, с чего начинали. Если бы не было таких, как он, комсомолец Василий Уфимцев, не было бы того, что мы имеем сейчас, чем гордимся, чему радуемся, чем стали в жизни сами.

1922 год. Еще рыскали по Притоболью головорезы из банды Землина. Еще не снимали с плеч винтовки притобольские коммунары. На усадьбе коммуны «Заря жизни», что обосновалась на берегу реки Басманки, урчал трактор – первый стальной конь.

Трактор – диковинка на всю округу! Бесконечно паломничество из соседних сел и деревень посмотреть на нее.

Председательскому сыну Васе Уфимцеву в ту пору минуло семнадцать. Невысок ростом, русоволос, девический румянец во всю щеку. Он член комсомольской ячейки коммуны, ее секретарь.

Вася оседлал трактор. Управлять трактором научил его коммунары Иван Михайлович Бобков. Скоро учитель и ученик в познаниях насчет трактора сравнялись друг с другом.

От девчат Васе нет отбоя: «Прокати, Василько, на тракторе», –

пристают.

– Ждите праздника – прокачу. В будни какое гуляние!.. Работы невпроворот...

Праздники были нечасто. Но тогда прицепляли к трактору фургон, полнехонький девчат и парней, и нет конца песням, шуткам, прибауткам! Заливается тальянка:

– Трактор пашет, трактор пашет.

Тракторист рукой мне машет.

Я не знаю, что к чему?

Мне подруженька сказала:

– Ты пойдди, сходи к нему...

Темны осенние ночи, холодный ветер пронизывает насквозь.

Темнее осенней ночи совесть кулацкая. Их злоба на все новое льется через край. Грозит кулачьё расправой. Не плошай, коммунар, комсомолец, активист!

Редкую ночь комсомольский секретарь Василий Уфимцев не на посту. В одну из таких ночей Вася промерз до костей. Свалила простуда, и он не встал.

Схоронили комсомольца-тракториста Василия Уфимцева на бугорке, с которого открывался простор во все стороны.

Там, где была когда-то первая в Притоболье коммуна «Заря жизни», пролегла сейчас асфальтовая дорога. Все переменялось вокруг. Там, где были избы коммунаров, где был навес, под который Вася загонял свой трактор, растут молодые сосны.

У самой асфальтовой дороги, которая называется Звериноголовским трактом, на сороковом километре от Кургана стоит те-

перь обелиск в память о первом трактористе Василии Уфимцеве, в память о том далеком, трудном, но героическом времени.

Если тебе, молодой друг, будет путь по этому тракту, остановись у обелиска. Сними, товарищ, шапку!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 265 (14 ноября). – С. 4.

И сегодня в строю (*Василий Уфимцев*)

Вся молодежь колхоза «Россия» собралась на тридцать восьмом километре Звериноголовского шоссе. На металлической мачте под порывами ледяного, совсем зимнего ветра полощется алый вымпел. Рядом – покрытый покрывалом обелиск.

Митинг, посвящённый открытию памятника первому секретарю комсомольской ячейки коммуны «Заря жизни», первому комсомольцу-трактористу Василию Уфимцеву, объявляется открытым. Под аплодисменты присутствующих молодой механизатор Иван Федосеев снимает с обелиска нежно-розовое покрывало. На высоком постаменте – каменный стяг, на котором высечены комсомольский значок и трактор.

Своими воспоминаниями о Василии поделилась его землячка и соученица Варвара Степановна Иванова. В двадцать втором году, когда ещё по округе рыскали банды Землина, восемнадцатилетний комсомолец сел за первый на всё Притоболье трактор.

– Мне думается, – говорит Варвара Степановна, – что это памятник не только Василию, но и всей коммуне «Заря жизни», от которой взял начало нынешний богатый колхоз «Россия».

С открытием обелиска присутствующих поздравил заведующий орготделом райкома ВЛКСМ Александр Акулов. О том, что моло-

дѣжь будет достойна памяти своего земляка, сказали молодой механизатор Александр Сорокин, школьники Витя Золотарѣв, Оля Калинина и Галя Петрякова.

**Памятник Василию Уфимцеву на 40-м километре Звериноголовского шоссе
(фото 2022 года)**

Тут же были приняты в комсомол Виктор Пашков, Владимир Фѣдоров, Николай Прокопьев, делом доказавшие, что они достойны носить это гордое имя.

К подножию памятника возлагаются венки. Ещё один обелиск появился на земле Притоболья. Ещё одно имя героя вырвано из забвения. Имя первого тракториста-комсомольца – Василия Уфимцева.

*В. Фрончик, секретарь парткома колхоза «Россия»
// Притоболье. – 1968. – № 130/131 (29 октября). – С. 1.*

Шёл парнишке в ту пору девятнадцатый год...

(Роман Ерасов)

«Ему едва пошел 19-й год. Он ненавидел колчаковцев-белогвардейцев за те издевательства, которые они творили над населением. Насильно мобилизованный в колчаковскую армию, он при первом же удобном случае решил перейти к красным. Но белогвардейская пуля настигла смельчака, оборвалась молодая жизнь. Деревянный памятник за деревней Нагорской стоит на могиле Романа Ерасова».

(По материалам Утятского сельского музея).

...Два шага до двери, четыре к окну. Маленькая, закопчённая баня. Окно накрест забито досками. На щелявом полке распостерто измученное тело. Едкая пыль, сажа. В бане давно не мылись, да и до нее ли тут, когда сегодня жив, а завтра, может, смерть примешь.

Крестьяне прячутся в погребах и ямах. Над головой клекочут снаряды, щелкают винтовочные выстрелы, в овраге тарахтит пулемет.

За последние дни красные стреляют чаще, подвигаются к реке, жмут беляков, готовятся к наступлению. Они там, на левом берегу Тобола. Здесь – белые. Хмурые, злые, как мухи осенью. Сегодня ни за что ни про что белогвардейский офицер ударил пожилого мобилизованного крестьянина. Роман сам видел.

Это было утром, а вечером он решил бежать. Кусты скрывали его от глаз солдат, роющих окопы, и эти же кусты помешали ему. Споткнулся, упал. Жарко дыша, навалились трое. Следил за Романом шкура-унтер, «господин взводный». Видно, не раз замечал горящий взгляд парня, брошенный туда, на левый берег...

Били долго, сапогами и прикладами. Все норовили попасть в живот. Плотный колчаковец выхватил шашку. «Не надо, – остановил его взводный, – завтра утром, перед строем, чтобы всем краснопузым неповадно было».

Стращали, чуяли, гады, свою погибель...

Роман осторожно повернулся на правый бок, уперся рукой в плахи, сел. Левая нога затекла и плохо сгибалась. Попробовал согнуть ее руками.

Из щели в окне пробивался золотистый луч заходящего солнца, пылинки дрожали в нем. Роман подвигал ногой, стараясь попасть в полоску света, и долго рассматривал синеватый подтек. «Здорово саданул прикладом проклятый унтер, – с досадой подумал он, – ну да я все равно убегу, как только стемнеет».

Он все-таки слез с полка и, стоя на одной ноге, толкнул дверь. Толкнул еще раз. «Приставлена» – догадался. Проковылял к окну и попытался отодвинуть доски. Пожалуй, они не так уж прочно прибиты. Обратно к двери Роман шел, стараясь ступать на раненую ногу. Было больно, но идти он мог. Это обрадовало Романа.

...Часовой, охранявший баню, расположился прямо на траве и только что собирался почать кринку неснятого кислого молока, старательно перемешивая содержимое пальцем. Сильные толчки в дверь заставили его скосить глаза. Берёзовый кол, которым была приставлена баня, прыгал и потихоньку отползал назад. Матерясь и на ходу обтирая о штаны прокуренный палец, колчаковец заспешил к бане.

...Стихли шаги часового. Дверь больше не поддавалась. Зато Роман теперь точно знал, что его охраняют. Он снова забрался на пыльный полок, нашарил на каменке бесформенный кусок железа, брошенный туда для жара, положил его рядом с собой. Теперь ждать...

Лишь сейчас Роман почувствовал, как сильно болит избитая грудь и спина, мучительно ноют руки. Роман закрыл глаза, и кажется ему, что это он пришел домой после надрывной работы в поле и лежит на полатах. И вот уже нет острой боли, только тихо ломит расслабленные усталостью члены. Ключковатый, с обмороженными ушами кот Пушок привалился к боку, на кухне мать гремит ухватами... Или нет, это часовой для пущей важности приставляет дверь вторым колом.

Роман любил страдную пору – сенокос, уборку. Он видит себя вместе с отцом, запрягающим лошадь. «Романко, – говорит отец, – сбегай-ка за шлеей». И Роман, невысокий, но крепкий белоголовый хлопец лет шестнадцати, рад выполнить отцово поручение. Навстречу старший брат с женой несут вилы, грабли. Сено уже третий день

лежит в рядках. Неровен час, как бы дождь не прихватил. Сегодня Ерасовы всей семьей едут на луг.

Карька нетерпеливо переступает, машет хвостом. Он отдохнул за ночь, утренняя прохлада бодрит его. «Но-но, не балуй!» – притворно сердится отец, взнуздывая шаловливо вздергивающего головой конька.

– Тятка, – умоляюще просит Роман, – дай покучерю, дай вожжи!

– Смотри не гони, как в прошлый раз, – ворчит отец. – Лошадь то своя, не казенная...

Роман неторопливо садится на кучерское место с правой стороны, заботливо, как отец, расправляет подостланный зипун, кладет кнут под себя. «Но, пошел!» – приказывает он Карьке и легко трогает вожжичкой. Карька в последний раз взматывает головой и, проворно переступая ногами, вывозит телегу за ворота. Мелькают спицы в колесах, дребезжат, подпрыгивают на задке вилы и грабли.

Соседи выехали на луг несколько раньше, и вот теперь Ерасовы настигают их. Роман видит, как соседский парнишка Сенька, сидящий за кучера, беспокойно ворочает головой. «Здорово живем!» – ехидно кричит Роман. – Что на работу-то не торопитесь?» – И потихоньку от отца показывает кнут Карьке. Карька понимающе косит глазом и с ленивой рысцы переходит на крупную рысь. Они с Романом прекрасно понимают друг друга. Сенька остается позади и тоже начинает подхлестывать лошадь. Вызов принят. «Ромка, не дури!» – кричит отец. Но когда голова соседской лошади начинает жарко дышать ему в щеку, не выдерживает: «Ромка, не поддавайся! Держи марку, паршивец!»

А Роман уже на ногах! Свистнул, гикнул, пузырем вздулась посконная рубаха. Карька стелется по земле и, сбиваясь, переходит на галоп.

По-разбойничьи свистит брат. Пугает криком лошадь отец, визжат женщины. Оглянулся Роман – отстают Сенька! На мгновение мелькнуло разругавшееся лицо Сенькиной сестры, и густой, юношеский румянец залил щеки Романа...

А потом ехали шагом, чтобы дать отдохнуть лошадям, и пели хорошую раздольную русскую песню. Роман больше не оглядывался, но всем своим существом чувствовал ее, ту девчонку, которой желал и боялся, с замирающим сердцем ловил ее молодой звонкий голос. Он еще не умел любить и, как всякий его сверстник, под нарочитой грубостью, под напускной развязностью скрывал свое застенчивое, юношеское чувство. Тогда Маша испуганно вскидывала пушистые ресницы, сторонилась его.

И, кажется, совсем недавно они сидели, обнявшись на низенькой лавочке. Маша дрожащими пальцами перебирала пуговицы Романовой рубашки. Он не решался шевельнуться, хотя неудобно подогнутые ноги страшно затекли...

Было ли это? Да, было и продолжалось бы, если бы не пришли те, оскорбившие его мать, его любовь. Разрешили захватить только узелок с хлебом, торопливо сунутый матерью, и увели с собой. Кажется, недалеко ушел Роман, всего через реку, из Кочневой в Нагорскую, куда не раз ходил гулять с кочневскими парнями, но какая пропасть легла между ним и теми, кто остался в родной деревне, между его теперешней и прежней жизнью!

...А какие нынче стоят хлеба там, где их не изрыли снаряды и не истоптали подошвы солдатских сапог! Только мало таких полей осталось... Август ровный, теплый. Хорошо сейчас в поле! Они бы с отцом уже начали жать, земли Совет дал и еще обещали...

Словно толчок поднял Романа на ноги. Было уже темно, только бледнела щель в окне. Удивительно, Роман не чувствовал никакой боли, да он и не думал о ней. Под ударами куска железа, обмотанного в рубаху, доски отошли. Как это Роман раньше не обратил внимания, что окно слишком узко! Но ничего, голова и плечи, хоть с трудом, но пролезли. Еще немного... Он перевел дух и чуть не вскрикнул от острой рези. Вот она, больная нога, дала себя знать! Зацепилась, проклятая. Ползком, ползком... и быстрее туда, к Тоболу! Испуганно крикнул часовой. Выстрел. Эх, как мешает бежать раненая нога! Второго выстрела Роман не слышал. Горячая волна подняла и толкнула его...

Мой молодой товарищ!

Когда ты слышишь или поешь песню «За фабричной заставой...», не думай, что только там, далеко от тебя, на необъятных просторах нашей земли сражались и умирали за твое счастье, за твою любовь молодые герои – они ходили там, где ты сегодня ведешь свой трактор. Пусть в ту минуту, когда ты поешь любимую песню, перед тобой встанет невысокая гордая фигура простого крестьянского парня. Ему было только восемнадцать, но он жил и умер, как герой.

В. Утятский

// Искра. – 1959. – № 101 (25 августа). – С. 2.

Боевые мои комсомольцы

(воспоминания И. Сартакова – начальника милиции района)

Комсомольскую организацию села Утятского называли в районе «интернациональной»: в ней состояли белорус, поляк и русские. Это были боевые, отважные ребята, и мне как начальнику милиции района они здорово помогли.

Помню, приехал я принимать район. В канцелярии меня встретил молодой паренек. Отрекомендовался: «Ковалевич».

– Член партии?

– Нет, пока комсомолец!

– По фамилии вроде бы поляк?

– Белорус, эвакуирован в 1914 году из Гродненской губернии Кобринского уезда Залесской волости.

– Сколько у вас комсомольцев?

– Человек десять.

– Можешь срочно собрать их?

– Это не трудно.

Не прошло и двадцати минут, как в сопровождении Ковалевича в милицию явились три паренька и две девушки. Я объяснил им положение в районе (в то время неподалеку, в деревне Лаптево, группа неизвестных военных останавливала и возвращала обратно обозы с хлебом) и поручил оповестить об этом всех членов партии, волисполком, военкома и начальника ЧОНа.

Не успели они разойтись, как прискакал конный милиционер

Семен Евдокимов:

– В Лаптево убили Макарова и Кирильчика. Остальные ведут бой с бандитами.

Из людей, которых собрали комсомольцы, организовали вооруженный отряд, в его составе были и комсомольцы, в том числе поляк Авраам Юцык.

О нем мне хотелось бы рассказать подробнее. Прибыл он к нам из Шмаковской волости вместе со старшим милиционером Гавриилом Дмитриевичем Лыжиным.

Однажды Юцык стоял на карауле у моста через Тобол. Там задержал и привел в правление высокого человека в шинели. Тот шел с поднятыми вверх руками, которые всё боялся опустить.

– Юцык, как ты не побоялся задержать этого великана? Ведь он мог тебя угробить! – спрашивает Лыжин.

– Ну, вижу, идет подозрительный субъект. Я щёлкнул затвором, глянул на него страшно и гроз-з-зно крикнул: «Стой! Руки вверх! Стрелять буду!» Он и испугался.

– Молодец! Так и надо действовать! А почему не пристрелил? Это же опасный бандит, дезертир!

– У меня, товарищ начальник, патронов нет! – ответил Юцык.

– Эх, ты, солдат-боец! При бандите военную тайну выдал.

Над этим долго смеялись в отряде.

Славно работали и девушки: Шима Девятова (впоследствии Ковалевич), Стеша Луканина, Нюра Макарова. Однажды Шима дежурила на дороге в правление, видит: скачут галопом двое. «Стой! – кричит Шима. – Пароль!»

– Не знаем.

– Руки вверх! Стрелять буду!

– Дак мы на лошадях...

– Слезайте!

Мужики подчинились. В правлении они доложили, что в деревне Прединой секретарь сельсовета подбивает кулаков на мятеж. В ту же ночь опасность ликвидировали.

В марте 1921 года Утятские комсомольцы были зачислены в

особый отряд и отправлены на север области, где приняли активное участие в борьбе по ликвидации бандитизма.

Я часто вспоминаю своих друзей-комсомольцев. И хотя прошло много лет, они представляются мне всё такими же юными. С Авраамом Юцыком мы переписываемся (он живет сейчас в деревне Луцки Кобринского района Брестской области). Вот что я узнал из его писем.

В 1922 году он по семейным обстоятельствам оказался в панской Польше. В 1925 году был в подполье. Затем – репрессии, аресты польской тайной полиции. Тюрьма. Война... С первых дней оказывал помощь нашим войскам: укрывал у себя в доме командиров Брестского гарнизона, партизанских связистов. Юцыка с семьей выдали, но он успел покинуть окруженный хутор вместе с женой, дочерью семи лет и трехлетним сыном. Было это в 1943 году.

Тогда же Авраам Лаврентьевич сформировал боевую группу, из которой затем вырос отряд имени Чапаева, о боевых действиях которого упоминается в одной из книг о партизанской войне в Белоруссии.

«Были в отряде и женщины, и славные хлопцы – чехи, – вспоминает Авраам Лаврентьевич. – Всего человек двести. По количеству боевых операций наш отряд был одним из лучших. 18 эшелонов было пущено под откос, шесть паровозов выведено из строя, взорвано немало километров полотна железных дорог, боевой техники. По Кобринскому району были разгромлены все полицейские гарнизоны, уничтожено более 1200 гитлеровцев...»

Можете себе представить, как я обрадовался, получив письмо от Юцыка! Как я гордился своим боевым товарищем! Все материалы, присланные А. Л. Юцыком, я передал в Утятский сельский музей. Пусть живет слава о боевой молодости нашей, о славных сынах комсомола!

И. Сартаков

// Молодой ленинец. – 1966. – 20 мая.

Комсомольская юность

(из истории сельхозтехникума в Утятском)

Геннадий Яковлев – секретарь комитета комсомола сельхозтехникума. Снимок 1942 года

Те из утятцев, кто родился уже после войны, могут и не знать, что в грозные годы в их селе был техникум. Он готовил руководящие кадры для сельского хозяйства, агрономов, зоотехников, бухгалтеров-экономистов. Техникум определил судьбу многих притобольцев. Для инвалидов войны он был той важной вехой в жизни, которая помогла человеку, имеющему какие-то физические недостатки, утвердиться в жизни уже в новом качестве, понять, что, будучи инвалидом, можно оставаться человеком нужным и полезным Родине.

Здесь работали опытнейшие кадры: Василий Ефимович Квитко, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент; Анна Тимофеевна Потанина, заслуженный учитель школы РСФСР; Сергей Иванович Трубин – прекрасный математик, участник и инвалид Великой Отечественной войны, и другие преподаватели.

К 1 января 1943 года, к началу занятий, было уже 60 инвалидов Отечественной войны, которые составляли две группы агрономического отделения. Комсомольским вожаком был Иван Циркунов. Любили ребята Ивана, но вскоре его призвали в действующую армию, и ребята избрали секретарём комитета меня.

Припоминаю такой случай. Председатель колхоза И. Я. Мартынов обратился ко мне с просьбой помочь убрать хлеб, который скосили вручную женщины. «Всего один гектар», – сказал председатель. Я переговорил с девушками, которые только что возвратились с работы, где готовили зерно для фронта. Все в один голос заявили: «Не можем,

валимся от усталости».

Что делать? Пошёл к фронтовикам. Много объяснять не пришлось. Через час уже все двигались к озеру Белому, там шла уборка урожая. Вскоре весь техникум был в поле. Как и следовало ожидать, председатель немного «занизил» цифру: вместо одного гектара пришлось потрудиться на пяти. Нашему появлению удивились и обрадовались колхозницы и дети. Некоторые мальчишки закричали: «Ура!»

Работали дружно, отдавая делу весь жар своего сердца, всего себя. И вот в конце дня весь скошенный женскими руками хлеб был подобран и заскирдован. Конечно, для нас это было очень трудным делом, а какое удовлетворение в этом необычном труде получил каждый!

Учащиеся и преподаватели сельхозтехникума.

Село Утятское. 1943 год.

Комсомольцы-фронтовики готовы были прийти на помощь человеку, находящемуся в беде. Никогда не забуду, как мне и Александру Девятову из Нагорки удалось спасти утопающих в реке колхозниц Александру Нетунаеву и Елену Мерезлеченцеву. Когда мы вытащили их из пучины ревущего от ветра Тобола на маленький остро-

вок, и они почувствовали себя в безопасности, одна из них сказала: «Жаль, наши кошелки утонули». А в кошелках были алябушки – лепёшки из травы и картофеля. У каждой из них были дети и погибшие на фронте мужа...

Душой районной комсомолки была наша Аннушка (так звали первого секретаря райкома комсомола Анну Григорьевну Девятову) – неутомимый и удивительно подвижный человек. Она попевала всюду, а ведь автомашин в то время комсомол не имел. Приходилось больше передвигаться пешком и в лучшем случае на лошадке или бычках. Этот техникум закончила её сестра – Серафима Григорьевна Девятова, которая стала офицером, инвалидом Отечественной войны.

В техникуме хорошо учились и работали после окончания уважаемые в районе люди – Людмила Петровна Иванова, Владимир Павлович Тремзин, Клавдия Васильевна Петраш, Николай Иванович Криворотов и многие другие.

С тех пор прошло более 60 лет, но я не могу забыть это трудное и вместе с тем удивительное время нашей молодости. Оно сблизило нас, молодых, с очень интересными людьми, которые учили нас учиться, трудиться, жить.

*Геннадий Яковлев, заслуженный учитель России,
бывший секретарь комитета комсомола сельхозтехникума
// Новый мир. – 2005. – № 142 (6 августа). – С. 7.*

Заря на востоке

(отрывок из повести В. С. Ивановой об односельчанах)

Организовать уборку хлеба коммуне «Заря жизни» только силами комсомольцев было не так просто и легко, как сначала думал Вавилов. Ермошкина вызвали в уком (уездный комитет) на целую неделю. Жунин где-то колесил по деревням волости. Даже совета спросить не у кого, а сенокос не ждал. В деревне только дети да старики, остальные все на лугу, там и ночуют.

В первый день сенокоса из 15 комсомольцев на работу вышло только пять: сам Вавилов, Семен Потаскуев и трое девчат, остальные были заняты сенокосом в своем хозяйстве. На второй и третий день повторилось то же. Скосили только лягу, где трава сочнее и мягче. На

горках дело шло хуже, по низкой и редкой траве коса вжикала и беспрестанно тупилась.

– Что делать? – думал Вавилов. – Так мы прокосим до морковкина заговенья. Только бы сбить траву с корня, а с мёткой сена будет легче.

Где-то в середине недели на паре коней, запряженных в сенокосилку, приехал сам председатель коммуны Уфимцев и скошил траву на косогорах. Теперь можно было приступать к метке сена в стога.

Чтобы поднять все сено разом, по крайней мере, надо было человек пятьдесят. Если пригласить всю молодёжь села, набралось бы и больше. Парни и девчата с удовольствием соглашались идти на помощь, но дело не только в них. У каждого есть старшие, а те не согласятся в рабочее время отпустить сына или дочь и потерять для своего хозяйства драгоценный рабочий день. Вавилов назначил метку сена на воскресенье. Только Настя Иванцова, Ксенка Попова и Андрей Луканин не надеялись, что и на воскресенье отпустят их родители.

– Вызовите моего тятку в Совет и поднажмите на него как следует. Отпустит, ей-богу отпустит, – советовал Андрей Луканин Вавилову.

В субботу обычно все крестьяне возвращались с покоса в село попариться в бане, в воскресный день никто не работал. В субботу вечером Вавилов пришел в Совет. На крыльце избы, в которой помещался Совет, сидел Игнашка, плел из прутьев ивы корзинку и мурлыкал какую-то тягучую песню. Игнашка тут и жил при Совете.

– Здорово, дядя Игнатий! – приветствовал его Вавилов. – Председатель в Совете?

– Был да весь вышел, – ответил Игнатий.

– А он придет?

– Не задавится, так явится. Тебе куда на нем?

– Дело есть, – Вавилов присел на ступеньку.

– Робишь, дядя Игнатий, а завтра воскресенье, грешно?

– Грех что орех, раскусим да бросим... А вот и председатель. Лёгко на помине, как сова на овине, – балагурил Игнашка.

Вавилов изложил свое дело председателю.

– Слушай, Игнаша, одна нога здесь – другая там, чтоб Степан Иванцов, Анисим Луканин и Герасим Попов были в Совете, – распорядился председатель.

Игнашка отложил свою работу под крылечко, вооружился палкой и отправился вдоль деревни. Он знал, что сейчас, когда на землю спускалась ночь, мужики парятся в банях. Он и направился прямо к баням, расположенным рядком на берегу реки.

Степан Иванцов только что вышел из бани, он был красный, как рак. Под мышкой нёс берёзовый мокрый веник, катанки-рукавицы и шапку. В шапке и рукавицах парились в бане многие мужики. Так жарко натапливались бани.

– Эх ты, разопрел, что парёнка, – завистливо заметил Степану Игнашка. – Чичас же в Совет айда, чтоб другореть за тобой не ходить.

Игнашка повернул к бане Луканиных. Там паренье было в разгаре. Из щелей двери валил пар, слышалось хлестание веником и криканье Анисима.

– Дядя Анисим, запаришься, хватит!.. – застучал в стену палкой Игнашка. – В Совет иди... председатель велел чичас же.

– Ох, штоб вас разорвало... – хрипел в бане Анисим. – И попариться вволю не дадут человеку... штоб вас там...

С рассветом в воскресенье у Совета собралась молодежь. Девушки приходили с граблями, парни с вилами. Вавилов торжествовал. Пришли все, кого он приглашал. И Степан Иванцов отпустил Настю, и Анисим Андрея, и Герасим свою Ксенку.

Толпа молодежи человек в сорок отправилась на луг прямым путем. Обычная дорога на луг, в урочище Кундрашное, шла через мост, потом огибала деревню Нагорную, поймой реки тянулась эта дорога верст пять. Вавилов придумал ладно: он переправил людей лодками через Тобол и сократил путь втрое. Молодежь шла к переправе, это было весёлое шествие. Сергей Пупков растянул меха своей гармошки, и поплыли в утренний туман слова частушек то задорных, то насмешливых, то полных неги и любви.

Милые частушки, как любит сельская молодежь перебрасывать-

ся вами, излить в них свою душу!

*Что мне замуж торопиться
Не за милого дружка...*

Чистым и звонким голосом выводит Настя Иванцова, и толпа молодежи соглашается с ней:

*– Да лучше в море утонуться
Со крутого бережка.*

Полька Менщикова, едва дождавшись последнего звука первой частушки, бросает свою:

*Комсомольца не любила,
Комсомолкой не была...*

Хор заканчивает ее мысли:

*Комсомольца полюбила,
Комсомолкой стала я...*

Сергей Пупков подкараулил конец частушки и бросил свою, нежную, ласковую:

*Милая, любимая –
Свеча неугасимая...*

Молодежь идет узкой дорожкой, спускаясь к реке. На нескошенной траве, на ракитовых кустах блестит утренняя роса, а на востоке подымается огромное солнце. Справа, на озере, в камышах крикает утка, сзывает своих птенцов. Началась переправа через реку. В две лодки сложили вилы, грабли, кузовки с провизией. Два парня ведут эти лодки через реку, быстрое течение относит лодки немного в сторону. Неширокая, но глубокая в этом месте река, кажется, не шелохнется. Но брось ветку в воду, и закружит ее вода, унося по течению.

– Отдохнем, робя! – кричит Сергей и садится на траву возле куста, а сам опять за свою гармонь, и пошла частить плясовая. Как ветром выбросило парня на круг. Навстречу ему поплыла коренастая круглолицая девушка, притопывая, она припевает:

*Из-за лесу-перелесу
Летит голубь сиз-касатый...*

Разгруженные лодки вернулись назад, началась переправа дев-

чат. Серьга отослал свою гармонь с девочками, а сам с остальными парнями, уйдя за кусты, махнул через реку вплавь.

На месте работы помощников ожидали хозяева. Все коммунары вышли на метку сена. Люди разделились на три группы, и началась работа. Девушки сгребали рядки сена, парни подхватывали вилами собранное сено и укладывали его в копны.

– Живей, живей, девочки! В ляге копен десять стоит, – торопил Серьга, указывая девочкам на молодежь, работающую в ляге.

Солнце поднялось и теперь изрядно палило. Пересыхало во рту, пот струился по лицам, сухая труха от сена лезла за ворот, льнула к лицу. Хотелось искупаться, поблескивающая вода в речке манила к себе, но было не до этого. К полудню большая половина сена уложена в копны.

– Не пора ли паузнуть? – обратился к ребятам председатель коммуны Уфимцев.

– Рановато, дядя Николай, – ответил за всех Сергей Пупков. – Пусть солнышко еще подвинется.

Ермошкин приехал на сенокос, когда все ушли купаться на реку перед обедом.

– Только что приехал из города, узнал, что все на сенокосе и сюда... – рассказывал он Уфимцеву, отпрягая лошадь.

Посвежевшие возвращались девчата и ребята с речки с охалками смороденника, увешанного крупными черными ягодами. Прячась от палящих лучей солнца, они уселись за копны сена. Начался обед.

Матрена Калинина, переходя от одной группы людей к другой, предлагала кислого молока, квасу. Хорошо кислое молоко с творогом, сдобренное сметаной, после тяжелой работы. Обед уже подходил к концу, когда, раздвигая кусты, от речки вышла девушка и пошла прямо к обедающим. Это была Анна Лазарева.

– Смотри, кто идет! – толкнул Ермошкина Вавилов. – Чего вы не вместе?

Отжимая от воды свою толстую косу, Анна подошла к ребятам, чуть краснея.

– Вот и я. Правда, меня никто не звал, а я вот взяла да и пришла...

– Милости просим, милости просим, – приглашал ее Уфимцев. Он предложил ей отведать молока или квасу. Девушка не отказалась.

Послеобеденная работа шла так же споро. На лошадях стаскивали копны в одно место, и сразу на урочище поднималось три зарода сена. Анна Лазарева старалась изо всех сил, на ее непривычных к работе ладонях скоро появились надавыши, от солнца стучало в висках и чуть тошнило. Но не хотелось показывать перед всеми свою слабость, хотя порой ей казалось, что не выдержит напряжения.

Когда солнце склонилось к закату, работать стало легче. Но вот положены последние копны, парни срубили гибкие ветки кустов, сплели их и забросили на стога, укрепив тем самым сено на случай ветра.

Уфимцев и все коммунары благодарили молодежь за оказанную помощь.

– Слушай, Вавилов, – сказал Ермошкин, отведя Вавилова в сторону. – Забирай мою лошадь и езжай домой, увезешь по пути и

Настю. Он хитровато подмигнул.

– Я перевезу на лодках ребят и угоню лодки ближе к деревне. Хочется, знаешь, по воде прокатиться...

– Да еще на пару с Лазаревой... – съязвил Вавилов.

– Хотя бы, а что такое?

– Ничего, только не забывай, товарищ Ермошкин, что ягода она не нашего поля.

– Брось ты мне указывать, без тебя знаю...

Вавилов позвал Настю ехать на лошади, но вдвоем с Вавиловым ехать она отказалась и взяла с собой подружку.

– Тятенька узнает, что вдвоем с тобой ехала, домой меня не пустит, – заявила она Вавилову.

Переправив молодежь через реку, Ермошкин и Анна Лазарева поплыли вниз по течению реки.

Ермошкин почти не греб веслами, лодки плыли медленно, вторая лодка, привязанная к корме первой, иногда нагоняла первую и тыкалась носом о корму. Скоро стихли голоса удаляющихся ребят и стук телег справа. Воцарилась такая тишина, такой кругом покой, что, казалось, плывущие на лодке парень и девушка боятся спугнуть тишину.

– Посмотри, – наконец нарушив молчание, произнес Ермошкин и показал на берег. Над самой водой склонился огромный куст смородины, отягощенный крупными спелыми ягодами.

– Нарвем веток? – предложила Анна. Ермошкин подогнал лодку к берегу, и Анна, выпрыгнув из лодки, взошла на берег.

– Ой, да здесь целые заросли! – крикнула Анна.

Ермошкин тоже выпрыгнул из лодки и последовал за девушкой. Сломив несколько веток, Анна подошла к Ермошкину, склонившемуся над кустом.

– Послушай, Григорий... мы не виделись с тобой целую неделю. Я так соскучилась, а ты? – в голосе ее звучала обида. Ермошкин взял девушку за руку и привлек к себе.

– И я соскучился..., на черта бы я тянул эти лодки...

Он поцеловал девушку.

– Григорий, ты боишься любить меня открыто... ведь я чуждая. Меня тяготит все это... Я много думаю над своим положением... ради тебя я порву со своей семьей и пойду за тобой хоть в пекло. Что ты скажешь мне, Григорий?

– Скажу одно... милая, хорошая, любимая, – целуя девушку, повторял Ермошкин.

Сумерки спускались на землю и окутали все кругом, на небе вспыхнули звезды, где-то близко ухала выпь.

В. Иванова

// Искра. – 1959. – № 35 (21 марта). – С. 3–4.

Рядом с Даманским

(комсомолец Александр Изотов)

«Командование, политчасть, партийная и комсомольская организации войскового подразделения Дальневосточного Краснознаменного пограничного округа КГБ при Совете Министров СССР сообщают о патриотическом выполнении служебного и комсомольского долга рядовым Александром Михайловичем Изотовым из села Утятского Притобольного района, призванного в пограничные войска Притобольным райвоенкоматом.

Александр добросовестно трудится по укреплению боевой готовности государственной границы, проявляет высокую политическую зрелость, идейную стойкость, выдержку и мужество в условиях международной напряженности и сложной военно-политической обстановки на границе из-за роста агрессивности империализма и антисоветского курса клики Мао Цзедуна.

Мы глубоко уверены – там, где несет трудную и почетную службу Александр и его товарищи, граница находится на крепком замке.

Александр – передовик социалистического соревнования по достойной встрече столетия со дня рождения В. И. Ленина. Честный, правдивый, принципиальный товарищ, он оказывает помощь командирам в укреплении воинского порядка и дисциплины. Сердечная благодарность матери военнослужащего Клавдии Степановне Изотовой за воспитание сына.

Уверены, что Изотов и впредь будет высоко держать честь пограничника, надежно охранять священные рубежи нашей Родины.

Командир подразделения Пермяков.

Зам. командира по политчасти Стромский».

Мы гордимся нашим земляком, честно и умело несущим службу на границе. Наглядным свидетельством надежности наших границ служат мартовские события в районе острова Даманский, где был дан достойный отпор китайским провокаторам.

М. Сидоров, сотрудник райвоенкомата

// Притоболье. – 1969. – № 64 (29 мая). – С. 2.

ПИОНЕРЫ СЕЛА УТЯТСКОГО

Поднявшие знамя

Это было тридцать восемь лет назад. Давно! А в памяти все живо. Тогда впервые по улице нашего села прошла стройная колонна городских пионеров. Помнятся их весёлые песни, белые палатки, их лагерь на нашей околице и даже помнятся многие лица пионеров. Вожатый отряда Федя Климов, коренастый паренек, до черноты загорелый, приветливый и весёлый. Барабанщик Костя Жариков – высокий и, как тростинка, тоненький. Горнист Миша – совсем маленький, но пышущий здоровьем... Помнятся и другие лица. Их было немного, человек двадцать.

Был конец весны и начало лета – чудесная пора в благодатном Зауралье. Наше село стоит на обрывистом берегу Тобола. За речкой кудрявая березовая роща. По вечерам там, где бьет холодный ключ и где лес особенно густ, выводит трели соловей.

Сосновый лес неширокой лентой отделяет село от степи с ее балками и озерами. Хорошо у нас! Мы благодарны нашим далеким прадедам, что облюбовали они это чудесное место для поселения.

Понравились и городским пионерам наши окрестности. Вот и решили они свой первый пионерский лагерь разбить вблизи нашего села.

Конечно, соседние деревни прелестями своих окрестностей тоже могут похвалиться. А в наши дни могут и поспорить, чья деревня выглядит наряднее. Пионеры Митино, например, свое село превращают в сплошной цветник. Там в каждом палисаднике цветут ирисы, лилии и ландыши. Эти цветы они принесли с поля. Не выписывать же их за тридевять земель, когда они растут в наших лесах!

В деревне Менщиковой пионерами выращен чудесный сад; там и серебристый тополь, и молодые дубки прижились. Межборное потому и носит такое название, что лежит между двумя массивами соснового леса. Пионеры этого села с третьей, восточной стороны, зало-

жили новую сосновую рощу, а когда молодые сосны поднимутся, как изменится все вокруг! Но это теперь, когда в каждой деревне есть пионеры – юные заботливые хозяева, а тогда, 38 лет назад, пионеров еще не было.

В воскресный день, когда люди, забившись всяк в свой угол, отдыхали от трудной изнурительной недельной работы, село словно спало. Только в центре его, на зеленой лужайке, собрались ребята поиграть. Любимой игрой у мальчиков были бабки, а у девочек лепки (черепки).

Вдруг где-то совсем близко рассыпалась барабанная дробь, слышалась песня:

*Гордо шагая,
Шаг выбивая,
Вдоль, по дорожке, отряд наш идёт.
Лейся, песня моя, – пионерская...
Буль-буль-буль, баклажечка.
походная моя...*

Ребята, забыв свои бабки и лепки, бросились навстречу песне. Вдоль улицы, действительно, шел весёлый отряд ребят в красных галстуках. За спиной у каждого вещевые мешки и баклажки с питьём. Словно проснулись все. Из каждого двора выбегали дети и взрослые, а вожатый Федя, командир, шедший сбоку отряда, как знакомый всем, улыбался, а наиболее пожилым и почтенным людям салют отдавал. За селом, там, где стояла наша старая школа, ребята разбили свой лагерь.

И когда палатки были уже расставлены и устроена полевая кухня, Федя крикнул детям, наблюдавшим за лагерем издали:

– Ребята, где бы шест взять, чтобы знамя на него поднять? – Он показал им кусок красной материи с вышитыми на нем словами «Будь готов!».

Федя уже много раз пытался завести с сельскими ребятами разговор. Но всякий раз, как только он делал в их сторону шаг, они давали стрекача назад. На этот раз ребята переглянулись меж собой, посоветовались. Но маленькая толстушка Поля нашлась быстрее всех.

– У нас в ограде много длинных жердей. Я попрошу у дедушки,
– и Поля стремглав помчалась к дому.

Через некоторое время мальчики Петя, Степа и Федя тащили длинную жердь. Вместе с ними шли к лагерю и девочки. А Поля вела и своего старого деда, которого уговорили помочь установить шест.

Пионеры, 1938 год. Учителя: А. Г. Девятова, К. Н. Бунина.

Знамя взвилось вверх. Федя салютует старому деду за помощь. Дед в долгу не остается: он, старый солдат, тоже берет под козырек.

С этого момента началась дружба городских пионеров с сельскими ребятами. Вместе ходили в лес, купались в речке, загорали, по вечерам сидели у костра, ели печеную картошку и пели про нее шуточную песенку:

*Ах, картошка – объеденье,
Пионеров идеал,
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал.*

Старому деду Михею, который помогал ребятам устанавливать над лагерем знамя, ребята оказали услугу, помогли на лугу сгрести сено. Да и не одному деду была оказана помощь в хозяйственных делах.

Возвращаясь к себе в город, ребята подарили сельским друзьям свое расшитое пионерское знамя, обещая прислать человека для оформления в деревне пионерского отряда. И слово свое сдержали.

Осенью 1925 года, когда сели ребята за учебники, приехал к нам из города комсомолец Валентин Малков. Взвилось над школой подаренное городскими ребятами пионерское знамя. Федя, Степа, Петя, Поля, Зоя и Марина первыми надели красные пионерские галстуки и дали клятву верности пионерским заветам. Их примеру последовали другие ребята.

Скажу вам точно: и по сей день те первые пионеры живут и здравствуют. И хотя серебрят их виски седина, но и сейчас они верны своей клятве. А пионерская дружина нашего села насчитывает теперь свыше двухсот человек.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1962. – № 118 (19 мая). – С. 2.

Зона пионерского действия

Сразу за деревней, только перевалишь узкую гряду соснового леса, начинается спуск к пойме реки, а там раскинулся луг с множеством озер и озерин. И каждое, даже маленькое озерко имеет название. Но разобраться в названиях не так просто. Скажем, одни из них – Круглое, Утичье, Глубокое, Парфентьево – сами говорят за себя. А вот почему самое дальнее озеро, что лежит километрах в пятнадцати от деревни, названо Запретным? Озеро, как и все другие, разве только сильнее других заросло камышом, да дно вязкое, да самое любимое место гнездования уток и гусей.

Отец Лёньки, Яков Петрович, привез домой выводок диких гу-

сят. «Поймал на бережку Запретного, – рассказывал он. – Штук семь вела matka. Поймал пять птенцов, а остальные ушли в камыш. Бросился за ними да увяз по пояс, еле выбрался».

Мать Леньки пыталась подпустить гусят к домашним гусям, но старая гусыня бьет их убоем. Сделали садок, и сидят птенцы в неволе, жалкие такие.

Друзья Леньки Серега, Егорка и Игорек часами не отходят от садка, то корм птенцам подкладывают, то воду подвигают.

– Тоскуют, – говорит Серега. – Им и корм нипочем.

Серые маленькие гусенята сбились в кучу и все вскидывают вверх бусинки глаз, словно ждут сверху избавления. Только один, забившийся в угол садка, дремлет, роняя головку и беспомощно открывая клювик.

– Лень, а Лень... увезем их обратно на озеро, – предлагает Егорка. – Пропадут, не выживут...

– Отец не даст, – отвечает Ленька.

Двое суток отца Леньки не было дома. Он пасет колхозный скот и отлучается надолго.

– Пропадут все. Чего ждешь отца? Отвезем на озеро и правы будем, – настаивают ребята.

Ленькин отец вернулся на третий день к вечеру. Ребята тут как тут. И пока Яков Петрович, попросту дядя Яков, ужинал, ребята сидели на крыльчке дома молча. Стукнула калитка ворот. Пришел Егоркин дедушка, его тоже зовут Егором.

– А ну, сосед, – крикнул дедушка Егор в окно Якову Петровичу. – Выходи на вольный воздух. Вон сколько гостей тебя поджидает.

Хитрый дед Егор начал разговор с Яковым Петровичем, когда тот вышел на крыльцо: о травостое нынешнего года, о выгонах, о пастьбе, а потом уже перевел и на дикую птицу. Ловко Егорка сумел из деда подготовить себе союзника. Сидят на ступеньке крыльца старый и малый Егоры рядышком, и всяк скажет, что это дед и внук. До чего же они похожи друг на друга, конечно, если не брать во внимание седую бороду деда Егора, глубокие морщины на лице и то, что у деда зубов во рту, как к празднику убрано.

– Мало нынче дичи на лугу, – говорит дед. – Раньше больше было. Охотников развелось. И как открывается охота, на лугу настоящая война идет. Бедной птице притулиться негде.

– Дедушка Егор, а почему дальнее озеро называется Запретным? – спрашивает Егорка.

– Точно не скажу. Только помню, когда я был таким, как ты, на этом озере никто не охотился, не брал яиц и птенцов. На других озерах хватало для охотников дичи. Такой закон был. А ты, говорят, сосед, с Запретного гусят привез?

Яков Петрович чуть помолчал и как бы нехотя ответил:

– Привез, да зря. Свои гуси не приняли их. Два цыпленка уже пропали, да и остальные еле тепленькие.

– Дядя Яков, мы отвезем их обратно на озеро, разреши, – заговорили разом все ребята.

– Чудаки, теперь им все равно. Если здесь не выживут, то и там, на озере, тоже не спасись, matka их не подберет...

– А может и подберет – вставил дед Егор.

– Тятя, – чуть не со слезами стал просить и Ленька, – просят тебя, как человека.

– Да берите, что мне... берите, – согласился Яков Петрович.

На следующий день чуть свет ребята мчались на озеро на своих «великах», так называют у нас в деревне ребята велосипеды.

Запретное вытянулось в длину километра полтора, а в ширину меньше. Здесь шла кипучая птичья жизнь, хотя издали этого не заметишь. Недалеко где-то крикает утка, видимо, сзывает разбежавшихся птенцов. Да вот и она... А глупые птенцы совсем близко к себе подпускают. Серега бросил им корм-приманку, тут же ребята отпустили трех гусят, а сами отошли, чтоб не пугать их.

...Метрах в ста от озера изгиб реки, берег крутой, обрывистый, рыбалка наверняка будет удачная. И зачастили сюда ребята. Около старой ветлы устроили балаган для укрытия на случай дождя, да и ночевать в нем хорошо.

Появилась у ребят тайная затея. Появилась она с того вечера, когда дед Егор рассказал им о Запретном. Задумали ребята к началу

охотничьего сезона щиты деревянные вокруг озера поставить и надпись на щитах сделать: «На Запретном охота запрещена».

Все продумано. Но где взять фанеры, гвозди и краски, чтобы писать? А столбики хороши будут от ветлы.

Правда, Ленька высказал свое мнение:

– Кто мы такие, чтобы запрещать, разве мы сельский Совет, что ли?

– Ты не знаешь, что мы пионеры, вот кто мы, – напустился на него Серега.

– А что такое ленинское отношение к природе и что такое пионерская совесть, – вопросы градом посыпались на Леньку.

К началу охотничьего сезона вокруг озера стояли щиты, их было далеко видно. Сами ребята в отглаженных красных галстуках заняли наблюдательный пункт вокруг шалаша.

– В случае появления человека с ружьем будете говорить: «Это зона пионерского действия», – договорились ребята.

Волновались они не зря. Уже в первый день охоты к Запретному охотники валом валили, но ни один из них не посмел, не посчитаться с волей пионеров. А один охотник, хитро прищурившись, даже сказал: «Здорово выдумали. Ведь сами вы это выдумали. Молодцы! Вот это по-пионерски... Честное слово, молодцы!»

Вот и весь рассказ. Остается добавить, что озеро Запретное для уток и гусей было в тот год надежным убежищем. И наверняка этим летом гнездование будет сплошное, в отношении тех трех гусят сказать ничего не могу. Может быть, они живут и здравствуют. А о ребятах в пионерских галстуках скажу – все они учатся в нашей восьмилетней школе и нынче переходят в седьмой класс.

В. Иванова

// Ленинский путь. – 1963. – № 31. – 26 февраля. – С. 4.

По-пионерски...

Поздним зимним вечером ко мне постучал мой бывший ученик, один из первых пионеров нашей деревни.

– Петенька, какими судьбами? – обрадовалась я и бросилась разогревать самовар. Петя, теперь уже немолодой мужчина, остано-

вил мой гостеприимный порыв. Он здесь проездом и забежал на одну минутку – хотя бы немножко побыть в школе.

– Понюхать, – как он шутил, – ее запаха.

«Все тот же порывистый Петька, – подумалось мне, – а уже серебряные прядки на висках».

Я знала, что Петр много лет председательствует в одном крупном колхозе соседней области. Добрая слава об этом колхозе доходила до меня. А что для старой учительницы может быть радостнее, чем успехи ее учеников, и, наоборот, большей горестью, как их неудачи, промахи, ошибки!

Мы с Петром мало говорили о его председательских делах. Чувствовалось, что ему хочется воскресить в своей душе далекое милое детство, и я не стала мешать лишними вопросами.

Мы зажгли в школе свет, обошли все классы, коридор, раздевальни. Настроение Петра передалось и мне. Ведь когда много лет назад он сидел за партой, мне был всего 21 год. Я была учительницей и старшей пионервожатой в своей школе, красный галстук носила всегда. Хотелось, чтобы все ученики были в красных галстуках. Но этого сделать тогда не удавалось. Из 25 человек четвероклассников лишь 13 записались в пионеры. Да и у тех на галстуки не было материала. Из положения вышли следующим образом. В школе была большая старая карта Российской империи; бумага висела клочками, надписи стерлись. Пионеры выстирали карту, покрасили ее полотном в красный цвет и нашили себе галстуков. И когда мы вспомнили с Петром этот эпизод, он сказал:

– А ведь галстук тот я все еще храню, он лежит в сундуке рядом с важными документами. Хотите, – я пришлю вам его для вашего краеведческого уголка.

– Пожалуйста, Петя, это будет здорово. По-пионерски...

Мы оба рассмеялись и обменялись крепким рукопожатием.

По-пионерски... – какие хорошие слова, какой в них глубокий смысл. Это значит всегда идти вперед, не стареть душой.

Когда мы проходили по раздевальне, Петр остановился.

– Эта раздевальня долго служила укором моей совести. Я му-

чился, по-пионерски ли я поступил тогда?

И Петр напомнил историю с пуговицами у пальто Саньки С. Это было единственное добротное пальто с блестящими крупными черными пуговицами. Остальные ребята на своих куртках и шубейках носили вместо пуговиц деревянные костыльки. И вот кто-то из ребят обрезал эти пуговицы. Виновника тогда не удалось найти. И, как теперь рассказывал мне Петр, обрезал их Иван К. Пионер Петя знал о поступке непионера Ивана К., но скрыл его. Пуговицы они бросили в прорубь. А после этого Иван стал хорошим пионером, прилежным, дисциплинированным.

– Отличный этот парень Иван, помните, он был вам помощником в ликвидации неграмотности среди взрослого населения? Где он сейчас? – спросил Петр.

– Здесь, в колхозе, бригадир полеводческой бригады, чудесной души человек, – ответила я.

1958 год. Пионеры Утятской школы у микрофона.

Выступают перед населением по радио

При прощании я спросила Петра:

– А сейчас ты там, в своем колхозе, по-пионерски относишься к школе?

– Я пошлю за вами машину, только скажите – когда. Приезжай-

те, посмотрите школу и вы поймете. Если что не так, даю честное пионерское – исправлюсь.

Время не позволило мне побывать в том колхозе, где Петр председательствует. Только узнала я, что правительство наградило многих колхозников этого колхоза за работу орденами и медалями, а Петр получил высшую награду – орден Ленина.

В. Иванова

// Ленинский путь. – 1962. – № 16. – 20 мая. – С. 2.

В день пионерии, 1960-е гг.

КОЛХОЗ «РОССИЯ»

От личного к общественному

(из истории колхоза)

... Осень 1928 года. Выселены последние семьи кулаков из деревни Нагорка. Ночью партийная ячейка долго заседала. Вопрос на повестке дня стоял один – организация коммуны. Шумно стало в деревне. Бегали бабы – кума к куме, все расспрашивали, а что это такое «коммуна»? Дело новое, и сильна была ещё у людей тяга хоть к маленькому, да своему. Но недолго раздумывали те, кому нечего было терять. Первыми в коммуну вступили бедняки, а вслед за ними потянулись и середняки. Имя светлое дали коммуне – «Восход». Председателем её избрали молодого коммуниста Якова Михайловича Лобанова.

Хоть и недолго просуществовала коммуна – всего один год, но это был самый первый и, пожалуй, самый важный шаг на пути коллективизации.

В 1929 году коммуна была реорганизована в колхозы. Было в Нагорке три колхоза: «Большой Урал» (первым председателем был Семён Сергеевич Менщиков), а также «Искра» и артель имени Красной Армии. В Утятке было тоже организовано три колхоза: «Сибиряк» (председатель Григорий Андреевич Лебедев), «Маяк» (председатель Иван Павлович Демидов) и «Весёлое поле» (руководил им Пётр Егорович Иванов). В Заборке колхоз назывался имени Чапаева, в Новой Деревне – «Луч культуры».

Теперьшний колхоз «Россия» нечего и сравнивать с тогдашними мелкими маломощными артелями. Техники не было никакой, зато энтузиазма – хоть отбавляй. Один из первых членов колхоза и его создателей Иван Потапович Церенщиков вспоминает:

– К работе люди относились очень добросовестно. Приходилось на пашню под Обухово ходить пешком. Спали во время жатвы прямо в поле, на хлебных горстях, вязали хлеб в снопы даже ночью. Но ни-

кто не жаловался на трудности, все верили в светлое будущее колхозов.

Лидия Тимофеевна Ушакова рассказывает:

– Я выполняла в колхозе любую работу. Помню, считалась специалистом по сортировке зерна на большом сите. Молотить на пашню уезжали надолго, неделями дома не бывали. Молотьба затягивалась до зимы – силёнок маловато было в колхозе. Скот зимой кормили в поле. Работали без нарядов, бежали каждый к своему порученному делу, обгоняя друг друга. Вместе со мной работали Александра Ивановна Ушакова, Фёкла Ивановна Федотова, Прасковья Дмитриевна Батикова, Валентина Евгеньевна Вотина и многие другие.

Иван Иванович Луканин:

– До колхозов в Утятке было машинное товарищество, я был членом. Первым вступил в колхоз. Дисциплина труда у нас была хорошая, всё делалось организованно.

Теперешний колхоз «Россия» – экономически крепкое, развитое хозяйство. Колхозники за свой труд получают хорошую плату, живут в достатке.

А. Девятова, селькор

// Притоболье. – 1967. – № 132 (2 ноября). – С. 2.

Из истории колхоза

(по материалам Утятского музея)

1920 год. Ещё бродят шайки бандитов, пытающихся уничтожить власть рабочих и крестьян, а в деревне Нагорской 15 крестьянских хозяйств решили объединиться в сельскохозяйственную коммуну. Инициаторами создания коммуны «Заря жизни» были коммунисты Николай Уфимцев, Иван Бобков, Матрёна Калинина. Поселились коммунары у речки Басманка. Председателем стал Николай Уфимцев.

1922 год. Коммунары получили первый трактор «Фордзон». Трактористом стал И. М. Бобков. Всего в коммуне было едоков – 50, трудоспособных – 28, лошадей – 18, коров – 20, овец – 30.

1929 год. В селе Утятском образовалось 6 сельхозартелей, в Нагорке – 4, в Камышном – 4. В 1930 году в трёх сельских Советах стало 11 колхозов.

1959 год. 21 февраля собрание уполномоченных колхозов «Советская Армия», имени Сталина и «Заря» присвоило укрупнённому колхозу название «Россия». Председателем избран тридцатитысячник Евгений Ивановский.

// Притоболье. – 1969. – № 108 (11 сентября). – С. 3.

**Члены коммун «Заря жизни» Матрена Ивановна Менщикова
и Сергей Дмитриевич Мартюшов**

У людей на виду

С пригорка, что на опушке соснового леса, всё село наше видится от края и до края. Неузнаваемо оно изменилось за годы Советской власти. Блестят шиферные и железные крыши домов, там и сям возвышаются телевизионные антенны, а по улицам шагают столбы электролинии. Еле заметная дорожка ведёт вдоль лесной гряды. В лесу детский гомон, как в грачовнике. Здесь разместился детский санаторий, а поодаль другой. Уж не причудливость ли наших окрестностей является причиной появления детских здравниц? Может быть, отчасти и так, только красота природы была точно такой же пятьдесят лет

назад, когда жители села и слова «санаторий» не слыхивали. Кстати, детскими учреждениями у нас не бедно. Есть школьный интернат, три начальные школы и одна восьмилетняя.

Всё это нам уже кажется обычным. Как к обычному, будничному явлению мы относимся и к тому, что в селе ежедневно демонстрируются кинофильмы, что есть у нас неплохая библиотека, клуб, кабинет политического просвещения, музей и картинная комната.

Вот и центральная площадь, в прошлом место крестьянских сходов. Теперь площадь стала садом, в центре его памятник борцам революции. В феврале 1921 года только что образовавшаяся в селе партийная организация хоронила на этой площади двух своих товарищей, погибших от рук кулаков-бандитов.

Почти все жители села собрались тогда на площади.

– Не надо слёз, товарищи, – говорил оратор. – Поклянёмся, дело, за которое погибли наши товарищи, довести до конца!

А где-то в окрестностях в это время ещё бродила стая бандитов. В тот же день отряд добровольцев в сорок человек ушёл на поимку бандитов. Враги не ушли от расплаты.

Трудным, голодным и холодным был 1921 год. Партийная организация, называвшаяся тогда ячейкой, состояла из 9 человек. Но ячейка окружила себя большим активом, народ видел и понимал, в чьих интересах работают коммунисты.

– Нам нужно личным примером показать людям, как жить по-коммунистически, – говорил на очередном партийном собрании коммунист Николай Уфимцев.

И коммунисты решили создать сельскохозяйственную артель. Коммунары – так звали членов первой сельхозартели – зажили необычной, радостной жизнью. Жители окрестных деревень с любопытством следили за каждым шагом коммунаров. День у коммунаров был заполнен работой, а вечера учебой. Учились азбучной и политической грамоте. За учебу принялось всё село, ведь каждый третий был тогда неграмотным. И первое слово, которое писали крестьянские руки, было «Ленин». Любовь к Ленину была безграничной, каждая появившаяся его статья или брошюра читались и перечитыва-

лись: они были доступны пониманию, они отвечали интересам народа.

Группа ликвидации безграмотности (ликбез): Красильников, Родионова, Давыдова, Девятов, Верхорубова, Соколков. Село Утятское 1928 год.

Невозможно забыть морозный январский день 1924 года. Страна прощалась с любимым своим вождём Владимиром Ильичом Лениным, провожала его в последний путь. На площади у братской могилы собрались и наши сельчане. В скорбном молчании стоял крестьянский люд, обнажив головы. И опять, как тогда, в феврале 1921 года, оратор произнёс:

– Не надо слёз, товарищи!

Всхлипнула женщина, это Матрёна Калинина, не выдержал Дмитрий Майков, стоял и плакал по-мужски, не вытирая слёз. А с трибуны:

– Ленина нет, но дело его живет, и будет жить. Поклянемся выполнить его заветы...

Его завет – в одиночку из нужды не выйти – был одним из главных. Член партии Зинаида Майкова создала женскую артель по обра-

ботке льна. Артель называлась льноводческим товариществом. Сообща проводили сев, сообща собирали лён, обрабатывали. Работать было куда легче, скорее, веселее, чем в одиночку. Зинаида Майкова, создавшая артель, выполняла волю партийной ячейки. Нужно было готовить самую отсталую часть деревенского населения – крестьянок – к великому перелому.

В 1933 году на территории теперешнего нашего колхоза было 12 сельхозартелей, партийная организация в своих рядах насчитывала 18 человек.

В деревне Нагорской, которая сейчас является центром нашего колхоза, у берёзовой рощи в маленьком домике живёт старый коммунист Николай Васильевич Бубнов. Он как бы является представителем партийной организации тридцатых годов. Николаю Васильевичу скоро семьдесят, но старости в нем не чувствуется. Седина коснулась лишь усов да прошла по вискам.

Помню жаркий июньский день, всё живое спряталось от зноя. Мы в поле. Пот льёт с Бубнова ручьями, а он словно не замечает этого, с ожесточением выдирает колючий осот и молочай.

– Сегодня вечером, – говорит он, – надо созвать экстренное партийное собрание. Не идут мужики на прополку, дескать, это не мужицкое дело. Придется ломать, – и он оглянулся на поле, сплошь покрытое сиреневыми и желтыми цветочками сорняков.

Так и сделал. Поле было прополото.

Если вам доведется побывать в нашем колхозе, вы наверняка встретите Николая Васильевича на поле или на животноводческой ферме. А если идёт собрание, то он там обязательно и не просто присутствует, а горячо участвует в решении того или иного вопроса. До старости сумел Николай Бубнов сохранить в себе огонь молодого сердца.

Отечественная война 1941–1945 годов. В годы войны в партийной организации, как и во всем селе, оставались лишь женщины.

Как не вспомнить шолоховскую правду о женщинах тыла в годы войны: «Вся держава на них оперлась, какие же плечи надо иметь, чтоб под такой тяжестью не согнуться...». Нет, не согнулись в годы

войны наши женщины, они мужественно переносили все лишения и тяготы. Член партии Анна Потанина руководила сельским Советом, Мария Родионова – тракторной бригадой, Анна Девятова стояла во главе партийной организации. Не хуже партийных работали на селе беспартийные активистки Христина Петина, Акулина Ушакова, Мария Менщикова, Александра Луканина. Фронт получал и хлеб, и мясо, и другие продукты. Материнской заботой и лаской окружили женщины-колхозницы и ту сотню детей, что привезены были из Ленинграда полуживыми.

Сегодня наш колхоз носит название «Россия». Пять населённых пунктов входит в него. И будто с самого их возникновения все они были предназначены к этому. Сдвинулись, сгрудились к Тоболу, обступили его с обоих берегов, а кругом – главное колхозное богатство – земля. Словно дышит она, полная благодати, и говорит своим хозяевам: «Берите всё, что в силах вы взять, а щедрость моя безгранична!» Всё может родить наша матушка-земля. И высокие урожаи пшеницы, и кукурузы, и свёклы, и арбузов, и много других культур. И хозяин к земле своей идёт сейчас не с сохой-рогальхой, не с лукошком, а с 46 тракторами, 20 комбайнами, с множеством других совершенных машин и орудий.

Не узнаю тебя, бескрайняя пашня! Такого любовного ухода, как теперь, ты ещё не знала. И ты отблаговаришь своего пахаря сторицей. Вот идёт дорожкой к работающим вдали тракторам бригадир четвёртой полеводческой бригады коммунист Пётр Тарасов. Идёт чуть вразвалочку, как ходят матросы. Он и был матросом лет семь назад. Невысок, но коренаст, полный уверенности в успехе дела. 20 центнеров с гектара пшеницы он брал и прошлый и позапрошлый год, нынче взять нужно не меньше, а больше. Ведь нынче даже сеяльщики прошли специальные курсы, свое дело они знают отлично.

Зимнее время потрачено было не зря: тридцать колхозников получили профессию трактористов и тридцать – комбайнёров. Обучал на курсах колхозников этим специальностям коммунист Дмитрий Ушаков. А сам Дмитрий – золотые руки, умная голова. Он и первоклассный тракторист, и комбайнёр, и шофёр. К слову, не уметь

управлять машиной становится теперь так же нелепо, как позорным казалось в старину, если бы деревенский парень не мог запрягать лошаадь.

Более сорока лет существует в нашем селе партийная организация. Сейчас в ней более шестидесяти человек. Её деятельность у всех людей на виду. Благо народное, счастливое, светлое будущее, имя которому коммунизм – вот путь, по которому идут наши села во главе со своей партийной организацией.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1963. – Июнь.

Встреча трактора

Члены сельскохозяйственной коммуны «Заря жизни» ждали трактор. Иван Бобков жил в городе вторую неделю: овладевал искусством водить «Фордзон».

В деревне только и разговора, что об этом тракторе: какой он да что им можно делать. Говорили, что он похож на паровоз, только меньше и рельсы ему не нужны. Особенно усердствовал Еграня Луканин, он выдавал себя за великого знатока техники.

– Трахтур всё понимает, не хуже человека, – говорил Еграня. – Ежели ты к нему с лаской – он смирнее овечки, ежели с лихом – берегись, ему запросто ошпарить.

– Врёшь ты всё, Еграня. Ты трактора в глаза не видал, – отвечали ему. Еграня обижался, но стоял на своём.

Было «междупарье» – пора, когда перемежалась работа у мужиков. На первый раз вспаханы пары, сено косить рано, на второй раз подымать пары тоже ещё не время. Мужики любили эту пору. Слонялись по деревне без дела или сидели на завалинках, дымя самосадам. У женщин-крестьянок «междупарья» в жизни не бывает. У них всегда дела по горло: ребятишки, огороды, самое время ткать, домашняя птица выводит птенцов – этих женских дел всех не перечесть.

В тот день, когда Бобков должен был пригнать трактор, никто не работал. Время было жаркое, утрами даже роса не выпадала – сухоросы. Утром, пока ещё стояла прохлада, Еграня обежал полдеревни с последними известиями о тракторе. Полуденная жара разморила

Еграню, он не знал, куда себя девать. В избу хоть не заходи, там столько мух, что береги глаза: выбьют.

– Это к урожаю на смородину, – рассуждал Еграня, – а жирные какие! Значит, ягоде быть крупной.

С горем пополам Еграня устроился в полутёмных плетёных сенах, но и здесь мухи не давали покоя. Ты их сгонишь со лба, они садятся на нос, ты их прогонишь с носа – в рот лезут. Зависть и зло брало на свою старуху: спит себе в избе на лавке, мухи на ней кишмя кишат, а ей хоть бы что!

– Колода, истова колода, – поносил её Еграня, кряхтя и ворочаясь на жесткой подстилке.

Избёнка Луканиных стояла на краю деревни, возле большой дороги. Дремота брала Еграню, но он боялся забыться, – а вдруг трактор бегаёт бесшумно... Шмыг мимо, гляди ему тогда в запятки...

Еграня идёт на дорогу, долго смотрит вдаль, прикрывая от солнца глаза ладошкой.

– На колокольню бы влезть, оттуда далеко видно. Увидеть бы, как покажется трактор, и бабахнуть в большой колокол. А что? Дело стоящее... Не сбегать ли к попу, не попросить ли ключа от церкви?.. – Нет! Не даст ключа долгогривый, – думал спустя минуту Еграня. Трахтур не белогвардейский енерал. Это когда белогвардейский енерал ехал, так поп велел дубасить во все колокола.

Еграня со злобой поглядел в сторону поповского дома и устроился ждать трактор прямо на дороге, растянувшись у обочины.

В самой коммуне к встрече трактора подготовились, как к большому празднику: всё помыто, почищено, подметено. Женщины и ребяташки в лучших своих нарядах. В честь этого события качели сооружены на забаву ребяташкам. На таких качелях придет охота и взрослым побаловаться. Женщины-молодухи, девчата уселись на качели, завели песню:

*Что по травке – по муравке,
По лазоревым цветочкам,
по зелёным лепесточкам
Красна девушка гулять пошла...*

Больно ловко эта песня поётся, выводи голосом выше леса, опускайся до земли. К качелям собрался весь народ коммуны. Расселись вокруг их, помогают молодым разливать песню:

*Она гуляла, приустала,
Приуоставши, спать ложилась,
Спать ложилась –
не стыдилась,
Ко молодцу на колени,
ко родному под гусельцы...*

В песню вступили мужские голоса, от этого песня стала ещё звучней, ещё наряднее.

*Молодец в гусли играет,
Красну девку разбуждает,
Встань, девушка, встань,
лапушка,
Встань, белая лебедушка,
Эвон едет твой батюшка...*

Только кузнец Чуркин да председатель коммуны Николай Евгеньевич не у качелей. Они ещё раз осматривают у кузницы скованные прицепы для трактора. Золотые руки у Чуркина, доволен им председатель. Знает рабочий класс, какого человека надо послать в деревню.

– Если эти крючки не подойдут, мы их быстро подделаем, – говорит Чуркин.

На душе у председателя и у Чуркина, как у всех сегодня, – радостно, празднично. Сколько светлых надежд несёт им долгожданный трактор! Не нужно будет ходить за сохой, сгибаться в три погибели, выдергивать ноги... Сидит человек, управляет машиной, а за ним стелется, как стрела, борозда, да не одна сразу... А Чуркин уверяет, что на свете есть машина, которая сразу может сжечь хлеб и тут же обмолачивать. А если есть на свете такая машина, то она обязательно будет и в коммуне. Это уж совсем здорово!

Трактор ожидали где-то часам к трем пополудни, но вот и солнышко повернулось на вечер, а трактора всё нет.

– Пошли навстречу, – предлагает Матрена Калинина.

Она притащила красный флаг и развернула его над головой. За ней выстроилась колонна и двинулась по улице с песней «Смело товарищи, в ногу...» Из переулков, домов бежали бабы, ребяташки, мужики и присоединялись к колонне. Еграня был рад, что он первый встретил колонну и идёт в ней рядом с Калининой, которая несёт красный флаг.

– Устала, поди, – заискивающе говорит он Матрене, – дай поднесу.

А фордзонишко – эта немудреная машина – полз фыркающая и отдуваясь, как ленивая кляча. В ближайшей от коммуны деревне Бобков остановил машину, ему хотелось пить и поразмять отекавшие ноги.

Толпа людей и здесь окружила трактор. Сотни глаз смотрели с восхищением и удивлением то на машину, то на Бобкова. И, пожалуй, больше на Бобкова. Подумать только, свой брат-мужик, а как ловко оседлал машину. Парень лет двадцати присел на корточки и пытается заглянуть под трактор. Вот он уже на животе, подлез под него.

– Овдошка, – кричат ему, – лягнёт он тебя в зубы, не лезь...

Овдошка выбирается из-под трактора, он смущен, отряхивается от пыли и говорит:

– Хотел доглядеть, откуда он сошники выпускает.

Опять Бобков на тракторе, задвигал рычагами, поползла машина, народ толпой за ней. Миновали деревню, выгон, начались пашни, а люди всё шли и шли, не замечая ни времени, ни расстояния.

С пригорка открылась пойма Тобола и колонна людей с красным флагом, двигающаяся навстречу. Там, где рукав реки близко подходит к дороге, люди встретились, слились. Бобкову никогда ещё не приходилось видеть здесь, у себя в Притоболье, такого скопления людей. Он затормозил трактор, сорвал с себя фуражку и замахал ею людям.

– Тише, стой... – понеслось по толпе. – Бобков говорить хочет.

Бобков понял, что ему что-то нужно сказать. Он остановил трактор, поднялся на нем во весь свой рост и, напрягая голос, крикнул:

– Товарищи!.. Скоро, очень скоро, мы будем иметь много тракторов и лучше этого. Свои, советские, будем иметь трактора... Ура,

товарищи!

– Ура!!! – ответила ему многоголосая толпа.

Еграния вернулся домой к своей старухе глубокой ночью.

– Не сердчай, не ругайся, – уговаривал он жену. – Нам с тобой надо подаваться в коммуну. Серега Воденников обещался завтра же настрочить об этом заявление. Ну что мы тут с тобой живём... Маемся, да и мухи заели совсем... А там жизнь хорошая и ещё лучше будет. Там скоро будет много тракторов советских. Они, слышь, лучше этого, который пришел вчера...

В. Иванова

Слуга народа

Деревня Заборка раскинулась на берегу речки Боровлянки, впадающей в Тобол. Бор надвинулся на деревню с трёх сторон, а с четвёртой – бескрайние колхозные поля с берёзовыми колками и осинниками.

Третий дом с края деревни принадлежит старейшему колхознику Бобкову Ивану Михайловичу.

Иван Михайлович Бобков и его дом в Заборке

Хозяина не оказалось дома. Он по заданию колхоза как член правления уехал в районный центр Глядянку.

Старушка, жена Ивана Михайловича, захлопотала:

– Вот досада, старика дома нет... У него всё дела. Ведь ему семидесятый год доходит, и отдохнуть бы время... да его не усадишь...

В прихожей стоит верстак. Иван Михайлович – отличный столяр. Он и хороший портной, и кузнец, любую машину знает.

В горнице по стенам размещены фотографии многочисленной родни стариков: сыновья, невестки, внуки. Здесь же портрет молодого матроса с улыбающимися глазами и чуть вздернутым носом. Таким был Иван Михайлович Бобков лет 47 назад, когда служил в Тихоокеанском флоте матросом на крейсере «Аскольд». Это были бурные годы первой революции в России. Там молодой парень Иван Бобков, одетый в костюм матроса, узнал по-настоящему, что такое жизнь и кто враги простого человека.

Открыть глаза на жизнь помогли товарищи по службе – Полтавский, Спиридонов, Цымбаленко. Царское правительство жестоко расправилось потом с ними. Цымбаленко был расстрелян в присутствии всего экипажа корабля, а Спиридонов и Полтавский угнаны на каторгу. Иван Бобков и группа молодых матросов отсидели по шесть месяцев в военно-морской тюрьме.

Февральская революция застала Бобкова в Белом море.

Мимо окон промелькнула плотная фигура старика Бобкова. Старушка ахнула: «Сам домой идёт, с дороги воротился, никак что случилось?».

Дверь отворилась, порог перешагнул коренастый мужчина, кажущийся моложе своего возраста.

– Километров пять уже проехали, да вспомнил, что пенсионную книжку забыл. Вот и воротился.

– Где же лошадь и внук?

– А там, в поле. Дал коню корму, пусть ест, а сам пешком за книжкой.

– Да что бы ей сделалось, лошади, если бы она пять километров лишних пробежала?

– Нельзя, мать, я не люблю мучить животных. Сам этого не делаю и людям не велю. Ноги у меня здоровые, прошелся – не беда.

Старик отыскал в шкафу книжку и заторопился в обратный путь.

Он шел по берегу Боровлянки. Вода в ней прозрачна, течение

быстро. Бросишь в воду веточку или щепку – вода подхватит и унесёт далеко-далеко.

Если сделать на этой речке хорошую плотину, то воды будет столько, что электростанцию ставь, все посёлки, все бригады и фермы осветить можно.

Но пока шли сборы да разговоры об электростанции, Бобков задумал построить на Боровлянке мельницу. Трудно было колхозникам с размолот зерна. До ближайшей мельницы 30 километров. Посчитать, сколько тратится времени для поездок на эту мельницу, сколько отрывается рабочих рук, лошадей из хозяйства.

Пришёл он тогда на заседание правления колхоза, предложил: берусь, мол, построить мельницу, поручите... С заседания вопрос вынесли на общее собрание...

Мельницу построили быстро, невелика ее пропускная способность, но от лишних хлопот и поездок она избавила колхозников.

По инициативе Бобкова и под его руководством установлена на Боровлянке лесопилка.

Завидная энергия у семидесятилетнего Бобкова. Как Советская власть установилась, он бессменный депутат сельского Совета. И среди всех дел своих никогда не забывает о депутатских обязанностях.

Вот он на собрании уполномоченных Утятского сельпо. Критикует правленцев за отсутствие в магазинах нужного ассортимента товаров, за нарушение правил советской торговли. Вот он на собрании граждан села, отчитывается о работе Совета. Тут пионеры в школу пригласили: «Расскажите, Иван Михайлович, как в нашем селе Советская власть установилась, расскажите о первом в селе секретаре комсомольской организации Иване Вавилове, зверски замученном бандитами в двадцать первом году».

И он рассказывает ребятам волнующую быль о жертвах революции, похороненных в селе на площади, о деятельности ревкома, в котором он когда-то был председателем.

Традиционными стали в селе «четверги». Стоит понаблюдать, как вечерами каждый четверг и молодые, и пожилые люди с книжка-

ми подмышкой спешат на занятия: кто в помещение Совета, кто в семилетнюю школу, кто в правление колхоза.

В один из четвергов в кружке по изучению истории партии темой занятий был XV съезд партии, съезд коллективизации.

Руководительница кружка, зная, что Бобков был на этом историческом съезде делегатом, попросила его рассказать о съезде.

Это интересное занятие надолго запомнится слушателям. Просто и доходчиво рассказал Иван Михайлович об отчетном докладе товарища Сталина, о решениях съезда по коллективизации деревни, о директивах съезда по первому пятилетнему плану. Свою беседу он увязал с задачами, поставленными XIX съездом КПСС, и гениальным произведением товарища Сталина.

Взяв в руки труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», Бобков прочитал:

«Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20–25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах».

– Что это именно так, можно видеть на примере нашего колхоза «Советская Армия». Наше хозяйство с каждым годом идёт в гору. На колхозных полях работали в прошлое лето 15 тракторов, 11 комбайнов и другие машины. Урожай получаем высокий. Это даёт возможность в срок и полностью рассчитаться по хлебу с государством, трудодень стал более весомым.

Но мы ещё мало проявляли заботы о поднятии урожайности полей. Не 60–70 пудов с гектара может родить наша земля. Уже ряд лет покупаем и завозим на склад ценное удобрение, суперфосфат, но до поля его не доставляем, а просто складуем. Нет ещё настоящей заботы и о поднятии продуктивности скота.

Недавно райком партии направлял председателя колхоза Катай-

цева в колхоз «Заветы Ленина» к Т. С. Мальцеву поучиться у него, как нужно поставить дело в колхозе. Съездил Катайцев в Шадринск, а что дальше... Даже колхозникам не рассказал о увиденном.

Было 11 часов вечера, когда люди расходились с занятия. Луна уже вошла и бросала бледные тени на землю. Мороз крепчал, хватал за лицо, но вместе с тем вливал в людей бодрящую свежесть.

Иван Михайлович шагал домой один. Ему вспомнился 1920 год, когда он вступил в ряды Коммунистической партии, вспомнилась созданная тогда им коммуна «Заря жизни». Он был в то время первым трактористом на первом тракторе. Из многих сёл приходили люди посмотреть на работу трактора, на его работу.

Далеко в прошлом осталось то время. Далеко вперёд шагнула жизнь...

В. Иванова

Я видел и слушал великого Сталина

(Иван Бобков рассказывает)

В 1927 году Курганской окружной партийной конференцией я был избран делегатом с правом совещательного голоса на XV съезд ВКП(б). Тогда я работал председателем колхоза «Заря жизни» (теперь колхоз имени Крупской).

Съезд открылся 2 декабря в Кремлевском дворце. Как сейчас помню, что от Исполкома Коминтерна съезд приветствовала германская коммунистка Клара Цеткин. На второй день – 3 декабря – с политическим отчетом ЦК ВКП(б) выступил Иосиф Виссарионович Сталин, делегаты съезда встретили его бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Товарищ Сталин свой доклад начал с характеристики экономического положения капиталистических стран, в которых в то время начался кризис. Перейдя к характеристике внутреннего положения, товарищ Сталин рассказал об успехах, которые одержала наша промышленность в результате социалистической индустриализации и об отставании сельского хозяйства, которое не могло удовлетворить растущих потребностей промышленности и города.

– Где же выход? – поставил перед съездом вопрос товарищ Ста-

лин.

– Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли. В переходе на коллективную обработку земли на базе новой высшей техники.

На съезде присутствовало несколько представителей оппозиции, которые сделали попытку оправдаться, заявляя, что они представляют из себя левый – революционный – сектор партии. Съезд единодушно, с негодованием осудил это политическое шулерство и одобрил постановление ЦК и ЦКК об исключении из партии Троцкого, Зиновьева и других активных деятелей троцкистско-зиновьевского блока.

В качестве первоочередной задачи, которую поставил съезд перед партией, была коллективизация сельского хозяйства, дальнейшее наступление на кулачество и принятие мер по ограничению развития капитализма в деревне.

Я на всю жизнь сохранил в своей памяти дни XV съезда ВКП(б), я никогда не забуду, как мне пришлось слушать исторический доклад товарища Сталина, который определил дальнейшее развитие нашей страны и явился залогом тех огромных успехов, которых добился наш народ под мудрым водительством Иосифа Виссарионовича Сталина.

И. Бобков

// По сталинскому пути. – 1949. – № 51 (21 декабря). – С. 2.

Большой души человек

(Иван Сергеевич Иванов)

Биография Ивана Сергеевича Иванова – это часть истории колхоза «Россия. Здесь, в Нагорке, он родился, здесь живёт и работает.

Шесть классов удалось закончить Ивану Сергеевичу в Утятской школе. Дальше учиться не было возможности – семья большая, 10 человек. Поэтому в 1939 году он пошёл работать в колхоз. Немного поработал на разных работах, а потом поставили учётчиком. Старался быть справедливым, делать всё точно и своевременно. Налаживаться стали артельные дела. Но в это время фашистская Германия веролом-

но напала на нашу страну. Иван Сергеевич встал в ряды защитников Родины. Он вспоминает:

– Всю войну прошёл с оружием в руках. Имею несколько боевых наград: две медали «За отвагу», медаль «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». И мирная награда тоже имеется: медаль «За освоение целинных земель».

Вспоминается небольшой городок Эльбинг в Германии, 1945 год. Тогда я был командиром отделения разведчиков. Нашему взводу предстояло в одном из уличных боёв отвлечь внимание противника, иначе говоря – вызвать огонь на себя, чтобы дать возможность основным силам неожиданно нанести удар с противоположной стороны. Мы завязали неравный гранатный бой. Тогда я был тяжело ранен. За этот бой я и получил первую медаль «За отвагу».

После войны Иван Сергеевич вернулся в родной колхоз. Хозяйство колхоза пришло в упадок. Стал работать учётчиком тракторной бригады. Колхоз был небольшим. Техники, как говорится, кот наплакал. Все работы производились вручную. Вскоре И. Иванов освоил профессию комбайнёра. Затем работал на тракторе. Отличный механизатор вышел из него. Иван Сергеевич вдумчиво, детально изучил машины, и его помощь молодым механизаторам порой была просто необходима. Вскоре он стал вначале помощником бригадира тракторной бригады, а затем – бригадиром.

В 1958 году четыре маленьких колхоза, что были в Утятке, Нагорке, Новой Деревне и Камышном, объединились в одно хозяйство – колхоз «Россия». Чтобы руководить машинно-тракторной мастерской, нужен был умелый организатор, хорошо знающий технику. Кому, как не Ивану Сергеевичу, можно было доверить ремонт колхозной техники? На этой должности он был больше двух лет. В общем, работал он там, где было трудно, где мог принести наибольшую пользу артельному делу. Наряду с этим он вёл и большую общественную работу. В 1959 году был единодушно принят в члены КПСС. Был секретарём бригадной партийной организации, трижды избирался депутатом сельского Совета. Сейчас он председатель комитета профсоюзной организации и заместитель председателя колхоза.

за.

– Большой души человек, работающий и справедливый, – так говорят об Иване Сергеевиче Иванове у нас в колхозе.

*Т. Ушакова, работник бухгалтерии
// Притоболье. – 1967. – № 132 (2 ноября). – С. 2.*

Хороша земля, наш край дорогой...

Поля колхоза «Россия» в день не объехать, хотя старенький мотоцикл агронома А. И. Нестерова работает безотказно, и мы преодолеваем на нём, казалось бы, невозможное.

Чудное время, время весны, когда снег тает от земли, а лёд – от воды. В овражке снежный грот источает слёзы, а за овражком, в берёзовом колке, подснежник машет серебристой головкой.

Чёрное ровное поле гектаров в пятьдесят заборонено в четыре следа, прикатано катками. Оно дышит, испуская пряный дух.

– Здесь будет расти овёс, – объясняет агроном. – Мы восстанавливаем в правах эту полузабытую культуру.

Дальше, ближе к сосновому массиву леса, пашня меняет окраску. Она светло-серая. Супески. По полю движется трактор «Беларусь». Тракторист Володя Шевалдышев вносит в почву калийную соль.

– Стой, Володя!

Володя останавливает машину. Проверяется норма и глубина заделки химиката. Трактор вновь побежал. А в душе: «Отчего же не сказали Володе, какое важное дело делает он. Ведь с тех пор, как существует это поле, с него всегда брали, а ему ничего не давали».

И опять мотоцикл полетел вперёд, по не накатанной дорожке.

«Хороша земля, наш край дорогой...» звучит в душе известная песня, а агроном Нестеров говорит:

– Четвёртая весна здесь у меня. Здесь и осел, пустил корни, – и он смеётся.

Можно ли не полюбить этот край, нашу землю – источник жизни.

*В. Иванова
// Притоболье. – 1965. – № 14 (1 мая). – С. 2.*

Три поколения Ловыгиных

Дом Ловыгиных в Утятском

Григорий Прокопьевич

О тракторах крестьянин Григорий Ловыгин слышал задолго до того, как впервые они появились у нас на земле Притоболья. Приезжал как-то в Утятку погостить видевший трактор в работе мужик откуда-то из центральной России. С тех пор Григорий, налегая грудью на правила конного плуга, вспоминал рассказ гостя. А в 1929 году в коммуне «Маяк», что была тогда в Утятском, объявили набор на курсы трактористов.

– Весной 1930 года пригнали три американских «Кейса». Ещё подъезжали к Утятке, а народу собралось со всего села. Старухи-богомолки крестятся, кричат детворе, чтобы не подходили, потому что «тракторам» что по полю, что по дому, что по человеку ехать и не свернуть.

Проложили мы в тот день первую борозду не только на нашем поле, а как бы во всём районе. Дня через три из Обухово пришёл старик лет под семьдесят и говорит: «Покажи, что за зверь». Я ему – садись, мол, посмотришь.

Дали мы круг, старик только ахает да языком прищелкивает, а уходя, поклонился трактору до земли и говорит нам, что теперь вот дальше жить хочется.

Три года Григорий работал на «Кейсе», а потом, когда в комму-ну пришла первая автомашина, выучился управлять ею и стал шофёром.

Всё шло хорошо. Росло пятеро детей. Жена Анна работала на ферме, в доме был достаток – старшие дети уже работали сами. Коммуна давно стала колхозом, и вдруг июнь 1941 года.

Один за одним уходили парни и мужчины на фронт. Пришло письмо от дочки Зои из Свердловска.

– Ухожу санитаркой. Хоть этим помогу победе над фашистами, – писала она. А через год, 4-го июня, проводил Григорий Прокопьевич сына Александра. Не успели в доме привыкнуть к пустому месту за столом, как шестого пришла повестка отцу.

– Я тогда овец стригла. Прибегают ко мне девчата и кричат: «Алексеевна, твоего Григория забирают». А я им сказала, что попрощалась с ним утром и мешок собрала. Может не возьмут дальше Кургана. Он у меня уже немолодой. Вряд ли дальше пройдёт, – вспоминает Анна Алексеевна.

Горькой шуткой отделалась, тогда она. Не смогла проводить – стригалей больше не было, а сроки по стрижке были по-военному жесткие. Ошиблась жена Григория. Прошёл солдат не только до Кургана, но и до Берлина.

...На столе стопка одинаковых серых листков – благодарности от Верховного Главнокомандующего. За самые разные города: Люблин и Демблин, Минск, Сохачев и Лович, Варшаву и Берлин. Четыре боевых награды, среди которых медали «За отвагу», «За боевые заслуги» звенели на гимнастёрке старого солдата. Две машины пережил солдат, пока их самоходный артиллерийский полк не вошёл в логово фашистов.

Зоя Григорьевна

Шесть лет колесила Зоя Григорьевна на санитарном поезде. И под бомбёжку попадали, и к смерти привыкли.

– В 1946 году возвратилась я домой в Утятку. Здесь всё обветшало за войну. Брат, Саня, вернулся тоже в этом году почти вместе с

отцом. Только отец невредимым с фронта пришёл, а Сане трижды не повезло.

На ферме дали мне группу из 12 коров. Отвыкли за войну руки от бурёнкиного вымени, но скоро всё вернулось. С тех пор я от фермы никуда и не отлучалась.

Автопоилки поставили давно, и стало нам намного легче работать, а вот с механической дойкой что-то у наших механизаторов дело не клеится.

Но мы не отчаиваемся, всё равно сделают мехдойку, а пока на ручной от других хозяйств стараемся не отстать. В прошлом году я надоила от каждой из своих 15 коров по 21,6 центнера молока.

Этот год все люди добрыми делами встречают. Подруги мои, Климентьева и Вотина, впереди всех идут, ну и я работаю по родительскому завету, стараюсь не отставать от передовиков.

Работает Зоя Григорьевна по-ловыгински, отлично. Но не только сама хорошо трудится, а так же работает её сын Николай.

Николай Ловыгин

– Когда нашим старейшим колхозникам Григорию Прокопьевичу и Анне Алексеевне Ловыгиным минувшей осенью сыграли золотую свадьбу, их внук Николай работал у нас на тракторе второй год, как пришёл из армии. Сейчас он обслуживает водой молодняк на ферме. Трактор у него не золото, но такого, чтобы телята остались без воды, не было.

Парень стеснительный, когда спросишь, как у него хватило времени и двигатель подремонтировать, и воду развезти, улыбнётся – и в кабину. Такого заставлять трудиться не нужно, он сам работу ищет.

Однажды с одним шофёром беда случилась. Среди ночи в дождь засела машина в грязи и ни с места. Пришёл парень в Утятку, спра-

шивает, кто бы из трактористов помог, и люди направили его к Николаю. Конечно, неприятно из тёплого дома ехать в осеннюю хлябь, но такая уж душа у Ловыгина, что он в любую минуту на помощь придёт.

Комсомолец, депутат сельского Совета. Люди его любят и верят ему.

*В. Глазов, главный инженер колхоза
// Притоболье. – 1971. – № 2 (7 января). – С. 3.*

Передовики колхоза «Россия»

(по страницам газет)

Николай Павлович Решетников

– Хороший нам достался шофёр, – говорят доярки. – Горя не знаем: вовремя привезёт на дойку, вовремя домой доставит. На переезды теряем времени самый пустяк. Аккуратен. Машину всегда содержит в чистоте.

О людях, с которыми он работает, печётся. А о себе, пожалуй, нет. С раннего утра до позднего вечера, как заведённый: ферма – отгон – маслозавод и обратно. В работе его строгий распорядок дня. И он его точно, из минуты в минуту, выполняет.

*// Притоболье. – 1968. –
№ 89 (27 июля). – С. 3.*

Г. Я. Сорокина

Молодая доярка Галина Сорокина идёт в первых рядах соревнующихся. Она борется за то, чтобы за три месяца 1965 года дать по 710 килограммов молока на корову.

*// Ленинский путь. – 1965. –
№ 19 (13 февраля). – С. 1.*

Виктор Михайлович Бакланов

Более полутора десятков лет не расстаётся с баранкой автомобиля опытный водитель колхоза «Россия» коммунист Виктор Михайлович Бакланов. Сейчас он работает на машине «ГАЗ-52» и постоянно перевыполняет месячные задания. Свою машину он всегда содержит в исправном техническом состоянии.

*// Притоболье. – 1970. –
№ 15 (5 февраля). – С. 2.*

Иван Изотов

В колхозе «Россия» создан комсомольско-молодёжный отряд комбайнёров. Возглавляет отряд секретарь комитета комсомола Иван Изотов.

*// Притоболье. – 1969. –
№ 104 (2 сентября). – С. 1.*

Иван Михайлович Бобков

Кто его не знает в Притобольном районе? Старейший член партии, первый тракторист, участник XV партийного съезда, а сейчас – персональный пенсионер. Ивану Михайловичу давно за восемьдесят перевалило, но нет покоя его сердцу. Он в деревне Заборской библиотекарь. Я привожу ему книги, а он выдает их для чтения людям, обсуждает с читателями их содержание.

*Е. Максимова, зав. Утятской
сельской библиотекой
// Притоболье. – 1965. –
№ 14 (1 мая). – С. 3.*

А. С. Петина и У. Ф. Попова

Ещё и шести часов утра нет, а для механизаторов первой брига-

ды готов горячий завтрак. Приготовлен он умелыми руками поваров Анны Сергеевны Петиновой и Ульяны Филаретовны Поповой. Три раза в день они готовят пищу для тех, кто занят на уборке. Механизаторы довольны работой поваров.

*// Притоболье. – 1965. – № 67
(2 сентября). – С. 4.*

Моисей Иванович Грещенко

Почти тридцать лет трудится в колхозной бухгалтерии бывший фронтовик М. И. Грещенко. Его стихия – цифры. Любит он их. За ними он видит огромный труд односельчан, видит большой рост родного колхоза «Россия».

*В. Иванов // Притоболье. – 1969. –
№ 16 (30 сентября). – С. 2.*

Надя Важенина

Среди опытных доярок Утятской молочно-товарной фермы работает молоденькая, шестнадцатилетняя Надя Важенина. А поучиться у неё не мешало бы многим. За 11 месяцев этого года она надоила от каждой коровы по 2124 килограмма молока. Нелёгкую дорогу выбрала эта девочка, но трудности её не пугают.

*// Притоболье. – 1969. –
№ 151 (20 декабря). – С. 3.*

Анатолий Андреевич Сомусев

Девятый год работает скотником дойного гурта А. А. Сомусев. С начала года он обеспечил надой по гурту свыше 2000 килограммов молока на каждую фуражную корову. Ударник коммунистического труда Анатолий Андреевич занесён на районную Доску почёта.

// Притоболье. – 1965. – № 107 (7 декабря). – С. 2.

Александра Павловна Воденникова

Передовые доярки наращивают надои. Одна из них – старейшая доярка А. П. Воденникова. За два месяца она получила по 471 килограмму молока от коровы.

*// Ленинский путь. – 1965. –
№ 33 (18 марта). – С. 2.*

Александр Сорокин

Саша Сорокин в числе десяти лучших комсомольцев района представлен к значку ЦК ВЛКСМ «Золотой колос». Этот парень пользуется авторитетом не только среди сверстников, но и людей старшего возраста. А, как известно, уважение просто так не приходит. Его нужно заслужить.

*// Притоболье. – 1968. –
№ 130/131 (29 октября). – С. 2.*

Дмитрий Поликарпович Ушаков

Вторую осень берётся за штурвал комбайна коммунист, председатель Утятского сельского Совета Д. П. Ушаков и помогает колхозу убирать хлеба. Большого трудового успеха Дмитрию Поликарповичу! Полных бункеров золотого зерна!

*// Притоболье. – 1970. –
№ 105 (5 сентября). – С. 1.*

Виктор Алексеевич Брылёв

Один из передовых водителей колхоза. Он ежедневно перевыполняет сменные задания. За прошедший год Виктор Алексеевич на своём автомобиле ГАЗ-93 выработал 47700 тонно-километров и перевёз груза 16231 тонну. За хорошую работу он неоднократно награждался денежными премиями и почетными грамотами.

*// Притоболье. – 1973. –
№ 18 (13 февраля). – С. 3.*

Николай Кириллов

Один из лучших строителей и комбайнёр.

*// Притоболье. – 1973. –
№ 93 (4 августа). – С. 2.*

Сергей Родионов

Недавний солдат, ныне колхозный тракторист.

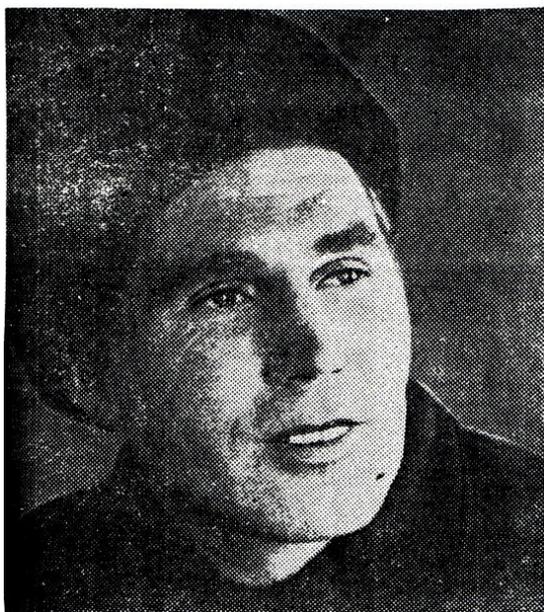
*// Притоболье. – 1973. –
№ 93 (4 августа). – С. 2.*

Анна Филаретовна Клементьева

Четвёртый год подряд удерживает первое место в социалистическом соревновании доярок. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Анна Филаретовна является депутатом районного Совета депутатов трудящихся. А совсем недавно коммунисты бригады приняли её кандидатом в члены КПСС.

*// Притоболье. – 1974. –
№ 9 (19 января). – С. 2.*

Юрий Евгеньевич Родионов

Скотник колхоза «Россия». Трудолюбивый, очень равнодушный, уважаемый на селе человек.

*// Притоболье. – 1974. –
№ 8 (17 января). – С. 3.*

Юрий Важенин

Не первый год работает шофёром в колхозе Юрий. И каждый год его имя в числе лучших шоферов. В первый же день уборки он отвёз от комбайнов 400 центнеров зерна. Кабину Юрия украшает флажок передовика.

*// Притоболье. – 1965. –
№ 69 (7 сентября). – С. 1.*

Алексей Андреевич Лобанов

Один из лучших трактористов колхоза. На проходившем районном конкурсе пахарей занял первое место по классу машин Т-4.

*// Притоболье. – 1977. –
№ 85 (14 июля). – С. 1.*

Степан Александрович Сартаков

Он уже имеет солидный стаж работы на комбайне, а как коммунист – совсем молодой. Всего три месяца назад Степан Александрович получил партийный билет. До 73 гектаров зерновых выкашивает он за световой день.

// Притоболье. – 1965. – № 66 (31 августа). – С. 2.

Михаил Сикачев

По 30–40 гектаров в день укладывает в валки молодой механизатор Михаил Сикачев. Так он проходит кандидатский стаж и делом доказывает, что не ошиблись колхозные коммунисты, приняв его в ряды КПСС.

// Притоболье. – 1965. – № 66 (31 августа). – С. 2.

Вячеслав Викторович Бобков

Смотришь на таких парней, как Вячеслав Бобков, и невольно вспоминаешь слова известной песни.

*Сделать нам, друзья, предстоит
Больше, чем сделано,
Кто же это там говорит:
Молодо-зелено?*

Он работает шофёром пятый год и добился самой высокой выработки: на своём ГАЗ-93 на каждую тонну грузоподъёмности он выработал 6260 тонн. Отличный показатель, за которым – трудные рейсы, бессонные ночи в горячую уборочную пору.

// Притоболье. – 1976. – № 123. – 14 октября. – С. 1.

Иван Наумов

Секретарь колхозного комитета комсомола Иван Наумов – запевала многих добрых дел. Накануне уборки изъявил желание водить по полям комбайн. Не раз на его комбайне развевался флажок передовика. Иван установил личный рекорд, выдав из бункера своего комбайна 519 центнеров зерна.

// Притоболье. – 1976. – № 108 (9 сентября). – С. 3.

Николай Алексеевич Золотарёв

Победитель в соревновании комбайнёров. Его достижения в один из сезонов были столь весомыми, что в колхозе решили учредить специальный приз его имени.

// Вперёд. – 1987. – № 2 (29 апреля). – С. 1.

Александра Николаевна Ушакова

Третье место в соревновании доярок колхоза «Россия», мастер-животновод второго класса.

// Притоболье. – 1969. – № 147 (11 декабря). – С. 2.

Степан Егорович Шевалдышев

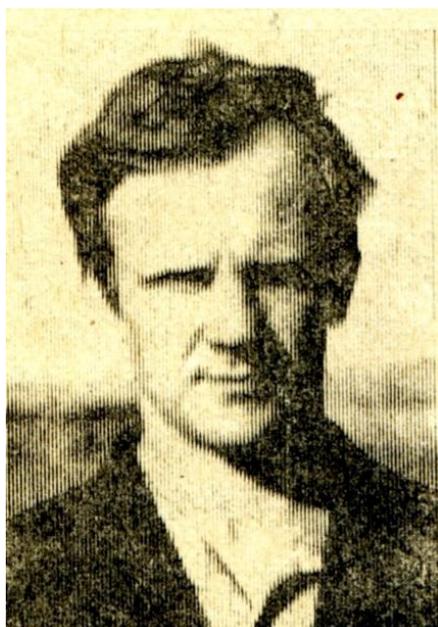
Лучший кузнец колхоза «Советская Армия»

// По сталинскому пути. – 1955. – 9 января. – С. 1.

Анастасия Павловна Бобкова

Никакой работы не боялась. Много лет была дояркой. Возила горячее на своем Гнедке по полевым дорогам. Получила медаль «За трудовую доблесть».

// Притоболье. – 1970. – № 1 (1 января). – С. 3.

Николай Комарских

Отличный производственник, активный общественник, равнодушный к заботам и запросам своих односельчан. Не раз избирался депутатом сельского Совета.

Елена Николаевна Максимова

Агитатор. Что и говорить, хлопотливая должность. Но зато его ждут механизаторы с нетерпением, не забывают поблагодарить за внимание. «А людская благодарность – лучшая награда», – делится своими впечатлениями Елена Николаевна. Быстро появляются «молнии» в честь успехов передовиков, плакаты, короткие и яркие. Заполняется доска показателей, около которой сразу собираются люди – каждому хочется узнать, какой шаг сделала страна за минувший день.

// Притоболье. – 1968. –

№ 111 (17 сентября). – С. 2.

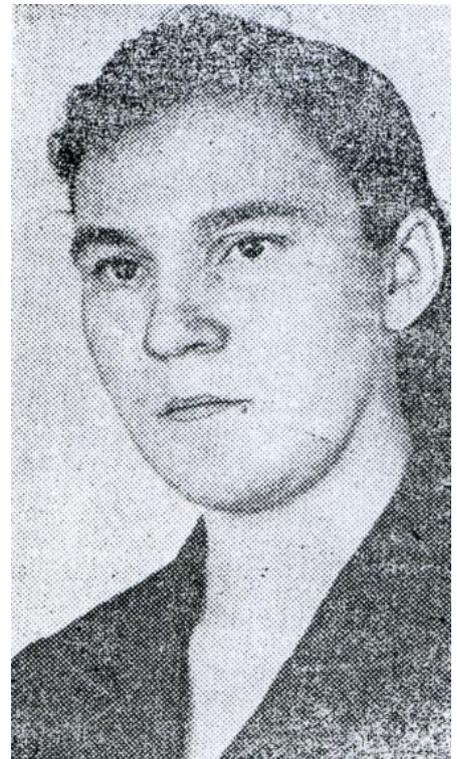
Маленькая хозяйка большого дела

(Валентина Решетникова)

Сколько я помню, между нашим селом и деревней, которая называется Новой (она много раз выгорала дотла), лежал пустырь. Сейчас село и деревню соединила улица-односторонка. Я даже не заметила, когда люди успели понастроить эти дома, один другого лучше. Дома смотрят окнами за реку, на березовый подлесок, на синий бор.

Примечательно, что хозяйева этой цепочки домов в основном люди одного возраста: «в самой поре» – про таких говорят.

Мне хотелось встретиться с Валентиной Ивановной Решетниковой, заведующей молочной фермой второй бригады. Дом Решетниковых как раз посередине улочки. Да разве просто хозяйку застать дома?

За последнее время я много наслышана о Валентине как об

энергичной рачительной хозяйке большого дела; о том, что ферма по производственным показателям занимает ведущее место не только в своем колхозе, но и в районе. Но почему-то, вспоминая Валентину или разговаривая о ней, до сих пор представляю ее той худенькой, маленькой девчонкой, которую я когда-то учила. А ведь теперь Валентине двадцать шесть, она мать троих детей!

Знаком мне и ее муж – Николай Решетников, ее одноклассник и тоже мой ученик.

Я знала в те годы тайну о Коле Решетникове, которую никто не знал, даже он сам: отец и мать были ему совсем чужие люди. Приехали они издалека в наше село на жительство, чтобы сохранить эту тайну. Родной отец Коли ушел на войну, когда мальчику было девятнадцать дней от роду. Вскоре заболела и умерла мать.

Павел Дмитриевич Решетников, доверяя мне это, просил молчать до поры до времени. Время пришло, можно и рассекретить тайну. Я хотела бы, чтобы все знали, какие замечательные люди Павел Дмитриевич и Арина Никитична Решетниковы. Достойного себе и сына воспитали они; как родную дочь приняли в свою семью Валентину, а сейчас пестуют внучат – Володю, Сережу и Валерку.

Как и ожидала, дома никого не оказалось. Однако нет худа без добра; пожалуй, лучше всего видеть Валентину и Николая в самом «огнище» их деятельности. Николай тоже работает в животноводстве. Он шофёр, отвозит молоко на завод, выполняет другие работы, связанные с перевозками.

...Пойма реки Тобола. Озёра, старицы, впадины. Справа редколесье, тронутое осенью. Трепещут кровавые листочки на осинках, позлатились березки. Простор и даль! Здесь на просторе всё лето и вот уж осень гуляет стадо в тысячу с лишним голов. Вот и Бело-озеро, куда пригонят пастухи коров для доения.

Бело-озеро похоже на разогнутую подкову. Вода отливает сталью. Кругом ни кустика, ни камышинки, лишь белый зернистый песок каймой. Тобол редко дарит Белу-озеру свои воды, но удивительно: оно всегда свежо, в достатке в нем щук, окуней, чебаков.

О Бело-озере немало былей и небылиц. Будто оно бездонно на

середине. Будто когда-то оно было «стольным» царством самого Водяного, да в двадцатые годы комсомольцы выловили подводное чудище в образе громадной щуки со свирепыми глазами, плавниками, умотанными водорослями и ракушками. С тех пор и навсегда кончилось его царство!..

Николай доставил к месту доения вёдра, мерники, фляги. Приехали доярки, пастухи подымали коров.

В одном из трех гуртов сегодня контрольное доение, и заведующая фермой должна присутствовать тут обязательно. Николай то и дело посматривает вдаль, – поджидает жену. Вот и она, мчится на своем мопеде, по-девичьи стройная, лёгкая. Успела побывать там, где откармливается скот для продажи на мясо. Валентину окружают доярки, пастухи.

У каждого к ней какое-нибудь дело. Но время не ждет, пора приступить к работе.

– Не страшно тебе, Валя, было браться за такое большое дело? – спрашиваю, когда мы остаемся вдвоем.

– Я понимала всю сложность, сама дояркой пробыла восемь лет. Долго думала и как видите, взялась. Кому же, как не нам, молодым, браться за трудные дела? Надеялась и надеюсь на поддержку коллектива. Большинство – замечательные люди; пастухи Юрий Родионов, Анатолий Сомусев, Саулькин, доярки Зоя Ловыгина, Зоя Чистякова, Анна Потанина. Работать с такими одна радость! И словом, и делом всегда помогут. – Валентина чуть помолчала и добавила, смеясь: – Да и муж под боком. Самый лучший советчик!

Я достала свежий номер районной газеты «Притоболье», в котором дана сводка надоя молока по фермам. Первое место в ней занимают животноводы колхоза «Россия», и о ферме, которой руководит Валентина, в комментариях сказано много доброго.

Валентина слушала мое чтение внимательно.

– И всё-таки хвалить нас рано. Мы отстаем от времени. У нас ещё ручное доение. Надаиваем в среднем в год от коровы по две тысячи килограммов. Племенное дело очень запущено. Обеими руками надо браться и крепко за всё...

И я глянула здесь на ее руки, подумав: «Умные и сильные эти маленькие руки...»

Свечерело. Пастухи угнали стада на пастбище. Увёз молоко Николай на завод, уехали доярки на отдых. Валентина проводила всех, стоя на берегу Бела-озера, опершись на мопед. Ветер играл концами ее светлой косынки. Маленькая хозяйка большего дела!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 244 (17 октября). – С. 4.

Иная доля

(рассказ)

Даже первый свой снег зима нынче разбрасывала со злостью. К дому Марфы Потаниной она сразу нашвыряла его бугром под самую крышу, а у соседа чуть попоршила. Потом каждый день начала сыпать снегом, чтоб всем хватило, заходи к селу с разных сторон, а тут и морозы подослала, да какие злые.

Как ни балует зима, а не может она остановить жизни. Разгребая снег по сторонам, трактор тащит с поля целый стог сена. Следом за трактором везут тугие воза лошади.

Короток зимний день, успевай, поворачивайся. Зато светлы и длинны вечера, хоть книжку читай, хоть шитье шей, не зажигая свет.

Подвозчица кормов для животноводческой фермы Марфа Степановна Потанина еще с утра договорилась с бригадиром, что вечером съездит за сеном для своей коровы.

– Зачем вечером, – возражал бригадир. – Бери на завтра выходной день и ступай с утра. Но разве с Марфой сговоришься. Упрямая. – Мне, – говорит, – лишний трудовень карман не дерёт. Буду я терять рабочий день.

Полная луна едва выглянула из-за сосновой рощи, когда Марфа на серой лошади, запряженной в дровни, спускалась к Тоболу.

Зимняя дорога шла по самой середине реки. Крутые берега в вечернем полумраке казались причудливыми. Трудно верится, что бывает время, когда это глубокое русло наполняется бурлящей водой и что вода тогда выхлестывает из берегов и на несколько верст разливается, затопляя окрестности. Ветра не было, по мороз щипал лицо,

серебрил брови, ресницы и выбившуюся прядь волос из-под тёплой шали, забирался в рукава полушубка. Поправившись удобнее на сиденье, Марфа вся ушла в свои думы.

– Сейчас дома мать, вероятно, затопила в комнате печь. Старшая дочь семиклассница Тоня сидит за уроками. Тут же за столом решает задачку и двенадцатилетний Шурка.

Нелегкая жизнь выпала ей, Марфе. Дочь вдовы и вот теперь сама вдова. Уж десять лет вдовееет, не пришёл домой с войны муж.

– При муже жена – словно госпожа; без мужа жена – горька сирота, – часто приговаривает ей старуха-мать. Не верилось, да и сейчас не верится, что никогда не вернётся домой Иван, отец её детей.

– Вот бы приехала сейчас с сеном ко двору, а ворота открывает он, Иван: «Ну, как, Марфушенька, жила ты без меня, горько ли, сладко ли?» Да нет, не может этого быть; чего я размечталась... – шепчут её губы.

– А почему бы и не быть такому чуду? – шепчет опять ей какой-то внутренний голос.

– Ведь вернулся же Василий, муж Ксеньи, через пять лет после похоронной, – Марфа встrepенулась, словно опомнилась и задержала вожжами, погоняя лошадь.

– Тебя, Иванушко, ждала я день и ночь, – сказала бы я ему. – Опроси у людей, как трудилась я. Взгляни на хозяйство, не уронила я его без тебя, а стало оно ещё крепче. Корова в тёплом стойле, есть и куры, и гуси, и утки, и хлеба в запасе довольно. Полюбуйся на детей своих, одеты-обуты они не хуже других, а в школе учителя ими не нахвалятся. Не узнать тебе и колхоза нашего, в день не обойдешь, не осмотришь всего. Миллионером стал наш колхоз теперь.

Дорога поднималась в гору. Здесь мела позёмка, сухой снег пересыпался и шуршал, как песок. Нужно было свернуть с дороги и километра полтора ехать по глубокому снегу. Лошадь увязла в снегу по брюхо, Марфа встала на ноги, будто от этого лошади было легче.

Снег у стога был утоптан ногами каких-то животных.

Марфа установила дровни, ослабила подпругу у лошади и первый пласт сена бросила ей. Привычными и ловкими движениями

Марфа подымала на вилы пласт за пластом спрессовавшегося сена и укладывала его в воз.

«Юртище», с детства знакомое Марфе место. Сюда бегала она детским делом за ягодами. Этот большой массив земли до последних лет лежал нетронутым. Одним концом он подходит к берегу реки, а с трех сторон отгорожен от остальных земель густым берёзовым лесом.

В давние времена здесь любили разбивать свои юрты кочевники-казахи. С тех пор и зовётся это место «Юртищем». Круглый год здесь паслись табунки диких коз, а летом гнездилась птица.

Люди не стремились освоить «Юртище», благо, и без него земельные просторы велики.

– На «Юртище» земля заколдована, слежалась, её топором не разрубишь, – говорили старики.

Но два года назад дошла очередь и до «Юртища». Добрая половина этого массива ближе к лесу уже распахана и была засеяна прошлый год кукурузой. Отличный был урожай. Другая половина очищена от зарослей шиповника, вишняка и превращена в сенокосные угодья.

Осмотрев туго затянутый воз, Марфа взяла под уздцы лошадь и потянула её. Лошадь налегла сильной грудью на хомут, дёрнула воз, но на беду Марфы, видимо, плохая завёртка лопнула, и оглобля вылетела из своего гнезда.

Пришлось отпрягать лошадь, развязывать воз, отрубать конец от верёвки и делать новую завертку. Марфе показалось, что в этой беде виноват не кто иной, как бригадир Иван Гаврилович, подсунувший ей плохие дровни. «Погоди, дьявол тупоносый, – бранилась Марфа, – только до первого собрания, мы покажем тебе, как подсовывать нашей сестре худые дровни». Ей даже представилось это собрание, и как её поддержат все товарки, и как Гаврилович заикаясь будет оправдываться: «Виноват, виноват... За всем не усмотришь».

Беда поправлена. Лошадь вновь впряжена в воз. Марфа идет впереди лошади, увязая в снегу и стараясь разглядеть след, проложенный ею. Но следа не видно, его успела замести позёмка. Марфе показалось, что ехала где-то правее, и, круто повернув лошадь впра-

во, она опрокинула воз.

Нервы не выдержали. Марфа бросила поводья и заголосила. Ой, и куда же мне деваться, горе-горькой... И на кого ты нас бросил, покинул... да не дожидаться нам тебя, не доглядеться...» – жаловалась она в причетах на своего мужа.

Вдруг какой-то шорох привлек ее внимание и, вытирая рукавицей слезы, она повернула голову. Из лесу вышел табунок диких коз и, остановился, с любопытством разглядывая происходящее. Впереди стоял самец, с красивыми рогами, за ним цепочкой другие козы штук 7 или 8. Потом вожак прыгнул в сторону леса и вся стайка мгновенно исчезла.

Долго Марфа возилась, перекладывая сено и перепрягая лошадь. Когда выбралась она на торную дорогу, была уже глубокая ночь! Месяц стоял почти над головой и, казалось, чему-то улыбался.

Навстречу Марфе по дороге двигались на лыжах какие-то три фигуры. «Что за люди, уж не браконьеры ли за козами?» – подумала Марфа.

Вдруг она услышала знакомый голос соседского парня Мишки Чебыкина: «Тетка Марфа!!.. на подмогу идем!..»

– Куда вас нелегкая несет в такую пору? – крикнула с воза Марфа поравнявшимся парням.

– Бригадир Иван Гаврилович послал. Тоби долго нет, а он беспокоится. «Уж не случилась ли беда какая с бабой», – говорит. А нам что до «Юртища» дойти – прогулка, удовольствие...

– А ружье за плечами для чего? Уж не поохотиться ли вздумали на коз?

– Что ты, тетка Марфа... что мы враги какие, что ли?.. Жить всем охота, пусть живут... – и ребята повернули назад к селу.

– Тетка Марфуша, а сено отбрасывать тебе прийти помочь? – уже удаляясь, кричал Мишка.

– Обойдусь без вас, катайте на вечёрки... – отозвалась, Марфа. На душе ее стало словно теплее, и злоба на бригадира Гавриловича пропала.

Ворота ограды открыла дочка Тоня:

– Ой, мамонька, да чего долго-то, уж ждём-ждём... Шурка тоже не спит!.. А какая передача по радио из Москвы... век бы слушал.

Из дома доносилась чудесная музыка.

В. Иванова

// По сталинскому пути. – 1956. – № 16 (5 февраля). – С. 2.

Над ширью пашен и полей

Анатолий Иванович Церенщиков, председатель колхоза «Россия», предоставил мне возможность побывать вместе с ним на пашне, посмотреть, как идёт уборка урожая.

– Щедро одарила урожаем нас нынче земля, – говорит Анатолий Иванович. – Я хотел бы, чтоб вы почувствовали всю радость нашего земледельческого труда, как чувствуем мы...

Ещё не рассеялся утренний туман. Светло. Но вот луч солнца глянул на землю. Все дрогнуло, затрепетали верхушки берёз, побежали волны по пшеничному полю, помчался на запад туман. Открылись голубое небо и необъятная ширь во все стороны.

Минуем Луканинский ложок, Макаровку, Баженовскую степь, Развилки... У земли, как у человека, своя судьба, и в этих названиях ее история. Многие не помнят, что пшеничное поле в 350 гектаров, называемое Баженовской степью, и в самом деле в недалеком прошлом было степью.

У дороги возле густого осинника – Федотовский стан. Жилой дом, кухня, столовая. Стоянка мотоциклов, мопедов, велосипедов станции технической помощи. Справа и слева от стана идет жаркое сражение за урожай. Грохочут комбайны. Их сорок семь. Снуют автомашины, отвозя зерно на ток.

Легким облачком наплыло воспоминание. Когда-то обосновался здесь первый энтээсовский отряд в четыре трактора. Бригадир отряда – невысокий широкоплечий детина Александр Федотов. Будто вижу его сейчас. Здесь, у осинника, в земляной избушке, большую часть жизни, как кроты, прожили его прадеды, дед, отец. Мальчонкой бороноволочил и сам. Здесь был извечный надел крестьянской семьи Федотовых.

– Крепче держись, Сашка, за рогальху сошеньки – кривой но-

женьки, с хлебом будем, – учил сына Нефантий. Советская власть, колхоз вместо рогальи дали в руки Александру руль трактора, и он верно держал его до последнего своего часа. В поле выводил трактор, едва появлялись проталины, уводил глубокой зимой. Скошенный хлеб женщины вязали в снопы, свозили их в клады. Молотилку приводил в движение трактор, и люди радовались этому.

Однажды, возвращаясь из МТС, Александр увидел у хлебной клады столб огня. Горел облитый горючим трактор. Люди метались вокруг него, плескали воду, а столб огня взлетал еще выше. Александр сорвал с себя тулуп – единственную семейную теплую одежду – и бросил на огонь.

Пламя утихло, гибель клады хлеба была предотвращена. В память о честном труженике и появился этот Федотовский стан.

За перелеском от Баженовской степи массив хлебов в 600 гектаров. Как море, волнуется густая пшеница. Друг за другом идут комбайны.

На первом, флагманском – Леонид Александрович Федотов, за ним – его младший брат Виктор. Это сыновья того эмтээсовского бригадира Александра Федотова. Хватка в работе отцовская – полторы-две нормы в смену. Вместе с отцом на мостике комбайна его младший сынишка – двенадцатилетний Толик, с Виктором – старший тринадцатилетний Саша – будущие хлеборобы, наследники династии Федотовых.

Впрочем, и мать ребят, жена Леонида, тетя Паша, как все её называют, здесь же. Она учетчица в бригаде.

– Что Баженовская степь или земля у Макаровки, у Луканинского ложка дает до двадцати центнеров с гектара – не диво, – рассказывает председатель. – Нас удивило поле у Потанинского колка. Там сплошной песок, а нынче это поле дало по 29 центнеров с гектара! Вот что значит хороший пар и хорошее задерживание влаги. Земля, как человек, ей больше внимания, заботы – отдача будет. Два годовых плана сдачи хлеба государству предполагаем нынче дать, – заключает Анатолий Иванович.

Поздно вечером я возвращалась к себе домой. Душа моя пере-

полнена гордостью за своих односельчан, за их великий радостный труд.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 208 (5 сентября). – С. 2.

Семья на сенокосе, 1950-е гг.

Кулажонок, хромя ножка

(рассказ для детей)

Все друзья Петьки – мальчишки как мальчишки, дети своего времени: спят и во сне видят либо трактор, либо автомобиль, либо вертолет-звездолет. А Петька больше всего на свете любит лошадей. Это, наверное, ему передалось от дедушки.

Дедушка Карпей Васильевич много лет в колхозе был старшим конюхом и развел лошадей вороной масти. Красивые лошади! Бока поджарые, ноги тонкие, стройные. Всех маток-кобылиц Карпей Васильевич называл Кулагами, а жеребят Кулажатами. Почему? Откуда такое слово? Сейчас объясню.

Было в старину такое крестьянское блюдо – кулага. Изготавливалась она из ржаной муки, получалось кисло-сладкое месиво. Карпей вырос на этой кулаге и слаще этого блюда ничего не знал.

Славиться стал колхоз вороными лошадьми, а Карпею Васильевичу от людей почет и уважение за это. Приглашали его в Москву по

этому делу, и правительственный орден на грудь ему был приколот самим Михаилом Ивановичем Калининным.

Как запряжет, бывало, тройку вороных в повозку Карпей Васильевич, начистит сбрую до блеска, взберется сам на козлы – люди только ахают! А соседние колхозы от зависти сгорают.

Кнута в руки Карпей никогда не брал: терпеть не мог, чтобы лошадей кнутом хлестать, как некоторые это себе позволяют да еще хвастают: «Если лошадь из сил выбьется, можно семь верст еще на кнуте ехать!»

Теперь Карпей Васильевич совсем стар стал. В руках дрожь появилась, пальцы не разгибаются. Борода, брови, волосы белее снега. Нахлобучит дед Карпей на голову шапку, подпояшет полушубок ремнём, возьмет в руки посошок и выйдет за ограду, ну чистый дед Мороз! – лица из-за бороды и нависших бровей не видно.

На конный двор Карпей Васильевич наведывается частенько, и Петька с ним обязательно. Побайваются старого конюха теперешние: не дает им спуску, если непорядки какие заметит.

Вечерами любит Петька забраться к деду на лежанку и послушать его рассказы про лошадей.

– Я так считаю, Петька, – говорит дед, – умнее лошади нет на свете животного. Она всё понимает, только говорить не может. Сколько раз меня из беды выручала! И замерзал-то я в бурю, а лошадь вывезла, и стая волков гналась за мной, да лошадь не выдала... Машины – дело хорошее. Да ведь они мертвые, неживые! Без лошади человеку жить плохо, скучно, несподручно...

Как-то в начале марта, когда солнце уже сильно пригревало и в воздухе чувствовалась весна, Петька зашел, возвращаясь из школы, на конный двор. В конюшне старой Кулаги возня какая-то. Людские голоса. Оказалось, – у Кулаги новорожденный, маленький Кулажонок. Точь-в-точь как мать! Такая же маленькая голова на выгнутой шее, такие же белые чулки на задних ногах. Да вот беда – не может опереться на правую заднюю ножку малыш! Пытается встать и не может.

– Прирезать придется, – говорит ветеринарный фельдшер коню-

ху.

– Ой, не надо резать!.. Погодите! – закричал Петька не своим голосом. – Я сейчас за дедом сбегаю!

И Петька со всех ног пустился бежать.

Через полчаса Петька был опять в конюховке – с дедом. Кулага обрадовалась, повеселела вся, увидев Карпея: знала его и любила.

Подняли Петька с дедом Кулажонка, подтолкнули его к вымени матери. Насосался малыш досыта, улегся на сухую подстилку, задремал.

– Где же ты, матушка, помяла сыну ножку? – говорит Карпей лошади. Кулага повернула к Карпею голову и тихонько заржала, дескать, и сама не знаю, как и где.

– Не горюй, может, и поправится ножка. Тащи-ка, Петька, свежей воды из колодца, лошадь пить хочет.

И взяли Карпей с Петькой Кулагу с сыном под полную свою опеку.

Утром еще нет рассвета, а Карпей с Петькой уже управились с лошадей и хромым Кулажонком. Днем, пока Петька в школе, Карпей побывает у лошади, а вечером опять вместе с Петькой там. Так и шли дни.

– Смотри, Петька, как бы из-за «хромой ножки» ты двоек не нахватал! – беспокоилась мать.

– Не нахватаяю. Проверь дневник, а то сходи в школу, справься, как учусь.

А Кулажонок уже сам подниматься стал. Покачивается на трех ногах и смешно тянется к Петьке: не даст ли комочек сахару?

Воскресным днём, когда на пастбище уже зазеленела молодая трава, дед Карпей и Петька вывели Кулагу на лужайку за село, к озеру. Кулажонок ковылял за матерью – не отставал. За озером гулял табун лошадей, от которого вдруг отделился рыжий трехлеток-стриган и помчался к Кулаге. Петька приготовился пугнуть рыжего.

– Не тронь его, – сказал дед. – Он бежит узнать, как дела у Кулаги и её сына. Посмотрим.

Рыжий подбежал к Кулаге и попытался ухватить её за ухо. Ку-

лага отмахнулась от него, сердито взвизгнув. Рыжий подскочил к Кулажонку, обнюхал его и, описав круг, помчался назад к своему табу-ну.

– Все в порядке, теперь можно передать Калугу с сыном конюхам. Еще неделька, и будет наш Кулажонок совсем здоров. Пойдем, Петька, домой: что-то сильно не можется мне...

Расхворался Карпей Васильевич, не поднимается с постели. У Петьки в школе горячая пора – конец учебного года. Некогда сбегать Петьке на пастбище, поглядеть Кулагу с Кулажонком. И только в последний день перед каникулами, когда учительница Анна Григорьевна объявила, что Пётр Менщиков переводится в шестой класс, Петька прямо из школы с ранцем за спиной побежал за дальний лес, где должна была пастись Кулага.

– Кулажонок, хромая ножка!.. – закричал Петька и, вставив в рот два пальца, свистнул. Кулажонок на минуту остановился, потом, взбрыкнув задними ногами, помчался навстречу Петьке и стал перед ним, как вкопанный, раздувая ноздри.

Петька пошарил в карманах, отыскивая кусочек сахара или сухарь. Ни того, ни другого не оказалось.

– Да ну тебя, хромая ножка, обойдешься и так! – Петька хлопнул в ладоши перед самым носом жеребенка. Жеребенок сделал красивый «тур» и понесся по степи, оглашая её радостным ржанием.

В. Иванова

Фотографии из архива Нагорской библиотеки

Сенокос, 1940 год.

**Деревня Кочнева (Вавилкова).
До слияния колхозов им. Чапаева и «Путь социализма».**

Нагорское «такси»

Лобанова Наталья Кирилловна на работе. 1960 год.

Катаев Г. Ф. и Бобкова Г. Ф. взяли молоко.

В первом ряду (сидит) Иванова Варвара Степановна – директор Утятской школы.

Сплавной мост через реку Тобол в селе Утятском. 1895 год.

УТЯТСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Храм

К 1700 году к Утяцкой слободе были приписаны следующие деревни. По реке Тоболу, где устье Лебязьего истока, находилась Серкова. По всей вероятности, она исчезла из-за разорения кочевниками. По реке Юргамыш стояли Галишева, Предеина, Шмакова, Менщикова и Охохонина (на устье). На степной стороне (на правой стороне Тобола) находились деревни Зовьялова (Завьялкова) и Предеина. В 1699 году из-за частых набегов кочевников было принято решение «со степи из деревень и заимок крестьян свести в слободы». После этого правобережные две деревни исчезают. Из слободы была дорога на Окуневскую слободу и к селу Воскресенскому.

В середине девяностых годов в слободе строится однопрестольная деревянная церковь во имя Святителя Христова Николая. Впоследствии церковь перенесена на другое место. Историк Николай Абрамов, описывая церкви, находящиеся в центральной части современной Курганской области, уточнял: «Церкви большей частью были крестообразные: крыльца, паперть, трапеза или зимняя церковь с алтарём на правой стороне, затем летняя церковь, менее трапезы, и особо устроенный к востоку алтарь. Крыши на церквях были шатровые или со скатами, у спусков кровли вырезки фигурные. Главы церквей обшивались тёсом гладко или большей частью чешуйчато. Кресты на главах восьмиконечные или железные. Входные крыльца были высокие с несколько ступеньками, покрытые епанчей или скатами на две стороны. По обоим бокам крыльца были балясины точеные или решётки. В паперти на правой стороне в стене по деке, длиной около трёх, шириною двух с половиной аршин и изображение Страшного Суда Христова. Окна были косящетые, небольшие, прямые или кверху полукруглые. Оконницы, особенно XVII столетия, равно кивоты для икон и выносные фонари были из слюды. Иконостасы состояли из поклона

(местные иконы) и вверху из двух или трёх ярусов, в коих изображались пророки, праотцы и апостолы. По двум стенам иконы на полках с фигурно вырезанными карнизами. Иконы писались на досках с наклеенною на них Левкашеной холстине, обкладывались по сторонам медью или басмами с позолотою.

Так выглядел Богоявленский храм в с. Утятском более 100 лет назад.

Венцы и гривны были медные или серебряные, чеканные или басменные. Ризы на иконах медные, с левой стороны резцом прочерченные. Сосуды церковные большей частью были оловянные. Одежды священнослужителей в XVII столетии были кумачные, выбойчатые китайчатые и отчасти из шелковых материй. Богослужебные книги большей частью рукописные. Колокольни строились особо от церкви. Они были в несколько ярусов, круглые, иногда шести- и восьмигранные. Выше самих церквей. Верхи колоколен были круглые шатровые или пирамидные, крытые гладью или чешуйчато».

В октябре 1700 года драгунский полковник Давид Яковлевич Мейн получает приказ «ехать по Тоболу и по Миассу рекам и на тех

реках слободы осмотреть и описать [во]круг тех слобод реки, и озёра, и леса. И есть ли в тех слободах пашенные земли и сенные покосы и иные какие угодия. И всему тому учинить чертёж».

Вблизи слободы рос бор. Пашенных земель и сенных покосов было в изобилии. На территории слободы было множество речек и озёр. Крестьяне, кроме сельского хозяйства, занимались рыболовством и охотой. Граница Утяцкой слободы и Царёва городища проходила по речкам Утяк и Юргамыш.

Павел Варлаков

// Курган и курганцы. – 2007. – 1 февраля. – С. 7.

Жизнь дороже

Объединенное заседание Утяцкого волостного съезда Советов, сельскохозяйственных комитетов и комитетов взаимопомощи от 18 апреля 1922 года, заслушав доклад об изъятии церковных ценностей и считая эту меру вполне правильной и необходимой, как средство спасения миллионов населения республики от голода, постановило:

«Изъять излишние церковные ценности в православных церквях нашей волости, направив таковые на приобретение продуктов для голодающих, так как каждый несчастный гражданин Республики, стоящий на стороне завоеваний идей трудящихся, дороже всех богатств, которые он наживал своей мозолистой рукой».

**«Красный Курган»,
4 мая 1922 года.**

Судьбы утятских священников

(И. Желницкий, Д. Тутолмин)

Бывший настоятель Утяцкого храма Иоанн Желницкий был расстрелян в годы революции. Последний утятский священник Тутолмин Дмитрий Петрович, после закрытия храма, вел богослужения на дому. Был арестован 30.10.1937 г. тройкой НКВД по Челябинской области и расстрелян 27.01.1938 г.

В 1937 году церковь закрыли, но не разрушили, а вот имущество было уничтожено полностью.

«Россию захлестнула цунами великих потрясений. Будоражили

слухи об убийствах священников. С отступающими Каппелевскими войсками протоиерей Троицкой церкви Иоанн Желницкий с семейством достиг Ново-Николаевска (Новосибирск). А потом произошло то, что произошло. Желницкий возвращается в Курган. А в Барабинске застряли жена Анна Михайловна и дочь Настя. Что делать? Как их оттуда выволить? Священник Николай Васильев посоветовал дать взятку некому капитану Матвееву, который имеет возможность выволить и жену, и дочь. Через Васильева он передает Матвееву десять тысяч рублей. Это была чистой воды провокация! Желницкого обвинили в организации контрреволюционной подпольной группы по свержению Советской власти.

Каково же было смятение в растерзанной душе отца Иоанна, когда он, препровождаемый под конвоем в свою камеру, вдруг увидел улыбающегося Матвеева, дружески беседующего, – подумать только! – с самим Чупиным. Именно Чупин и возглавлял это самое страшное... политбюро, которое без суда и следствия решало вопрос жизни и смерти арестованного.

5-ого октября 1920 года в Кургане в 7 ч. 30 мин. утра священники Желницкий и Васильев были расстреляны (всего же в то утро было убито 24 человека)».

*Б. Карсонов
// Резидент. – 2007. – Октябрь.*

В 1965 году купол Храма и колокольню обмотали железными тросами, прицепили к гусеничным тракторам и разодрали.

Метрическая книга Утятской церкви за 1897 год была случайно найдена на мусорной свалке библиотекарем из с. Глядянского. На ее страницах видны подписи Желницкого, Тутолмина, Соколкова.

Страницы этой книги можно увидеть на следующем листе.

ИСТРИЧЕСКАЯ КНИГА

АННА ИЗ Новоселской Духовной Консистории
при Императорской Уставной Церкви

да записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, на 1897 годъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

О РОДИВШИХСЯ.

Книга эта, старинное священническое
метрическое, со 1897 г. книгой, от-
даннымъ во время военной, возвраща-
ется Императорской Уставной Церкви
на хранение в общецерковный архивъ.
Января 4 дня 1898 года.

Благочинный, Протоиерей Дмитрий Курбанов

<p>иная родильшуха.</p>	<p>Званіе, имя, сѣтчество и фамилія родителей, и число кronenloek-бданиа.</p>
<p>Синадѣи.</p>	<p>Слобода Статская, мѣстной Священникъ Димитрій Петровъ Мухоморовъ, и законная жена его сына Алексаидорова, оба православные. Священникъ Димитрій Александровъ Димитрій Митро Александровъ октмста Деревни Заборской крестьянинъ Стефанъ Димитрій рѣвъ Павель, и законная жена его Анастасія Михайлова, оба православные. Священникъ Димитрій Мухоморовъ Александровъ</p>

В ожидании малинового звона

(церковь начала 2000-х)

Год назад, серым выюжным днем, когда ледяной порывистый ветер перехватывал дыхание, а густые хлопья снега слепили глаза, мы с о. Николаем Чирковым и писателем Виктором Потаниным подъехали к «очагу культуры», обезглавленному Богоявленскому храму, сиротливо стоящему на старинной площади села Утятского. Потоптались вокруг. На всех дверях – амбарные замки, залепленные снегом. Чувствовалось, что давно не прикасалась к ним рука человеческая.

Чуть позже мы узнали, что с одной стороны тут располагался как бы клуб, а с другой – как бы библиотека. Хотя фактически должности их заведующих уже давно были упразднены. Все-таки нам удалось разыскать женщину, «держателя» ключа библиотеки. Сия «культурная точка» занимала северный придел.

Зашли. Стужа страшная, кажется, здесь холоднее, чем на улице. И сумрачно. Лампочки почему-то не горели. Обшарпанные столы, полупустые книжные стеллажи вдоль стен. В глаза сразу бросились прихваченные инеем книги в красном переплете – полное собрание сочинений В. И. Ленина. Тут же в непорочных люстриновых переплетах труды Брежнева, Подгорнова и серенькие книжицы ныне уже забытых писателей «периода развитого социализма»...

Прошел год. И снова мы на старинной площади с. Утятского перед входом в... библиотеку. Не успели выйти из машины, а нас уже радушно встречают. Заходим. Зал полон народа. Радостные и благостные лица. Тепло, уютно. Под высоким потолком ярко горят бра, а ниже, под иконами, – малахитового и гранатового цвета лампы, источающие мир и успокоение в наши растрепанные и ожесточенные души.

Сегодня 19 декабря (6-е по старому стилю) – праздник святителя Николая Чудотворца. В старые времена в с. Утятском в этот день проходила знаменитая Никольская ярмарка, на которую съезжались не только с обширного Курганского уезда, но и из дальних мест Урала, Сибири и соседнего Казахстана. Люди ехали за сотни верст не только купить или продать свой красный товар, но и поклониться

единственной на Урале и в Сибири Чудотворной иконе св. Николая.

К сожалению, канула в Лету – реку забвения – Никольская ярмарка. Однако сегодня сюда собрались сельчане поистине на торжество историческое: открытие православного прихода в своем Богоявленском храме. А если быть точным – в его северном Никольском приделе. (Остальная часть храма пока еще числится за клубом).

Мне уже приходилось писать, что Утятская слобода – второе в наших краях по времени возникшее поселение после слободы Царево Городище: последняя четверть 17 века. И долгое время церковь здесь была деревянная. Но вот в 1844 году в богатом, многолюдном, красивом селе Утятском был открыт трехпрестольный каменный Богоявленский храм. И сегодня, после антихристового шабаша и духовного оскотления большевиками своего народа, сюда пришли прямые потомки тех, кто построил этот белокаменный Дом Божий, кто с великим благочестием и торжеством освятил его 153 года назад. Они пришли сюда на... повторное открытие своего храма. Поистине все возвращается на круги своя.

Знаменательно: прихожане, оповещенные накануне, собрались сюда не только из Утятского, но прибыли и из соседних деревень: Новой, Вавилкова, из Нагорского и даже Камышного... Люди шли пешком, ехали в кошевых и розвальнях на лошадаках – совсем как в старые добрые времена. Кстати, все вышеназванные деревни с незапамятных времен входили в Богоявленский приход...

Первую Божественную литургию служили о. Владимир Кузнецов, секретарь нашей епархии, и о. Сергей Еремеев. Пел хор Свято-Духовной церкви. А после исповеди и святого причастия о. Владимир выступил с проникновенной проповедью. Надо было видеть, как люди слушали, а точнее, внимали каждому слову пастыря. Некоторые украдкой вытирали слезы.

«Теперь каждый из вас – апостол и должен от себя нести свет и слово Божие другим людям»...

От имени областной администрации первых прихожан поздравил с их праздником советник администрации по связям с религиозными организациями Владимир Уфимцев.

Как всегда, взволнованно и эмоционально выступил перед своими земляками известный писатель земли зауральской Виктор Потанин. Он преподнес храму старинную икону «Сретение Господне», в свою очередь, подаренную ему когда-то почитателями его таланта. И вот уже поистине Промысел Божий: из такого же ряда о. Владимиром и о. Сергием привезена была в подарок вновь родившемуся приходу икона свят. Кирилла и Мефодия. А накануне активный прихожанин из Утятского Юрий Евгеньевич Родионов передал сюда икону «Успение». И вот когда они сошлись здесь вместе – мы ахнули! Оказалось, что все три иконы из этого же храма, одинаковые по форме и по характеру живописи. Более того, они с одного иконостаса и стояли там в одном ряду!

Не будем ныне касаться всех тех перипетий, что способствовали возвращению Никольского придела его законным хозяевам. Скажу лишь, что свершилось это в середине прошлого месяца. А уж так всем хотелось открыть службу в свой храмовый праздник – 19 декабря – в день свят. Николая. Вот тут и началось. Работали «от» и «до», без выходных. Особенно пришлось помучиться при разборке поперечной кирпичной перегородки, потом сооружали солею, алтарь с каркасом иконостаса и царскими воротами. Престол, аналои, две печи: одну в алтаре, другую в конце зала – пилили, строгали, стеклили, красили... В это же время ходили по домам, собирали пожертвования. Одних только икон сельчане передали в свой храм около 20!

Кто же всем этим занимался? Десятка, во главе с церковным старостой Нелли Егоровной Кисленко. Ей иногда помогал муж – Николай Иванович, работник Курганского вагонного депо. Ревностный прихожанин, пишет духовные стихи. А великолепный мастер на все руки Сергей Александрович Менщиков! Сооружение алтаря, кладка печей – всё это и многое другое дело его рук. Не считали своего труда во имя Господня Петр Степин, его жена Анна, Нина Ивановна Менщикова, Юрий Евгеньевич Родионов – всех не поименуешь. Многие приходили сюда, и каждый по возможности старался внести посильный вклад в общее дело. Так всегда было на святой Руси: храм сооружали всем миром.

После службы одна старенькая бабуля мне сказала:

– И сподобил меня Господь дожить до светлого дня нынешнего, а ведь меня крестили в этом храме. Мечтаю услышать звон церковный. Колокольно-то поставят, ай как? Раньше, бывало, как ударят в большой, за много верст окрест малиновый звон разливается. Доживу ли?..

Хочется верить, что доживет.

Когда уезжали, многие спрашивали: дадут ли им сюда постоянного батюшку. И вот только что стало известно: наш епископ, владыка Михаил, благословил быть настоятелем Богоявленского храма в с. Утятском священника Сергея Еремеева.

Борис Карсонов

// Курган и курганцы. – 1997. – № 148 (25 декабря). – С. 3.

© Шевцов Владимир Всеволодович, temples.ru

Утятская церковь. Начало 2000-х гг.

Водою явленная

(обретение иконы Николая Угодника)

Слобода Царёво Городище в первые годы своего основания фактически являлась военной базой для продвижения русских поселений в южные районы «киргизских степей». А посему не случайно под её крылом в конце 1670-х годов была заложена слобода Утятская. Таким образом, на территории бывшего Курганского округа слобода эта после Кургана является самой первой. Под защитой гарнизона Царёва Городища она чувствовала себя всё-таки сносно: построена деревянная церковь во имя св. Николая Чудотворца, появились деревеньки Завьялова, Меньшикова, Галишева, Предеина, Вавилкова, Собанина... И тем не менее, многое претерпели от «воровских степных шаек» первые наши поселенцы. Иногда даже урожай приходилось снимать под охраной. В такие дни из Царёва Городища в Утятскую на дежурство отправляли роты драгун (до 100 человек) с капитанами. Сменялись каждую неделю...

И всё-таки обилие плодородной немереной земли, воды, покосов, рыбных ловлей и лесных угодий споспешествовали русской колонизации диких, необжитых пространств. Смелые и предприимчивые пришельцы обустроивались здесь на века.

Когда-нибудь я расскажу нашим читателям о тех необыкновенных событиях, что произошли в этой слободе. Ныне же рассказ о другом.

Чудесное обретение

И накатывали откуда-то из степей киргизских ветры тёплые, и степные дрофы и чайки речные, тучи непуганых уток и лебеди серые, крикливые кулики, чибисы и всякая мелкая птаха – всё жило и радовалось окрест разлившегося Тобола, в его заполненных старицах и чигиримах, в густых кущах сухого тростника, красно-фиолетового тальника, ольхи и лапчатого сосняка – прибежища зайцев и лисиц. Утятское после долгой и холодной зимы чистилось и прихорашивалось. Чинились изгороди, поправлялись колодцы, надолбы и рогатки, каждый хозяин насупротив своего дома подметал улицу – завтра приходской праздник в честь святого Николая Чудотворца!

Секлетея Кабанова спустилась по уже подсохшему глинистому скосу к темной воде Серебрянки. Летом она мелела, вода тухла и покрывалась плотною зелёною ряской. Сейчас же – что тебе море. Над скрытыми яминами кружат воронки, в мелкой ряби, до рези в глазах, посверкивают мириады солнышек. Секлетея поставила тяжелую корзину с рыбой на самый обрез воды. Огляделась. Почти у самого берега увидела широкую, как дверь, тёмную доску. Тоже кстати. Она потянулась было к ней, но та «не далась», чуток отошла. Женщина скинула обувь и, шагнув в воду, совсем было уже коснулась ее, но опять-таки на секунду опоздала, доска снова отошла и вновь остановилась. Далее в воду идти было боязно: а вдруг обрыв, глубина... Секлетея совсем было вышла из воды и еще раз взглянула на доску, – обомлела. Из-под грязи и речного мусора на нее смотрели... глаза! Икона!.. Весть об иконе мгновенно облетела слободу. И стар и мал собрались подле древней излучины Тобола. Икону поймали, глянули

– святой Николай Чудотворец. Письма старинного. И вот уже людская процессия со священниками во главе, с благоговейной торжественностью внесли сей чудесный образ в храм Божий. И случилось это 7 мая (старого стиля) 1749 года, во времена правления блаженной памяти дочери Петра Великого, императрицы Елисаветы Петровны. Память о сем событии не угасала на протяжении столетий. Из поколения в поколение в мельчайших подробностях пересказывался тот день, когда впервые слободчане узрели водою явленный Чудотворный образ. И даже в наши дни, несмотря на тотальный антирелигиозный шабаш большевиков, нет-нет да и в какой-нибудь слободской избушке, на жарко натопленной печи, длинным зимним вечером иную бабушку вдруг осенит благодать Господня, и заведет она своим любопытным внучатам сказ о старине, о звоне колокольном, о крестном ходе из храма к часовенке, что когда-то стояла на бережку, где была явлена народу икона Чудотворная. И уж, конечно, о чудесах, кои творил заступник сирых и обездоленных, божий угодник святой Николай.

Однако же истины ради скажу: путаться стали ныне, порой смещают события. Слышал я, например, совсем недавно от очень интеллигентных и образованных потомков слободчан, что да, это верно, явилась икона к ним водою Тобольской, но, якобы, было это совсем недавно, чуть ли не при Совдепии. И так говорят.

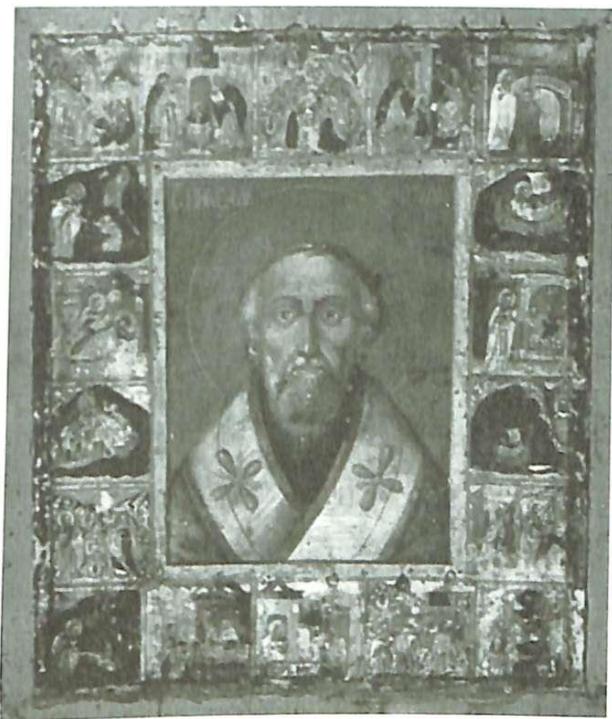
Проясним! И факт сей история застолбила.

В середине прошлого века в омском кадетском корпусе преподавал Закон Божий молодой священник Александр Иванович Сулоцкий. Талантливый исповедник, широко мыслящий, начитанный, тонко чувствующий среду, мягкий в обращении и в то же время бескомпромиссный в вере... Когда-то в отделе рукописей главной библиотеки страны (бывшей Ленинке) я нашел интереснейшие, никогда не публиковавшиеся письма его из Омска в Тобольск, отбывавшим там ссылку чете Фонвизиных – Михаилу Александровичу и Наталье Дмитриевне. Меня же интересовало омское окружение генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова. И это я в письмах нашёл (в том числе интереснейшие подробности о Достоевском), но в

них было и о многом другом. «От всей души благодарю вас за доставление мне столько состоятельных и подробных сведений о чудотворной иконе Б. Матери, именуемой Тобольской.

Исправленное мною описание тобольских церквей, переписывается...

Теперь, быть может, примусь за окончательную обработку известного вам жизнеописания Филофея...». И т. д., и т. п.

Чудотворная икона «Николай Угодник», с житием

ной иконе св. Николая уже давно гуляла по Сибири, и естественно, что Сулоцкий шлёт запрос о ней в Курган. Кому? Таким корреспондентом, смею думать, мог быть только один человек – А. Ф. Бригген, его хороший знакомец, с которым он встречался и в Тобольске и в Омске, и который к тому же из всех своих сотоварищей, поселенных в Западной Сибири, профессионально занимался историей, в том числе и местного края. Его статьи о происхождении Павла I, о фельд-маршале Минихе, 20 лет отбывавшем ссылку в Пельме (где, кстати, отбывал ссылку и Бригген), даже были опубликованы за границей.

Как бы то ни было, но священник Александр Сулоцкий получил из Кургана подробнейший материал о нашей Чудотворной иконе и впервые опубликовал эту историю в «Тобольских губернских ведо-

По этим выдержкам вы уже уловили вектор его интересов. Да, верно. Его статьи, очерки по церковной истории выходят не только в газетах, но и в столичных изданиях. Привязанный службой к Омску, он не мог самолично ездить по городам, монастырям и приходам. Запросы, как видим, делал письменно, в основном через знакомых. Конечно, декабристы, поселенные в Тобольской губернии, были его самые активные корреспонденты.

Людская слава о чудотвор-

мостях» в 1862 г. А в 1864 г. и Петербурге выходит его книга «Описание наиболее чтимых икон Тобольской епархии», в которой он переработал первоначальный газетный текст и дал наиболее полный и развернутый вариант.

Наконец, в 1899 году опять-таки в С.-Петербурге выходит прекрасно изданный капитальный труд «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца» в 2-х частях, в котором с многочисленными ссылками на А. Сулоцкого печатается и комментируется история о явленной иконе св. Николая в слободе Утятской.

А икона многоличная

Прошло более 100 лет. Исчезли рвы, рогатки, надолбы. Богато и привольно раскинулось село Утятское по левому берегу Тобола. Вместо ветхой деревянной церквушки в 1844 году был построен и освящён каменный храм с четырьмя главами, колокольной, огороженный каменной же оградой с художественной вязью железных решёток. В нём было три престола: во имя Богоявления Господня – главный; во имя Успения Божией Матери и во имя св. Николая Чудотворца.

А наша знаменитая икона в специальном резном киоте была помещена у правого клироса на одном из четырёх столбов, поддерживающих своды центрального купола храма. Что же она из себя представляет? Прежде всего, следует отметить её размеры: 110х93 см. Форма – ковчежец. С тыльной стороны доски во всю ширину укреплены двумя врезными горизонтальными шпонками.

Согласно иконографическим канонам, наша икона относится к многоличной и обозначается как «житие с деянием». В центре – погрудное изображение Святителя, а вокруг него – в отделениях или клеймах – изображаются выдающиеся события из его жизни, а также творимые им чудеса как при жизни, так и по смерти. Здесь таких клейм восемнадцать. Это восемнадцать живописных сюжетов!.. Манера и стиль письма характерны скорее для русской иконописи XVI века. Тем не менее, в данном конкретном случае можно сказать определённо, что образом нашему иконописцу послужила одна из самых древнейших икон русских иконописных «деяний» Святителя – Зарай-

ская (XIII в.) Конечно, живописная манера за три века стала иной, но прочтение «деяний» Святителя, композиция, жанровое и даже цветное решение очень перекликаются меж собою. Даже количество клейм совпадает: 18 и 17 (в Зарайской один сюжет в двух клеймах).

Икона писана темперой, т. е. краской, разведённой на эмульсии из воды и яичного желтка. Анализ показал, что очень хорошо была приготовлена её основа: после грунтовки доски левкасом и последующего выглаживания он затем был подвергнут полировке хвощом. Внизу и вверху, где левкас разрушился, под ним местами обнажилась порванная паволока, представляющая собою грубо вытканную льняную пестрядь, что тоже указывает на древность иконы.

А вот что касается изображения самого св. Николая!.. Внешне, как будто, соблюдены все обязательные каноны и, следовательно, зафиксировано общее выражение и сходство его со всеми другими изображениями, какие писали на Руси в давно прошедшие времена. Хорошо выписан голубовато-золотистый омофор с золотыми крестами, по которому пущена золотая цепочка панагии. Волосы, как и принято было носить древним клирикам, коротки и подстрижены, борода небольшая, круглая и тоже подстрижена. Широкий лоб, вдумчивые глаза, прямой прекрасный нос...

Однако нет в этом лике той истовости и суровой бескомпромиссности, что несут на себе древние образы Святителя. В чём же дело?

Как-то мне уже приходилось объяснять читателям, что древние иконы, дабы дольше сохранить красочный слой от разрушения, обязательно покрывали единственным известным в то время консервантом – олифой. А она имеет свойство через каждые 80–100 лет чернеть. В наше время реставраторы научились такие иконы «раскрывать», т. е. удалять чёрную плёнку старой олифы и возвращать иконе её первоначальные краски. А раньше такую икону... поновляли, т. е. по старому изображению писали новый образ, что было сделано и с нашей Чудотворной иконой. Вот почему и лик Святителя на этой иконе не совсем совпадает с каноническим. И если бы, паче чаяния, на лике Святителя нам пришлось удалить позднейшую запись, а затем и плёнку старой олифы, то под ними мы обнаружили бы подлин-

ные и яркие краски древнего письма. (Надеюсь, что когда-нибудь это сделают).

Кстати, а вот жанровые картинки – жития Святителя в клеймах – первозданны, они не поновлялись, ибо клейма эти были закрыты... серебряной ризой.

Паломничество

Не было, пожалуй, более популярного Угодника Божьего на Урале и в Сибири, чем св. Николай – великий миссионер православия! На боевых стягах Ермака, с которыми он штурмовал кучумовы становища, мы видим неукротимого св. Николая с мечом в одной и церковь в другой руке. Самый первый мужской монастырь, появившийся на Урале в городе Верхотурье в XVI в., основан во имя св. Николая, а через несколько лет и в Туринске монастырь получил это имя.

В Тюмени, Тобольске, Пелыме, Берёзове... сразу после их основания в 1585–1593 гг. строились храмы, посвящённые прежде всего св. Николаю Чудотворцу! «Почти нет в Сибири, как и в Великой Руси, ни одной обители, в которой не было бы храма или престола великому Чудотворцу», – писали о нём историки православной церкви.

«Никола зимний, Никола вешний», – так о своем вечном ходатае и заступнике перед Престолом трогательно и любовно говорят в народе.

Стоит ли после сего удивляться тому потоку паломников в слободу Утятскую, когда людская молва разнесла по уральским и сибирским поселям весть о появившейся там чудотворной иконе св. Николая! Люди шли не только из Кургана и близлежащих деревень уезда, но и из Челябины, Тобольска, Ялуторовска, Ишима... Новобранцы, уходившие на войну, непременно хотели припасть душою к Николе. Удивительно, но факт: св. Николая считали своим и христиане, и мусульмане, и верующие других конфессий. Когда пугачёвские отряды башкир и татар пришли в Утятскую, то, прежде всего, они преклонили колена перед Чудотворной иконой.

Треть века назад художник Вал. Илюшин нарисовал картину:

повстанцы атамана Семёна Новгородова на центральной площади Утятской слободы. А весь курьёз заключается в том, что автор исторического полотна допустил анахронизм: он с документальной точностью на заднем плане воспроизвел каменный Богоявленский храм, хотя в рассматриваемую эпоху здесь стояла деревянная церквушка, а каменная появится спустя 70 лет после пугачевского бунта. Но, как говорится, нет худа без добра. Зато теперь мы видим, как выглядел этот храм, пока большевики его не обезглавили.

А когда-то! 1908 год. На лёгком железном ходке, запряжённом тонконогой лошадкой, едет лесною дорогой юная Настенька Желницкая, выпускница нашей гимназии. В тёмном ридикюле с никелированным ободком – учительский аттестат и золотая медаль. Назначение – Утятское двухклассное сельское училище. И так уж случилось, что едва лошадка вступила на мост через Тобол, как чудный звон вечернего благовеста разлился вдоль реки. Остановилась. Соскочила с ходка. Оглянулась окрест, перекрестилась – душа замерла от красоты и Божественной благодати. В тихой реке, как в зеркале: и небо, и леса с крутизною, и белые чайки. И этот малиновый звон...

Навстречу мужик с дитём и молодая крестьянка улыбаются и кланяются низко.

– С прибытием вас, матушка, – говорят.

«Уже прознали!..»

А село-то богатое, ухоженное. Три лавки бакалейные да три мануфактурные. Да завод маслодельный, да почта, больница, сберкаска... А какая была ярмарка 6 декабря, как раз в день Николы! Потому так и называлась – Никольская. А дома-то всё более пятистенники да крестовики, наличники резные, а крыши железные. Народ степенный, красивый и добрый. При встрече картузы снимают и по имени-отчеству величают... А в праздники или в воскресный день блины да калачи, жареные семечки, да тёмная брага, запаренная в кадушках ржаной соломой... Выйдешь за ворота на улицу – так тебя духмяном и обдаст... Глянь, и колокола уже благовестят, народ к церкви спешит. Парни в сапогах блестящих да рубахах красных, наборным ремешком подпоясаны, а девки, будто барыни разодеты, – сарафаны

цветастые да ленты алые, что тебе стрекозы порхают... Слова Настеньки: «А мы, учительки-то, все были молоденькие, вот карточка-то, смотрите, какие мы были. На клиросе пели, а потом и в школе хор организовали. Однажды под аккомпанемент набатного колокола на площади «Вечерний звон» исполнили. Народ плакал и руки нам целовал...

Да, да, папенька мой, Иоанн Желницкий, был настоятелем этого Богоявленского храма...»

Аутодафе

Но покатился сатанинский каток по Святой Руси. И случилось всё так, как и было сказано в Священном писании: и пойдёт брат на брата, а сын на отца. И великий мор окутает землю русскую, и будут родители детей своих поедать, а храмы рушить. И стон стоять будет на земле, но никто не придёт тебе на помощь.

Всё было. Всё! И мор, и голод, и братоубийство... И Боже мой, какие странные сближения, как сказал бы поэт, подбрасывает нам жизнь! Вновь, как и в 1908 году, едет по лесной утятской дороге, но уже другая 18-летняя учителька. И хотя стояли чудные тёплые дни начала осени, но по глубокому тобольскому каньону уже не плыл колокольный звон Богоявленского храма. Не видно было счастливых лиц и разодетых молодых, не обволакивал вас деревенский духмяный запах сытости и довольства... Едва скрипучая телега, которую тащила рыжая лошадка, переехала мост и свернула налево, к площади, страшную картину узрели небесные глаза юной девушки:

Храм зорили

Двери святой обители – настезь. Какие-то суровые люди в коже и ремнях тащили и бросали в большой костёр тяжёлые книги в пергаментных и малиновых переплётках, утварь в росписях, священнические облачения, иконы. Большие образа раскалывали пополам...

А церковные маковки, опутанные толстыми канатами и железными тросами, цепляли к тракторам, которые ревели, тужились, взрывая колёсами глубокие колеи и заволакивая себя клубами синего дыма. Но тщетно. Башни не поддавались. Деревенский люд молча

стоял поодаль. Говорить боялись. Животный страх сковал уста сельчан. Этот страх незримо обуял и юную душу нашей учительки. И уже никогда-никогда за всю долгую и трудную жизнь свою она не сможет избавиться от этого страха...

И вот разграблен дом Господен. Его бывший настоятель протоиерей Иоанн Желницкий ещё ранее был расстрелян. Дочь «врага народа» Настенька Желницкая с младшей сестрёнкой Катенькой затаилась где-то в Кургане.

А в это время дочь другого «врага народа», каргапольского крестьянина Тимофея Ивановича Селиванова, которого большевики расстреляли неподалёку от его же дома, вот эта худенькая пичужка Аннушка вместе с матерью и братиком как раз и прибыли сюда в столь тягостный и неурочный час... Пройдут годы – и мы узнаем её как Анну Тимофеевну Потанину, заслуженного учителя России, почётного гражданина села Утятского – мать известного нашего писателя Виктора Потанина. Не случайно я упомянул о Настеньке Желницкой и Аннушке Потаниной, ибо каждая из них по-своему будет причастна к нашей Чудотворной иконе. Но я забежал вперёд.

Пока на площади полыхал костёр большевистской инквизиции, народ не расходился. Все ждали появления Чудотворной. Но её всё не было и не было. Наконец нашёлся шустрый лазутчик из народа, который под носом подвыпивших и притомившихся погромщиков проник в храм. И что же? Киот Чудотворной иконы был пуст.

Многие втайне осенили себя крестным знаменем, зашушукались: «Известное дело, разве дастся она в руки этим антихристам!...».

Под покровом ночи

А дело было так. Телефонограмма из района была получена под вечер. В ней категорично предписывалось завтра же Богоявленский храм освободить от его религиозной начинки, чтобы затем передать под зерносклад или под очаг культуры...

Евгения Алексеевна и Пётр Николаевич Луканины уже совсем было собрались чаёвничать, когда кто-то звякнул щеколдой калитки.

– Мать, ты разве на засов не закрыла?

– Кто знат, чай, забыла поди.

Слышны неспешные шаги по дощатой дорожке двора, вот уж они в сенцах, вот уж кто-то нашаривает в темноте скобу на двери. Старик Луканин поднялся с лавки и сам открыл дверь в сени. Там, растопырив руки, стоял председатель сельского совета Дмитрий Иванович Луканин.

– Извиняйте, – с едва заметной улыбкой, заходя в дом, сказал Дмитрий Иванович.

– А, Митрий, – сказала Евгения Алексеевна, – милости просим, как раз к чаю.

– Некогда мне, Алексеевна, чаи распивать. Да и вам тоже...

Он как-то пристально посмотрел на Петра, потом запустил руку в брючный карман и вытянул оттуда большой кованый ключ. Положил на краешек стола. Потом, взглянув на закрытую белую дверь горницы, прошептал:

– Завтра церковь будут зорить... – и ушёл.

Прихватив кошму и тележку, они вышли едва ли не вместе с председателем. Вечер совсем уж загустел. К тому же начал накрапывать дождь. Вот и церковь. Её белая громада, будто линейный корабль на рейде, призрачно маячила в темноте. Большая, кованая железом дверь открыта. Внутри – сплошная темень.

– Свечу! – коротко бросает Луканин. – И заслони собою пламя от окна. И не мельтеши! – резко осаживает он свою старуху.

Вынуть святителя Николая из киота – минутное дело. Заодно и большую, в рост, икону Спасителя сняли с иконостаса. Бережно укутали драгоценные ноши в кошму, последний раз помолились и поспешно вышли, оставив ключ в двери.

Погоня

Луканин в кости широк, худ, лицом строг, в остром взгляде светлых глаз – бездна истовой веры. Говорили, что обличьем и своими манерами он более всего походил на мятежного протопопа Аввакума. Не случайно сельчане его уважали и... побаивались.

В тот злополучный день он тоже был на площади. Многие пови-

дал Пётр Луканин на своём веку: кочегаром броненосца изведаль неравное и героическое Цусимское сражение; огненным молохом прокатилась по нему германская и гражданская войны. Он хорошо знал, что такое «кулацкий мятеж», подразверстка, расстрелы, раскулачивание... И людей этих, в кожанках и галифе, Пётр Луканин тоже знал не понаслышке и никаких иллюзий по отношению к ним не питал. И всё-таки то, что увидел сегодня, по своему цинизму и безграничному глумлению, пожалуй, превосходило всё доселе испытанное. Раньше такое мог увидеть разве только в страшном сне.

Эти бесноватые, помеченные невидимым тавро разложения и тлена, с улюлюканьем, похабщиной и жеребьячьим ржанием раздирали в клочья золотые ризы, голубые омофоры, покровцы редкой художественной школы. Охапками бросали в огневище книжные раритеты, дико подвывая и приплясывая вокруг кострища.

Вот, закручиваясь от жара, ярко вспыхивают разодранные листы первопечатной Библии. А чёрные доски, прежде чем зайтись пламенем, от жара как бы плавилась.

Поначалу вскипала, пузырилась на них олифа, на миг раскрывая свежие краски древних иконописцев, и тут же пульсирующая, иссиня-фиолетовая огненная плазма начинала вспухать и облизывать красочный слой. Через несколько секунд доски эти с потрескиванием и шипением уже полыхали столбом.

Луканин не мог стоять, метался, перебегая с места на место. И когда лицо его совсем уж посмурнело и в нервном ознобе заходили по скулам крутые желваки, жена, не отходившая от него ни на миг, вцепилась в широкий рукав толстовки, умоляюще зашептала: «Петя, уйдём, уйдём отсюда!» И увела.

Для сельчан же Чудотворная икона с того кострища так и сгинула. Правда, поговаривали, вроде бы её на падунских кручах схоронили. А некоторые божились, что своими глазами видели, будто она опять уплыла куда-то по Тоболу. Однако поначалу глухо, но потом всё более явственно пошли и другие слухи. Икона-де у Петра Луканина схоронена, и что будто бы в доме у него, в передней горнице, молельня. Дальше – больше. Что ни говори, но Утятское не город.

Все всё про всех знают. Попробуй утаись!

Как-то председатель колхоза в магазине столкнулся с Луканиным. За руку поздоровался, в сторонку отвёл, тихо, чтоб другие не слышали, сказал:

– Ты вот что, Петро, закругляйся с своей церковью-то. Не то... Сам понимаешь. А после, как раз, помнится, перед пасхой, зашёл самый главный колхозный коммунист. В дом не пожелал, во дворе остановился. Страшал и ругался. Говорил, что своей отсталой несознательностью Луканин не только колхоз, но и весь район назад тянет. Говорил, что генеральный секретарь наш Никита Сергеевич Хрущёв на 1980 год наметил коммунизму быть, а вот из-за твоего тлетворного опиума, Луканин, Утятское вообще может остаться без коммунизма!.. Не помогло. Луканин оставался отсталым. Но недолго. Однажды, в самый что ни на есть, банный день перед домом остановилась чёрная лакированная машина. И вышел из неё вежливый такой товарищ в хорошем костюме и галстуке. Сразу видно – не местный, потому что не загорелый.

Пошёл в дом. Тихо и молча, всё осмотрел, о чём-то с Петром Николаевичем пару минут поговорил и уехал. Какие слова он сказал Луканину – неведомо. Но после того старик замкнулся, ночь не спал. А чуть рассвело, повелел все иконы собрать и в чулане на замок запечатать.

Дочь, Любовь Петровна Луканина:

– В последние годы отец очень переживал, пуще глаза наказывал Чудотворную беречь и передать её только в храм. Я потихоньку в чулан ходила, пыль с неё протирала. А тайные переговоры велись. Вскорости прослышали, что в Свято-Духовской церкви в Рябково батюшка согласен её принять... Однажды ближе к полудню в левое окошко тихонько постучали. Старик сам отпер калитку, впустил пришельцев. Из Рябково. Трое женщин и один мужчина. Как и полагается, всё обговорили, чайку попили. Порешили так, что Чудотворную негоже на чём-то везти, она должна «войти во храм». Понесём на руках, сказали, но в селе и на выходе – хорониться, не дай Бог власть углядит...

Вместе с Чудотворной взяли и Спасителя. Аккуратненько мешковиной одели. Со двора, чтобы не привлекать внимание, выходили по двое и сразу на Береговую, за густые кусты, к урезу воды. Бочком, бочком, вот уж и мост позади... Стояли сухие, чудные дни бабьего лета. Где-то на дальнем поле ещё шла подборка валков, и время от времени мимо них проносились бортовые машины, гружёные зерном.

На лесной дороге пары сошлись и шли вместе. Пожалуй, прошло не более часу, как наши паломники вышли от Луканиных. Вот уж и грейдер. Слава Богу, кажись, пронесло. Но именно в этот момент умиротворяющую предвечернюю тишину лесной дороги прорезал сипловатый, но резкий автомобильный гудок. Оглянулись – газик несётся. Кто-то даже переднюю дверцу приоткрыл, белую ручкою машет, дескать, остановитесь. И тут баба Лена как закричит:

– Ой, это же безбожник ихний, по нашу душу... Бежим, бабоньки!..

Они не сговариваясь, но попарно, как шли, бросились со своими драгоценными ношами в лес, одни по правую, другие по левую сторону дороги.

А машина уж вот, рядом, гудок взбесился, по нервам, будто хлыстом, стегает. Баба Лена со своею товаркой, не выпуская тяжёлой иконы, бежали вглубь сосняка. Старческие ноги то и дело за что-то цеплялись, колючие ветки хлестали по рукам и лицу. Они падали, но тотчас же вскакивали и бежали далее. Пробежали какую-то поляну, потом скошенный лужок, пересекли неглубокую канаву и что-то ещё и ещё, и неожиданно лес расступился, и перед ними предстала та же самая дорога. В изнеможении, совсем задохнувшись, баба Лена, обхватив обеими руками икону, пала наземь. И сразу тишина. Сердце только «тук-тук». И не спеша тяжёлые шаги. Вот уж они рядом. Баба Лена зашарила сухонькою ладошкой по лику Спасителя, как бы прикрывая, заслоняя его собою. Но тут рядом с её ладошкой распласталась толстая рифлёная подошва сапога.

– Не отдам! – захлёбывающимся шёпотом закричала она.

Маленькая, взъерошенная, как затравленный зверёк, смотрела она снизу вверх на расплывшуюся по небу тень великана. Хозяин

рифлёного сапога добродушно так, почти ласково улыбнулся, небрежно стряхнул с чёрной доски эту выжившую из ума старуху, и, взяв икону, пошёл к машине. Через минуту из редколесья вышел второй, неся на левом плече, как солдаты носят шанцевый инструмент, икону Спасителя.

Машина тут же ушла, а наши пилигримы ещё какое-то время молча сидели гут же, подле дороги, спиной прислонившись к сосне. Они были разбиты, унижены, опустошены. Наконец посвежело. На небе зажглись первые звёзды. Тогда они встали и, подхватив тощие узелки и котомки, не спеша пошли по накатанному грейдеру в Курган. Да и куда было спешить. Теперь спешить не к чему, а к завтрашнему дню всё одно, чай, придут...

Это произошло в сентябре 1960 года. Стояла благодатная «хрущёвская оттепель».

Никола в затворе

Юрий Евгеньевич Родионов:

– В своё время я в колхозе отвечал как бы за наглядную агитацию. Ну, там, митинги какие-нибудь, демонстрации – без портретов партвождей, лозунгов, плакатов не обойдёшься. А после действия их же надо убирать до следующего шабаша.

У нас в сельсовете был такой небольшой закуток. Вот там-то весь этот боевой пролетарский скарб мы и хранили. Как-то раз я что-то искал, и вот среди метёлок, паутины и прочего мусора, обратил внимание на валявшуюся широкую, почти черную доску, похожую на дверцу от бани или погребца. Развернул её, мать честная – наша Чудотворная!

– А Спаситель? Ну тот, что отобрали в тот раз у женщин?

– А его больше никто не видел. Уничтожили! А про Николу, видать, забыли. Эх думаю, как бы его отсель увести, и чтоб начальство не знало! А у нас, поди слышали, музей народный вон какой был, о нём в газетах писали...

Анна Тимофеевна Потанина:

– Да, что и говорить, много сил вложили мы в этот музей. Ди-

ректор школы, Варвара Степановна Иванова, по образованию историк. Человек удивительный, увлекающийся. А я в это время уже была завучем и преподавала русский язык и литературу. Вначале мы разместили музей в школе, но потом он так разросся. В отделе народного быта у нас находилось несколько небольших иконок. Вот сюда и поместили Чудотворную.

Конечно, мы хорошо понимали значение и ценность неожиданно появившегося «экспоната». Но говорить об этом вслух в то время было нельзя. Вы только представьте, если бы мы, допустим, на экскурсии стали бы людям рассказывать об истории Чудотворной, о творимых ею чудесах? – Да уж, задали бы вы работы партатеистам.

– Да меня на другой день из школы бы выгнали! А расскажи о её древнем происхождении – верный подарочек «любителям» старинных икон. Много лет так вот и жил тихо и неприметно наш Никола в затворе. И потихоньку слава его в народе стала забываться. Давно умер главный его спаситель Петр Николаевич Луканин, ушли в мир иной и ревностные прихожанки Богоявленского храма. Вот уже и директор с завучем на пенсии. Наступили иные времена, и оказалось, что музей-то более никому не нужен.

Ограбление

Музей размещался в полукаменном 2-этажном старинном особняке, выходящем фасадом на церковную площадь.

Нижний этаж из красного кирпича на белом известковом растворе, сработанный в расшивку, когда-то смотрелся особенно эффектно. Но потом, при Советах, когда было модно любое «буржуазное» наследство, в чём бы оно не выразилось, нивелировать, низводить до абсурда, и наш особнячок взяли, да и побелили. И теперь он, как и все – стоял в меру грязный и обшарпанный.

Погода стала портиться ближе к вечеру. К полуночи порывистый ветер усилился, позванивая телеграфными проводами и хлопая по церковной крыше оторванным листом жести. По тревожному небу неслись бесформенные груды тёмных облаков, в редких просветах которых временами появлялась полная луна, освещающая призрачно-

голубоватым светом и площадь с белым центральным остовом бывшей церкви, и соседние вокруг площади усадьбы, огороженные заборами и пряслами. Время перевалило к полуночи, когда в одну из таких минут, перед музейным особняком появились распадающиеся, неясные тени, будто тати, внезапно возникшие и так же внезапно, подобно призракам, угасшие под его стенами... А утром, едва рассветало, по селу уже гуляла будоражащая душу весть: ограблен музей. Похищены предметы старины, образцы литья, иконы. Некоторые картины, что находились в экспозиции, порезаны, разбита витрина, посуда. Вандализм!.. Юрий Евгеньевич Родионов прибежал сюда одним из первых. Рефреном билась мысль: «Что с Чудотворной?» Окинув взглядом привычную экспозицию, он не увидел её на своём обычном месте, в простенке меж окон. Сердце упало: «Украли!» Но позже, разгребая порушенное, он нашёл её, валявшуюся за порогом, под кусками бумаги, картона и какого-то тряпья. Злоумышленники взяли образа небольшого размера, а Чудотворную, большую и тяжёлую, бросили на выносе. И коль не сумели взять, пытались уничтожить: побит красочный слой, местами нарушен левкас, острым предметом кололи глаза...

Срочно поехал в Смолино, рассказал настоятелю Свято-Духовского храма протоиерею Николаю Чиркову... Хотя музей и не работал, но за оставшимся музейным добром приглядывала Нина Алексеевна Родионова. К ней-то и приехали отец Николай и писатель Виктор Потанин. Кстати, оба тутошние уроженцы.

Стали думать: как быть, чтобы и закон соблюсти, и дело сделать. Всё-таки икона – казенное имущество музея. Написали бумагу. Расписались. Всё честь по чести. Рассказ отца Николая: «Верите, шёл, будто на свидание с родным человеком, коего никогда не видел. Волнуюсь, сердце заходится, кровь в голову ударила. В музее полумрак, но я её сразу узрел: она стояла особняком, у стены, почти в самом углу. Мы с Витей Потаниным перед ней малость постояли, в себя пришли, помолились, потом осторожно, как дитя малое, в белую простынь запеленали и с трепетом душевным тихо вынесли на волю и поставили в машину».

Вот такая история. Более 60 лет, во времена правления бесовского племени, была отлучена она от храма Божия. Множество раз могла погибнуть. Но в последний момент обязательно кто-то находился рядом и спасал её. Первый и главный радетель её, старик Луканин, ныне был бы доволен: его завет – передать Чудотворную в Свято-Духовский храм, хоть и с опозданием в 3–5 лет, но всё-таки исполнен. И теперь каждый четверг – день памяти святителя Николая – в 10 часов утра у Чудотворного образа служится молебен с пением акафиста. Прихожане преклоняют свои колена перед святителем Николаем, просят его заступничества и покровительства перед тяжкими жизненными испытаниями, болезнями, душевного исцеления...

А священник в это время с чашечкой масла в руках, взятого от горящей лампы Святителя, кисточкой кропит молящихся.

Кстати, часто заезжают сюда любители к перемене мест, путешествующие. И это не случайно. Вспомним, когда в 1837 году, путешествуя по Сибири, в Курган заехал наследник российского престола Александр Николаевич, то утром, перед отъездом, в Троицкой церкви был отслужен напутственный молебен перед иконою святителя Николая Чудотворца. Почему? Да потому, что святитель Николай является покровителем путешественников.

И если вам, дорогой читатель, придётся побывать в Свято-Духовском храме в Смолино, помолитесь перед Чудотворной. И знайте, что вы стоите перед древнейшей иконой вашей епархии.

А перед уходом загляните в церковный киоск, где вы сможете приобрести прекрасную небольшую цветную копию с неё, освященную здесь же, в храме, подле оригинала.

На этом можно было бы поставить точку. Но, как оказалось, точку ставить рано. Неожиданно на свет всплыла ... тайна серебряной ризы. В апреле-мае 1922 года Россия потрясена беспрецедентным деянием большевиков: согласно секретному указанию Ленина была заранее спланирована и жестко проведена в масштабах страны циничнейшая акция по изъятию из храмов и монастырей церковных ценно-

стей. Произошло такое изъятие и из храма Александра Невского в Кургане, и абсолютно из всех без исключения храмов уезда.

Обратимся к секретным архивным документам. Из донесения Курганского преуисполкома товарища Пискунова – председателю Челябинского губисполкома: «22 апреля для изъятия церковных ценностей из сельских храмов уезда было командировано специально выделенных Укомом РКП и проинструктированных 23 товарища-уполномоченных...»

Документы, однако, показывают, что на село было брошено не 23, а 30 уполномоченных. И среди них мандат за № 4487 и аванс на командировку в размере четырёх миллионов рублей получил некий товарищ Жак, направляемый в Утятскую волость.

А теперь, уважаемый читатель, будьте внимательны. Перед вами развёртывается криминальная история со всеми ей сопутствующими атрибутами детективного жанра.

Два Николы

Итак, прибыв в Утятское, уездный уполномоченный приступил к своим прямым обязанностям, что нашло отражение в протоколе. Цитирую:

«1922 г. мая 5 дня, настоящий протокол составлен в присутствии... товарища Жак; председателя волисполкома товарища Лебедева; члена волячейки содействия РКИ товарища Ив. Родионова; группы верующих граждан С. К. Батикова, Я. М. Камынина, В. М. Осипова, С. С. Иванова, И. М. Иванова, В. А. Шевалдышева, П. И. Волкова и представителя религиозного культа от Утятской Богоявленской церкви священника Сергея Протопопова в том, что на основании декрета ВЦИК от 1–5 февраля 1922 г... нами произведено изъятие церковных ценностей... в следующем количестве и порядке:

1. Серебряная позлащенная риза 84 пробы с иконы Святителя Николая, весом – 31 золотник;
2. Пять серебряных лампадок – 2 ф. 56 зол.;
3. Три серебряные ризы с 3-х евангелий – 2 ф. 44 зол.;
4. Один сосуд с прибором – 2 ф. 11 зол.;

5. Второй сосуд с прибором – 4 ф. 7 зол.;
6. Дарохранительница с прибором – 39 зол.;
7. Первый крест – 45 зол.;
8. Второй крест – 1 ф. 6 зол.;
9. Третий крест – 91 зол.;
10. Четвёртый крест – 90 зол.;
11. Дарохранительница – 2ф. 84 зол.;
12. Дарохранительница – 1 ф. 75 зол.;
13. Риза с иконы Александра Невского – 66 зол.;
14. Риза с иконы Богородицы – 30 зол.;

Итого изъяли серебра 26 фунтов 5 золотников».

Внизу, как и положено, подписи вышепоименованных и круглая печать.

Документ уникальный. В нём заложен колоссальный заряд информации. И не только на предмет возможной реставрации храма. Теперь нам доподлинно известно, кто из местных жителей принимал участие в изъятии ценностей из своего храма. Что изъято. Каков вес, какова «ценность» реквизируемых предметов. Но самое поразительное – в приведённом списке мы не находим Чудотворной иконы! Что это значит? Как это объяснить? Тысячи вопросов и ни одного ответа.

Некоторые нетерпеливые читатели мне могут возразить: да как же нет, а под номером первым? «Серебряная позлащенная риза 84 пробы с иконы Святителя Николая, весом – 31 золотник». Всё так. Всё вроде бы подходит. Но! Ох уж это пресловутое «но»! Икона-то не Чудотворная. Нет! Об этом нигде не сказано. И потом, что это за риза весом в 31 золотник? Это всего лишь 132 грамма. А, между тем, надо иметь в виду, что Чудотворная икона – святыня храма!

А коль святыня, то и украшали её соответственно. Вспомним Чудотворную икону Успения Божией Матери из Далматовского монастыря. Её «сребропозлащенную ризу» украшали более полутора тысяч драгоценных камней! Вес же самой ризы составлял 15 фунтов 23 золотника 84-й пробы. Кстати, и размером обе Чудотворные иконы почти одинаковы. Итак, какой же из всего этого можно сделать вы-

вод? Только один: в Богоявленском храме находились две иконы святителя Николая: одна маленькая, риза которой весила всего лишь 31 золотник, и Чудотворная, большая, по каким-то неведомым нам причинам не подпала под большевистскую экзекуцию. По каким же?

Романтик Жак и крутой Утюмов

И пока мы тут мучаемся сомнениями и недоумениями, товарищ Жак уже на следующий день, то есть 6 мая, во всю шерстит церковь в селе Камышенском. Завидная оперативность. И опять-таки в протоколе записаны не только официальные лица, но и прихожане. Ему, видите ли, одного священника показалось мало, и он дополнительно включил «от религиозного культу» ещё и... псаломщика, по видимому, резонно рассудив, что кашу маслом не испортишь: чем больше в протоколе представителей от народа, тем надёжнее. Ой, не понравится такая «демократия» Пискунову.

Как бы то ни было, но большевики всегда были сильны сексотами. И потому, едва наш романтик-демократ товарищ Жак отправил в Курган первые ящики с церковными ценностями, как на переправе к селу Барабинскому его перехватил конный нарочный от Пискунова. Ему предписывалось незамедлительно явиться в Уисполком. Можно только догадываться, какой диалог состоялся между Пискуновым и Жаком. Однако нам доподлинно известны его последствия: как минимум саботажник и пособник контры!..

Пискунов – председателю Утятского волисполкома товарищу Лебедеву от 16.05.1922 г.:

«В виду того, что недавно посланный к вам товарищ Жак неправильно произвёл изъятие... не составил списки, что лишает возможности проверить его действия, настоящим сообщаю, что для фактической проверки церковных ценностей... командировается к вам товарищ Утюмов, которому выдали на это особый мандат.

А вам, под личную ответственность, предлагается оказать самое активное содействие товарищу Утюмову. И не собирайте широких собраний верующих, а привлекайте только двоих: члена церковного совета и настоятеля церкви».

А вот и грозный мандат товарища Утюмова, отпечатанный синей лентой на пишущей машинке: изъять, не допускать, доложить...

Чудотворная меняет одежды

А теперь – внимание! Романтик Жак попал в немилость к начальнику главным образом потому, что упустил Чудотворную. Утюмов, в отличие от Жака, мужик крутой и время даром не терял. Прибыв в Утятское и прихватив Лебедева, тотчас ринулся в храм. И он знал, чего хотел. Ещё в Кургане, в кабинете Пискунова, наши экспроприаторы прикинули, и выходило так, что риза с Чудотворной одна могла дать навару больше половины, что сумели наскрести здесь во всём храме. И вдруг сейчас ему, Утюмову, заявляют, что Чудотворную, тю-тю, уже давно никто не видел. Знаменитый киот её, на плоскости широкого столба, что поддерживает центральный купол храма, был пуст.

Так-так!... – обводя немигающим взглядом Протопопова и Батикова, сказал Утюмов и, ногою подвинув к себе скамейку, сел за просфорный столик. Распахнул кожаную тужурку, расстегнул пуговицу воротника гимнастёрки, перекинув на правое бедро деревянную кобуру, одним движением привычно выхватил из неё тяжёлый маузер и бережно опустил на стол.

– В ризнице её нет, – желая нарушить затянувшееся молчание, сказал Протопопов.

– Разумеется, – усмехнулся Утюмов.

И опять молчание. Казалось, оно длилось особенно долго. Наконец, заикаясь и неспешно подбирая слова, заговорил Батиков.

– Товарищ комиссар, тут у нас беспокойно, по лесам банды бродят... На церковном совете решено было укрыть...

– Похвально! – Утюмов встал, быстро вложил оружие в кобуру и доверительно улыбнулся. – Пойду чайку с дороги попить, через 30 минут встретимся...

Она стояла подле солеи, на нижней ступени, прислонённой к амвону. Освобождённый от стекла матово-золотисто поблескивал венеч, холодной сталью отливала сама риза. Мягкое, если не сказать

добродушное чело святителя Николая было покойно, разве вот удивлённо-сострадательные большие глаза будто хотят что-то сказать, о чём-то предупредить, кого-то предостеречь...

Вырвав прямоугольные гвозди, сняли серебряный венец, но, когда коснулись самой ризы... Присутствующие тут все разом, казалось, потеряли дар речи: она была из тонкой блестящей жести, которой по обыкновению модно было в конце прошлого века обивать... бабушкины сундуки.

От неожиданности Утюмов опешил. Он же своими ушами слышал, как Жак докладывал Пискунову, что на Чудотворной оставлена серебряная риза большого размера...

– Как это понимать? – наконец спросил Утюмов. – В описи она значится как серебряная, 84-й пробы?

– На нашем веку её никогда не вынимали из киота, – ответил священник.

Загадочная метаморфоза

Передо мной «список изъятых церковных ценностей из храма Утятской церкви 22 мая 1922 г.». Сравним. Как помните, товарищ Жак изъял 14 предметов весом 26 ф. 5 зол., а товарищ Утюмов дополнительно к этому прибавил ещё 11, и общий вес достиг 38 ф. 23 золотника! Кстати, никаких «антимоний с верующими», как вы догадываетесь, он не разводил. Документ подписал он сам, Лебедев и от противоположной стороны Протопопов и Батиков. И только!

И что же мы видим в этом окончательном списке? Под № 1, как и прежде, указана серебряная риза с иконы святителя Николая весом в 31 золотник. А под № 16 уже значится «Венок с иконы Николая Чудотворца весом в 72 золотника» (307 г.) Так впервые в официальном документе большевистских экспроприаторов была зафиксирована наша Чудотворная икона. Более того, отправляя в губисполком очередной ящик с церковными сокровищами, в сопроводительке товарищ Пискунов расставляет все точки над «i»: «Дополнительно доизъяты в Утятской церкви риза с иконы Богородицы, венок с иконы Николая Чудотворца, два ковшичка, потир с прибором... При изъятии риза на

иконе Николая Чудотворца оказалась металлическая, а поэтому не изъята...».

Непостижимо! Чудотворную святителя Николая, у подножия которой молилось не одно поколение и позолоченный киот коей целовали тысячи и тысячи прихожан, одним словом, которую все знали и видели, и самую серебряную ризу, крытую сусальным золотом и которая вместе с ликом угодника Божия так завораживающе манила окунуться грешного паломника в свои вибрирующие затягивающие глубины Чудотворного жития, – всё это оказалось неправдой, или, точнее, – подменой?!

– Непостижимо! Такого быть не могло! Потрясённый, я долго не мог прийти в себя, не в силах хоть как-то объяснить появление на Чудотворной металлической ризы. Однако иногда где-то глубоко в подсознании начинал шевелиться червь сомнения. А может быть, и правда, как сказал отец Сергей Протопопов Утюмову, именно в киоте, под стеклом, она всем казалась серебряной?..

«Никола серебряный» – из загробных писем

И вдруг я опять вспомнил Настеньку Желницкую. Я дружил с ней и с её сестрёнкой Катенькой и много лет их записывал. Смотрю фото 1908 года. Передо мной учителя, снятые на крыльце Утятской школы. Милая девятнадцатилетняя Настенька в тёмной кружевной кофточке, а рядом юноша в форменной тужурке с рядами пуговиц, белоснежный подворотничок, белые манжеты. Это учитель Николай Филиппович Богдашев. Несостоявшаяся Настенькина любовь. Замуж она так никогда и не выйдет. 60 лет спустя после Утятского он, ленинградец, доктор наук, профессор, разыщет её в Кургане и между ними вдруг вспыхнет всё старое... И завяжется головокружительная переписка. Он очень хотел поговорить с ней по телефону, услышать её голосок. Соседи уговаривали Настеньку дать ему их телефон, пусть звонит. Но Настенька так и не решилась. Она стеснялась: не хотела, чтобы он услышал её... старческий голос.

Когда он умер, она дала мне толстую пачку писем Коли Богдашева, перевязанную узкой розовой ленточкой. Более месяца я читал

их. Кое-какие выдержки из этих писем я потом использовал в очерке «Сёстры», который был опубликован в областной газете. Впрочем, она ненамного пережила своего кумира. Просила положить его письма ей в гроб под подушку. Завещание её исполнили: они были похоронены вместе с Настенькой...

Так вот, в одном письме Коля Богдашев поминает своего ангела-хранителя Николу Серебряного. Так и написал. Когда я об этом сказал Настеньке, грустная улыбка высветила её мягкое личико.

– Да, да, конечно, мы часто молились с ним перед Чудотворной, свечи ставили... Уповали...

Итак, «Никола Серебряный»... Значит, и впрямь, вся плоскость иконы была покрыта серебром. И ещё запись.

«Однажды, незадолго перед Рождеством, папа дал мне маленький ключик и попросил почистить Чудотворную от пыли и копоти. Я поставила скамеечку, открыла киот и специальной замшей всё как следует вычистила. Золото на ризе так и засияло. Папа рассказывал, что эту ризу сделали в Москве попечительством прихожан в середине прошлого века и что она очень дорогая...» – на этом рассказ Настеньки у меня обрывается.

Так, значит, всё-таки риза на Чудотворной была серебряная? А зачем гвозди серебряные?

Стоп! А почему, собственно, я заикнулся на серебряной ризе? Ах, потому что её народ видел таковою. Но её видели и жестяной? И не просто гипотетически видели, а факт сей 22 мая 1922 года запротоколировали. А под ним подписи, и не какие-нибудь, а первых лиц: уполномоченного Курганской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей Утюмова, предволисполкома Лебедева, настоятеля Богоявленского храма Сергея Протопопова и члена церковного совета Сергея Батикова. Куда уж дальше. Кому и верить, как не им... И, потом, глава уезда и четверо членов его уисполкома: Беляшов, Завадовский, Донецкий и Кондратьев об этом же доносили в губисполком. При этом мы как-то совершенно игнорировали тот факт, на который они как раз и делали акцент. Вспомним: при изъятии с иконы Николая Чудотворца венки оказались серебряные, а риза «металличе-

ская, а потому не изъята». А коли так, то опять резонный вопрос: где в таком случае, металлическая риза, коль скоро она была оставлена на иконе?

Но в том-то и дело, что после 22 мая её никто никогда не видел. И в ту осеннюю ночь, накануне разграбления храма, когда старик Луканин тайно принёс к себе домой Чудотворную, она была без ризы. И тут меня осенило! И хоть время было неурочное, срочно звоню домой отцу Николаю.

– Мне немедленно надо взглянуть на Чудотворную. Батюшка уже привык к моим экстравагантным выходкам.

– Хорошо, – только и сказал, – сейчас заеду.

И вот мы уже мчимся в Смолино. Мороз. Снег. Пустынно. Да и в самом храме две-три старушки-уборщицы. Скользящий от левого окна мягкий свет рельефно выхватывает чуть утопленную плоскость ковчежца. Прищуривая свои близорукие глаза, я почти припадаю к иконе.

– Да, да! Всё так и есть. Именно так и должно быть. Вот они, вот!..

Отец Николай как-то странно смотрит на меня. Я перехватываю его недоуменный взгляд.

– Понимаете, – говорю я, – тайна ковчежца раскрыта...

– Что вы имеете в виду?

Смотрите, вот следы крепления серебряного венца вокруг головы Святителя. Утюмов, как видно, особенно не церемонился и, снимая венец, почти «с мясом» выдирал и гвоздики, которыми он крепился. И всё-таки некоторые остались. Вот они. Вместо шляпок у них вверху просто прямоугольное расширение. И только. Тут мастера всё хорошо продумали: на ризе они были заподлицо, а потому и незаметны. А теперь скажите, почему они так блестят? Да, верно, они сделаны из того же серебра, что и венец.

С венцом покончили. Посмотрим на внутренние края клейм. Вот, вот, вот...

– Те же серебряные гвозди!

– Так! Но зачем простую жёсть крепить серебряными?

– Значит?

– Риза на Чудотворной тоже была серебряная!...

Сенсация: найдена риза!

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий», – как когда-то говаривал писатель земли русской... И что только в голову не лезет! Кажется, ну всё, расставлены все точки, и вдруг опять...

– Но ты же исследуешь Чудотворную? – говорит друг.

– Чудотворную.

– Что ж ты хочешь, вот и ответ. Мнится мне, что она ещё явит себя...

У меня аж мурашки забегали от слов этих. Я не мог сказать наверно, но я постоянно чего-то ждал. Телефонный звонок, особенно в неурочный час, заставлял меня вздрагивать, и я бросался к трубке с замиранием сердца. Предчувствие меня не обмануло. Голос отца Николая звучал по обыкновению ровно, если не сказать... бесстрастно.

– Найдена серебряная риза!..

– О, свершилось!..

Да, в Утятке. Да, мальчишки. Что-то где-то копали, в сухом назьме... Правда, потом выяснилось, что найден всего лишь фрагмент ризы. Но какой!.. Вот он передо мной на столе. Теперь можно сказать определённо, что риза была сделана из сплошного серебряного выглащенного листа (отсюда и Никола Серебряный), сверху слегка вычерченного и чеканного изнутри, прекрасной старинной художественной работы Московской или даже Строгановской школы. Перед нами одно из клейм «жития». Море. Волны. Лодка с парусом, в которой святитель Николай с Евангелием в левой руке, правой творит молитву, и мореход с беспомощно поднятыми ладонями. Справа текст: «Избавляет св. Николай уг. от кораблекрушения».

Как показал анализ, фрагмент сей был отрезан от ризы ножницами по металлу, причём отрезан неумело, по дилетантски, неровно, отчего края, чтобы не поранить руки, мы нарочно загнули. Я беру клеймо и прикладываю в правый верхний угол Чудотворной. Оно полностью закрывает собою жанровую картину, изображающую тот

же самый сюжет, что мы видим на серебре.

– Как тут и была! – говорит отец Николай.

Экспертиза

Некоторые из моих друзей клеймо в ручках крутят, смотрят, языком цокают. Ах-ах! Конечно-конечно... А потом вроде бы ненароком вдруг скажут: а может быть, это вовсе и не серебро? Вроде бы для серебра легковата?..

Эге, думаю, раз возникают такие сомнения, то уж тут никаких недомолвок быть не должно. Насчёт экспертизы звоню в ювелирный магазин «Хризолит», объясняю.

– О чём разговор – святое дело! Приезжайте, – говорит директор магазина Нелли Дмитриевна Жеребцова.

Большие длинные витрины, за зеркальными стёклами которых – цвета всего солнечного спектра. Подумал: не коммерческий, ибо слишком просторное зало. Я бы сказал, что в наше время занимать такую площадь под один магазин – большая роскошь.

– Верно, государственный. И у нас, пожалуй, единственная в области подобная лаборатория! – и такая гордость в словах Нелли Дмитриевны.

Откуда-то появилась Ирина Бородина.

– Знакомьтесь, товаровед ювелирных изделий по драгоценным металлам и камням.

Лаборатория. Баночки, скляночки, кисточки. Минуту Ира смотрит на ризу, затем с тыльной стороны делает небольшую зачистку и обрабатывает хромпиком. И я вижу, как светлая поверхность приобрела ало-красный цвет.

– Ого! Ваша риза, – делает заключение Ирина, – очень высокой пробы – 875-й, что соответствует дореволюционной 84-й.

Невольно вспомнил писателя Солоухина, собирателя старинных изделий из серебра, который писал: «На любом предмете, когда смотришь в лупу, проступало из размывочного увеличения чёткое, ясное число «84», русская, самая ценимая в мире проба».

Итак, ровно через 75 лет установлено: риза на Чудотворной

иконе была серебряная, и, как сказано в описи, «позлащенная».

– Да, «позлащенная», – комментирует Нелли Дмитриевна. – Вот видите на серебре следы сусального золота... Кстати, вы говорите, что риза состояла из 18-ти подобных фрагментов?

И вот клеймо на точнейших весах. Затем на электронном калькуляторе результат был умножен на 18, плюс вес серебряного венца, что был изъят в 1922 году. Ого, почти полтора пуда серебра!..

Что же получатся? Уполномоченный товарищ Жак со всего храма насобирал серебряных изделий 26 фунтов 5 золотников. А тут риза всего лишь одной Чудотворной иконы тянет на 20 фунтов! Он, товарищ Жак, вместе с многочисленными членами комиссии её лицезрели и тем не менее... Почему не изъял?

Так появились вопросы без ответов. Но в Кургане он всё-таки доложил Пискунову, что серебряная риза с Чудотворной не изъята. И если даже на минуту допустить, что уполномоченный хлебнул лишнего и мог перепутать серебро с элементарной жестью, так ведь он был не один? И когда спустя всего лишь несколько дней Утюмов с теми же членами комиссии Лебедевым, Батиковым и Протопоповым вновь предстали перед Чудотворной, серебряным оказался только венец, а риза – жестяная.

Как объяснить эту метаморфозу?

А с другой стороны, как говорят факты, риза-то оказалась всё-таки серебряной и позже была снята, вероятно, кем-то из... сельчан, разрезана по клеймам и спрятана.

– По тому, как резали ризу, можно однозначно сказать, что она побывала в руках корыстных безбожников, – сделал заключение отец Николай Чирков.

– Верующий никогда на такое святотатство не пойдёт...

Р. S. Позже, в голбце одного из домов найдут ещё три серебряные клейма с Чудотворной иконы святителя Николая.

Из книги Б. Карсонова «Диалоги времен»

икона до научной реставрации

икона после научной реставрации

Во время реставрации иконы Святителя Николая Чудотворца, под слоем краски, нанесенной в конце XIX века, обнаружился образ, выполненный в XVII веке по древним канонам. Как случилось, что центр иконы поверху записали совсем другим изображением, мы уже никогда не узнаем.

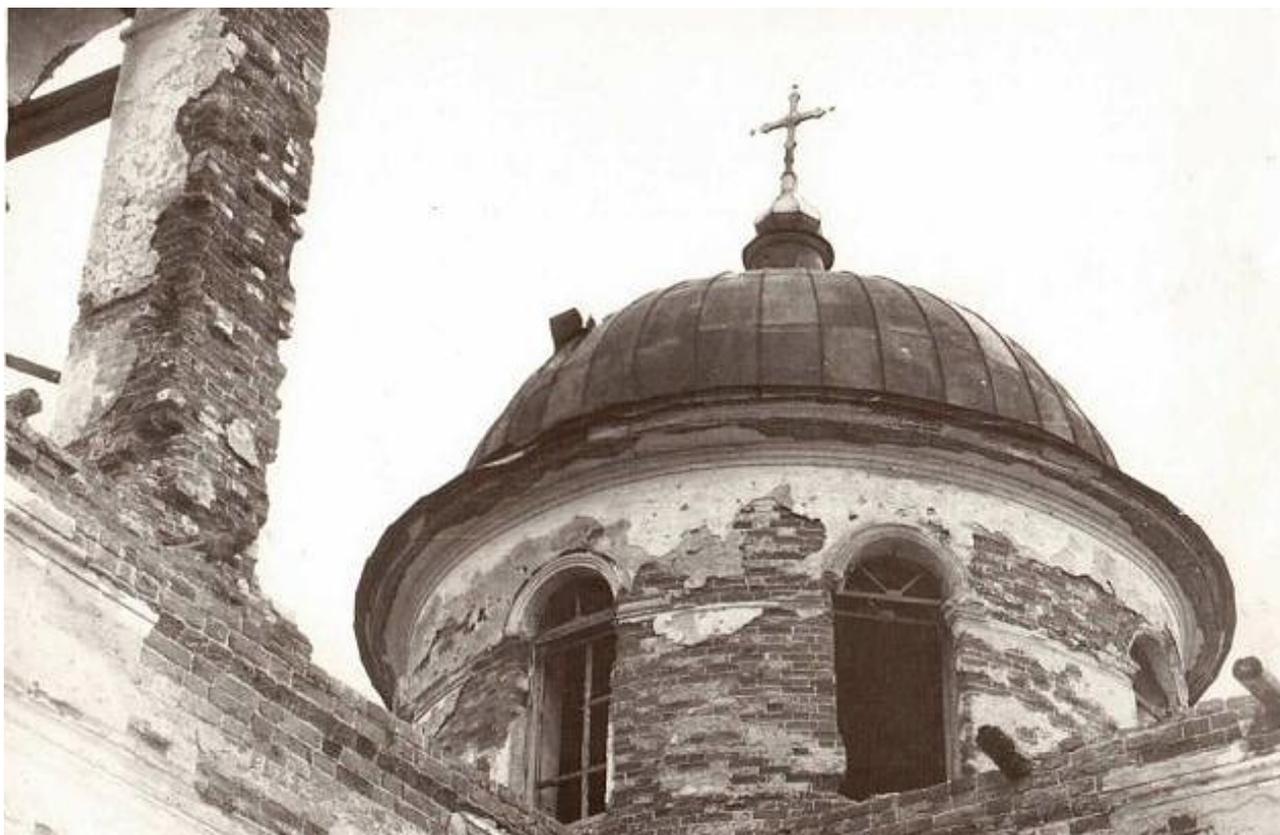
Сейчас, после реставрации, икона с ликом Святителя Николая находится именно в таком виде, в каком она 267 лет назад приплыла по речке Серебрянке. Не стоит забывать, что до наших дней она сохранилась именно благодаря верхнему слою масляной краски, который укрыл нежную темперную живопись в лихие годы двадцатого столетия.

В советский период икону не раз расстреливали. Причем старались попасть по глазам. Благодаря несовпадению размеров двух изображений взгляд Чудотворца на иконном, «нижнем», письме остался непо потревоженным.

Крестный ход из Кургана в село Утятское

Купол Утятской церкви, который был уничтожен в 1965 году

**Новый купол, к сожалению, уже много лет лежит на земле.
(Говорят, нет финансов).**

Утятское 22 мая 2021 год. День Святителя Николая. После всех положенных мероприятий в Утятском Храме, кто-то привел коня для желающих прокатиться верхом. Настоятель Храма оседлал коня. На миг показалось, что это Семен Новгородов – сподвижник Пугачева с известной картины «Пугачевцы в Утятском». Молодому настоятелю Храма нет и 30 лет.

Утятское 2022 год

СЕЛО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Село Утятское. Памятник не вернувшимся с Войны (2000-е гг.).

Пусть растут берёзки

(рассказ к 20-летию великой Победы)

Пока они еще спорили, я постаралась уйти незамеченной. Мне хотелось скорее остаться одной. Всё решено уже. Спор идет о деталях.

Обелиск в память победы над фашистской Германией будет установлен в центре села, на бугорке, вокруг которого всегда происходят сельские сходы. Обелиск будут возводить Федор Калинин и Степан Макаров, ветераны войны, по их собственному проекту. Мы, члены комиссии, настояли на главном, чтоб имена всех ста сорока человек наших односельчан, сложивших головы на поле брани, были высечены на обелиске. Чем они увенчают обелиск: или пятиконечной звездой, или фигурой воина, или орденом Славы – предоставим им.

Насколько хватит у них умения. Впрочем, руки у них золотые.

В свою Одину возвращаюсь окольной дорожкой. Одина – это южный край села. Когда-то Одину от основного села отделял ложок, теперь он заровнялся, и Одина стала одним целым с селом. Еще нашу Одину недавно называли Вдовьим краем, но это название слышится всё реже и реже.

Глубокая ночь. Тишина. Спит тёмная сосновая роща справа, спит каждая изба, спит развесистая ива, мимо которой иду сейчас, не скрипнет снег под ногой, только высоко в небе робко мигают звездочки, будто дремлют, и во всей вселенной, наверное, я одна бодрствую.

Вот и дом мой. В хлеве вздохнула корова и слышно, как зажевала жвачку. Не включая свет, вхожу в переднюю. На деревянном диване, свернувшись клубочком, спит мой старший внук Илька. Как он похож на своего деда! Горько, что наши внуки растут без их ласки. Я поцеловала Илькин чубчик, бесконечно родной запах Илькиных стрижек выжал из глаз моих несколько слезинок. Укладываясь спать в своей боковушке, я понимала, что делаю это по привычке. Сна сегодня не будет.

Война. Будь она трижды проклята отныне и до веку!

С каким остервенением она обрушилась тогда на нашу Одину! Был тогда у нас колхоз из сорока дворов. Остались мы одни женщины. Надо было хозяйство не уронить, надо было ребятишек кормить, надо было фронту продовольствие поставлять. Какой-то проезжий человек в шутку тогда назвал наш колхоз «государство амазонок».

Может быть, такое положение не в одной Одиной нашей было, только когда кончилась война, ни один одинокий солдат не вернулся к своей семье. Все мы остались вдовами. Горе, зайдя в одну избу, переходило в другую и не ушло от нас, пока не посетило все сорок изб. Горе вселяло в нас злость на работу, и в непосильном труде мы, как и мужья наши, стояли насмерть. Одна только Лиза не выстояла, сломалась, как хрупкая ветка.

Как зачумленная стала Лизавета, проводив мужа на войну. Го-

воришь с ней, а она будто не слышит, смотрит куда-то в сторону. Собственных ребятишек запустила, бегают, как беспризорные. Не стирает, не помоеет на них. Дело поручат – из рук всё валится. Вызовет, бывало, Лизавету в правление наша председательница Анна Егоровна и скажет:

– Ты что же, Лизавета, ребятишек своих не доглядываешь? Отчего к работе плохо относишься?

Стоит и молчит. Слова не промолвит, а потом уйдет в лес и сидит там на пеньке не шелохнется, смотрит в одну точку. Похудела, хоть перерви, почернела. Пробовали послать в больницу, может, человеку нездоровится. Не идет.

Как-то ночью Лизавета постучала ко мне в окно.

Я как спала, так и выскочила к ней в одной исподнице.

– Что случилось, Лизонька?

А она как обхватит меня руками, да как зальется слезами.

– Тошно мне, Марфонька, – говорит, – тоска по Ване сокрушила меня, хоть руки на себя накладывай.

Просидели мы с Лизой на завалинке до рассвета.

Поплакала и я, поделилась с ней тоской своей.

И будто полегчало бабе.

Ну, думаю, теперь человек войдет в норму, слёзы, они ведь облегчают душу.

Через неделю принесли с почты похоронную на Ивана.

Как взяла эту бумагу в руки Лизавета, да как грохнется оземь. Водой отливали, зашлась, а почувствовалась, рассудок потеряла. Стала безумной. Все говорит и говорит, а понять её невозможно. Нашли её потом в лесу мертвой.

Видно, Лизавета кроена была не из одного с нами материала.

Ведь и мы своих мужей, отцов наших детей, любили и тосковали о них. Как поставят обелиск в память о погибших на войне, посажу я в честь нашей Лизы около него берёзку. Так и скажу всем, в чью память посажена...

В окне брезжит рассвет. Моя невестка на кухне затопила печь, готовит завтрак семье. Встал сын, поднялись ребятишки. Маленькая

Анютка кричит:

– Где бабуся, хочу к ней...

Анютку не пускают ко мне. Отец говорит: «Бабуся поздно пришла, пусть поспит, не шуми, Анютка!..».

А я еще не додумала своей думы, думы о тех, чье девичество пало на годы войны, кому не досталось женихов, кого сейчас называют «одинокими». Виноваты ли они в своем горьком одиночестве?

Собрать надо вдов-солдаток, и пусть каждая посадит около обелиска берёзоньку от себя, на память внукам об их бабушках. Пусть растут берёзки.

Анютка все же ворвалась ко мне и тормозит меня:

– Вставай, бабушка, вставай!

– Встаю, моя ласточка, встаю...

В. Иванова

// Притоболье. – 1965. – №1 (1 апреля). – С. 4.

Ребята 1942 года

Шурка

Сено в Бубновской луке растовое, зелёное, запашистое. Не сено, а чай. Бригадир – тетушка Марья – говорит, что его надо побыстрее убрать, чтоб дождем не замочило. И тогда это сено на фронт отправят. Там тоже есть лошади.

Убирать сено пришло звено ребят во главе с Шуркой. Звеньевым Шурку избрали ребята с общего согласия. Во-первых, Шурка справедливый человек, так считают все ребята. Во-вторых, Шурка смелый и сильный. Он, например, может поймать в табуна любую лошадь, даже необъезженную, и она подчиняется ему.

Работают ребята день, второй, а дело движется медленно. Сено мелкое, рассыпается, а грабли большие, тяжелые. Устают ребячьи руки, особенно девчоночьи.

– Поторапливайтесь, ребятки, – каждый раз упрашивает ребят тетушка Марья, когда приходит проверять работу.

– Дайте нам лошадь и конные грабли, – просит Шурка. А Тетушка не соглашается. Дескать, грабли не отремонтированы. То скажет, что лошади все заняты. А последний раз прямо заявила:

– Не будет никаких граблей. Попадете еще под грабли, изувечитесь...

Утром рано Шурка пришел в кузницу, около которой стояли грабли, и с ходу к кузнецу – дедушке Ивану:

– Пошел за лошадью. Грабли у вас забираю. Они в порядке?

– Маленькая неисправность есть. Пока ходишь за лошадью, исправлю, – ответил кузнец, не подозревая, Шурка своевольничает.

Тетушка Марья ахнула, увидев Шурку на конных граблях.

Не один стог нагребли ребята сена, и почти все мальчики научились работать на конных граблях.

Про звено Шурки даже в газетах писали и фотографию помещали. Эта фотография и сейчас хранится в нашем сельском музее.

Аркаша

Была у Бабаевых хорошая семья. Отец работал на маслозаводе, мать хозяйничала по дому. Аркаша был в семье предпоследним. Младше его была сестренка Нюра, а старше – два брата, Александр и Анатолий. Хорошо жили, счастливо и весело.

Беда пришла внезапно. Заболела Нюра. Как ни старались врачи, не могли помочь. Умерла девочка. А тут война. Первым ушел на войну отец, потом Саша, за ним Толя.

Пусто, скучно стало в доме.

– Чует мое сердце, быть беде еще, – терзалась мать. Так и случилось. Пришла похоронная на отца. Через несколько времени – извещение о гибели Саши, следом – о гибели Толи. Горе гвоздило и гвоздило мать, не давая ей опомниться. За каких-нибудь два года горе сделало из матери старуху, ко всему безразличную.

И тут Аркаша сам дал себе клятву: вернуть мать к жизни. Радовать надо мать, ну хотя бы своими успехами в учении. Аркаша тогда учился в пятом классе. Нелегко ему давались отличные оценки, но он старался, прилагал все силы.

И вот окончен учебный год. Приходит Аркаша домой. Мать сидит за столом, уронив седую голову на руки.

– Мама, мам... – окликнул ее Аркаша. – Посмотри мои отметки...

Я перешёл в шестой класс. Вот похвальная грамота. И ещё, я договорился с бригадиром о работе на всё лето. Буду работать, как вол. Вместе с тобой будем работать...

Мать, словно очнувшись, подняла на сына глаза и притянула себе. «Будем вместе работать, сын». – Слез не было, они давно уж были все выплаканы. Жизнь медленно, но побежала.

Васенка

Вернулся солдат домой. Сидит за столом в избе, рядом костыли. Прижимает солдат к сердцу пятилетнего сынишку, гладит его льняные волосы. Изба полна пароду: бабы, старухи.

За хозяйку – тринадцатилетняя дочка Васенка. Матери нет, не дождалась жена солдата, умерла.

Приковыляла и плакальщица Федосья. Как зашла в избу, так и заголосила:

– И куда, ты безногий, теперь денешься... И разнесчастные твои ребятушки...

Завсхлипывали и заревели ребятишки, побледнел, как стена, солдат.

А Васенка... будто кто ее подбросил, кинулась к отцу, да как крикнет:

– Не слушай ее тятенька... С тобой не сироты мы...

Смахнул слезу солдат, усадил рядом с собой дочку.

– Правильно говоришь, Васенка. Не сироты вы. Будем жить.

В. Иванова

// Притоболье. – 1965. – № 14 (1 мая). – С. 4.

Солдат вернулся

Он шел вдоль деревни, тяжело опираясь на костыли. Протез отсутствующей левой ноги нес с собой. Кто же это? Что-то близкое, знакомое видится в этом человеке, и в то же время чужое, неестественное...

– Да это ж Василий Демин! Васыса – тракторист и гармонщик.

– Здорово, Вася! Доброго здоровья, Василий, родненький!.. – К дому подходил в тесном окружении сельчан.

Из ограды выбежала мать, всплеснула руками.

– Мама... не надо... Только не плачьте. Видите, голова на плечах, руки целы, протез в запасе. Всё будет в порядке!

– Не плачу я, не буду плакать! – обнимает сына мать. А губы дрожат, и вся как подстреленная.

И вот он в родной горнице за столом. Народу набежало – не пробиться! Спрашивают, что да как, да скоро ли ворогу конец? Василий шутит, смеётся, честным словом солдата заверяет, что победа близка.

Не видит только Василий среди собравшихся невесты своей – Настеньки. А, может, она уже и разневестилась? Ну, что ж: «Не тужи – потерял...»

Но вот она! – запыхавшаяся, раздумываясь, вбежала, остановилась на пороге. Расступились люди, дали дорогу.

– Здравствуй, Вася!.. – обняла и, не стыдясь, при всем честном народе поцеловала в губы.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 120 (24 мая). – С. 4.

Есть фотография в музее

(очерк)

Шурка торопился до восхода солнца разыскать старую Гнедуху: дальше Глубокой ямки она не уходит обычно. С обротью в руках бежал трусцой по росистому выгону, и не дорогой, а целиком, чтоб сократить путь. Босые ноги обжигала роса, но скоро Шурка притерпелся.

Сейчас он впряжёт Гнедуху в конные грабли, которые без дела стоят возле кузницы. Сделает это он на свой страх и риск: он ведь пытался по-хорошему договориться с бригадиром теткой Марьей, а она как пошла отчитывать!..

– Горе-помощнички. Даны вам в руки деревянные грабли, ими и орудуйте! Не выдумывайте, что не скисло! Свалишься под грабли, кому отвечать?

Подумаешь, сложное дело – управлять конными граблями, подымать да опускать рычаг! Ребята его возраста фронтовой полосы

не на такие дела идут! Он бы тоже там кое-что смог, да фронт далеко...

Сено ребята убирают для фронтowych лошадей – об этом им сказала сама тетка Марья по секрету. Потом сено спрессуют в тюки и отправят. Там, на фронте, есть и их, колхозные, лошади – он помнит, как их отправляли.

Привели в правленческую ограду восемь самых лучших лошадей. Незнакомый человек в военной форме зашел в дом, и пока он там был, собрались провожающие. Кони будто чуяли дальний путь – вели себя смирно. Только вороной Кулажонок не стоял спокойно: прижимал уши, косил глазами, пританцовывал и норовил затеять драку с буланым Залёткой.

– Не балуй, не балуй, – ласково уговаривал его конюх дедушка Семен. – В кавалерию служить пойдешь...

– А куда пойдет Залётка? – выкрикнул Шурка.

– Залётка? Знамо дело – тоже в кавалерию.

Тут в разговор вступили и остальные провожающие. Ветерка тоже в кавалерию определили, гнедую кобылицу – кухню возить назначили. Паре серых – боеприпасы доставлять, а где и пушку подтянуть... Только бабушка Степанида не включалась в разговор. Опираясь на клюку, она покачивала седой головой и все твердила:

– Ах, кони-кони, лошадушки наши...

Теперь коней в колхозе – раз-два и обчёлся. Бычки да коровы заменили их. Смех и слезы! Попробуй, запряги такую животину в сенокосилку или в те же железные грабли. Да в такую жару, какая стоит днями!

То ли Шурка замечтался, то ли туман, качающийся перед глазами, сбил его с направления.

– Вправо забрал от ямки, – решил Шурка и остановился. Луч солнца в эту минуту ударил по туману, рассек его. Стреноженная Гнедуха стояла почти рядом, опустив голову, она спала.

...Кузнец Иван Захарович ничуть не удивился, когда Шурка привел лошадь к кузнице и стал запрягать в грабли.

– Чо, парень, попробовать хочешь?

– Надо успевать, дядя Иван, пока стоит ведро, – по-взрослому ответил Шурка.

– Понятно. Дай-ка помогу тебе. И хомут, и седелко, и вожжи – все раздобыл... И уж позавтракал?

– Позавтракаю там, – махнул Шурка в сторону луга. – Там ягод дополна...

– Ягоды, брат, сладки, да не больно сытны, – кишка за кишку будет задевать. Да ты и босиком, чо так?

– Тятины сапоги хотел надеть, да пожалел – истреплю, а он с войны придет, и обувь нечего будет.

– Понятно, – опять утвердил Иван Захарович. – Я, парень, пожалуй, поеду с тобой. Загона два вместе уберем, а как свыкнешься с делом – один будешь робить... Пстой, у меня с собой еда есть, заправься немножко.

Иван Захарович вынес из кузницы бутылку молока, лепешку картофельную напололам с травой-колосянкой. Шурка присел на порог кузницы, захрустел темной поджаренной корочкой, запивая парным молоком. И казалось Шурке, что нет на свете еды вкуснее этой!

Ехали луговой дорожкой: Шурка верхом на Гнедухе, Иван Захарович на сдвиге граблей. Солнце медленно всходило, посылая на землю яркие горячие лучи. Туман пустился в бегство, роса на кустах, на траве засверкала жемчугом, птицы запели на разные голоса, луговые цветы поворачивали свои головки навстречу...

Третий год идет война. Летят в деревню похоронки, льют бабы слёзы. Уж не их ли слезами полнит Тобол свои воды? Каждую весну буйствует. Посшибал все строения с берега – ни одной бани не оставил. Хотел похозяйничать в сосновой роще, да не смог забраться на песчаную гряду. В гневе позвал на помощь ураган, и тот рвал могучие сосны с корнем, бросал их верхушками в одну сторону рядами и друг на друга.

Натешился Тобол и успокоился. Сменил гнев на милость. Озёра и углубления полны водой, рыбы в них – лови руками. В Тобол пришли невесть откуда судаки да лещ, не худо живут в полноводной реке щуки, налимы и прочая рыба. Обильно умываются росой ве-

черные и утренние зори – от тех рос наливается хлебный колос, всё зеленеет, зреет и спеет. В другую пору радоваться бы да радоваться, но веселиться люди будут, когда прогремит час победы.

Иван Захарович собрал сено на одном загоне, больше Шурка ему не дал.

– Дайте, дядя Иван, сам буду. – Сел на сиденье граблей, уперся босыми ногами в упоры и пошёл, да как пошёл! – будто сроду этим делом только и занимался.

До прихода ребят на работу Шурка немало успел. Повеселели ребята:

– Чур, – объявила Настюшка, – сегодня не уйдем до вечерней зори, пока не сгребём все сено на участке.

Бригадир тетка Марья явилась и только руки развела:

– Ну и жук ты, Шурка, ну и жук!..

– Не жук, а молодец! – обиделась Настюшка за товарища.

– И то правда, молодец! – согласилась Марья, – Осторожней только, Шурка, не упади...

– Не бойсь, не упаду... – улыбался довольный Шурка.

– Шурк, Шурка!.. Устанешь, так дай я поработаю на граблях. Ладно, Шурк? – уговаривал друга Петька Луканин.

Послесловие

Есть в нашем колхозном музее стенд «Колхоз в годы войны». На том стенде есть фотография Шурки Менщикова на конных граблях. Впряжена в грабли толстобокая Гнедуха. Есть фотография и бригадира Марьи Михеевны, кузнеца Ивана Захаровича и кузницы. Спасибо учителю Геннадию Ивановичу Яковлеву: он тогда только что вернулся с фронта по ранению и сделал эти фотографии.

В моем рассказе, может, найдутся неточности, но от правды жизни отступления нет. Знаю, что во многих пионерских отрядах проводятся опросы на тему: «Что ты сделал в свои четырнадцать лет?». Свидетельствую: сельские ребята военного времени многое сделали для победы над врагами нашей Родины. Честь и хвала им!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1972. – № 141 (17 июня). – С. 2.

Ельнинская незабудка

Я, жизнь, тебя прошу:
Дай мне уменье
Счастливым быть от малости любой,
Родник увидеть – оценить течение,
Цветок найти – плениться красотой!

Кайсын Кулиев

Едва белый свет заглянул в окна, Гликерья Павловна, бывшая учительница, пенсионерка, волею судеб и своей собственной директор народного сельского краеведческого музея, была уже на ногах. Любила она эту пору. Отворила створку – утренняя свежесть обласкала лицо, шею, руки... Долго стояла у окна, прислушиваясь к звукам просыпающегося утра.

Звякнула щеколда соседней калитки. Парасковья Лебедева на работу пошла. Серединой улицы пастух Юрий Евгеньевич идет, сам с собой о чём-то разговаривает, чему-то, удивляется, похмыкивает. Во дворе Мироновых затарахтел мотоцикл, где-то замычал телок... В комнате совсем развиднелось, и она взялась за работу.

Сегодня необходимо закончить перепечатывание солдатских писем с минувшей войны. Их сто семьдесят пять, сложенных либо как аптечные порошки, либо треугольником. Пожелтела, обветшала бумага, вот-вот расползется и, может быть, не столько от времени, сколько от многократного прикосновения рук. Они же, эти письма, читаны-перечитаны, не раз слезами насквозь смочены...

И составит Гликерья Павловна из этих писем рукописную книгу. И будет в этой книге сто семьдесят пять страниц, на каждой – письмо не вернувшегося домой односельчанина, чье имя выведено на обелиске, установленном, в центре деревни. И никаких разъяснений к письмам, каждое само найдет дорогу к сердцу и всё объяснит...

На очереди письма двух последних военных лет. Весточка Михаила Бородина датирована июлем 1944 года.

«...Получил ваше письмо, – пишет солдат родителям. – Как раз вышел из сильных боев со своим «максей». Стал читать письмо, и сердце не выдержало, заплакал. Винюсь. Поел и опять иду. Писать

вам нет времени. Отец, ты знаешь всё это сам. Пишите мне чаще, получишь от вас весточку, веселее становится. Тятя, ты спрашиваешь о друзьях, нас было девятнадцать, осталось двое...».

Печатает Гликерья Павловна медленно, не освоила еще по-настоящему пишущую машинку, приобретенную недавно. Закончив, передохнула, откинувшись на спинку стула. Следующее – от Ивана Никандровича Шагова, отца четверых детей. Пишет жене: «Ты спрашиваешь о моих делах. Какие у солдата дела? Бой да подготовка к бою. Среди своих товарищей я по возрасту старший, а по званию младший... Только бы не стать калекой... Пиши о себе, о детях подробнее. Сходи в сельский совет, попроси, чтоб помогли тебе запасти сена для коровы и дров на зиму...»

Постучали в дверь. Соседка по квартире, Вера Спиридоновна, принесла крынку молока и свежесдобитый калач.

– Костенька карасей наловил, – сообщила. – К обеду пожарим. Не опаздывайте к обеду!

– Обедайте без меня. Пойду в музей, посмотрю, как дела у моих дежурных, и зайду к Марье Ивановне, отнесу письмо – просила. Оно у нее единственное...

– Письмо-то от кого? От Василия Мартынова?

– От него, – ответила Гликерья Павловна и отыскала треугольничек. Василий погиб на Смоленщине, под Ельней. В письме пишет своей Марьюшке, что шёл лесом и видел много цветов. Сорвал незабудку и вложил ее в письмо. «Только наши сибирские незабудки, – пишет, – ярче и пахнут сильнее...»

– Сердце можно надорвать над этими письмами! Как вы, Гликерья Павловна, только терпите?

Обе женщины, разом вздохнув, помолчали.

– А Марьюшка-то, – заговорила вдруг Вера Спиридоновна, – на старости лёт сдурела: замуж выскочила. Встретила я её недавно. «С законным браком», – говорю. Смутилась до слез! «Не осуждай меня, Вера, – просит. – Перевалило уже за пятьдесят, а тоски не избыть. И горько, и обидно за жизнь свою, и шибко одиноко...»

Пришел к ней сосед, человек самостоятельный, Денис Софроно-

вич, и говорит: «Житье твое сиротское, Марья Ивановна, и я сирота, и мне живется худо. Переходи ко мне в дом на жительство, вдвоем будем старость коротать». «Лучше ты ко мне приходи, Денис Софронович. А дом свой крестовой хоть продай, хоть так кому подари.

Вот так и сосватались. Для облегчения жизни и сошлись... Так рассказывала сама Марья.

– Пусть живут, осуждать не надо! Одной жить и плохо, и как-то страшно, – вздохнула Гликерья Павловна.

– Я не осуждаю, нет!.. Хоть до кого, доведись... «Из-за мужа жена хорошая. Как за мужа завалюсь, никого я не боюсь». Не нами еще сказано, справедливо сказано...

Солнце повернуло на закат, когда Гликерья Павловна возвращалась домой. Засиделась в гостях: пили чай со свежим клубничным вареньем, разговоры вели. Потом хозяйка попросила прочитать вслух письмо. А когда та закончила чтение, Марья Ивановна встала, открыла сундук и со дна его достала небольшую книжечку, перевязанную атласной голубой лентой. Раскрыла – на первой странице, прильнувши к ней, лежала засохшая незабудка.

Все трое – и Денис Софронович, и Марья Ивановна, и Гликерья Павловна – как-то растерянно смотрели на цветок, будто неожиданно встретили человека, которого давно потеряли, но которого очень любили. Оцепенение длилось несколько минут... «Что, если попросить эту незабудку для музея? – мелькнула у Гликерьи Павловны мысль. – Какой бы это был замечательней экспонат! Атласная подушечка под стеклом, а на ней – засохшая незабудка. Экспонат назвать «Ельнинская незабудка». Нет... нельзя... святотатство...».

С этим и домой пошла. Чтоб унять волнение, сделала порядочный круг и очутилась в берёзовой роще. Да и можно ли, скажите, отказать себе в удовольствии подышать свежим воздухом берёз, увидеть синеву небес меж их ветвей, полюбоваться зеленью цветущих трав, услышать щебетанье птиц...

Нежнейший звук, как бы флейта заиграла, внезапно остановил её. На ветке раскачивалась, птичка чуть больше обычной синицы. Зе-

леная грудка в золотистых крапинках. «Это иволга!» – узнала. Пташка выдала вдруг звучный аккорд и, тут же вспорхнув, улетела.

«Не любит показываться людям, – подумала Гликерья Павловна. – А встречу с ней народ считает счастьем, радостью. У меня и был сегодня счастливый день... Во вступлении к книге с солдатскими письмами я и напишу об этом дне...».

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – № 45 (22 февраля). – С. 4.

Одолень-трав

(рассказ-быль)

Трудной была третья военная зима. Голодная, холодная. Ждали весну: чем-нибудь да должна она взвеселить! Сперва полевым луком – хорошо его жарить. Потом молодой крапивой и щавелём – со сметанкой совсем хорошо!..

Весна пришла с большой водой и ураганом. Водой унесло все прясла-загородки, ураганом посрывало с многих изб крыши. Посевная затянулась: трактора больше стояли, чем работали. Пахали землю на быках, боронили на коровах. У Марийки корова прямо на полосе опросталась мертвым телком, у Анны стала доить кровью...

Да что перечислять, вспоминать все беды, которые в этот год так и сыпались, так и сыпались на людей! Чтоб их сроду не знали, не ведали наши дети, внуки, правнуки и праправнуки!

Как бы там ни было, а добрый урожай обещался быть. В огородах наливались репка, морковь, цвела картошка. Подходил сенокос. Доведись увидеть ещё раз такой, как в то лето, цветущий травостой!

Перед выходом на сенокошение надо было сдать народившийся от коров молодняк. Закон времени! Надо, чтобы бычок или телочка весом были не менее ста килограммов. Опять же – закон военного времени.

Васена всей семьей раньше всех утром повела сдавать лобастого бычка Шустрика. Васенины дочки – десятилетняя Шурка и семилетняя Нюрочка – ревут, обнимают его, так привыкли к нему. Старший, двенадцатилетний Егор, держится, только носом хлюпает. А сама Васена улыбается. Вчера от мужа получила письмо – радости не

спрятать! Целый год от Петра не было никаких вестей, а тут вдруг прилетел бумажный голубок-треугольничек. Пишет, был в таком месте, откуда нельзя слать письма. «Останусь жив, расскажу вам про крошечный ад сказку невыдуманную». Просит Васену держаться за корову, не попускаться ею: будете, дескать, с молоком.

У Васены корова в теле, молока дает вволю. Ребятишки нальют молоком пузоньки и на какое-то время сыты. Васена свою корову никому не доверяет – работает на ней сама: где трудно, в оглобли вместе с ней впрягается.

Взвесили Шустрика: «Сто тридцать килограммов», – объявляет приемщик, зам. предсовета Герасим. На войну Герасима не берут – негодный, ногу подтаскивает.

– Имеешь право, – объявляет Герасим, – накосить сена тринадцать центнеров. Косить можно в Утичьих или на пашне, на пустошах.

К весам подвела телочку Настасья Блохина, за ней выстроились веревочкой другие женщины с Зорьками, Буянами, Жданками...

Васена отвела Шустрика в загон, забрала своих ребят – отправились домой. Дала ребятам задание: кому за травой сходить для коровы, кому морковь на огороде прополоть. Разделила краюшку хлеба на части – каждому по кусочку, а молока пейте, кто сколь хочет, – и отправилась в поле выкосить заранее примеченную пустошку.

Идет полевой дорожкой босая (башмаки есть, да поберечь надо). Хочется думать Васене про счастье, которое придет, когда кончится война, когда придет домой Пётр, а мысли сбиваются всё на Настасью Блохину.

Когда-то, девичьим делом, Васена и Настя дружили, да на дорожке встал Пётр Михайлов. Настя собралась было за него замуж, а он взял Васенку. Неужели всё ещё есть в сердце Насти занозка с того времени? Нет, поди. Мужа себе Настя выхватила не хуже Петра: её Иван Блохин был бригадиром тракторного звена, секретарём партийной организации, уважаемым человеком в деревне. Одно плохо – не было у Блохиных детей, а без детей и семья не семья. Ушел Иван Блохин на войну из деревни первым, и первая похоронная пришла в

деревню на Ивана Блохина...

Живет сейчас Настасья в одиночестве. Поди, нет на свете человека, который похвалил бы одинокую жизнь, не дай и не приведись она никому!

...Вот и заветная пустошка: несведущий человек подумал бы, что выколосилась рожь и вся в цвету...

– Ну и аржаник! – дивится Васена. – Как в сказке кто посеял – стеной стоит!..

Зашла по уклону, куда чуть склонился пырей, наточила литовку, сделала прочес через всю пустошку. Задрожали руки-ноги: тяжелы сочные стебли. Уложила второй рядок – в глазах золотые огоньки закружились: это пырей-аржаник мельтешит золотыми тычинками, дурманит, истекая соком. Остановилась передохнуть.

– Помогай бог, Васена!

Подняла голову.

– Это ты, Настюша? – Опустились обе на скошенный рядок.

– Иду тоже где-нибудь начать, – говорит Настасья. – Вот что развели мы на пашне без мужиков! Еще неделя, и аржаник поспеет, обсеменит всю нашу пашню. Это же беда будет! Убрать, скосить его надо немедленно, пока в цвету, да распорядиться об этом, видно, некому... Хватит разговоров, встаём... – вскинула! косу. – Я помогу тебе! Двое не один! Вставай за мной...

И в самом деле, работа пошла веселее. Солнышко стало ещё только спускаться за ближний лес, играть своими лучами между деревьев, а женщины уже закончили работу.

– Васенка, смотри, что я нашла! Белую звездочку. Уж не цветок ли это волшебной одолень-травы? Помнишь сказку о ней? Пошли в письме цветок этот Петру! Только не забудь и волшебные слова вставить: «Одолень-трава, одолей врага!..».

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1975. – 7 янв. – №5. – С. 4.

Пирог с картофелем

(сельский этюд)

Весна нынче шествует, как по-писаному: в Евдокию Плющиху – воробей воды напился, в Герасима Грачевника – грачи у своих гнезд хозяйничали, в день весеннего равноденствия, «грузди с неба сыпались» – снег шёл.

Антонида Петровна отвела внучат в детский садик и возвращалась домой в добром духе. Под ногами чуть похрустывал ледок, образовавшийся кое-где за ночь, в воздухе стоял лёгкий туман, садился мелкими каплями на лицо, на руки, и было приятно его прикосновение.

Маленько замечталась Петровна – не заметила, как ноги сами свернули в проулок к площади, к Обелиску в память о солдатах, погибших в Великую войну. На Обелиске – новая мраморная скрижаль. Имена героев записаны золотыми буквами. Задержалась Петровна у скрижали: сорок четвертым здесь записан Пародеев Данил – ее свекор-батюшка, ниже, сорок пятым – вечная ее печаль и любовь, супруг Пародеев, Осип. Свекор погиб в Брянских лесах, а муж – на юго-западном направлении (так сказано в похоронной). Пусть хоть здесь, в родной деревне, отец и сын значатся вместе!

Снег у Обелиска еще не весь сошел, а кто-то по вытаявшей земле уже разбросал зерна пшеницы для птиц.

Всех погибших на войне односельчан, чьи имена здесь записаны, помнит Антонида Петровна, словно вчера только виделась с ними, разговаривала, и они удивлялись, что сильно постарела Антонида, что волосы её белее снега, что ростом, она стала будто меньше... А они – все семьдесят человек молодец к молодцу! Осип всех чаще является к ней во сне, только близко они никак не могут встретиться, он всё уходит... Петровна твердо убеждена, что сон этот – отражение действительности в их жизни и любви.

...В тридцать девятом году Осип был призван на действительную военную службу. Срок службы уже подходил к концу – и вдруг навалилась война! Танковая часть, в которой служил Осип, направилась на фронт. Эшелон следовал через Курган, об этом Осип сообщил

жене. Указал даже день, когда эшелон будет на станции.

Тоня собралась в дорогу. Путь не близок, но если даже пешком идти, то за ночь можно добраться. В подарок мужу испекла пирог с картофелем – он очень любит такие пироги. И пирог получился на славу, золотистая корочка его была такой аппетитной! Вечером из деревни в город шел обоз с хлебом, Тоня наладилась с ним.

Ехали медленно. Тяжелая кладь на телегах, разбитая ухабами и рытвинами дорога измотали лошадей. Старший обоза, уже почти старик Селиверст, жалея лошадей, всю дорогу шел рядом, его помощники – подростки и женщины – тоже не присели ни разу. Предстоящая встреча радовала Тоню. «Не надо только плакать, – рассуждала она сама с собой. – Буду рассказывать Осе про Юрочку, какиммышленым и умным растет наш сынок. Как он любит и ждёт своего папку. И мамонька здорова, пусть Ося не беспокоится, Тоня никогда не огрубит её словом, не даст в обиду другим. И самой ей работается хорошо, всё время в ударницах состоит...». Так, думает Тоня, будет она разговаривать с мужем, чтобы было у него хорошо на душе.

Восток осветила полоска рассвета. Что-то у передней подводы случилось – остановился весь обоз.

– Дадим передышку лошадям, – решил Селиверст. – До бугров доехали – до города, осталось десять верст.

– Я побегу! – сказала Тоня, сняв с воза свой узелок. Её не стали удерживать. Десять километров Тоня летела, как на крыльях, не чувствуя усталости, не испытывая страха одна в глухой степи. К вокзалу подходила, когда утро уже занялось. Отыскав на перроне свободную скамью, опустилась на нее. Подошла женщина в холщовом фартуке с метлой в руках:

– Антонида Пародеева не ты будешь? – спросила. – Дежурный по станции просил тебя зайти к нему.

Едва Тоня поднялась, дежурный шел сам к ней:

– Два часа назад прошел воинский эшелон, в котором едет на фронт твой муж Осип Пародеев, – сказал. – Просил передать тебе об этом. – К вокзалу подходил новый состав поезда, и дежурный поспешил к нему.

Тоня стояла, не чувствуя себя, не в состоянии всё понять до конца! Её бил озноб...

Отдуваясь и пыхтя, паровоз тащил состав вагонов. Лязгнули сцепления, поезд остановился. Открывались двери вагонов, выскакивали солдаты, может быть, тоже надеясь кого-нибудь из родных встретить. Тоня подошла к ближнему вагону.

– Товарищи солдаты, – обратилась – к кутившим в тамбуре. – Возьмите подарок! Готовила его для мужа, да опоздала, уже проехал... Пожалуйста, возьмите, ешьте на здоровье... – Солдат протянул руки, взял пирог: «Спасибочко, сестрица, благодарствуем...».

Раздался свисток, поезд тронулся. И тут Тоня пришла в себя. Она глядела вслед уходящему поезду и горько плакала...

Дом Пародеевых всеми шестью окнами смотрит весело в улицу. В дом ведут два крыльца: одно, через веранду, в боковушку Антонины Петровны, другое – в большую половину дома, где живет сын Юрий с семьей. Живут мать с сыном и вместе, и не вместе, но под одной крышей. Так многие нынче семьи живут. Так лучше: надо же быть в какое-то время самим собой...

Молодые работают, знают, что дома всё в порядке. Дети присмотрены, домашняя живность ухожена. У Петровны каждому делу своё время, она не из тех, которые говорят: «Придешь домой, не знаешь, за что хватиться».

Ограда возле дома тесовая, но легкая и тоже веселая. У маленькой калитки краснеет флажок: это школьники расцветили всю деревню к празднику, к тридцатилетию Победы.

Кто нынче будет в день Победы у Обелиска называть имена героев, сложивших головы за Родину святую? Нет Корнеича – ушел из жизни... Бывало, наденет свое солдатское одеяние, прицепит к гимнастерке медали за подвиги в войну на поле брани.

– Андреев Алексей! – громко назовет погибшего солдата Корнеич и повернет голову в ту сторону, где стоят старенькие отец и мать Алеши Андреева. И все присутствующие туда же смотрят.

– Сартаков Петр! – опять громко назовет Корнеич бывшего бри-

гадира тракторного отряда, и люди ищут глазами вдову и дочь солдата Сартакова. И так всех семьдесят человек назовет Корнеич.

«Нынче испеку в праздник пирог с картофелем и, как приедет семья от обелиска домой, каждому положу этого пирога и скажу: ешьте на здоровье да помните всегда о своем отце, о бабушке и прабабушке, помните всех, кто погиб за нас», – говорит сама себе Петровна.

Луч яркого солнца прорвался сквозь синеву неба и заиграл бликами по крышам домов по земле, пробежал по лицу Петровны, коснулся её рук. Она вошла в свой двор: на ветке, прибитой к скворечне, заливался песней скворец.

«Доброго здоровьица, долгожданный гостенек!» – громко сказала Петровна. Скворец на секунду замолчал, скосив глаз-бусинку на хозяйку.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1975. – № 106 (7 мая). – С. 4.

Дух хлебного поля

Городской шум не утихает и ночью. До рассвета огни по стенам моей комнаты ползают бликами. Занавешиваю плотнее окно, но сон не приходит...

В такие бессонные ночи вижу свою тихую деревенскую улицу. Из края в край! Ко мне приходят ее обитатели; и я веду с ними беседу до рассвета.

В последнее время чаще всех является Опросинья Силова – Опрося Сила по-уличному. Вижу её молодой, высокой, сухощавой, с угловатыми, резкими движениями...

Весна сорок третьего военного года. Лист на берёзах уже с заячьё ухо и, по извечному крестьянскому понятию, сеять пшеницу бесполезно. Остался между колками незасеянным еще клин пахоты. Бригадир велел бросить его – пусть пустует! Опрося с этим не согласна. Она – севач на всех таких земельных лоскутах, где трактору не под силу ворочаться.

Широким мужским шагом, с лукошком через плечо, ходит Опрося по пахоте и горстью разбрасывает семена. Залюбуешься точ-

ностью ее движений. Идет, как по канату балансирует! Шаг – и горсть зерна разбрызгивается по пахоте. Еще шаг – и опять золотые брызги. И так без конца.

Следом за Опросей три женщины в поводьях водят впряженных в бороны быков, заделывают семена. Ох, и упрямая скотинка эти быки! Передний пёстрый по кличке Фомка вдруг остановился. Женщина тянет его за повод, а он ни в какую! Как вкопанный.

– Ну, Фомка, шагай! – уговаривают его, а Фомка, мотнув головой, грузно опускается на землю. Теперь хоть режь его – не встанет! Ну, язви её, эту скотинку! – бранится женщина.

Из осинника выскочил серый зайчишка, поднялся на задние лапки, помахал передними возле ушей – намек даёт. Подёргал раздвоенной губой, посмеялся и ускакал назад, в осинник.

– Распрягайте, бабы, а то и ваши быки лягут, глядя на этого лентяя!

Отпрягли быков, согнали их в лес кормиться. Тут и хитрый Фомка поднялся – подался туда же.

Женщины уселись под ближней берёзой, развернули узелки с завтраком.

– Иди, Опрося, попаужинаем всем миром, – зовут женщины. А у Опроси в лукошке ещё зерно есть, разбросать уж его надо полностью.

По дороге семенит девчушка, совсем крохотулечка, несёт матери фляжку молока.

– Ай да Нюручка, ай да доченька! Как раз ко времени поспела, – обрадовалась мать. – Садись сюда, – указала на место рядом с собой, прижала к груди белокурую головенку. – Ну что, как у нас дома?

– Тетка Анна получила похоронку на Толика, – сообщает девочка. – Не плачет, не кричит. Что ей говорят – ничего не понимает.

Третья похоронная в доме Анны Бабаевой! Как это вынести? Сникли. Пойдет ли на ум еда?

Заголосила, запричитала самая старшая из трёх. Подошла Опросинья. Остановилась.

– Перестань, Марья, – только и сказала, но как! Словно приказ отдала. Подняла глаза Марья, смахнула со щёк слёзы.

– Человек ты или камень, Опросинья? Ведь у тебя там сын и муж! Неуж у тебя не болит душа о них?

– Болит, болит... – приложила руку к сердцу Опрося. – Только нам, бабы, усиливаться надо. Ото всей моченьки усиливаться!..

– Пойди ты к черту!.. Силачка нашлась!.. Повыть, душу отвести не дает... – рассердилась не на шутку Марья.

С тех нор и прильнула кличка к Опросинье: Опрося Сила да Опрося Сила.

А может, и не с того раза, а с сельского схода, где обсуждался вопрос о помощи фронту. Опросинья тогда выступила с речью:

– Люди добрые, усиливайтесь! Как можно усиливайтесь, и наша сила поможет там им, на фронте!..

Люди говорят: год на год не приходится. Правду говорят. Такого лета, как нынешнее, я что-то не припомню. Всем летам – лето: в меру тёплых и горячих дней, в меру дождей. Густолиственны городские клёны и тополя, а что там, в поле делается, поглядеть бы!.. Постоять бы у колосистой пшенички и, как в той песне, сказать бы: здравствуй, русское поле!

И вот она родная деревенская улица не в грезах – наяву. Вот и дом Опросиньи Силы. Дверь в сенцы чуть приоткрыта, изба пуста – не встречает меня хозяйка. Открываю двери в горницу. На кровати, похудевшая, постаревшая лежит Опрося.

– Приехала, Марфушенька! Знала, что приедешь... Сердце-вещун подсказывало... Худо мне. Видно, время приходит...

Испугалась я. Может, говорю, послать за доктором, сыну телеграмму дать?

– Не надо доктора, не надо телеграмму... Ты приехала, дак, может, и оклемаюсь... Гриша-то, сынок, гневается на меня: увозил к себе в Челябину, а я не схотела там жить...

– Постой, Опрося, я чай сейчас сготовлю. Я тебе полную сумку городских гостинцев привезла. Пока готовлю чай, ты набирайся сил... усиливайся... – Я погладила ее худую руку. Губы у Опроси чуть дрогнули.

Пили, чай с бубликами, с конфетами.

– Как же ты, дорогая, одна тут обходишься? – спрашиваю.

– Пошто одна? Соседские девочки не оставляют меня, увидишь – вот-вот прискачут. Большие уж девочки, в восьмой класс перешли, умные такие...

Действительно, скоро пришли три девочки, принесли большое блюдо спелой клубники. Та, которую зовут Алевтинкой, с порога начала:

– Баба Опрося, хлеба-то нынче на пашне какие! Чистые да ровные. Мне уж до плечей. А дух какой от них!..

– А я што всем толковала? Всяких одеколонов лучше тот дух, и целебный он... – Опрося вся как-то ровно и оживилась, слушая Алевтинку. – Мне бы глотнуть тот дух! Лучше он всякого лекарства. Тут какой-то приезжий «умник» колоколил девчонкам, будто хлеб выращивать стало не женским делом, а только мужским... Не слушайте таких балаболов, девоньки. Учитесь, сил набирайтесь и за святое дело на земле-матушке беритесь...

– А мы и не слушаем! Я обязательно стану агрономом, – зардевшись, заявила Алевтина, – А Галька хочет, чтоб самой и пахать, сеять, и ухаживать за посевами...

На другой день утром моя Опрося сама поднялась, даже прошлась по горнице. Веди, говорит, меня, Марфуша, на пашню, на хлебное поле. Чувствую – дух поля вернет мне здоровье.

– Нет, Опрося, слаба ты. Не дойдешь. Пойду я к председателю, к Григорию Ксенофонтову, попрошу у него машину, пусть свозит нас на поле.

Вечером, когда схлынул жар, мы покатали в председательской машине на пашню. Шофёр привез нас к огромному хлебному массиву. Она, матушка-пшеничка, вся в цвету была; колыхала колосьями, нежилась... Зашли мы с Опросей прямо в хлеб – как в целебный источник спустились! Опрося нюхает колосья, смеётся и плачет... Нарвала целый пук колосков, чтоб дух поля и в горнице стоял!

Быстро пошла на поправку Опрося после той поездки. Я уезжала в город, когда она совсем встала. Вот ведь какая история. Вот что

может сделать с человеком дух хлебного поля.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1971. – № 188 (12 августа). – С. 4.

Ветераны войны

Алексей Михайлович Баженов

Бывший десантник, танкист, освободил от фашистов Украину и Молдавию, с боями прошел по Румынии и Венгрии, штурмовал столицу Австрии Вену. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

// Притоболье. – 1969. – № 64 (29 мая). – С. 2.

Андрей Алексеевич Лобанов

За мужество, проявленное в боях при защите социалистической Родины, награжден орденами Славы первой и второй степеней, медалью «За отвагу».

// Притоболье. – 1975. – № 6 (14 января). – С. 2.

Николай Филиппович Федоров

В 1942 году воевал на Волховском фронте под Ленинградом. Участвовал в боях на Карельском фронте. В 1944 году принимал участие в форсировании реки Свирь. Освобождал города и села Карелии.

*// Притоболье. – 1978. –
№ 55 (11 мая). – С. 2.*

Степан Степанович Иванов

За плечами у него три войны: финская, Отечественная и японская. Служил он техником по самолетам. Самые дорогие награды для него орден Красной звезды, медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Японией».

*// Советское Зауралье. – 1964. –
№ 271 (15 ноября). – С. 3.*

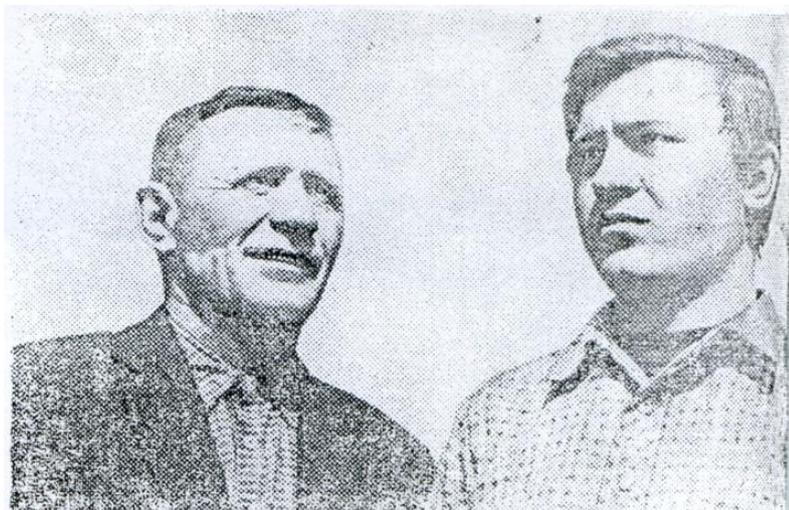
Александр Сергеевич Макаров

Сражался на Ладоге, защищал город Ленина, воевал на Северном Кавказе и на Украине. Награжден орденом «Красной Звезды» и четырьмя медалями. Был тяжело ранен. Только в 1967 году его нашла награда медаль «За отвагу».

*// Притоболье. – 1967. –
№ 26-27 (23 февраля). – С. 2.*

Василий Родионович Боровков

Воевал в Калининской области, освобождал Белоруссию и Литву, громил врага в Восточной Пруссии. Награжден двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

*// Притоболье. – 1969. –
№ 56 (8 мая). – С. 2.*

На фотографии он с сыном Николаем.

Долг памяти

(о сельских учителях в годы Великой Отечественной войны вспоминает В. С. Иванова – директор Утятской школы)

Музейная реликвия

Варфоломей Иванович, почтальон, обычно заглядывал в учительскую в начале дня. Ждали его всегда с нетерпением. На этот раз он пришел в необычное время, к концу уроков, когда младшие школьники уже были распущены.

– Приветствую вас дорогие, и поздравляю! – торжественно про-

изнёс он и даже руку к сердцу приложил. – Получите правительственную телеграмму! – Учителя, кто сидел – повскакивали, все окружили старика. Вскрыли телеграмму, прочитали:

«Верховное командование передает от имени Красной Армии учителям и учащимся Утятской школы, собравшим средства на строительство танков, благодарность, пожелание здоровья, успехов в учебе и общественной работе».

Весть о телеграмме облетела село мгновенно. Вот уж истинно добрые вести не лежат на месте! В школу потянулись люди, чтоб взглянуть на нее, поддержать, может быть, в руках. Ведь она касается всех: в этих собранных двадцати тысячах рублей – доля многих!

Для общего обозрения телеграмму поместили на самое видное место рядом с фотографиями солдат-односельчан, сражавшихся на фронтах. Тут же письма солдат школьникам. А вот и траурные рамки, в них фотографии учителей школы, Федора Степановича Потанина и Анатолия Петровича Макарова, сложивших головы на поле брани.

Стенд, рассказывающий о фронтовиках, – святая святых школьников. Здесь дети и взрослые говорят полушёпотом. Здесь мгновенно обрывается смех. Здесь школьники в торжественной тишине выстраиваются в линейку, чтоб послушать последние известия с фронтов, принимают решения о патриотических делах в помощь фронту.

Пожелтела от времени правительственная телеграмма – гордость Утятской школы, драгоценной реликвией хранится она сейчас в сельском краеведческом музее.

Пополнение

Уж много дней живет в городе, в привокзальной школе, вместе с эвакуированными из Ленинграда ребятами учительница Анна Григорьевна Девятова. Ей поручено доставить детей в нашу деревню.

Морозы стоят – дух захватывает! Позёмка перемела все дороги. А ждать больше нет сил. Заполучила учительница большой автобус, усадила ребят, прикрыла их одеялами...

– Ну, трогайте! – дает распоряжение шоферу. Ребятишки, как котята, съёжились, прижавшись друг к другу. А Анна Григорьевна и

не присела – стоит на приступке, чтоб ей лучше видно было всех. Переложил шофёр лопату поближе, уверен в том, что придется в пути машину откапывать от снега.

Долго в автобусе стояла тишина. Наконец, мальчик не больше, как пятиклассник, с глазами черными, как угли, нарушил её:

– Тетя, а куда вы нас везете?

– К себе, в колхоз...

– Вы председательница колхоза?

Анна Григорьевна не ответила, не расслышала вопроса.

– А что мы будем делать у вас в колхозе?

– Учиться будете.

– Нет, тетя, наша школа осталась в Ленинграде. Мы просто проживем у вас пока. У вас есть манная каша? Я так люблю манную кашу!

– Перестань, Ким! – возмутился другой мальчик. – И так есть без ума хочется.

Благополучно привезла Анна Григорьевна восемьдесят ребят в нашу школу. Вот это пополнение! Добрую память о себе оставили ленинградские дети: все учились хорошо, дружили с местными ребятами.

Песнь величальная

Конец войны уже виден. 1944 год. Страна напрягала все силы, чтобы приблизить его. И вот в эти напряженные дни группа учителей Курганской области за заслуги в воспитании подрастающего поколения была награждена правительственными наградами.

После торжественной части в областном театре (теперь областная филармония) награждённые собрались в облоно. Там для нас был приготовлен ужин. Мне довелось сидеть рядом со старым учителем, который назвал себя Федором Кузьмичем. На лацкане пиджака его поблёскивал орден Трудового Красного Знамени.

– Знаете, – говорил он мне, – я привез с собой скрипку. Мне хотелось там, в театре, сыграть «Мелодию» Чайковского... Именно эта музыка последние дни все время звучит во мне. Но как-то не решил-

ся...

Провозглашались тосты за победу, за здоровье воинов, за дело просвещения. Поднялся и Федор Кузьмич:

– Разрешите и мне произнести тост. Я лучше спою. – И он запел:

*Спасибо партии, великой партии
За то, что так светла у нас судьба.*

Голос у него был юношески свеж и гибок. Все слушали с большим волнением, наградили горячими рукоплесканиями.

Заслуженного учителя республики Федора Кузьмича Железова уже нет в живых. По желанию граждан села, в котором он проработал всю свою жизнь, схоронили его возле школы, в саду, который им выращен. Завидная благодарность!

Пышно разросся сад в Чумляке. Склонили деревья свои ветки над могилой учителя. И чудится мне в их шепоте любимая им «Мелодия», которую он так тогда нам и не исполнил на своей скрипке.

В то светлое утро

Перед рассветом прошел дождь – по-весеннему резвый, торпливый. Умылись, деревья, дома, земля. Взошло солнце, и всё кругом радостно заблестело.

Моя сослуживица по школе, подруга Анна Тимофеевна чуть свет в чрезвычайном возбуждении прибежала ко мне:

– Скорее, скорее! Пойдёмте на площадь. Там уже народ. Победа! Конец войне!

Я и тогда восхищалась энергией и мужеством этой на вид хрупкой женщины. Как глубоко в себе она прятала от всех свои личные боли! А боли те были невыносимы. Два извещения о гибели на войне самых близких, самых ей дорогих – брата и мужа – получила она...

Великолепная учительница, она за годы войны отлично научилась справляться с крестьянской работой, запрягать и управлять лошадьми, валить с корня лес, помогать колхозницам заготавливать сено, убирать хлеб. Казалось, нет такой крестьянской работы, за которую она не взялась бы смело и охотно.

...Со всех сторон к центру села, к площади бежали женщины, ребятишки. Вдоль улицы шла группа женщин из соседней деревни с красным флагом. Их вела тётушка Крестина – депутат Совета. Женщины пели: «Смело, товари-

щи, в ногу...» Скоро площадь вся заполнилась людьми.

Все ждали, что митинг откроет Анна Тимофеевна: в те дни она выполняла обязанности председателя Совета (в порядке общественной нагрузки). Но Анна Тимофеевна будто приросла к земле, не в силах сдвинуться с места.

А с трибуны уже несло: «С победой, товарищи! Слава нашей армии! Слава и вечная память тем, кто сложил головы за нашу Родину!»...

– А мой-то Гришенька не придет!.. – раздался вопль из толпы, – не увижу я своего соколика-а...

Анна Тимофеевна пошатнулась и повалилась на чьи-то подхватившие ее руки.

Весеннее солнце щедро дарило свою благодарность всему живому. Только не в силах было оно, красное, осушить ни слёз о невозвратных утратах, ни слёз радостных надежд на будущее, без которых немислима жизнь.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 45 (24 февраля). – С. 4.

Боря-маленький и другие...

(из цикла В. Потанина «Блокадные мальчишки»: о детях, эвакуированных из Ленинграда в село Утятское)

Давно уже собирался о них написать. Но сборы всегда затягивались, да и мучило сомнение – сумею ли? Ведь нужны особенные слова! А где они?.. Вот если бы сказать об этом стихами! Но стихами не суждено – не владею. ... Да и можно ли лучше, чем у Ахматовой? Вы помните: «А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой, а крикнуть на весь мир все ваши имена!» Я не могу читать это без спазма в горле. Но вы найдите человека, который может... Впрочем, самое сильное у этого стихотворения – это все же конец. Он, как набат! Как заклинание! Как разговор с собственным сердцем! «Да что там имена! Ведь всё равно вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами – живые с мёртвыми: для славы мёртвых нет». Как это пронзительно точно – и о мёртвых, и о живых... Но я могу писать, имею право, только о живых. И о том, конечно, что видел, что пережил вместе с ними в ту холодную зиму сорок второго... И всё-таки шли месяцы, годы, а я всё не решался. Иногда даже садился за стол, брал в руки листочек и писал на нём несколько слов, предложений, но дальше дело не шло. Слова были какие-то хилые, без дыхания. И я себя ненавидел, не находил себе места. А потом и вовсе потерял веру: наверное, не суждено мне, не суждено. Но вот недавно... Впрочем, расскажу всё по порядку.

I.

Недавно, выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазёнками, как у лисенка, спросила меня в упор:

– А вы в войну у партизан были?

– Что ты, милая! – поразился я до испуга. – В войну мне было всего... всего восемь лет.

– Но вы же седой... – В классе все засмеялись, а девочка-

лисёнок обиделась:

– Надо же, не спросить...

И мне захотелось её утешить. Но я не успел – отвлек мальчик с передней парты. Он выглядел независимо.

– А магнитофоны у вас в войну были?.. Расскажите, какая марка?

– Да что ты?! – я почти закричал на весь класс. И почувствовал, что бледнею. Стало жарко в груди. – У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы. А чернила мы наводили из сажи. А карандаши экономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой... – Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел – и сжался от боли: меня же почти не слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. И глаза были пустые, холодные. Их мало занимали мои слова – как будто я рассказывал им о далёкой эпохе наполеоновских войн. Можно и слушать, а можно и прочитать на двадцатой странице в учебнике... И во мне всё поникло, я себя ненавидел. Я для них сейчас – скучный дяденька-резонёр. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойкая – лисёнок.

– А у вас в деревне была музыкальная школа?

– В войну, что ли?

– Аха. – Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

– Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

– А что такое эвакуированные? – Опять этот лисёнок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту. Да и день был ясный, протяжный, на небе ни облачка. И там, в вышине, кружились беззаботные голуби. И я позавидовал – им хорошо, им легко, остались на земле все невзгоды, печали, а впереди – только во-

ля и небо, у которого ни конца, ни начала. И кажется, будет вечной эта синева, этот полет.

И пока шёл до дома, болела и страдала душа. Ну почему же им безразлично? Ну почему, почему?.. Эти вопросы давили, как камень. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы... Ведь через три дня наступал Новый год, и везде стояло голубое сиянье. Оно было всюду: и на земле, и на небе. Оно шло и от елки на нашей площади, и от витрины магазинов, и от улыбок. И от надежды, которая в эти дни запрятана в каждом взгляде. Даже у голубей чудесное настроение, ведь скоро будет тепло и прибавится день. Даже птицы! А что уж там люди... А мне всё равно тяжело. Ну почему, почему же им всё безразлично?.. Почему я сбежал от них, почему?..

Эти вопросы не отпускали ночью. И я уже корил себя, не прощал, что не рассказал в школе о ленинградцах, – но ведь опять бы, наверное, не слушали, не поверили... И в этот миг в соседней комнате вдруг ожило пианино! Моя Катя играла Шопена. Точнее, не играла, а жила им, страдала. И это страданье взяло меня в долгий и бесконечный плен, и моя душа, и музыка уже жили вместе и скоро они слились в один медленный и чудесный звук, но успокоенье не приходило... Нет, не может наша надежда без памяти прошлого. Не может... Вот она сейчас рядом – моя дочь – на расстоянье дыхания. Вот она сидит, играет Шопена в теплой уютной квартире, а ведь она тоже могла бы быть среди них, среди нас, родись бы пораньше. «Да, могла бы, могла бы, – стучит мое сердце, волнуется. – Могла бы...» Сердце бьется глухо, толчками, потому что знает еще какую-то свою, самую последнюю правду. Она, видно, осталась там, далеко-далеко, в холодных военных метелях. В той разутой и раздетой деревне, которая приютила тогда ленинградских сироток. Они называли себя эвакуированными, но мы их всегда называли сиротами. Они обижались на это, но что их обиды. Если они уже испытали самое страшное – и блокаду и немецкие пули. Если их имена стоят уже в классном журнале моей родной школы... «Да что там имена! Ведь всё равно – вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

II.

Нет, сильнее уже не скажешь – «багряный хлынул свет...» Стал повторять эти слова, но перехватило в груди. Я от боли зажмурился. И в этот миг вдруг увидел их. И почему-то в первых рядах поднимался Вовка Адалечкин. Почему он? Я не знаю. Может, потому, что был самый шумный, весёлый. И главный выдумщик, заводила. А может быть, потому, что он нас слегка презирал. Я как сейчас вижу – Вовка усмехнется и вытянет губу: «Да что вы тут видели? Сено-солома...» И он был прав. Я, например, в то время не видел еще ни города, ни паровоза, даже и на машине-то в кабинке не ездил. А за Вовкой был Ленинград. Вовка уверял, что в одном ленинградском доме поместилась бы вся наша деревня Утятка. И мы ему верили, мы завидовали...

Вот Адалечкин бежит к классной доске, а ведь его не вызывали. Но что ему – он же ленинградец. Им все можно – они же сиротки... Это Вовка-то сирота? Совсем не похоже! Вот он стоит у доски и жестикулирует, закатывает глаза. Потом встаёт на руки и так ходит по классу. Мы хохочем, а он счастливый. А наша учительница стоит в сторонке и вытирает слёзы. Ей и жалко его, и обидно: ну разве можно так, на руках? А потом Вовка хватает мел и начинает рисовать на доске. Это карикатуры на всех нас. И как похоже! А ведь он знает класс всего неделю. Но сколько же дней в неделе?

Да, ровно семь дней назад мы их встречали. Стоял мороз, а сверху с неба падали мертвые, застывшие птицы. Теперь уж таких морозов не будет, и такого горя тоже не будет... А потом на дороге показался автобус. Он шел медленно, почти крадучись, еле-еле пробивая сугробы. И вот открылась дверка, и в проеме двери показалась наша директор школы Варвара Степановна Иванова. Вид у нее был уставший, замученный. От Кургана до нашей Утятки они ехали почти восемь часов. Это сорок-то километров! Но дороги не было, ехали по снежной целине...

А потом показались и ребяташки. Некоторых выносили прямо на руках – пугливые несчастные глаза, серые щеки. Много было больных, покалеченных. Блокада сделала свое дело. Да и ехали долго: от Ленинграда до Кургана добирались около месяца. Вагоны были

продувные, холодные... И у нас отойдут ли они, согреются?

И вот уже отошли душой, согрелись. А Вовка Адалечкин уже смешит целый класс. Учительница смотрит на него умоляюще, а потом обращается к нам:

– Ребята, мы должны любить наших новеньких, не обижать... Мы пришли им на выручку в трудный час...

И в это время гремит звонок. Вовка Адалечкин машет руками, а потом выскакивает в коридор. Мы следим за ним – всё-таки новенький. В коридоре он встречается со своей подружкой Лидочкой Костиковой, мы её видим уже неделю, но привыкнуть не можем... Она такая печальная, жалкая. Позвоночник у ней изуродован – то ли пуля, то ли контузия. А в глазах все время играют искорки – кажется, она зла на весь мир. Вот они стоят рядом и шепчутся. Два маленьких заговор-

щика. Вовка дает ей какое-то задание – Лидочка кивает головой, соглашается. Скажу сразу об этом задании: Вовка просит насыпать в питьевой бочок бертолетовой соли. Мы об этом, конечно, не знали ещё, не догадывались. Поэтому и пили без всякого опасения. Раз стоит вода – почему не пить... И вот прошел час, может, меньше – и начался ад. В животе – прямо огонь, и он готов спалить заживо. И на следующий день пришла та же казнь: желудок лезет в горло, и нет дыхания. Один Адалечкин не болеет. Это его и выдало... Как они

были изобретательны! И как несчастны!

А через несколько дней мы узнали, что все родные у Лиды и Вовки погибли. Все, все! Невозможно представить. Вот почему, наверное, и мстили нам наши новенькие... За то, что мы не слышали свиста бомб, за то, что жили мы так далеко-далеко от войны... И за то, что тогда совсем не про нас писали стихи... И какие... «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...» Да, так и было! Они шли и шли вперед. И мы с ними... И каждый чувствовал плечо другого. И одно дыхание переходило в другое, а потом всё дальше и дальше... И так до тех пор, пока недоверие не сменилось любовью. Спасибо им за эту любовь!

III.

Спасибо тебе, Боря Смирнов, за то, что мы узнали тебя, а через тебя – Ленинград. Ведь города – это люди, которые живут там. Если люди живут хорошие, добрые, значит, хорошие и города...

Но мы его звали почему-то не Боря, а Боренька. Но чаще всего – Боря маленький. Хорошо помню: он так притягательно улыбался. И глаза его всегда излучали какой-то свет, нет, не свет даже – сиянье. Я не видел никогда больше такого взгляда. А иногда он задумывался и как бы начинал вспоминать. Но о чём он? И как старело, как менялось лицо. Не то ребёнок, не то старичок. И если бы не глаза...

Но на кого же он походил всегда? Да, тяжёлый вопрос. Но ещё тяжелее сейчас признаться, потому что мне он всегда напоминал деревянную чурочку: голова слилась с туловищем, а вот ног не видать. Так и было: наш Боренька Смирнов жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил. И пока добирались до Кургана, началось воспаление, гангрена. И если бы ноги не ампутировали, Боря бы умер. Врачи в Кургане пообещали ему, утешили: «У тебя, мальчик, еще вырастут ножки. Вот пройдет два года, и они снова появятся. И ты побежишь на своих...» Это была ложь во спасение, но я за это не осуждаю. К тому же Боря врачам поверил.

А пока в школьной мастерской ему сделали тележку на железных колесиках. Я помню, как Боренька привыкал к ней. Но как привыкнуть! Вначале его привязывали к тележке тугим полотенцем и

просили отталкиваться деревянными рычажками. Но он терял равновесие и начинал сразу хныкать, поскуливать, точно ребёнок. А он и так был ребёнок: Бореньке Смирнову исполнилось только четыре года. Только четыре, а уже – лицо старичка.

И всё-таки Боренькина тележка поехала. Мы привязали к ней за самый мысик веревочку – и покати́лась телега, поехала. У Бореньки сияют глаза и смеются. И мы тоже смеемся.

Но больше всего мы любили таскать его на руках. Прижмём его к груди и бежим в лес или купаться – к Тоболу. Боренька лежит спокойно и громко дышит. Я и сейчас помню, как на груди у меня бьется что-то горячее, жаркое... И чуть поскрипывают зубки от нетерпения. И сияют глаза. Как он любил лес и поле! Но еще больше он любил спрашивать, пытаться встречного человека: «Тётенка, посмотри внизу – у меня ножки не показались?» И если встречная оказывалась умной, догадливой, то всегда отвечала: «Показались, Боренька, показались...» И он сразу смеялся, что-то бормотал про себя и снова смеялся... Святая, добрая душа. Где ты теперь? И жива ли? Но кто-то мне отвечает: едва ли жива... А я не верю. Нет, не верю! Как не верю и в тот самый страшный день. Самый страшный за всю войну. Но я расскажу об этом позднее, позднее. К тому же в нашем классе сегодня новенькая. Она приехала к нам вместе с мамой – ленинградской учительницей. Мария Николаевна будет преподавать в старших классах химию и биологию. А к нам, к самым младшим, она привела свою дочь. Сказать точнее – Ната Долинская сама к нам пришла. Открыла классную дверь – и вот уже стоит на пороге. И мы не можем отвести глаз от новенькой. И такая сделалась тишина, как перед сильным дождем. Долго ждали и дождались. Но разве ждали мы?.. Разве ждешь ведро, когда ненастье с утра до вечера. И вот еще день прошел, а потом еще и еще. Но ничего не меняется: с самого утра опять дождь, опять хмарь. И уж кажется, так будет всегда, даже навечно. Но вот что-то промелькнуло там, наверху, что-то треснуло, – и в эту трещину хлынул луч. Да такой сильный, пронзительный, даже больно глазам. Так и мы: все смотрели на Нату, не верили. Неужели она к нам? Неужели?.. Новенькая что-то поняла и опустила голову. Но всё рав-

но... Всё равно мы уже все влюбились в неё и потеряли покой.

И вот прошел месяц, потом ещё месяц, и только теперь мы поверили, что Ната учится с нами, что можно даже заговорить с ней, можно даже потрогать её косички. Да, потрогать, чтобы понять, что это не сон. Ведь такие лица, такие глаза, такие волосы бывают только во сне. Их нельзя описать, их даже нельзя представить. Одним словом – чудо и красота...

И вот однажды закончилось чудо: в конце войны Долинские уехали в Ленинград. Я не помню тот день, потому что всё взяло горе. И никого не хотелось видеть, даже мать с бабушкой не хотелось... И чтоб ни с кем не встречаться, я спрятался в пригон у коровы. Да что уж там спрятался... Я просто упал на сухое сено и разрыдался. Я стонал и вытирал слезы, но они не кончались. А потом сделалось еще хуже, больнее. Да что говорить – мне уж жить не хотелось, я себя ненавидел. И чтоб прекратить эту боль, стал биться затылком о жерди. Не помогло, только напугалась корова. Она начала мычать, поднимать рога, а потом наклонилась ко мне и стала облизывать щеки. Язык у ней был твёрдый, шершавый... И вдруг дошло до меня: если Ната уехала, значит, скоро и все они, ленинградцы, тоже уедут. Уедут, бросят нашу Утятку, уедут! И опять стало горько, невыносимо. И опять из глаз – слезы. Хорошо, хоть никто не видел. Совсем распустил себя, как девчонка... И опять надо мной задышала корова, Манька, наверно, жалела меня, ну, конечно, жалела. И я уже тоже жалел себя. Жалел, приговаривал: «Никому ты теперь не нужен, совсем никому... Вот они скоро запакуют рюкзаки, чемоданы, потом помашут на прощанье руками... Помашут тебе, а ты останешься. И так будут идти год за годом, а ты все будешь жить в этой голодной и холодной деревне, в этих глубоких снегах-сугробах, будешь жить одинокой сироткой... И это последнее было правдой. Горькой и безутешной правдой, ведь судьба наградила нас уже двумя похоронками: от моего отца и от дяди Жени, родного брата матери. Он погиб там, откуда они приехали. Под Ленинградом нашла его смерть... И теперь нам некого ждать, совсем некого... А потом вдруг пришло забытьё. Очнулся я от голоса бабушки. Она сидела со мной и поругивала ко-

рову: «Ну че ты такая лямзя. Неуж не видишь, как парень-то наш убивается. Да че же такое с ним, почему?.. Да ты бы хоть, внучок, мне намекнул...» – это уже ко мне обращается, это ко мне идет ее голосок. И этот медленный голосок, как награда.

Но самый лучший голос из всех был всё же у Вали Руденко. Как сейчас вижу: вечер, горит лампа-семилинейка. Мы сидим в классе, притихли. Из интерната принесли материал – голубые, зеленые лоскуточки. Вот из них мы нарезаем носовые платки, шьем кисеты. Тут же сооружаем посылку. Она получилась на славу. Местные, деревенские принесли несколько пар носков, рукавичек. В эти рукавички вкладывали свои письма-послания – «дорогому бойцу на память»... Здесь же ребята-художники выпускали бюллетень «Все для фронта». В нём мы печатали разные новости: писали об успеваемости за неделю, и о сдаче металлолома, и о делах тимуровских, и о нашей помощи родному колхозу... Но особенно много писали о сдаче металлолома. По этим делам Утятская школа занимала одно из первых мест по Сибири. О своих успехах мы рапортовали товарищу Сталину. Он откликнулся и послал ответную телеграмму-благодарность на имя Бориса Волкова, Анны Сомусевой и директора школы Варвары Степановны Ивановой. В телеграмме стояло несколько слов: «Ваш металлолом пойдет на строительство танков...»

В посылки мы часто вкладывали сухую морковку и семечки, – пощёлкой, мол, далёкий боец, наш утятский подсолнух. И вот уж в лампе керосин выгорел, и фитилек стал дымить, колебаться, а мы всё не расходимся. И вот в наступившей тишине начинается песня. Она громкая и внезапная. Она берёт прямо за душу, и ты уже не можешь вырваться из этого плена, да и зачем... Ведь тебе так хорошо, так чудесно, только немного печально. У Вали Руденко был удивительный голос, только всё же печальный. Ну и пусть, пусть. Я уж давно заметил, что самый хороший, замечательный голос, о чём бы он ни пел, о чем бы ни рассказывал в своей песне, всегда оставляет после себя печаль и какую-то тайну. И всегда, почти всегда разгадать это совсем невозможно. Наверное, не знает её и сам певец. Просто тайна эта в самой крови его, в его дыхании, в самой жизни его – в судьбе... Как-

то сразу после войны в наш Курган приезжал Сергей Лемешев. Я был на этом концерте, слушал это пение, но лучше бы не был, лучше бы не слушал. Помню: после этого концерта в моем городе вдруг всё изменилось. Я шёл тогда домой и не узнавал своих улиц и переулков. Всё стало каким-то маленьким, низеньким, каким-то даже горестным и пустяшным. И своя личная жизнь тоже почему-то сжалась и потускнела. И сразу же поселились в душе вопросы: «Ну почему ты сам такой серенький, бесталанный? Да и зачем ты родился на белый свет? Для чего?» И было так горько, хоть накладывай на себя руки. Но всё равно, когда прошёл этот внезапный порыв, захотелось сделаться другим, совсем другим человеком... И сделать что-то хорошее людям.

А что именно сделать – я не знал. Но всё равно это желание уже жило во мне, просилось на волю. Ещё миг – и оно вырвется, выпорхнет, как птенчик из-под скорлупки. И, наверное, потому так напряглась, так томилась душа. Ведь ей всегда нелегко – нашей душе. Особенно, когда рядом жил, звенел такой голос. Да, очень чудесно, очень пронзительно пела Валя Руденко. И всё же в её голосе время от времени поднималась печаль. Наверное, Валя тосковала о доме: о Ленинграде, о своих близких, которых разметала блокада, тосковала о всей своей жизни, которая начиналась в такой горе, в мучениях... И всё же печаль длилась недолго. Сквозь неё пробивалась надежда – особенно тогда, когда Валя стала петь народные полтавские песни. И её голос в это время уже не томился, не плакал, а наоборот, звенел, поднимался всё выше и выше. Нам казалось, что звенит колокольчик... Он и сейчас все ещё звенит во мне долгим серебряным звоном. И на этом звоне – на этом колокольчике – можно бы и поставить точку в нашем рассказе, но я все же продолжу. Да и виноват Новый год, а может, и этот Шопен со своей замечательной музыкой, которая закинула душу на самые облака. А совсем близко, почти под самыми окнами, поднималось к небу огромное сияние – это горела в огнях городская ёлка. Я засмотрелся на нее, на это голубое, зелёное, на это невыразимое пламя, а сам уже... всё вспоминал, вспоминал ту далекую ёлку сорок третьего года. И ту холодную зиму, и те снега, кото-

рые заметали с головой деревенские крыши. И чтоб вырваться из дома, надо было сначала откопать дверь, потом сделать в снегу проходы, а потом уж только открыть ворота: «Эй, живые кто, выходите!»

Но не все уже были живые. На моих глазах привезли в интернат двух девочек-близнецов. Они местные, из нашей деревни. Конечно же, Утятский интернат создали в первую очередь для приезжих, но в крайних случаях здесь принимали и деревенских. А близнецы – крайний случай. Девочки были дочери колхозницы Феклы Поповой. Она умерла недавно от истощения. А девочки тоже – прямо скелетики. Но дыханье еще есть и глазёнки моргают. Может, и повезёт им – поправятся...

На моих глазах провезли на санках старушку – мать колхозницы Екатерины Поповой. Гроба нет, тело прикрыто рогожкой. И одежды на теле нет – пригодилась рогожка. А то, что без гроба, – это привычно. В деревне давно нет ни досок, ни дров, а в печки суют только мерзлый кизяк. А от него – один дым и чад... «Ничего, перетерпим, – говорят старики. – На фронте ещё хуже, потяжелее...»

А с фронта идут одни похоронки. Только за последние месяцы сколько их: погиб Александр Шевалдышев – у жены Антонины пятеро ребятишек; погиб Дмитрий Луканин – в семье тоже пятеро малышей; погиб Кузьма Трубин. А его дети Николай, Анна и Виктор, говорят, уже опухли с голоду, и в доме холодина. Выживут ли? Не буду гадать... Сгорел в танке Иван Репин, сгорел в самолете Яков Менщиков, умер от ран Новгородов Василий... Принесли похоронную и на школьного математика Анатолия Петровича Макарова. Оставил сиротами четырёх детей. Зато в семье ещё осталось ружье. Жена учителя, Анастасия Михайловна, стреляет из ружья ворон и сорок. Это для семьи – основное питание. Сидишь, бывало, дома и вдруг под самыми окнами – хлоп! Ружье не ружье – даже страшно. А бабушка моя только вздохнет и головой покачает: «Ещё одной вороны на свете нет. А тоже ведь была живая душа. Ничего, Анастасия Михайловна, вот январь проживём, а там уж полегче. И морозы, может, убавятся...» – Это бабушка обращалась к хозяйке ружья, но та её, конечно, не слушала.

А январь начинался с ёлки. И тот далёкий год, сорок третий, тоже начинался с нарядной ёлки, на которую пригласили нас ленинградцы. Какие они счастливые, эти приезжие! У них в интернате и ёлка лучше, чем в школе, у них и патефон играет, у них даже дают подарки...

И вот началось! Я пришел сюда вместе с бабушкой, а всё равно – страшновато. Да и пугает сильная тишина. Людей много, но все молчат. Но вот патефон играет песню о Ленинграде, и нас приглашают в большую комнату. Мы входим туда и замираем: елка горит от игрушек, от блёсток, на ней – различные фигурки из дерева, разноцветные шишки, шары. Говорят, что она была ещё лучше, красивее: приезжие наделали много бумажных цепей и покрасили их в золотые цвета, но приехал инспектор из районо и велел все цепи убрать. Он сказал, что цепи – символ закабаления. Но и без цепей зелёная красавица хороша! И всё равно кругом тихо, мы почему-то даже боимся дышать. Но зато наши глаза! Они всё видят, всё замечают и следят за движением хозяев. Они стоят пока почему-то отдельно. Вот они – целый ряд: впереди всех директор интерната Назарова Антонина Владимировна, рядом с ней воспитатели Фаина Ароновна Корман и ее сестра Раиса Ароновна, а возле них, переминаясь на раненых ногах, стоит недавний фронтовик Батиков Илья Васильевич... А по другую сторону комнаты сошлись вместе директор школы, наша любимая учительница немецкого языка Анна Васильевна Котова и моя мать – завуч школы, Потанина Анна Тимофеевна... А посреди комнаты, почти в метре от ёлки стоят те, ради которых и намечается торжество. Здесь и Юра Юдин, и Лотта Корман, самая знаменитая отличница в нашей школе, а рядом с ними улыбаются два брата Николаевых со своей сестрёнкой Валенькой. Ей всего лет шесть или семь, а братья постарше. Рядом с Николаевыми стоит вся пунцовая Валя Руденко, наша артистка. Ей много петь сегодня, и она очень волнуется. Чуть поодаль – Люся Елифанова, тоненькая, худенькая, похожая на стебелёк травы. А дальше располагаются кучкой все деревенские – и ребяташки, и взрослые. У многих на руках даже грудные дети, совсем малышня. Их берут в надежде на дополнительный подарок. Так потом и

случается – самым маленьким из гостей даётся больше всего... Как это правильно и хорошо. Так будет и сегодня, обязательно будет. И вот все мы ждем и томимся: до открытия ёлки еще полчаса. Как это долго, невыносимо. И чтоб скоротать время, я наблюдаю за матерью. Её глаза блестят и всё замечают. Я не знал тогда, что она ведет дневничок. Да если и узнал бы, то не понял бы, зачем тратить время на эти странички. Конечно, не понял бы. А вот недавно, перебирая старые бумаги и фотографии, я нашел ту тетрадку. Открыл – и уже не мог оторваться. Простые слова, а сжимается горло. Неужели это было когда-то, неужели пережили такое! И неужели столько горя, страданий... Но мать писала и о хорошем, и о счастливом, и о надеждах. Особенно, конечно, о надеждах, ведь хотелось дожить до победы. Я читал и думал: «Откуда они брали силы, откуда?» Но давайте вместе со мной еще раз заглянем в тот дневничок, ведь до открытия ёлки еще полчаса, и у нас много времени, очень много...

IV.

Мать писала и о своей семье, и о школе, много на этих страницах и о приезжих. Да, да, о тех, кто стоял у нашей елки в самом первом ряду... Мать писала: «У нас в школе праздник – приехали ленинградцы. Вместе с детьми приехали и воспитатели – учителя из города Ленинграда. Мы смотрели на них, как на чудо, как на какое-то откровение, ведь они ходили по улицам, которые видели живого Пушкина, Блока. Они дышали воздухом Эрмитажа... Какие они счастливые! И какие несчастные, ведь им придется жить в наших снегах и метелях. Как-то им поживётся, да и отойдут ли от тяжёлой дороги... Но главное, конечно, не в этом, а в нашем волнении. Привыкнем ли мы к ним, сработаемся ли?.. Но мои сомнения, кажется, напрасны. Вчера в школу заходила Антонина Владимировна Назарова – директор интерната. Она просила за своего сына Толю. Его надо устроить во второй класс.

В школе была большая перемена, и все окружили гостью – и учителя, и ребяташки. Антонина Владимировна для каждого находила хорошее слово. Это выглядело от души – сердечно и просто. Она и внешне понравилась нам, заморозила. Особенно запомнились воло-

сы: они у ней под цвет спелой соломы и коротко подстрижены, чтоб не мешали. И глаза её тоже всех поразили: они большие, открытые, с каким-то особенным блеском. Кто-то сказал из нас: как у артистки... И я тоже так считаю. А вот голос у Назаровой грубоватый, с мужской хрипотцой и твёрдыми нотками. И во всей фигуре слышится тоже какая-то неженская сила. Да и одежда на нашей гостье особенная: дублённый полушубок, на голове шапка-ушанка, а стеганные брюки заправлены в серые плотные валенки. Ни один мороз не возьмет. Так и надо по нашей погоде. Мы слышали, что до войны она была депутатом Ленинградского городского Совета. Антонина Владимировна этот слух подтвердила.

Вместе с Назаровой приехала Фаина Ароновна Корман. На вид ей уже лет тридцать, но можно дать и побольше. Причина, конечно, – война. Волосы, когда-то очень темные и волнистые, теперь совсем поседели. И глаза смотрят внимательно, исподлобья – в них застыло что-то печальное, горькое. Глаза видят, как говорится, насквозь. Но бывает, что в глазах у нее – радостно и светло. В это время глаза смотрят на дочку. Лотта у нее – красавица, умница. С первых дней она стала гордостью школы.

Фаина Ароновна оказалась чудесным воспитателем. Каждый день она бывает в школе. Часто присутствует на уроках в классах, где учатся ленинградские дети. С большим тактом потом разбирает уроки. Это, конечно, большая помощь местным учителям. Да что говорить! С интернатом у школы – прекрасная связь. Мы живём как одна семья. Как братья и сестры: один за всех, и все за одного...

Часто бывает в школе и завуч интерната Мария Никаноровна Долинская. Ах, какой это человек! Такие люди бывают, наверное, только в Ленинграде. В наших краях я таких еще не видала. Ничем природа её не обидела, наградила с избытком. И душа, и лицо, и голос!.. Всё бы смотрел на неё, любовался. Вот она, стоит прямо в глазах: высокая, слегка полноватая, с красиво подстриженными каштановыми волосами, а кожа на лице, как говорят, кровь с молоком! И всегда Мария Никаноровна весёлая и смеющаяся: горе – не горе, мол, и беда – не беда. От неё постоянно шёл какой-то пронзительный свет

доброты, сострадания. Даже не передать мне – надо видеть ее лицо... И голос мягкий, податливый. Говорит она быстро, слегка запинаясь, и в это время сияют глаза, притягивают. Такой голос, такие глаза бывают только у добрых людей. Так и есть! Всех любит Мария Никаноровна, и всех жалеет, и всем хочет помочь. Такая же и дочка у нее – наша ненаглядная Наточка. Её у нас все знают и любят.

А дел у Марии Никаноровны – целые горы. Она и в школе у нас, она и в интернате. И любая работа у ней ладится и со всеми живёт в согласии. А для ребятишек – просто мать. Она знает абсолютно всё о каждом своем воспитаннике: черты характера, склонности, увлечения. Много доброго она сделала и для местных детей. К примеру, были сверху строгие указания: все списанные интернатские вещи рубить или даже сжигать. Но завуч пошла на нарушения: стала списанную одежду раздавать утятским ребятишкам. А те и рады: ведь ходят в школу в ремье...

Вот, кажется, о всех воспитателях я рассказала... Но нет, нет, все-таки не о всех. Я совсем забыла Раису Ароновну Корман. Их ведь двое у нас сестер: старшая – Фаина Ароновна, а младшая – Раиса. Так вот младшая – такая мастерица, такой организатор! Она и песни разучивает с ребятишками, она и книги читает вслух. Она и художница, рукодельница. Недавно ёлку стали наряжать, так просто любо смотреть на Раису Ароновну. Она и куклы мастерит, и какие-то цепочки, кораблики... А ёлку привез нам из бору наш школьный конюх Карпей Васильевич. И вот уже наша ёлочка одета и разукрашена и ждёт, поджидает гостей...»

И теперь давайте на этом прервемся. Закроем на время тетрадку. Да и прошли уже те полчаса, и скоро-скоро начнётся праздник.

V.

И вот уже начался. Варвара Степановна объявляет ёлку открытой. Мы хлопаем в ладоши, обнимаем друг друга. Какая радость! Какая ёлка! А потом объявляют концерт. И опять поют песни о Ленинграде, читают стихи. Меня тоже просят выйти поближе к ёлке, – и я читаю стихи Пушкина о зиме. Читаю громко, до боли в горле, но мне кажется, что так и надо читать стихи. А после меня уж поет Валя Ру-

денко. Это чудо! Если б вы слышали, как она пела... Звенит колокольчик, звенит чистое серебро и навеивает вам сны. У многих в руках платочки, и они осторожно вытирают глаза. А Валя всё поёт и поёт. Где же она сейчас? Где звенит это серебро-колокольчик?... Много бы я дал, чтобы знать.

Прошёл ещё час, и закончился новогодний концерт. Сколько же он длился?! Показалось, всего миг... Всё дорогое, хорошее продолжается всего только миг... А время ведь уже позднее – надо домой. Школьный конюх Карпей Васильевич запрягает нашу Серуху и начинает всех развозить. Это дело серьёзное, нужное. У многих из гостей на ногах нет нормальной обуви, а на дворе мороз.

И вот доходит очередь до меня. Мы залазим с бабушкой в коробушку, Карпей Васильевич щёлкает кнутиком – и вперёд. Скрипят полозья, сверкают снега. Я смотрю на луну, и мне кажется, что там ходят какие-то люди, но мне не страшно. Наоборот, мне весело, мне хорошо, да и угостили нас ленинградцы на славу. Даже булочки были из настоящей муки. Да и концерт понравился, и самому пришлось выступить, и мне все хлопали... Как хорошо! Сверкают снега. А в горле у меня – спазм от волнения, да и бабушка рядом. Она укрывает мне ноги шалью, а сама что-то шепчет. Может, молитвы за спасение тех, кто сейчас в ленинградских снегах. «Ты б, Женя, горло-то свое получше закутывал, а то морозец хватается... Ну, Женя, прямо не знаю, – я тебе шаль свою отдала, а ты от нее отделаться хочешь, а ноги-то уж, наверно, как глызки. Нехорошо так, ишь какой непокорный. Вот вырастешь – и управы не будет...» А я слушаю бабушку и улыбаюсь. Ну какой же я Женя? Так зовут ее сына, на которого недавно пришла похоронка. И вот уже путает нас, а поправить её не решаюсь... Но мне всё равно хорошо. Да и ночь плывет тихая, голубая, совсем новогодняя ночь...

И вот на этой ночи можно бы сейчас и закончить, но мне что-то ещё мешает. Я подхожу совсем близко к окну и поднимаю высоко штору. Горит наша ёлка – пылает до неба. Голубой и зелёный свет. И ещё красный, жёлтый, сиреневый. Счастливый огонь – новогодний огонь... А какой же свет был там, в Ленинграде? Багряный? Да, да,

багряный, как кровь... Потому и написал поэт: «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

VI.

И в этом ряду я вижу лицо Юры Юдина. Вот он рядом – можно даже дотронуться. Красивое, ясноглазое, как у капитана Гастелло. Он и душой своей походил на чудесного летчика и так же ненавидел фашистов...

И вот я начал рассказ о Юре, а сам боюсь: сумею ли, хватит ли нервов? Ведь я сказал уже впереди, что у меня был самый страшный день в те далекие годы. Так вот, признаюсь сейчас, этот день связан с Юрой.

Как мы, деревенские, любили его! И как гордились! Нам казалось, что он самый смелый, самый бесстрашный. Ему было лет двенадцать-тринадцать, но мы знали, что он в Ленинграде уже дежурил на крышах и сбрасывал зажигалки. А это ведь те же бомбы...

Он приехал к нам вместе с мамой, и та устроилась в интернате. Работа тяжелая – с утра до ночи на кухне. Она и за повара, и за техничку, а по ночам ухаживала за больными. Вот и сдало сердце, не выдержало... Да и как ему выдержать, когда за плечами блокада. И вот однажды Юра проснулся, а мама не дышит. Он подошел поближе к кровати – не слышно дыхания. Он схватил её за руку – ладонь была ледяная. И тогда, потрясенный, он закричал и кинулся прямо к двери. Они жили на первом этаже интерната, и Юра выскочил сразу в ограду. Он выбежал раздетый, разутый, в одних тонких носочках. Он не медлил, потому что принял решение. Но что было потом – я не знаю. Одно только помню, как он страшно кричал, как разбудил всю деревню. Его крики слышали в каждой избе, да и как не услышать! Часто говорят: у меня кровь, мол, застыла в жилах. Так и было тогда, так и случилось: во мне тоже кровь остановилась и пришел страх. Такого страха я никогда не знал ещё, не испытывал. И закричать бы надо, но не могу. И этот страх приподнял меня с места и кинул на улицу. А там уже – вся деревня... Как будто пожар или кого-то убили. Но все бежали к Тоболу – на берегу что-то случилось. И мы тогда побежали,

но было уже поздно... Навстречу нам шел Игорь Плотников и нёс на руках нашего Юру. Игорь нёс его осторожно, как будто брёл по воде, как будто у него отяжелели ноги. Голова у Юры моталась, всё время сползала набок, но сам он был живой, живой... И по толпе прошёл вздох облегчения. А потом женщины закричали: «Быстрее, Игорек, быстрее! Ты же его заморозишь!..» И тот сразу прибавил шаг, а потом побежал бегом – откуда только у Игоря силы. Так на руках и занёс Юру на второй этаж. В интернате сразу зажглись огни и забегали люди. И только через час на этаже всё затихло, но мы не расходились. Помню, было холодно, а в небе сиял блёклый, едва заметный месяц. Но скоро его скрыли тучи и посыпал дождь. Это было как облегчение, как надежда. И тогда все пошли домой. И по пути мои соседки разговорились. От них я узнал, что Игорь догнал своего дружка уже на самой реке. Еще б миг – и тот бы, мол, бросился с берега, утопился. Но, видно, повезло парнишке. Видно, есть ещё счастье...

Счастье? Какое оно? Да есть ли оно на свете?.. Ведь через два дня мы хоронили Юрину маму. Маленький белый гробик пах смолкой и свежей стружкой. Так же пахли сосновые ветки. Мы их бросали себе под ноги. Шли за телегой и бросали. Лошадь шагала тихо и всё время вязла в глубокой колее, но до кладбища было близко. Вот и кладбище, вот и холмик земли, вот и свежая ямка. Юра в последний раз посмотрел на мать и упал на гроб. Он не кричал, он не плакал – наверное, не было уже слез...

А через несколько месяцев мы их провожали. Ещё шла война, ещё в моей деревне получали похоронки, а они, помню, смеялись, плакали и кричали. Но это были уже другие слезы и другие крики. И глаза у них сияли счастливым светом. Так, значит, есть оно счастье! Значит, всё-таки есть! Значит, оно в том, чтоб однажды после долгой-долгой разлуки вернуться домой. И хорошо, что он есть, что он есть – этот дом! И уж совсем хорошо, что этот дом зовут Ленинград.

Вот на этом великом слове я сейчас и закончу. Как я любил всю жизнь это слово, как я люблю... И пусть проходят месяцы, годы, а это слово всё так же сияет для меня, как та ёлка в том незабываемом

сорок третьем... Ленинград, Ленинград... Ты и мужество, ты и сила, ты и детство моё, ты и поэзия – мои самые дорогие, сокровенные строки. Да, это правда... Как-то гостил у меня ленинградский поэт Глеб Горбовский. Мы пили с ним чай из большого белого самовара и читали стихи. Верней, он читал, а я слушал. И вся семья моя слушала, потому что стихи его – наша любовь... А потом мы говорили, вспоминали о разном, и я признался:

– У меня ведь много дорогого связано с твоим городом. И война, и детство, и даже друзья...

– А ты помнишь?.. – вдруг спросил он и стал читать медленно, с придыханием:

*Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами –
Живые с мёртвыми: для славы мёртвых нет.*

Да, я помнил, хорошо помнил это. И я не забуду! Нет, не забуду! И вот сейчас опять все повторилось: я смотрю в окно, а там тихая звёздная ночь. И весь город в огнях. Они в сумраке кажутся какими-то чудесными, ирреальными. И все они – разные – красные, жёлтые, голубые. Я смотрю на них, а сам всё вижу, вспоминаю опять другие огни... и другие глаза. Это глаза моих далёких друзей, глаза ленинградцев. Я никогда не забуду. Да-да, давайте же никогда не забудем их, детей славного Ленинграда! Давайте же! Я обращаюсь к вам, мои земляки. И к вам, мои знакомые и незнакомые школьники, и к тебе, моя бойкая пятиклассница с глазами лисёнка. Не забудем и понесем вперёд нашу память.

*Виктор Потанин
// Тобол. – 1995. – № 2.*

УТЯТСКАЯ ШКОЛА

120 лет

(история школы)

– Аз есмь господь бог твой, – басил дьячок Ксенофонт.

– А – аз, е...смь, – подтягивал детский голосок.

Так 120 лет тому назад в селе Утятском Утятской волости Курганского уезда Тобольской губернии учили крестьянских детей. Особого помещения для школы не было. Занятия проводились то в одной, то в другой избе. Единственным учебником служил молитвенник на славянском языке.

Зимой 1891 года тобольский вице-губернатор Тройницкий сообщил утятскому волостному старшине, что Министерство народного просвещения ассигнует 700 рублей на строительство Утятского двухклассного училища. Вице-губернатор предупреждал, что таких училищ в его обширной Тобольской губернии только три, и что, де, мужики Утятской волости должны чувствовать, какая милость им оказывается.

Школа была построена. На ней красовалась вывеска «Двух-классное училище Министерства народного просвещения»...

Наступили годы Великой Октябрьской социалистической революции. В 1920 году Утятская школа возродилась как советская школа первой ступени.

В 1923 году она уже называется «опорной» и служит центром методической работы в районе. Значение школы растёт, в 1930 году она известна как «образцовая».

Такова почетная история старейшей школы Курганской области в селе Утятке Глядянского района.

1947 год. На совещании учителей в с. Глядянском

Закончен учебный год. Итоги работы хорошие. Школа заслуженно числится одной из лучших в области. В ней работает крепкий, спаянный педагогический коллектив. За хорошую учебно-воспитательную работу Утятская школа получила районное переходящее Красное знамя.

Сейчас классы опустели. Закрыты бумагой шкафы. Собраны наглядные пособия. Всё готово к предстоящему ремонту.

Школьники отпущены на летние каникулы. Но навыки, полученные зимой, глубоки. Они не забыты. Влияние школы на детвору чувствует новый человек, приехавший в Утятское. По дороге к центру села вас встречают ученики. Они приветливо здороваются. Зайдите в любую семью, где есть школьники, и вы с радостью отметите вежливость и подтянутость маленьких граждан. Одно из основных правил поведения учащихся – «Уважай старших» – вошло в жизнь и быт детей. В школе, в семье, на улице они ведут себя достойно.

Велика любовь к школе со стороны её питомцев.

– Наша школа лучше всех, – говорят ребята...

– У нас Красное знамя.

Коллектив учителей Утятской школы в 1940–1950 годы: слева направо верхний ряд: Н. Н. Шевердин, М. Я. Сорокин, Кочнев, ...?, А. А. Менщикова, Захарова, С. С. Иванов; нижний ряд: ...?, М. Сорокина, А. Т. Потанина, В. С. Иванова, О. К. Шевердина, А. Г. Девятова, А. Г. Яковлева.

В детских голосах звучит гордость. И действительно, Утятская школа ведёт большую учебно-воспитательную и внешкольную работу. Школьники собирают образцы народного творчества. В специальную, красиво оформленную тетрадь записано восемь старинных свадебных песен. Их напели для ребят старушки Варвара Осиповна Родионова и Анна Никитична Чукомина.

Хорошо работает кружок юных натуралистов, возглавляемый преподавателем биологии Валентиной Демьяновной Бигос. Валентина Демьяновна сумела привить ученикам любознательность и любовь к природе. Дети ведут интересные фенологические наблюдения и тщательно записывают их в календарь погоды. Сейчас кружок юных натуралистов работает над злободневной темой: «Злостные сорняки нашего района». Ученики записывают сроки всходов, стеблевания и созревания сорняков и одновременно ведут практическую борьбу с ними. Во время прополки зерновых около 100 школьников ежедневно выходили на колхозные поля.

Дети переносят в колхозный быт передовые агротехнические навыки. Большинство учеников в ответ на письмо академика Лысенко уже второй год ставят у себя дома опыты по выращиванию картофеля верхушками, глазками и погребными ростками.

Школа играет в жизни каждого человека важнейшую роль. На целое десятилетие ребёнок доверен учителю. Он черпает от учителя знания, им воспитывается, под его контролем вынашивает в себе основные черты советских людей: любовь к Родине, непримиримость к врагам, честность, смелость, трудолюбие. Нелегка работа педагога, но тем отраднее её плоды.

За 120 лет и особенно за годы советской власти Утятская школа воспитала не одну сотню молодых людей. Часть из них – выпускники последних лет – героически сражается теперь на фронтах Отечественной войны, прославляя своими делами воспитавший их педагогический коллектив.

О. Лимарь

// Красный Курган. – 1944. – № 134 (8 июля). – С. 2.

Здание Утятской школы (1960-е годы).

Из прошлого Утятской школы

Это было ещё в 1939 году. На уроке истории в 7-м классе ученики как-то спросили учительницу Варвару Степановну Иванову: «Скажите, а когда впервые открылась школа в селе?» Учительница пообещала подробно ответить на вопрос на следующем уроке и предложила самим школьникам разузнать от утятских старожил, как учились раньше.

Желающих высказаться на следующем уроке оказалось много. Были и противоречивые сообщения. Учащиеся решили уточнить собранные сведения. Так впервые в Утятской школе возник исторический кружок.

Первые достоверные сведения, собранные школьниками и учителями, относятся к двадцатым годам прошлого столетия. Обучалось в то время всего около десяти мальчиков. Ученикам и учителю приходилось ежедневно менять место занятий, перекочёвывая из одной крестьянской избы в другую.

В низкой курной избе полумрак, промерзшие окна пропускают мало света. Пахнет сыростью и чем-то кислым. За сосновым, тщательно выскобленным столом склонились крестьянские мальчики, перед каждым – раскрытый молитвенник. От стола до печи медленно

прохаживается учитель – дьячок Утятской церкви Ксенофонт. На нём длинная чёрная ряса, жидкие волосы заплетены в торчащую вверх косичку.

Дьячок держит в руках двухвостую плеть и постоянно ею потрясывает. Медленно и тягуче детские голоса выводят: «Аз, есмь, господи, бог...»

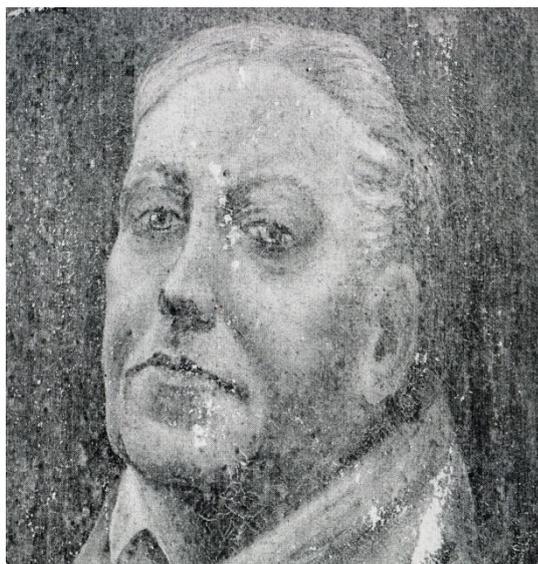
За зиму ученики перебивали почти во всех крестьянских домах.

Наконец, в 1834 году, когда начатое тридцать три года назад строительство каменной церкви подходило к концу, под школу была отведена определённая изба. Настоящего учителя все еще не было, а его обязанности возложили на пономаря Никандра Бурова.

Был жаркий июльский день 1872 года. К волостному управлению подъехала бричка. С брички сошла молоденькая девушка лет шестнадцати. Это была Мария Павловна Епанчинцева – первая учительница в селе Утятском.

Вскоре молодую учительницу вызвал урядник, расспросил, откуда она, кто ее родители, называя на «ты», и сделал резкое замечание, почему она не поклонилась помещику Матвееву, встретив его на улице.

На квартире Марии Павловны побывал поп Серебряников, пересмотрел все книги, посоветовал – лучше ничего не читать и обязал повесить перед образами лампадку.

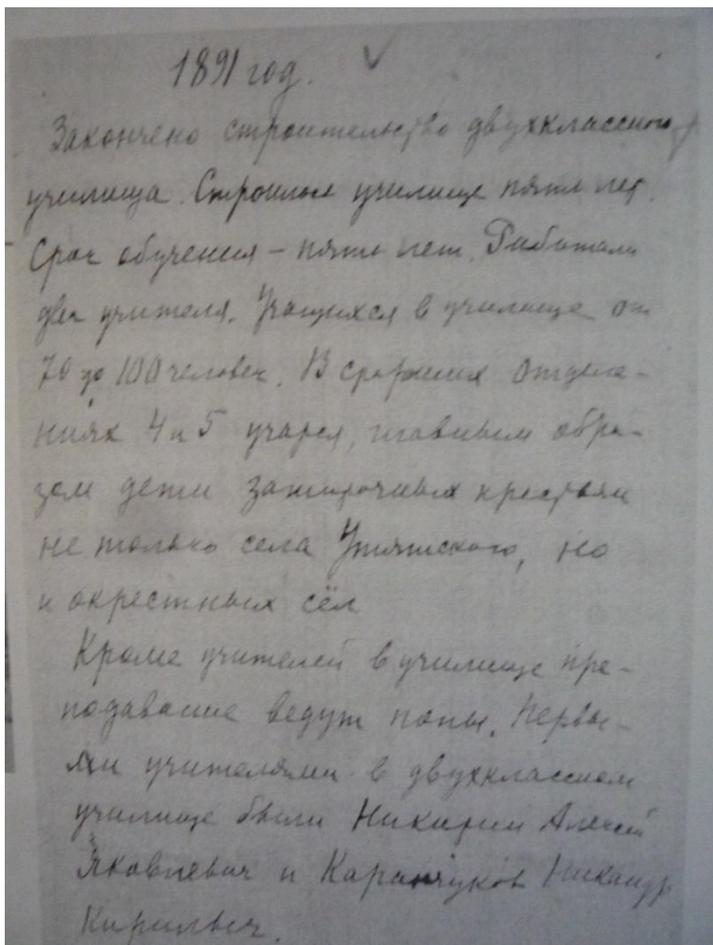
Мария Павловна Епанчинцева

Тяжёлый путь сельской учительницы прошла Мария Павловна за сорок с лишним лет своей работы в Утятке. С охотой она отправилась в деревню, ехала с мечтой «сеять разумное, доброе, смелое», но слишком слабыми и хилыми оказались всходы; ни поддержки, ни помощи учительница ни у кого не находила. Ну что она, например, могла сделать, когда видела, как мужик Сашка Миронов, привязав к столбу, драл свою жену. Напрасно

несчастливая молила о помощи. «Промеж мужа и жены бог судья» – говорили в деревне.

Видела Мария Павловна, как бедняк Микула Чудак за рюмку водки дико плясал, потрясая лохмотьями. За глоток сивухи он подставлял кабатчику свою нечесаную голову, а тот скреб ее конской скребницей, а кругом свистели, орали, ухали пьяницы.

Как прекратить эти безобразия? Обратиться к начальству? Но оно само не прочь с удовольствием полюбоваться дикими оргиями. Просить помощи или хотя бы совета у попа? Нет, тот, кому хоть раз приходилось с ним беседовать, никогда этого не сделает. Может быть, и посоветует батюшка, если находится в добром настроении: «Бог терпел и нам велел». А нет – просто оборвет: не суй, дескать, нос не в своё дело. Кому-кому, а учительнице хорошо известна грубость попа, в школе почти каждый день приходится с ним встречаться.

Из личных записей Ивановой Варвары Степановны.

Обычно батюшка не топился объяснять новый материал, это для него – самое нудное дело: прокашляется, поправит крест на груди и начинает: «Итак, господь решил создать людей, начертил он на песке фигуры, вдунул в них душу и стал человек».

– Батюшка, – нерешительно поднимается детская фигура, – а господь от кого родился? Я этого не понимаю.

– А, не понимаешь?! Я тебе покажу, где раки зимуют... Смей, пикни ещё, живо из школы вылетишь. Вечно выскакивает, где его не просят...

Зимой 1891 года Тобольский вице-губернатор Тройницкий предписал утятскому волостному старшине, что Министерство просвещения ассигнует семьсот рублей на строительство Утятского училища и что надлежит крестьянам этого села, а так же и прочих деревень волости приступить к заготовке и вывозке леса для постройки.

В 1893 году здание училища было готово. На фоне общей бедности оно выглядело нарядным и красивым. В здании было четыре классные комнаты, длинный коридор, две квартиры для учителей, учительская и квартира для технических работников.

Курс обучения пятилетний. В четвертом и пятом отделениях изучались русская история, естествознание, физика и геометрия. Но основным предметом по-прежнему считался закон божий. Первые три отделения (класса) вели два учителя; с четвертым и пятым отделениями занимался заведующий школой. Таким образом, кроме попа, теперь в школе работали три учителя. О некоторых из них, особенно об Алексее Яковлевиче, до сих пор вспоминают утятские старожилы.

Целые дни проводил Алексей Яковлевич в школе, а долгими зимними вечерами при свете керосиновой лампы читал своим воспитанникам повести Гоголя, сопровождая чтение показом картин через «волшебный фонарь».

Часто на уроках Алексей Яковлевич, откладывая в сторону конспект, начинал говорить о несправедливости в жизни, о том, что кучка людей блаженствует, живет за счет труда крестьян и рабочих.

Ребята в такие минуты сидели как зачарованные, а лучший ученик пятого отделения, беспризорник Ваня Вавилов, как-то после беседы спросил: «А нельзя ли сделать так, чтобы повернуть всё по-другому». Впоследствии Ваня отдал свою жизнь в борьбе за укрепление Советской власти.

С местной знатью, с богатеями Алексей Яковлевич не дружил, и ходили про него слухи, что он безбожник, что он и лба никогда крестом не осенит.

Однажды зимним утром, когда ребята готовились к уроку, в класс вместо учителя вошла сторожиха Авдотья Михайловна и объявила: «Алексея Яковлевича нет, идите по домам, завтра будет новый

учитель, – и шёпотом добавила, – жандармы увели».

Хорошо помнят пожилые утятцы и Авдотью Михайловну. Больше четырех десятков лет проработала она в здешней школе.

Сколько самых различных деревьев посажено ее руками в школьном саду. До сих пор во дворе бывшего двухклассного училища, где теперь расположена санаторно-лесная школа, высятся аллеи выращенных ею лиственниц.

Зимой 1918–19 года утятские ребята не учились: в селе расположился колчаковский кавалерийский полк и белогвардейцы заняли школьное здание под госпиталь. Колчаковцы бесчинствовали, драли крестьян плетями, пьянствовали, и их совсем не интересовали ни дети, ни школа. Её здание было так захламлено и испорчено, что, когда в сентябре 1920 года начала работать Утятская советская школа первой ступени, пришлось подыскивать новое место, и занятия стали проводится в доме бывшего земского начальника.

Несмотря на послевоенную разруху, бедственное положение крестьян, количество учащихся резко увеличилось, в школе стало работать четыре учителя. С тех пор двери школы широко раскрылись для всех желающих.

Ю. Михайлов

// Искра. – 1957. – № 137 (1 декабря). – С. 4.

Учителя Тихомировы. 1920-е годы

В 1916 году приезжает семья учителей – Сергей Николаевич и Любовь Евсеевна Тихомировы.

При школе работает районная библиотека, ежедневно из сел приезжают за книгами.

1917 год – в селе устроен митинг с красными флагами и песнями, с особым воодушевлением пели «Марсельезу». Активно в этот процесс включились старшеклассники: выко-

лоли глаза царю на портрете и запели в классе Марсельезу. Заведующий в это время школой Тихомиров С. Н. был монархист по убеждению; он наказал ребят, и целый день ребята стояли на ногах. В 1918 году Тихомирова призвали на воинскую службу белогвардейцы, он был захвачен в плен красными и умер от тифа зимой 1919 года, расчищая железнодорожные пути.

Любовь Евсеевна с 1919 года по 1923 заведует школой (в здании училища ревком сделал клуб, школа перешла в дом волостного старшины): «В самые трудные и голодные годы 1920–21 РОНО предложило закрыть школу, так как было всего двое учителей, но мы не согласились, работали вдвоем и в две смены, но школу отстояли».

По материалам Утятского музея.

В здании училища располагался клуб, с 1924 года – рабоче-крестьянская школа (курсы ветфельдшеров, агрономов и счетоводов),

которая преобразовалась перед войной в сельхозтехникум, затем – санаторно-лесная школа, детский сад. А сейчас вековое здание училища отдано под квартиры.

Незавидная судьба прекрасного здания:

Судьбы людские (семья Желницких)

Это была благостная семья, вобравшая в себя типические черты дореволюционного быта, культуры, интеллигентности. Я говорю о семье протоиерея Курганской Троицкой церкви отца Иоанна Владимировича Желницкого. В биографии этой семьи я нахожу много черт, что присущи были героям книги Ивана Шмелёва «Лето господне».

Перед уходом

Ныне ни папы, ни мамы, ни брата Кости... Остались они вдвоём: Настасья Ивановна и её младшая сестра Екатерина Ивановна...
Всю жизнь так. А бывало?..

Как-то я зашёл к ним на святки (4 января 1975 г.). Разговорились о том, о сём.

– Помните Омуревского, – тихо шепчет Настасья Ивановна.

*О, кто вас не помнит в былые порядки,
Не ценит, не любит, сибирские святки,
С раскатистым смехом, с морозною пылью,
С весёлым напевом, с сердечною былью,
С радушной хозяйкой, с красавицей дочкой,
С трескучим морозом и лунною ночью!*

Смотрю, а у моей Настеньки (так я звал сестричек – Настенька да Катенька) от глаз две слезинки, как светлые горошины, по мягким

щёчкам скатываются.

В следующий раз мы говорили о гимназии. Гимназия – это целый мир. Семь или восемь лет проводит в её стенах воспитанница.

– Незабываемые рождественские и иные вечера в рекреационном и актовом зале. Мы разыгрывали здесь спектакли, давали сольные концерты. Приглашали на них родителей, попечителей, известных людей города. На балконе играл духовой оркестр. А иногда даже у нас бывали мальчики из других школ. Побывать на вечере в женской гимназии считали за великую честь...

О себе – ни звука. Всё о других. Но именно в это время в областном архиве (ГАКО) я нашёл, цитирую:

«Протокол № 7.

Заседание педагогического совета

Курганской Александровской женской гимназии.

Мая 20 дня 1907 года.

...Педагогический совет рассматривал экзаменационную ведомость учениц VII класса. Совет постановил:

Удостоить аттестата с награждением золотой медалью учениц:

- 1) Желницкую Анастасию,
- 2) Звагельскую Веру...»

Член педагогического совета женской гимназии, блистательный учитель математики и незаурядный педагог Георгий Михайлович Флеммер пишет Настеньке письмо: «Я на днях навёл справки о том, все ли выпускники намерены «сеять разумное, доброе, вечное». В списке Вас не оказалось, между тем я усиленно рекомендовал Вас... в Утятскую школу, как прекрасную и трудолюбивую учительницу...

Август, 1908».

И вот Утятская начальная школа. Из 13 учителей – двое мужчин: Никандр Каранчуков из Кургана и Николай Богдашев из Петербурга. Так Настенька столкнулась со своей судьбой. Божья искра прошла между молодыми людьми. В свободное время гуляли в сосновом бору, а зимой катались на Серебрянке на коньках. Декламировали стихи. И мечтали, мечтали. С младшей сестрой Катей – пели. Богдашев никогда не пропускал их выступления. «Я – первым голосом, а Катя –

вторым», – скажет мне Настенька. Особенно они любили петь под гитару знаменитый вальс «Берёзка». Это был их коронный номер.

*...Я видел берёзку, сломилась она,
Верхушкой к земле наклонилась одна,
Но листья не блёкли на тонких ветвях,
Пока не сокрылось солнце в горах...*

На снимке 1908 года учителя на крыльце Утятской школы.

Слева направо верхний ряд: Н. В. Каранчуков, Л. П. Соколова, У. Белокрылова, В. Соколов (брат Л. П. Соколовой); средний ряд: Ф. А. Розова, А. И. Желницкая, Н. Ф. Богдашев, Е. Д. Владимирова; нижний ряд: М. П. Нечаева, А. П. Кибардина, А. Н. Полетаева, А. А. Коровина, Н. Юшина.

Инспекторские проверки из Кургана постоянно отмечали содержательные и блистательные по форме уроки Анастасии Желницкой. Её переводят в Курган. Коля Богдашев уезжает в Петербург поступать в вуз. Прощались на перроне Курганского вокзала. И кто бы мог тогда подумать, что более в этой жизни они никогда не встретятся!

Россию захлестнула цунами великих потрясений. Будоражили слухи об убийствах священников. С отступающими Каппелевскими

войсками протоиерей Троицкой церкви Иоанн Желницкий с семейством достиг Ново-Николаевска (Новосибирск). А потом произошло то, что произошло. Желницкий возвращается в Курган. А в Барабинске застряли жена Анна Михайловна и дочь Настя. Что делать? Как их оттуда выволить? Священник Николай Васильев посоветовал дать взятку некому капитану Матвееву, который имеет возможность выволить и жену, и дочь. Через Васильева он передаёт Матвееву десять тысяч рублей. Эта была чистой воды провокация! Желницкого обвинили в организации контрреволюционной подпольной группы по свержению Советской власти.

Каково же было смятение в растерзанной душе отца Ионна, когда он, препровождаемый под конвоем в свою камеру, вдруг увидел улыбающегося Матвеева, дружески беседующего, – подумать только! – с самим Чупиным. Именно Чупин и возглавлял это самое страшное... политбюро, которое без суда и следствия решало вопрос жизни и смерти арестованного.

5-го октября 1920 года в Кургане в 7 ч. 30 м. утра священники Желницкий и Васильев были расстреляны (всего же в то утро было убито 24 человека).

Вернувшуюся из Барабинска Настеньку как дочь врага народа к школе не допустили. Кое-как она сумела устроиться библиотекарем. Письма никому не писала, все связи оборвала. Особенно боялась повредить Коле Богдашеву. Через три года, когда острота момента спала, в период расцвета нэпманов она снова вошла в класс.

– А, попадья у нас появилась! – пытался в учительской острить один её... коллега.

– Попадья – это жена священника, – спокойно сказала Настенька, – а я дочь, следовательно, поповна!..

Сестры никогда ничего не просили у государства. Они сняли на ул. Береговой (Климова) комнатку. Ходили через проходную комнату хозяев. Дом старый, окна в землю ушли. Холодно, сыро, без удобств. 30 лет они здесь. И вода, и дрова всё тяжелеют. Кто-то из учителей обратился в горисполком с просьбой дать Желницким квартиру. И вызвали Анастасию Ивановну на исполком.

Л. И. Шулепова, зав. горздравотделом, член исполкома.

– Я как раз была на том исполкоме Она сидела, молчала. Зачитали заявление. Сказали: «Хорошо, товарищ Желницкая, ставим вас на очередь. Ваша очередь будет 839-я!»

– Что ж, спасибо, – сказала старая учительница и медленно пошла к выходу.

Пока не закрылась за ней дверь, все молчали. Да и что говорить, понимали, что квартиры едва ли они дождутся. И тогда заговорил председатель горисполкома В. К. Левчук:

– Товарищи, нельзя так!.. Они с сестрой выучили, наверное, полгорода... Святой наш долг дать им квартиру, и немедленно, в первом же доме!..

Через три дня её снова пригласили в горисполком, но уже за ордером на квартиру.

Так сестрички очутились в доме по ул. Красина, 39, кв. 4. Здесь за столом у окна мы и собирались на наши посиделки. Я приносил им фотографии разных архивных находок по Курганской женской гимназии. А они комментировали. Особенно Настенька. Ум у неё аналитический, память цепкая.

Как-то Катенька сказала, что видела отца. «Я иду по улице и вдруг вижу – идёт мужчина и так на папу похож. Я ускорила шаг, чтобы его догнать, а он так взглянул на меня и быстро свернул в проулок. Он избегает нас, чтобы нам не навредить. Он был очень музыкантен, его надо искать среди музыкантов»...

Чай, пироги, «семейку» готовит Катенька. Бегаёт по магазинам, ухаживает за сестрой. Она на три года младше её. Лёгкая, подвижная. Никогда не болела и не знает никаких лекарств, помимо йода. Спрашивает: «Как же я буду помирать, если у меня ничего не болит».

Однажды в 4-й кавартире поднялся настоящий переполох. Настенька потрясена. Письмо от Коли Богдашева. Ведь разыскал!

«Дорогая, дорогая... пишу и мучаюсь, боюсь, что вы его не примете. Если можете, простите за мою навязчивость – недавно разыскал вас через адресный стол»...

И началось, и началось... Это как догорающий костёр, чтобы

окончательно погаснуть, в какой-то момент вспыхивает особенно ярким пламенем!

Её Коля – профессор, доктор биологических наук, и теперь как-то немножко робко называть его просто Колей.

Из писем

«Ворох воспоминаний! Здание бывшей гимназии, в которой вы учились, я помню. В то время кто бы мог подумать, что в этом здании будет помещаться сельхозинститут. Тогда таких институтов в России было лишь три...»

«Как я завидую, что вы ездили в Утятское. Я был бы очень счастлив, если бы мог очутиться там среди заросших аллей, дорожек чудного Утятского бора. Утятское – мой университет».

«...Теперь я постоянно слушаю радио, чтобы знать, какая у вас погода...»

«Дорогой друг моей юности! Сибирь – моя вторая родина. На Утятское и Курган я смотрю прежними глазами 20-летнего парня...»

«Я рад каждому Вашему слову, но не утомляйте себя... А отчитываться перед Вами мне приятно, так как я очень высоко Вас ценил и уважал».

В одном письме 80-летний профессор прислал ей засушенные лепестки роз. Когда Настенька вскрыла конверт, она, молча, расплакалась. Ей никто не дарил розы!..

Он мечтал о телефонном разговоре. Несколько раз звонил к соседям. Но Настенька от телефонного разговора уклонилась. Ведь написал же он: «На Утятское и Курган я смотрю прежними глазами 20-летнего парня». А это значит, что Утятское и Курган он связывает с их молодостью! Нет! Пусть навсегда Настенька останется для него молодой.

Мечтал приехать. Встретиться, поговорить. Не успел. В июне 1969 года его не стало.

Однажды после чая Настенька извлекла откуда-то потёртый старинный ридикюль и долго что-то там внутри всё перебирала, перебирала. Потом вынула и положила на стол толстую пачку писем, обхва-

ченную резинкой. Молча, погладила, тихо сказала:

– Вот, – и чуть-чуть подвинула в мою сторону.

Три дня я читал эту запоздалую исповедь. Впрочем, исповедь никогда не бывает запоздалой.

Когда через три дня я принёс письма, Настенька обхватила их тонкими, почти просвечивающими руками и нежно, как младенца, прижала к груди.

– Я возьму их с собой...

Я молча поцеловал её руку. Что говорить? Последняя воля умирающего...

Из дневника Антонины Леонтьевны Осиповой, учительницы, которая не просто дружила, а 11 лет работала с Анастасией Желницкой в 3-ей школе Кургана.

«10 августа 1979 года, пятница.

Сегодня, в 4 часа утра, умерла Анастасия Ивановна Желницкая, прожив 90 лет 8 месяцев. Младшая сестрица её Екатерина Ивановна тоже умерла утром, на пасху 22 апреля 1979 года. Могилы их рядом. Успокоились наши хлопотуньи. И не горит огонёк в том заветном окне... И уже не к кому идти, некого угостить, да и нас никто не приветит, не напоит чайком.

Ушёл из жизни ещё один хороший человек, настоящий друг, интеллигент, уважаемый многими в городе. Что-то только от гороно и от районо никого не было на похоронах. А ведь она отдала школе 46 лет своей жизни. И ничего личного...

Как и просила, письма её любимого друга Николая Богдашева я положила в её гроб, под подушку...»

Б. Карсонов

// Резидент. – 2007. – Октябрь.

Мы помним всех

Иванова Варвара Степановна, директор школы. Работала более 30 лет учителем истории и директором в 30–50 годы XX века.

В 1942 году я пошла в первый класс Утятской семилетней школы. Учили нас в начальных классах Николай Николаевич и Ольга Константиновна Шевердины, Мария Ивановна Сорокина, Анна Денисовна Трубина, Валентина Захаровна Бобкова. Молодые, неугомонные, любящие детей и школу. В тот год из Ленинграда эвакуировались дети, часть их была направлена в Утятку. Ездил за ними в Курган директор школы Варвара Степановна Иванова, отличный организатор, требовательная к себе и людям, уважаемый в селе человек.

Шла война, фронту мы помогали всем селом. Решили собрать деньги на танк, и они были собраны, направлены в Челябинск. Вскоре в школу пришла благодарственная телеграмма. Мы собирали и вязали тёплые вещи для фронта – варежки, носки, кисеты, безрукавки. Упаковывали в посылки и отправляли.

Наши учителя ставили в клубе спектакли по пьесам А. Н. Островского «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Волки и овцы».

Сами шили костюмы, со спектаклями всю округу объездили.

Анна Тимофеевна Потанина, бесменный завуч школы, приехала в нашу школу совсем молоденькой. Вышла замуж за учителя Фёдора Степановича Потанина. Целыми днями была на работе. Умение выслушать и понять человека, дать дельный совет дано не каждому, а Анна Тимофеевна понимала людей, помогала, чем могла: кому-то письмо

Потанина Анна Тимофеевна, завуч

напишет, заявление – людей грамотных на селе было мало. Никому не отказывала, понимала людское горе.

Летом мы всей школой заготавливали дрова, потом на быках их вывозили. И ремонтировали школу все вместе – ученики, родители, учителя.

А. В. Котова

Классным руководителем в 5–7 классах была Анна Васильевна Котова. Для нас она, можно сказать, была второй матерью. К праздникам мы готовились, проводили их вместе. Собирались обычно у Анны Васильевны, приносили продукты, занимались стряпнёй.

В конце сороковых годов наш директор Варвара Степановна решила создать сельский музей. Мы собирали старинную одежду, домашнюю утварь, фотографии гражданской и Великой Отечественной войн. Оформителем музея был участник Великой Отечественной, местный художник Фёдор Иванович Вотин. Музей получился на славу, о нём писали в центральных газетах. Мы ухаживали за памятниками, высаживали деревья, цветы.

Мне вспоминаются школьные перемены. Как они у нас проходили? Прозвенел звонок, дежурный учитель организует хоровод, особенно любили, как это делала Александра Гавриловна. Пели песни, много песен... Очень интересные уроки давала Анна Григорьевна Девятова, учитель русского языка и литературы. Она любила детей, мы любили её.

56 лет прошло с той поры, как я окончила школу. А многое помнится, словно это было совсем недавно. Многих наших учителей уже нет на этом свете, но мы, ученики, помним их. Они остались в нашей памяти добрыми, чуткими, порядочными людьми.

Н. Родионова. Село Утятское.

// Притоболье . – 2005 . – № 27 (8 апреля). – С. 2.

Лёгкой старости вам, друзья!

(школа в годы Великой Отечественной войны)

В истории советской школы годы Великой Отечественной войны займут особое место, страницы об этом люди будут читать с большим интересом. Оговорюсь, я имею в виду сельскую школу, хорошо мне известную.

Уже в первые военные годы обстоятельства сложились так, что вся забота о детях, учебная и хозяйственная, легла на плечи учительниц.

Вместе с учениками они сами ремонтировали помещения, заготавливали и доставляли к школе топливо. Школы имели подсобные хозяйства, за счет которых оказывалась помощь нуждающимся в одежде и обуви, организовывались горячие завтраки. Кроме того, ученические бригады и звенья, возглавляемые учителями, помогали колхозам.

Очень важно было тогда сделать школу для всех детей родным домом, чтоб в ней было уютно, тепло, чтоб дети получали ласку, в которой они так нуждались.

Утятская школа, например, была очень хорошо озеленена. Цветы, везде цветы, не только в классах, но и в коридорах. В этом большая заслуга принадлежала биологу школы Валентине Демьяновне Квитко.

Восстанавливаю в памяти теперь уже далекое время, листаю рукописные журналы учителей, учеников и думаю: «Откуда бралась сила? Как сумели учительницы так быстро освоить крестьянский труд?» Помню, запрягая лошадь, я неправильно надела хомут. Подошедший старик заметил мне:

– Хомут-то неладно надеваешь, дерёва-то где?

Я покраснела от своей ошибки до слез...

В годы войны партийные организации в деревнях стали малочисленными. И вся организаторская, пропагандистская работа тоже легла на учителей. Многие учительницы были секретарями колхозных партийных организаций. За дела в колхозах с них спрашивалось по большому счету. Так, в деревне Патраки парторганизацию воз-

главила Лидия Дмитриевна Стариковская, в Ялыме – Аполинария Пименовна Черемушкина. Плодотворно и много трудились в местных Советах учительницы Сырейщикова, Анна Михайловна Косарева и многие другие. В деревне Коневой колхозницы стали просить свою учительницу Глафиру Ивановну Предеину взять на себя полностью руководство их колхозом, что она и сделала. В должности председателя колхоза она работала успешно.

Те, кому выпала доля учить детей в годы войны, сейчас в большинстве своем пенсионеры.

В традиционный праздник – День учителя – позвольте пожелать вам легкой старости, дорогие друзья!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1971. – № 233 (3 октября). – С. 2.

Анна Григорьевна Девятова

Анну Григорьевну Девятову в Утятке и Нагорке знает каждый: около 30 лет она проработала учителем русского языка и литературы в Утятской школе.

А. Г. Девятова (первая слева), В. С. Иванова, и ...?

Но не всем известен такой важный факт её биографии: в 1944 году она была Первым секретарем райкома комсомола. Это время наложило отпечаток на всю последующую жизнь. Особенно остро вспоминается, как в район было привезено 480 детей из Ленинграда, больных, истощённых. Мыли их в банях, размещали в интернатах. Но обрушилась беда: среди детей начались массовые заболевания. И тогда бюро райкома ВЛКСМ приняло постановление «Все на борьбу с болезнью детей».

Узнали от фельдшера, что спасти детей от авитаминоза можно только отваром клубники. Комсомольцы района собрали 2 мешка (!!)

сухой клубники. Бюро райкома комсомола разделило ее на равные порции, а члены бюро развезли ягоды по детским домам. Поили слабых детишек отварами, настоями клубники и спасли их.

Всю жизнь Анна Григорьевна стремилась привить детям любовь к красоте земной, к родному русскому слову.

Она признавалась, что это комсомол дал ей такой заряд энергии: «Спасибо ему. Я самая счастливая: столько почты получаю, едва успеваю ответы писать. Значит – нужна людям».

Антонова Н.

// Притоболье. – 1978. – № 43 (11 апреля). – С. 3.

Клады, которые в сердце

Над полями летят дикие гуси. Гонятся за ними низкие, сырые тучи. Дожди падают холодные, со снегом. Кончилось лето, ясные дни, невозможно коротать радость свиданий с летними закатами, с зелёным раздольем берёз. Улететь бы вслед за гусями к тёплому морю, вечной весне. Улететь бы в мир Илькиных сказок, вернуться назад молодой, красивой, сероглазой Варенькой, с чудо-косой... Но кто же Илька? Давайте откроем книгу, которую пишет бабушка Варвара. На обложке – «Для милого внука моего Игоря». На первой страничке – родословная Ильки: «Родился ты в Свердловске, но город в граждане не принял: у матери не было прописки. Спустя месяц, ввели тебя в гражданство села Утятского Глядянского района. В деревне всё проще. Тут руководствуются фактом и верят слову... Со всем маленького тебя называли Малей. Сам себя ты назвал Лялей, а

бабушка – Илей. Маля – Ляля – Иля». Вот откуда Илька.

А через десять лет он и сам будет читать и писать. И тогда откроет бабушкину книгу и всё узнает. Узнает, что бабушка самый хороший человек на земле. Над каждой страницей в книге внук будет долго думать. Ведь бабушка оставила в книге свои мысли о трудных дорогах в жизни, о самом главном – о счастье.

Но кто же бабушка?

Сорок лет назад ее приняли в комсомол. Было лето, цветы, сенокос, была молодость, любовь, хороводы, чудные песни, которые теперь и забыли:

*Как по улице девица шла,
Оборонила там золотые ключи
Со двумя перстиями серебряными...*

Пели и новые песни. И любили их больше, потому что была в них – мечта и вера. Приняли Вареньку Иванову в комсомол, послали учительствовать по путёвке райкома в деревню Галишево. Деревня – в лесу, вдали от дорог, глухомань, печаль. Представить нельзя, что на свете есть большие города, иная жизнь. Даже комсомольской ячейки нет. Но ведь за этим и послали Вареньку, чтоб в деревне стал хозяином комсомол. Да мешали сильно другие хозяева – кулаки. В сельсовете сидел у них свой человек – Терешка Раков. Купили Терешку дешево, за вино. Что ни сделает Варенька – Терешка путается в ногах, грозитя. Написала про него фельетон в газету. Не похвалили ее жители. Смотрели пытливо, исподлобья, иные – жалостно: «Отжила девка... Отправит кулачье в Могилёво...»

Занимается как-то Варенька в школе. Смотрит: под окнами вышагивает Терешка. В руках газета, насамогонился, кулаки набрякли. Шёл Терешка уверенно, в голове билось весёлое: «сотру девчонку...» Шёл Терешка и на чем свет крестил комсомольцев, новую жизнь, благостно жмурился от гудящей силы в кулаках, орал частушки. Варенька вышла навстречу. Вышла спокойно, красивая, смелая, с чудокосой. Остановился Терешка, обмякли кулаки. А она всё шла навстречу, и глаза её смеялись над Терешкой, над его куражом, пьяной, пропащей жизнью. И тот повернул обратно. Потом исчез наве-

гда из деревни. И жить стало Вареньке плохо. Стали мстить кулаки. Караулили её тёмными жуткими ночами в глухих переулках, когда шла с собраний. Клеветали на нее. Часто сберегал жизнь только случай... Вот кто бабушка Варвара.

Но Илька будет читать дальше и наткнется на страничку, где написано «Илькины сказки». Это сказки для него. Их сочиняла бабушка. Да сказки-то особенные – совсем не сказки, а мечты бабушки Варвары. И мечты – тоже не простые. Это наказания, которые должен выполнить Илька. Ведь он тоже будет комсомольцем, совсем взрослым. Пусть он доделает то, что не успела бабушка. Конечно, будет трудно Ильке. О его бабушке писали в центральных газетах и журналах, портрет ее в метровую ширину украшал один из стендов ВДНХ. Бабушка создала первый в стране сельский краеведческий музей, и дали музею на выставке Малую серебряную медаль. Бабушка исходила пешком весь свой край и записала столько песен, легенд, сказок, что хватит на десять томов. Бабушка сейчас создает повесть о первых комсомольцах, о родных, дорогих людях, многих из которых уж и нет на свете. И об этом тоже наказ Ильке: «Бабушка Варвара пробовала перо. Она очень хотела, чтобы внук взял бы его и отточил для себя...».

Будет дальше читать Илька. Наткнётся он и на одно неотправленное письмо, которое писала бабушка своей подруге... «Захотелось поговорить с тобой. Сейчас второй час ночи. На улице – ветер, и ветки клёна застучали в окно – проснулась. Теперь усну, когда дождусь рассвета. На душе всё думы. Перебираю в памяти, что видела в жизни, что пережила. Против меня зеркало, изредка смотрю на себя. Раскосматились мои седые волосы, а ведь они у меня были длинные ровные.

В левой половине груди покалывает. Это сердце-моторчик заявляет, что работать ему надсадно. И опять в голове мысли, как жизнь жила?.. Да, я старалась от всего сердца служить людям. Только, наверное, результаты ничтожно малы. И сейчас одно желание – найти его, полезное дело, счастье найти... Счастье – полезное дело. Ведь слово «пенсионер» не про меня... Я всю жизнь отдала людям, всю

себя, но всё равно не поймала ту жар-птицу, были только перышки от нее... Люди, люди, дорогие, любимые, как хочется еще работать для вас!»

Письмо это тоже в книге для Ильки. Пусть и он никогда не коснется руками бабушкиной жар-птицы, не испытает никогда покоя, удовлетворения собой. Пусть он изумится это скромности, великой строгости к себе.

Сегодня опять Варвара Степановна Иванова раскрыла заветную книгу. Сегодня – праздник, и пусть осень за окном, всё равно на сердце хорошо. Вспоминаются дорогие люди: Ваня Вавилов, Глаша Предеина, Аннушка Ижевская – друзья-товарищи, первые комсомольцы, молодость её. Пусть о них прочтёт Илька. И станет таким же. И полюбит их песни. И продолжит их дело.

В. Потанин

// Молодой ленинец. – 1963. – № 129 (10 октября). – С. 3.

Из села Утятского

В жизни человеческой есть два главных дела – дело учителя и дело врача. Смее утверждать, что первое даже важнее второго. Без наших учителей, без школы был невозможен прогресс, то есть попросту на земле всё остановилось бы и замерло – как замирает на наших глазах река, скованная декабрьским льдом. И этот лёд стоит всегда до апреля, пока не придёт весеннее солнце. И вот пришло оно – и ожили воды. Так же и с нашей душой. Она томится и мучается, пока не коснётся ее первый весенний луч. Да, да – она тоже ждёт своего солнца, своего учителя, чтобы тот взял её за руку и повел за собой... Но, может, сейчас я говорю об идеальном учителе? Ну конечно, об идеальном! Я говорю о Варваре Степановне Ивановой, которой в эти дни исполняется восемьдесят лет. Большая жизнь, очень трудная жизнь... И опять берусь утверждать, что труднее дела учителя просто нет ничего. Особенно, если его главные годы обожгла и смяла война... Вот я написал сейчас – обожгла война – а ведь это будет неточно. Война принесла моей учительнице не ожоги, а раны, которые никогда, никогда не залечишь и уж, конечно, никогда не забудешь. Ну разве можно забыть ту суровую зиму, когда в наше село Утятское привезли пер-

вых блокадных детей. И все они – маленькие ленинградские сироты попали на ее руки – руки директора Утятской семилетней школы. И она всех потом сохранила и отогрела, всем заменила мать.

Моей учительнице уже восемьдесят. Как коротка наша жизнь, быстротечна! И всё-таки как огромна, если судить о ней по делам человека. И мы – ученики Варвары Степановны – гордимся её делами.

Мы гордимся ею – самой первой хозяйкой Утятского сельского музея. Она создала его, она его выпестовала. Как мы обрадовались, когда газета «Известия» назвала его однажды самым лучшим в стране сельским музеем!

Мы любили её как замечательную преподавательницу истории и других общественных дисциплин. На ее уроках развивалась мечта и воображение. Это были даже и не уроки, а живые беседы о жизни, о человеке, о счастье. Впрочем, что же есть счастье? Сколько людей – столько ответов. Но, по словам Варвары Степановны, счастье – это, прежде всего, служение людям. Каждый час, каждый миг... Пока стучит сердце.

Мы гордимся, что из-под её пера выходили интереснейшие очерки и рассказы, статьи, репортажи, воспоминания.

Да, мы гордимся! И любим!.. И сегодня, я знаю, почтальон приносит десятки писем и телеграмм. В них – самые нежные слова, самые светлые, самые дорогие. Среди этих слов – пусть будет мое маленькое, самое скромное слово. Но всё равно оно – от сердца. И от большой любви...

В. Ф. Потанин, писатель

// Советское Зауралье. – 1984. – 16 декабря.

Из книги Олега Бунина «Светлая моя Родина»

Энергии, талантливости, неуёмности в делах Варвары Степановны Ивановой надо было дивиться и завидовать. Мне опять же сказочно повезло: довелось уже после окончания института работать вместе с ней в редакции районной газеты «Притоболье». Она, пенсионерка, никогда прежде в газете не работавшая, играючи затыкала за пояс всех нас, молодых и подающих какие-то надежды.

Варвара Степановна – маленькая, седенькая, сидела, едва возвышаясь над громоздким письменным столом, поблёскивая сильно выпуклыми стёклами очков, дымила своим «беломором». Пачка папирос всегда лежала рядом с массивной пепельницей. Она уверенно заполняла крупным почерком тетрадный лист. А потом мы с восторгом и завистью читали в очередном номере «районки» очерк или короткий рассказ и не уставали удивиться – ну, как это ей удаётся? Я даже ручку завёл такую же, как у неё.

Но, как говорил Хэмингуэй, взять такой же карандаш – ещё не значит писать так же.

Один из сотрудников, уже признанный на районном уровне журналист, однажды решил следовать её примеру и «накатал» на половину четвертой страницы нудный, как коровья жвачка, рассказ. На очередной летучке Варвара Степановна, мельком взглянув на это чтиво, напрямик выдала автору:

– Знаешь что, ты для своей же пользы больше рассказов не пиши.

Вскоре Варвара Степановна переехала в Курган, к сыну Валерию Донатовичу, и её заметки, рассказы стали регулярно появляться в «Советском Зауралье». И я так искренне обрадовался, когда в областной газете на одной странице напечатаны были моя зарисовка о природе и её рассказ, помнится, об утятском аптекаре. Небольшой по размеру, но такой ёмкий, светлый, оптимистичный рассказ о хорошем человеке. Эти публикации были замечены и отмечены. Наталья Юрьевна Юрьина из отдела информации газеты, с которой так дружна была Варвара Степановна, сказала по этому поводу:

– Что ни говори, а всё же приятно, что творческие труды находят признание.

Дорогие мои учителя! Я с вами прошёл по жизни, равняясь на вас. И если я в чём-то достоин вас – земной вам за это поклон.

*Бунин О. В. Светлая моя
Родина: рассказы, очерки,
стихи. –
Куртамыш. – 2004. – С.
9-10.*

Коллектив учителей Утятской школы. Начало 1950-х. Н. Н. Швердин, А. В. Котова, О. К. Швердина, Р. П. Иванова (моя мать), А. А. Менщикова, Варвара Степановна Иванова (директор сидит в центре), А. Г. Девятова, А. Т. Потанина.

Утятская школа 1940-1950 годы

На пришкольном участке 1950-е годы

Учащиеся Утятской школы. 50-е годы. Учительница Р. П. Иванова

Март 1983 года. На встрече колхозов «Россия» и имени Кравченко в Нагорском сельском Доме культуры. Ветераны народного просвещения, заслуженные учителя: А. Т. Потанина, В. С. Иванова, А. Г. Девятова.

1950 год. Слева направо верхний ряд: Н. Н. Швердин, Кочнев, М. Я. Сорокин, Ярош; средний ряд: А. А. Менщикова, О. К. Швердина, В. С. Иванова, А. Т. Потанина, Р. П. Иванова, А. В. Котова; нижний ряд: ...?, М. Сорокина, А. Г. Девятова, Захарова.

**Шевердин Николай Николаевич,
директор Утятской школы в 1960–1970-е
годы**

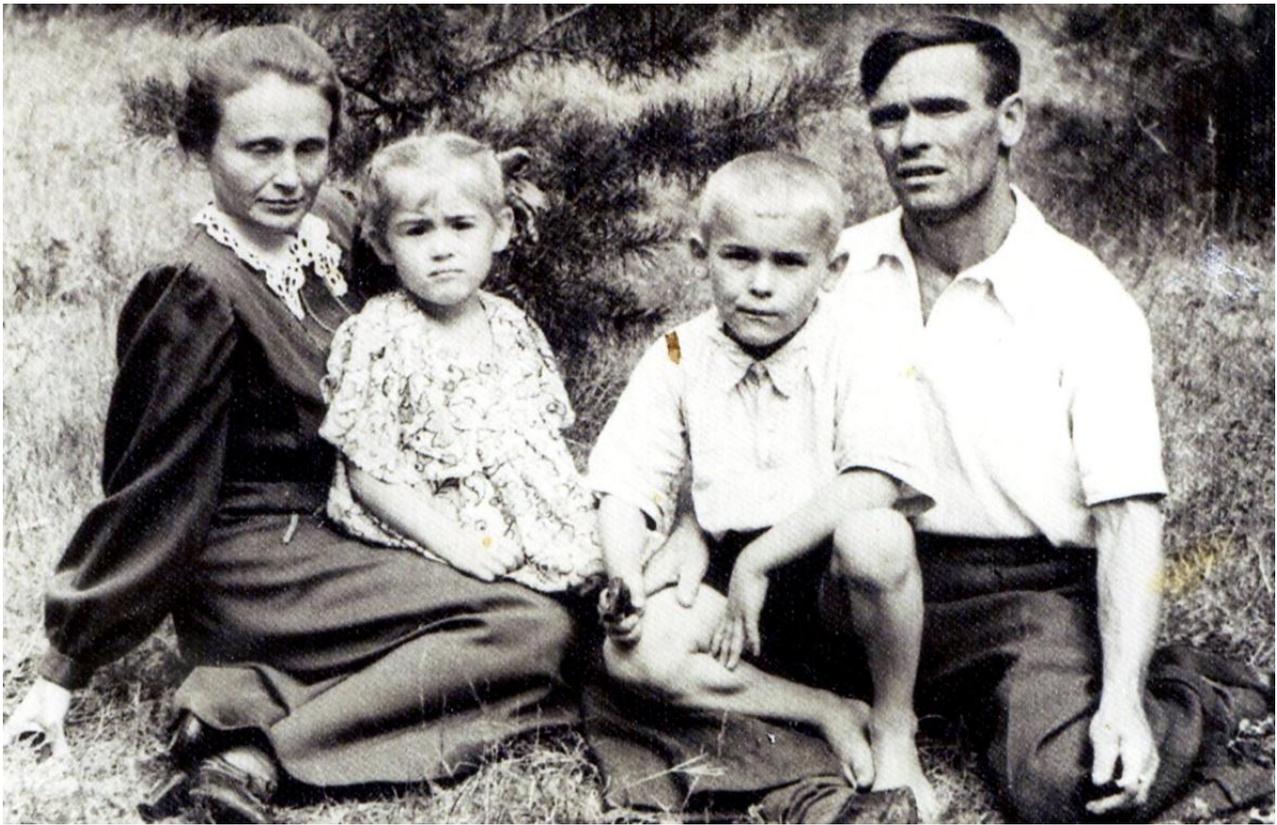
Семья Шевердиных

1960-е годы. Слева направо стоят: З. И. Попова, Т. С. Луканина, ...?, Л. В. Тебайкина, ...?, Я. Ф. Дружков, ...?, А. Д. Девятова, ...?, ...?, А. С. Макаров, Р. П. Иванова, В. Ф. Потанин; сидят: Е. Ф. Кирилова, А. Г. Девятова, А. Т. Потанина, О. К. Швердина, Н. Н. Швердин.

Вторая половина 1960-х годов. Слева направо верхний ряд: З. И. Попова, Р. П. Иванова, Н. Н. Швердин, Л. А. Менщикова, О. К. Швердина, Е. Ф. Кирилова; нижний ряд: ...?, Л. В. Тебайкина, Т. С. Луканина, А. С. Менщиков, А. А. Менщикова, ...?.

Семья Ивановых

Первоклассники 1955 года. Учительница Павла Михайловна.

**Учащиеся из села Камышное в Утятском интернате.
В центре воспитательница Раиса Петровна Иванова.**

1958 год. Школьный двор. Перед велопробегом: Ф. Демидов, Л. Щепкина, С. Попов, Л. Репина, Н. Пашков и учительница З. И. Попова.

**Одноклассницы.
Утятка. 1963 год.
Таня Иванова, Фая Вотина,
Валя Бойко, Зина Потанина,
Юля Плотникова.
Класс Лилии Викторовны
Лобачёвой-Тебайкиной.**

**Праздник 1 мая. 1950-е годы.
На фото Л. Бойко и Т. Иванова.**

Приём в ряды октябрат

Спасибо вам, учителя!

В первых числах декабря жители сел Утятского сельского Совета имели удовольствие посмотреть пьесу Арбузова «Таня» в постановке учителей Утятской восьмилетней школы. По общему мнению, пьеса удалась. Зрители слушали с затаённым дыханием. На сцене быстро менялись картины, декорации. Мы, сидящие в зале, совсем забыли, что перед нами наши учителя, мы принимали их за тех, кого они играли, так искренне они исполняли роли.

Очень хорошо исполнила главную роль Тани молодая учительница Ия Викторовна Саранина. Искренний смех вызвали Михась и приезжий геолог. Их роли исполняли И. Е. Желтышев и Я. Ф. Дружков.

Молодцы! Спасибо вам, дорогие учителя, за вечер отдыха.

Т. Ушакова, селькор

// Притоболье. – 1967. – № 148 (12 декабря). – С. 1.

Выступили утятцы

В прошлую субботу коллектив художественной самодеятельности учителей Утятской школы поставил на сцене Межборского сельского клуба драму «Обуховке нужны чудаки».

Выступление имело большой успех.

М. Лукашова, инспектор отдела культуры

// Притоболье. – 1970. – № 40 (7 апреля). – С. 1.

На сцене – «Пашка Огонь»

В том, что ученики Утятской школы могут не только успешно осваивать школьную программу, но и отлично выступать в кружках художественной самодеятельности, утятцы сумели убедиться на утреннике, проведённом недавно в сельском клубе.

В исполнении хора слаженно прозвучали «Песня о Родине», «Полюшко-поле», «Песня о море» и многие другие. Зрителям понравились гимнастические этюды в исполнении школьных спортсменов.

Особый успех выпал на долю участников драматического кружка, которые подготовили пьесу «Пашка Огонь». Главную роль исполнял ученик 7 класса Коля Сомусев. Сильно провели свои роли Саша

Бакланов, Галя Бубнова, Таня Ловыгина и другие самодеятельные артисты.

Дружными аплодисментами наградили зрители и участников самодеятельности, и преподавателей восьмилетней школы – руководителей кружков.

Иванова, Менщикова

// Притоболье. – 1968. – № 147-148 (12 декабря). – С. 2.

Детский журнал в Утятской школе

2400 год. Давно уничтожено оружие, люди забыли о войнах. На всей земле уже построен коммунизм. Космонавтами уже открыта жизнь на Луне и на Марсе. Теперь группа отважных исследователей космоса собирается на Венеру. Она встретит там удивительную растительность, странных птиц, похожих на летучих мышей с рогом на носу, громадных хищников и дикарей.

Так будет. В этом уверен ученик 5 «А» класса Утятской семилетней школы Сережа Иванов. Об этом пишет он на страницах первого номера школьного журнала «Счастье, здравствуй!»

В журнале пять отделов. В первом отделе, названном «Ракеты уходят в небо», кроме Сережи Иванова выступают Люда Потанина, мечтающая попасть на Луну, и Витя Менщиков, рассказывающий о своей любви к Жюль Верну.

«Тимур – наш старший брат» – так называется второй отдел журнала. Здесь ученики рассказывают о своих хороших делах: раскололи старушке дрова, подтянули отстающих девочек, создали театр кукол.

В третьем отделе, называемом «Это мое счастье...», ребята тоже мечтают, но только не о полетах в космос, а о своих будущих профессиях.

Каждый ребенок знает, где воевали его отец и мать. И каждый гордится их героическим прошлым. Об этом пишут ребята в отделе «Юность отцов».

В последнем отделе – «Мы любим сочинять» – помещены очень интересная сказка Толи Алексеева «Гусь», цитаты об осени, выбранные из рассказов, повестей и стихов любимых писателей Чистяковой,

отзыв Нины Зубовой о повести Аркадия Гайдара «Военная тайна».

Руководит выпуском журнала преподаватель русского языка и литературы Анна Тимофеевна Потанина. Ей же принадлежит превосходная идея создания этого журнала.

«Счастье, здравствуй!» только рождается. Пожелаем же ему долгих лет жизни и больших творческих успехов.

И. Прусс

// Искра. – 1959. – № 145 (8 декабря). – С. 2.

Тимуровцы помогли

После уроков Коля Шевердин – командир тимуровского отряда Утятской школы – вышел погулять на улицу. По дороге навстречу ему с грохотом катился трактор с возом сена.

Отойдя в сторону, Коля пропустил трактор и тут же увидел, что к возу прицепилась девочка. К несчастью, за санями волочился металлический трос, девочка запуталась в нем. Ее стало затягивать под сани. Стремительно бросился на помощь девочке пионер-тимуровец. Из всех сил распутывал он колючий тяжелый трос, но напрасно: жёсткая проволока крепко держала свою жертву.

Коля метнулся к трактору.

– Эй-ей! Оста-но-ви-тесь! Оста-но-ви-тесь ско-ре-е! – что есть силы, кричал мальчик, размахивая руками перед грохочущей машиной. Тракторист резко затормозил и выскочил из кабины. Вдвоем с Колей они освободили девочку. Это была ученица четвертого класса Утятской школы Бурцева. Благодаря смелости и находчивости пионера-тимуровца Коли Шевердина она оказалась целой и невредимой.

Через пять дней после этого случая пионер-тимуровец Коля Новиков, патрулируя по улицам села Утятки, спас пятилетнего Мишу Емельянова. Вот как это было.

Маленькому Мише захотелось прокатиться на тракторе. Подождав, когда трактор с возом сена приблизится, он прицепился к возу и запутался в канате рукой и ногой. Более 200 метров беспомощно тащился мальчик за санями и никак не мог освободиться от пут. Коля Новиков, увидев Мишу, подбежал к нему и попытался освободить

его, но не смог. Тогда он остановил трактор. Мальчик был спасен.

Так пионеры-тимуровцы Утятской школы с честью оправдывают свое почетное звание.

А. Девятова

// Искра. – 1960. – № 23 (23 февраля). – С. 4.

Молодая поросль

Учебный день в школе подходит к концу. Младшие школьники ушли домой, только семиклассники ещё занимаются. И хотя экзаменов у них вдвое меньше, чем в прошлые годы, а всё же надо много работать, серьёзно готовиться.

«Успешно сдать экзамены – наш патриотический долг», – написано на красном полотне в коридоре. Уже вывешено расписание экзаменов, и настроение у всех какое-то приподнятое.

Прозвенел звонок с последнего урока, и из классов в коридор высыпали 90 человек семиклассников Утятской семилетней школы.

– До свидания, Александра Андреевна, до свидания, Николай Николаевич, до свидания, Анна Тимофеевна! – прощаются ребята со своими учителями, провожающими их домой.

И когда входная дверь закрылась за последними уходящими, учителя разговорились между собой.

– Хорошее слово «до свидания», но почему-то оно всегда навеивает неясную грусть. «Здравствуйтесь» – бодрее и радостнее, – согласились все.

В учебном году у школьных учителей есть два примечательных дня. Первое сентября – начало занятий, когда громко звучит со всех сторон: «Здравствуйтесь!» Какой это радостный день! В конце учебного года торжественно и весело проходят в школах выпускные вечера. И когда среди общего веселья раздаётся: «До свидания!», – кому из учителей не становится грустно? А кой-кто украдкой смахнет и слезинку.

Время идёт. Мальчики и девочки становятся взрослыми. Они приводят в школу своих детей, а старый учитель, принимая к себе в класс нового ученика, с отцовской любовью смотрит на своего ученика – теперь папашу. Учитель радуется жизненным удачам своих

воспитанников, печалится их печалям. Он отдал когда-то частичку тепла своего сердца ученику и с тех пор судьба этого ученика невидимо связана с душевным покоем учителя.

Девяносто человек кончает нынче семилетнюю школу. Все они 14–16-летние подростки, мальчики и девочки, как молодая поросль, нуждаются ещё в заботливой и твёрдой руке, направляющей их рост. Некоторые выпускники будут продолжать учиться в старших классах средней школы в Кургане и Глядянке, другие ещё не знают куда определиться, но большинство остаётся работать в своём колхозе.

Задушевные друзья Антонина Бобкова из 7 «В» и Александр Пустозёров из 7 «А» давно определили цель своей жизни. Александр станет землеустроителем, он распланирует разумно и с наибольшей пользой колхозные поля и леса. Антонина станет трактористкой, может быть, бригадиром девичьего тракторного отряда и будет не менее знатна, чем Прасковья Ангелина. Свои мечты Антонина излагает в стихах, только те стихи ещё никто не читал, кроме Александра Пустозёрова.

Говорят, что месторасположение нашего села очень красиво. Мы это сами давно знаем. Особенно красива дорожка по бору, когда въезжаешь илиходишь в Утятку с запада. Но это место можно сделать ещё красивее, если продлить эту дорожку аллеей лиственниц до самого села. Влево от дорожки, к востоку от бора с животноводческой фермы навожено много навоза. Нужно, чтобы этот навоз перегорел, потом сравнять место и разбить сад, он соединится с бором. Будет прекрасный парк! Это дело возглавит, вероятно, Пухов Леонид, а может быть, Юрий Казанцев или Вера Потанина. Они твёрдо решили сделать своё село и его окрестности самым красивым местом.

Рая Мерезлеченцева хотела бы работать на животноводческой ферме, где много лет работает дояркой её мать. Но Рае 15 лет и мать не хочет, чтобы она нынче пошла на ферму. «Куда тебя там такую пичужку?» Мать хочет, чтобы Рая стала медицинским работником. Спорный вопрос пока отложен до конца школьных экзаменов. И, как бы он не разрешился, Рая будет работать только в своём селе.

Много дум и мечтаний у юных граждан села, у выпускников се-

милетней школы, и разве обо всех расскажешь? Телевизор в сельском клубе, виноград в саду, невиданные урожаи на полях, высокопродуктивный скот на фермах, довольство и радость в каждом доме.

Всё это сбудется, непременно сбудется, его осуществит молодое, энергичное, жизнерадостное подрастающее поколение.

– Нашим дедам и отцам, куда труднее было закладывать для нас фундамент прекрасного здания – коммунизма, – говорит семиклассница Валентина, – мы это здание доделаем и украсим.

Она права, эта девочка-подросток.

Колхозный шофёр Алексей Павлович Потанин отлично ведёт машину по накатанной дороге, минуя выбоины и ухабы. Попутно с машиной после уроков в поле едет группа школьниц во главе со старшей пионервожатой Марией Тарасовой. Они везут для работающих на севе книги для библиотеки, свежие газеты, патефонные иголки, медикаменты для полевой аптечки.

Девочки не любят раскинувшимся кругом великолепным весенним пейзажем. Им и эта дорога, и лесок – всё до мелочи знакомо. Они заняты какими-то своими разговорами и над чем-то громко хохочут.

Миновав сосновый лес, машина быстро затормозила ход и перед взором открылась неизвестная панорама. Ещё вчера здесь лежал огромный массив непаханого лет пятнадцать поля. Свежевспаханная земля теперь, казалось, дышала, издавая пар. Вдали виднелся трактор, заканчивающий пахоту земли, узкой лентой, протянувшейся между двумя колками.

– Девочки, это трактор Феди Осипова, вон Леночка прицепом управляет, – показывая на трактор, говорит вожатая.

– Федя!.. Лена!! – деля ладони трубочкой, кричат девчата. Выводя низкие ноты, мотор машины ревет, машина ползет по перепаханной дороге.

«Ивановка» – так называется полевой стан бригады № 2 колхоза «Советская Армия». В доме, который служит общежитием работникам на севе, шумно. Это смена трактористов и прицепщиков уже при-

готовилась пойти на работу, сменить уставших. Здесь более половины трактористов и прицепщиков – молодежь, окончившая семилетку 2–3 года назад. Федор Осипов и Елена Чур сейчас допахивают залежи, седьмой класс закончили в прошлом году. Федор зимой учился на курсах трактористов, а Лена помогала в домашней работе старшей сестре. Теперь и Федя, и Лена работают самостоятельно. Вчера у них был радостный день: они впервые своё задание выполнили на 160 процентов.

Прибывшие на стан школьницы раздали людям свежие газеты, попробовали новые патефонные иголки и принялись за украшение красного уголка, даже пол помыли в нём.

– «Пора в путь-дорогу...» – кто-то пропел из трактористов, и молодежь шумно направилась на поле, чтобы сменить отработавших своё время. Воспользовавшись отсутствием людей, девочки и в этих комнатах навели порядок. «Пусть не думают о нас, что мы ходим и ездим в поле лишь прогуляться».

Возвратилась со смены группа трактористов и прицепщиков. Грязные, запыленные и усталые заходили они в дом, не спеша раздевались и приводили себя в порядок. Пришла и Лена Чур, она показывает девочкам свои руки, – какие они у неё стали загрубелые!

– Сегодня мы с Федей опять перевыполнили норму. Трактор работал хорошо, передайте там в школе учителям.

Школа и учителя всегда в курсе жизни и работы своих воспитанников. Учителя не считают себя свободными от моральной заботы о молодой поросли, вышедшей когда-то из стен школы. Правда у молодежи, работающей на колхозных полях, есть новый наставник, помощник и советчик. Это бригадир тракторного отряда Степан Тимофеевич Фалёв. Человек большого такта, выдержки и отзывчивости. Он служит образцом скромности и любовного отношения к делу для молодежи. Никто никогда не слышал от него грубости, он со всеми одинаково справедлив и ко всем требователен.

Есть в бытовой жизни молодежи в поле одно большое неудобство. Тесен дом, в котором живут и девушки, и юноши. Но сейчас достраивается полевой вагончик, и тогда девушки будут жить отдельно,

будут чувствовать себя свободнее.

На «Ивановку» вновь пришла грузовая машина вторым рейсом. Вожатая заторопила девочек:

– Пора домой. Вас ждут уроки, ждут экзамены.

– Ни пуха вам и ни пера! – кричат уезжающим в село школьницам провожающие.

В. Иванова

// По сталинскому пути. – 1954. – № 41 (20 мая). – С. 2.

Из жизни сельской школы

Пионерский звеньевой

Утро, стоит приятный морозец, рассвет ещё не наступил, но кажется, что природа приготовилась встретить его. Какая-то торжественная тишина и покой воцарились в природе в этот час. Прямая улица села пустовала. Пересекая улицу, прошел к реке дед Петро с рыболовными снастями и опять ни души.

Но жители села давно не спят, здесь люди привыкли рано вставать, здесь руководствуются пословицей: «Кто поздно встает, у того хлеба не достает». Во всех домах горят огни, жарко топят печи.

Вдали показалась маленькая фигурка, это ученик пятого класса, вожатый пионерского звена Вова Тютрин идет в школу. Сегодня звено Вовы несет дежурство по школе, и они договорились с ребятами прийти в школу раньше.

– Если школа закрыта, – думает Вова, – постучу и скажу: «Дежурный звеньевой Тютрин, откройте, пожалуйста».

Потом придет классная руководительница Вера Сергеевна, потом ребята придут. Звено Вовы решило сегодня до уроков поработать еще и по карте, точно определить, где берут начало реки Азии.

Морозный воздух бодрит мальчика, и во всем теле он чувствует особую легкость, невесомость. Вова подпрыгнул на правой ноге, а левую далеко выбросил вперед; теперь на левой подпрыгнул, правую выбросил. И кажется мальчику: «Здорово получается, не то летишь, не то едешь на чем-то». Размахивая руками, Вова быстро продвигается вдоль улицы, ранец за спиной тоже подпрыгивает, а карандаш и ручка словно выговаривают «летим... летим... летим...»

Вот и широкий школьный двор. Школа, некоторые классы и коридоры освещены огнями.

– Опоздал, Вовка, проспал, засоня, – шумно встретили его ребята. Оказалось, что и классная руководительница Вера Сергеевна уже в школе.

– И вовсе не проспал, вы тоже, наверное, только что пришли, – досадуя на себя, отвечает Вова. Он деловито раздевается и направляется в свой класс.

– Толька, какой ответ в задаче получился у тебя? – как бы мимоходом спрашивает он у Толи Ушакова – лучшего математика звена.

– 320 центнеров и 53 килограмма, – отвечает Толя. – Мы сверялись, и у всех так. Только у Ленки есть одно лишнее действие, мы посоветовали взять его в скобки.

Мальчики входили уже в класс, когда Толя вдруг размахнулся, шлепнул Вову по спине: – За опоздалку! – вскрикнул он и помчался вдоль коридора. Вова стремглав бросился за ним.

– Мальчики, Тютрин, Ушаков, ведь мы вас ждём! – раздался из класса голос Веры Сергеевны. На учительском столе уже лежали красные повязки – эмблемы дежурного школьного начальства.

– Вера Сергеевна, – обратился Вова Тютрин к классной руководительнице. – Мы ещё вчера всем звеном договорились повторить утром на карте реки Азии. Мы не опоздаем это сделать?

– Успеете, время ещё есть, – согласилась учительница, и всё звено столпилось у большой географической карты. И когда ребята изъездили весь огромный материк Азии с его полуостровами, началось распределение обязанностей между дежурными. Группа ребят получила задание следить за порядком в коридоре, вторая – за раздевальной, Вова Тютрин – звеньевой вожатый – пожелал встать на пост у входных дверей, на это пост желающих оказалось немного... Повязав красные повязки на левый рукав, ребята заняли свои места.

В школу приходили ребята, и она огласилась шумом, смехом, разговорами.

Отцы и матери школьников

Отец Толи – Ушаков Александр Васильевич член родительского

комитета уже несколько лет. В школе он бывает часто и не как гость, а как воспитатель и наставник.

Он присутствует на уроках в пятом классе, слушает ответы учеников и всё что-то пишет в свою записную книжку. Учащиеся привыкли видеть Александра Васильевича у себя на уроках, а всё же не выучить урок очень стыдно.

Утятская школа. 1960-е годы.

Во время перемен ребята включают радиоприемник. Хорошо послушать музыку. Радиоприемник приобрели ребята по совету членов родительского комитета. Любят пятиклассники слушать рассказы Александра Васильевича о подвигах советских людей Великой Отечественной войны. Александр Васильевич – инвалид войны, во многих местах довелось ему побывать, многое повидать.

Родительский комитет закрепил Александра Васильевича за 5 «А» классом, где учится и его сын Анатолий. Но у Александра Васильевича забота, чтобы все в классе хорошо учились, все достойно вели себя. И особенная забота о тех мальчиках и девочках, у которых нет отцов. Подолгу иногда засиживаются классная руководительница Вера Сергеевна с Александром Васильевичем, обсуждая ребячьи де-

ла.

Буров Александр Григорьевич – конюх колхоза «Советская Армия» – тоже часто бывает в школе, интересуется её жизнью. Человек уже немолодой, в школе у него учились собственные дети, теперь учатся внуки.

Закреплённый за 7-м классом член родительского комитета колхозный пчеловод Иван Иванович Луканин обещает ребят научить искусству пчеловодства, кстати, школа будет иметь в нынешнем году на пришкольном участке своих пчёл.

Родительский комитет школы в нынешнем году состоит из 15 человек, возглавляет его энергичная женщина Галина Перфильевна Михайлова, всей душой желающая помочь учителям и родителям в воспитании детей.

А разве можно не сказать доброе слово о матери ученика Толи Лобанова? По совету учителей Наталья Андреевна установила с первого класса твердый режим для своего мальчишка, выработала в нём привычку усердно трудиться, настойчиво доводить дело до конца.

К сожалению, не все родители так по-государственному, с полной ответственностью относятся к воспитанию своих детей: для примера назовём Трусову Екатерину Селифановну. Ссылаясь на занятость, Екатерина Селифановна ни разу не побывала в школе, не поинтересовалась, как учится ее дочь – ученица 6-го класса. Екатерина Селифановна Трусова работает в Утятской больнице медсестрой. На вызовы в школу тов. Трусова отвечает: «Учителям деньги платят, если нужно, пусть придут на квартиру ко мне, а я-то уж к ним не пойду».

Петр Александрович Щепкин и Ушаков Николай Иванович тоже считают, что заниматься воспитанием детей нет надобности. «Хлеб вскормит, вода обмоет», – говорят они о своих детях. Невдомек т. Щепкину, Ушакову, что, пользуясь бесконтрольностью с их стороны, их дети в каждом классе учатся по два года и ведут себя плохо, особенно сын Ушакова Николая.

Вера Сергеевна

Учебный день в школе подходит к концу. Идёт последний урок.

Классная руководительница 5 «А» класса Вера Сергеевна Чегодаева сидит в учительской в ожидании конца последнего урока.

Она ведет русский язык в 5–4-х классах. Её уроки по расписанию всегда проходят первыми, но к концу занятий Вера Сергеевна всегда в школе. По домам ребят всегда отпускает сама.

После учебы в Саратовском педагогическом институте Вера Сергеевна в сельской школе работает четвертый год, четвертый год она классный руководитель. Вспоминается ей её первый подопечный класс, она вела его, начиная с пятого. Ей теперь кажется, что это были особенные ребята, все такие хорошие. В седьмом классе они все стали комсомольцами, с ними так было интересно и легко работать. Конечно было много неудач и огорчений, но сейчас все они улетучились из памяти.

Толя Шапкин, какой это был чудесный мальчик, а Люба Чокунова, Валя Судакова, Николай Карвук! Всех бы их встретил сейчас и обнял.

Нет, нынешний первый класс – тяжелый класс. По количеству учащихся он невелик, всего 25 человек.

А четверо переростков, как дурно они влияют на остальных своим поведением. Но их ведь надо учить.

Правда, теперь в классе уже 22 пионера. Одно то, что все они на занятия являются а пионерских галстуках, как-то подтягивает их.

В школе нет освобожденного старшего пионервожатого. Эту обязанность в порядке общественного поручения выполняет учительница истории Ираида Григорьевна Васильева, поэтому с пионерами пятых классов Вера Сергеевна много работает сама.

Главное, создать дружные звенья пионеров. А проведенные недавно сборы отрядов и дружины понравились ребятам и в какой-то мере обогатили их душевный мир.

Прозвенел звонок с урока, Вера Сергеевна направилась в свой класс. В дверях учительской комнаты она чуть не столкнулась с учителем немецкого языка Михаилом Яковлевичем Сорокиным.

– Ваш Петров опять не работал на уроке и другим мешал, – с раздражением говорит учитель.

– Опять не работал, – повторяет Вера Сергеевна с такой ноткой в голосе, словно сама виновата. – Я постараюсь в этом разобраться, Михаил Яковлевич.

Пятиклассники в ожидании своей руководительницы наводили порядок в классе. Зина Бурова мыла классную доску, Шура Сорокин ползал под партой, собирал бумажки и совал себе их в карман.

– В половине шестого вечера мы с вами, ребята, встретимся у клуба, – объявила Вера Сергеевна ребятам. – Полчасика погуляем вместе, а с шести часов просмотрим кинокартину «Овод». Замечательная картина. Хорошо?

– Хорошо, – отвечают хором ребята.

– Сейчас пойдите домой. До половины шестого вы должны дома выполнить письменные задания к завтрашнему дню. Устные уроки будем готовить при огне, – наказывала ребятам учительница.

– До свидания, Вера Сергеевна, – говорят ребята.

– До свидания, – отвечает учительница.

– А на лыжах в лес мы завтра пойдём? – спрашивают некоторые.

– О завтрашней вечерней встрече договоримся завтра.

Вера Сергеевна на этот раз не сдержала слова «разобраться с Петровым», данного учителю немецкого языка.

Возможно, Вера Сергеевна отложила разговор с Петровым до прогулки совместной на улице, которая состоится сегодня в половине шестого. Может быть, этот разговор состоится, когда ребята после кино пойдут провожать домой свою учительницу, а возможно, этот разговор произойдёт в квартире Петрова. Но мы наверняка знаем, что такой разговор состоится.

В. Иванова

// По Сталинскому пути. – 1955. –

№ 128 (27 ноября). – С. 2.

Учителя Утятской школы: Васильева Ираида Григорьевна, Чегодаева Вера Сергеевна, Иванова Раиса Петровна (1950-е годы).

Иван Ефимович Желтышев, учитель музыки Утятской школы.

Притоболье милое...

Над Тоболом стелются
Туманы, росы синие,
Да в кустах заливисто
Свищут соловьи.
В небе месяц светится,
В речке отражается,
Ива смотрит с берега
В зеркало реки.
Я иду по берегу,
Слушаю соловушку,
Чьи рулады звонкие
Льются над рекой.
Соловьиной песнею
Рассказать мне хочется,
Как прекрасна Родина
Вешнюю порой.

И. Желтышев.

//Притоболье. – 1972. – 3 июня.

Последняя фотография Утятской школы. 2009 год.

Школа в деревне Новой

Под школу был выделен дом раскулаченного крестьянина. Школа имела две комнаты. В 30-х годах обучение начальное, учились в две смены.

Учителями в школе работали Андреев Сергей Поликарпович и его жена Корнилова Клавдия Никитична.

Учащиеся Новой деревни, учительница П. М. Чистякова

*с 1955 года директор Попова Зинаида
Ивановна, школу закрыли в 1958 году.*

Школа в деревне Вавилкова

В конце 1920-х годов в одной из изб набрали класс и обучали детей грамоте. В 1947 году решили открыть начальную школу. Учителем поставили молодую девушку Менщикову (Ушакову) Тамару Николаевну. Под школу выделили обычную избу. Доски не было, писали на круглой печке, выкрашенной в черный цвет. Изба стояла на берегу Тобола, из окна было видно, как тополя краснеют и сбрасывают листья в воду. Проучились до зимы, а потом перевели всех в Новодеревенскую школу.

Дети из деревни Вавилкова

Тамара Николаевна вспоминает: «Сама покупала перья, тетради, разводила чернила для всех. Перья обжигала, чтобы мягче были. Дети были полуголодные, оборванные...»

С 1948 по 1952 год Тамара Николаевна работала в Нагорской школе, затем в Утятской школе работала пионервожатой, учителем биологии.

1949 год Нагорская школа

МЕДИЦИНА

История Утятской больницы (1894 год)

Крестьяне волостей Башкирской, Черёмуховской, Глядянской, Митинской, Чернавской, Меньшиковской, Утятской, Камышенской, Нижнее-Алабужской и Плотниковской постановили на своём сходе строить больницу. Объявили сбор денег, и за короткий срок от волостей поступило 7803 руб. 68 коп. И это после неурожая и голода предыдущих лет. Купец Ник. Ив. Калмаков пожертвовал 500 руб., купец Дм. Ив. Смолин – 200 руб. В результате оказалось 8,5 тыс. руб. Строить больницу решили в селе Утятском. Местное крестьянское общество безвозмездно выделило в полуверсте от села участок прекрасной сосновой рощи в окружности более версты.

Для ведения работ была учреждена строительная комиссия под председательством Карновича, состоящая из инженера В. А. Берса,

ведущего строительство железнодорожного моста через Тобол, врача С. И. Дьяконова и пяти волостных старшин. Строить больницу из нового леса не позволяли средства. Стали искать подходящий дом, чтобы перевезти его в Утятское. В селе Верхне-Алабужском Плотниковской волости нашли просторный дом из девяти комнат, полученный когда-то Екатериной Березиной в приданое от отца Егора Игнатьевича Папулова. Комиссия постановила купить дом за 2500 руб. Фед. Сем. Березин без всякого торга сбавил 500 руб., тем самым внеся свою лепту в строительство будущей больницы. Вся постройка больницы продолжалась около семи месяцев под наблюдением специалиста-техника Замаруева, занятого на строительстве железной дороги и с разрешения своего начальства подолгу проживавшего в Утятском.

24 мая 1894 состоялось освящение и открытие утятской участковой сельской больницы. Карнович приехал накануне, чтобы отдать последние распоряжения и присутствовал на всенощном бдении в местной церкви. Наутро стали съезжаться гости.

Приехал губернатор И. М. Богданович в сопровождении окружного исправника Ив. Як. Трофимова, председатель крестьянского присутствия В. И. Лебедев, переселенческий чиновник А. А. Станкевич, крестьянские начальники других участков, волостные старшины, сельские старосты.

Съехались крестьяне из сёл и деревень, пришли ученики местного училища. Открывалась первая в Тобольской губернии сельская больница. Стечение народа было так велико, что на время литургии обширный трёхпрестольный храм вместил только десятую часть собравшихся. После службы крестный ход отправился к больнице, где священник о. Иоанн Желницкий освятил здания, и гости осмотрели больницу. Затем был завтрак для почётных гостей, на котором Богданович отметил заслугу Карновича и передал ему 100 рублей для приобретения хирургических инструментов, а также пообещал с июля месяца назначить в больницу фельдшерицу с жалованьем 420 руб. в год. После завтрака все присутствующие были сняты на фоне больницы прибывшим из Кургана фотографом А. И. Кочешевым. Вечером

местным пиротехником был устроен фейерверк, которым и закончился праздник.

Наутро, 25 мая, в больницу приняли уже трёх человек, через неделю их было 11 человек. Ежедневно больницу посещало до 40 человек. До назначения постоянного врача приём вёл С. И. Дьяконов. В главном здании больницы было три палаты, операционная, кабинет врача, аптека, ванная, умывальня, квартира фельдшера из двух комнат, кухня, под ней огромный каменный подвал, помещение для сторожа. Отдельно были выстроены баня, погреб и заразный барак с двумя палатами и комнатой для сиделки. Против этого барака – дезинфекционная камера в маленьком домике. За месяц до открытия больницу осматривал инспектор Врачебной управы и ко дню открытия прислал значительное количество медикаментов. На устройство больницы было израсходовано 7604 руб. 53 коп, за первые 10 дней на содержание больницы – 325 руб. 95 коп. На руках утятского волостного старшины на нужды больницы осталось 572 руб. 14 коп.

6 ноября 1895 года сельским врачом в утятскую больницу был назначен окончивший курс на медицинском факультете Томского университета В. П. Сосунов. Молодой энергичный Василий Сосунов оказался хорошим помощником Карновичу. Он вникал в нужды сельского населения, часто посещал деревни и сёла, делал операции в больнице.

Положение в деревнях одиноких стариков, инвалидов ужасало как врача, так и крестьянского начальника. Этим беспомощных людей ежедневно переносили из дома в дом при ропоте домохозяев, кормили их плохо, одевали в лохмотья, спать укладывали на голом полу. Да и сами хозяева не всегда имели кусок хлеба. По совету Карновича и Сосунова 30 марта 1896 года был собран сход восьми волостей 2-го участка, на котором было постановлено: «В память предстоящего в текущем году священного коронавания Их Императорских Величеств построить в селе Утятском четыре здания для призрения дряхлых стариков, калек и умалишенных... На постройку ассигновать по 30 коп. с ревизской души и на содержание ежегодно по 10 коп, что составит около 6 000 руб. постройка и около 2 000 руб. на содержание». Утятское для Дома призрения было выбрано из-за больницы и врача, который мог оказывать несчастным постоянную помощь. В строительную комиссию вошли Карнович, Сосунов и пять крестьян из Глядянской, Камышевской, Башкирской, Утятской и Меньшиковской волостей. 14 апреля 1897 года Дом призрения был открыт.

Васильева А. М. Курган. Времена минувшие.

– Курган, 2013. – С. 185–187.

Врачи родом из Утятского

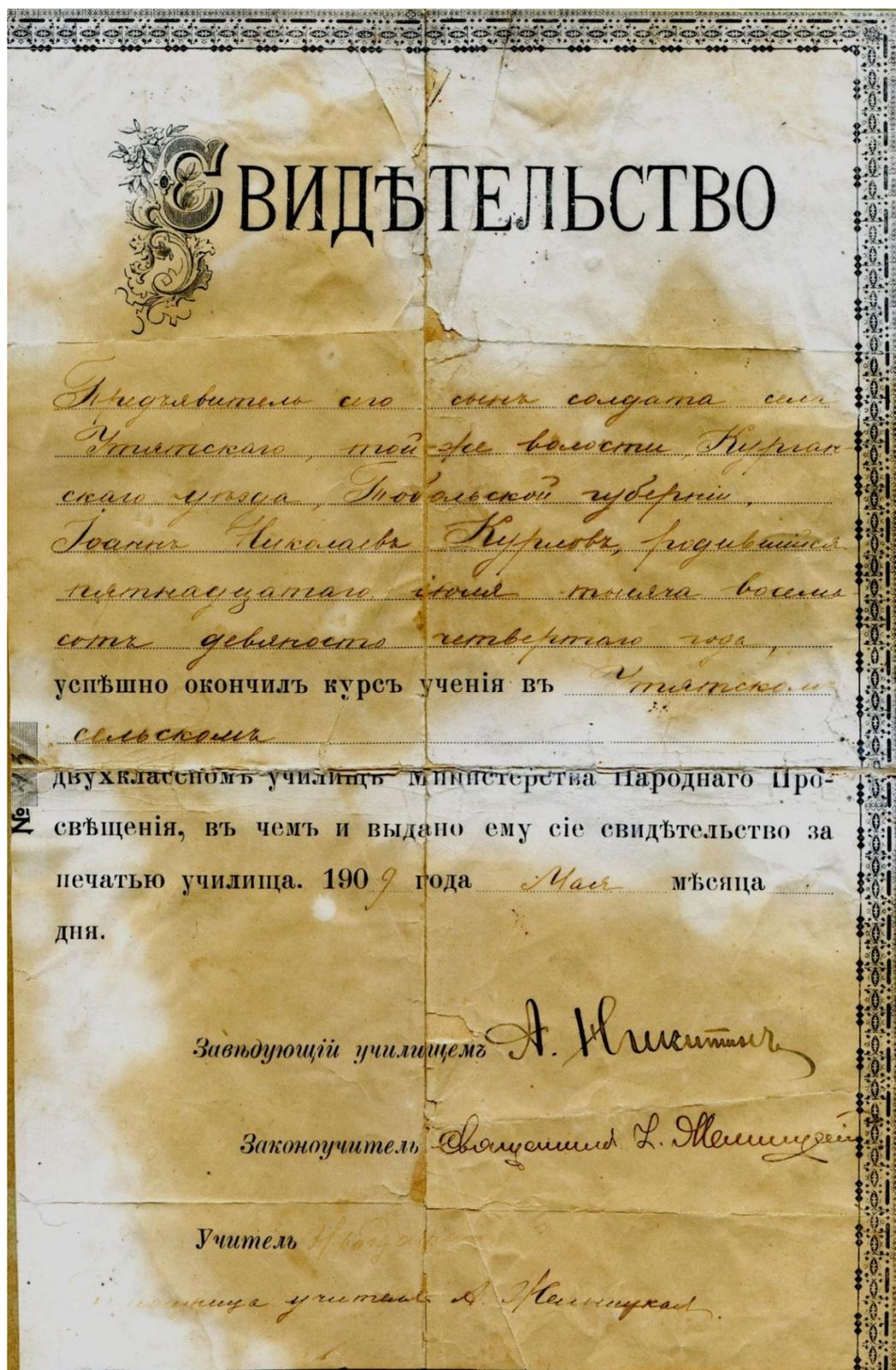
Курлов Иван Николаевич

(1894–1959)

Проживала в Утятском вдова Анфиса Курлова. Был у неё сын Ваня, мальчик, очень способный к учению. И пошла Анфиса по богатеям с подписным листом, не соберу ли, мол, Ванюшке на дорогу. Кто давал пятак, кто расщедрится – гривенник, а у иных – от ворот поворот. Голь, дескать, перекатная, туда же – учиться вздумали. Набрала-таки вдова три рубля, и отправился Ваня с ними добывать свою долю.

Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Молдавской ССР, заслуженный врач РСФСР, заведующий кафедрой глазных болезней Кишиневского медицинского института.

Свидетельство об окончании Утытской школы Курлова Ивана Николаевича.
(Подлинник был выслан В. С. Ивановой для Утытского музея).

Родился в семье крестьянина в с. Утятском Курганского уезда Тобольской губернии. В 1915 г. окончил фельдшерскую школу в Омске и до 1917 г. находился на военной службе. С 1917 по 1921 гг. работал на железной дороге. В 1921 г. поступил на медицинский факультет Томского университета, совмещая учебу с работой фельдшера в глазном отделении. После окончания университета в 1925 г. направлен на работу в Семипалатинск в качестве врача-окулиста. Здесь он организовал два глазных кабинета и глазное хирургическое отделение.

Иван Николаевич Курлов много внимания уделял пластическим операциям на лице. Он разрабатывал и внедрял в практику офтальмологии новые пластические операции, стремился дать научное обоснование проблеме пластической хирургии глаз.

С 1930 г. работал врачом-окулистом в Новосибирске, с 1932 г. занимал должность ассистента кафедры глазных болезней Новосибирского медицинского института.

В 1940 г. Иван Николаевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Увеличение полости конъюнктивального мешка кровавого вшивания глазного протеза».

В годы Великой Отечественной войны он работал в эвакогоспитале начальником глазного отделения.

Последующая научная деятельность Ивана Николаевича заключалась в дальнейшей разработке вопросов блефаропластики с предложением своих оригинальных методов операций восстановления век.

В 1945 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Полная и частичная сквозная блефаропластика». А в 1946 г. был избран на должность заведующего кафедрой глазных болезней Кишиневского медицинского института. Он являлся основателем этой клиники и за 12 лет своей деятельности в Молдавской ССР организовал офтальмологическую помощь населению на высоком уровне. Иван Николаевич Курлов умело организовал борьбу с трахомой. Эта работа дала положительные результаты.

Он был блестящий офтальмо-хирург, кристально честный чело-

век, скромный, преданный Родине.

Иван Николаевич написал более 40 научных работ и монографий. Совмещал многогранную деятельность врача-специалиста с общественной деятельностью.

Выполнял различные партийные и общественные поручения. Дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд», «За победу над Германией», знаком «Отличник здравоохранения».

Встреча не состоялась

(документальная новелла, в центре которой два медика, два друга, родом из Утятского – Иван Курлов и Михаил Иванов)

Вечером, когда Михаил Степанович готовился ко сну, принесли телеграмму: профессор, доктор медицинских наук, ученик знаменитого академика Филатова, извещал, что едет навестить друга детства, повидать родные края.

Михаил Степанович долго сидел над телеграммой, будто не мог до конца понять ее. Выходило, что в Боровушке профессор будет завтра днем, самое позднее – вечером.

– Что ж, милости просим, Иван Николаевич. Через пятьдесят лет не грех посетить родные места...

Михаил Степанович подошел к книжному шкафу. На верхней полке рядом стояли книги и брошюры профессора Курлова. Оттуда же, с фотографии смотрел сердитый старичок в белом халате и такой же шапочке.

– Состарился, брат. «Край» увидел? А я еще ничего! Давай-ка, друг, подальше держаться от «края», а?

Действительно, в свои семьдесят четыре года Михаил Степанович выглядел еще молодцом. Прямой, широкоплечий, густые, с проседью волосы, свежее чистое лицо.

– В Боровушке старость должна приходиться к человеку, когда ему перевалит за сто! – любил повторять он.

Михаил Степанович всю жизнь прожил в Боровушке, если не считать время, когда колесил с полевыми госпиталями и во время первой мировой войны и, гражданской, и последней, Великой Отече-

ственной. В Боровушке он начал свою медицинскую практику. Организовывал больницу – первую в округе на пятьдесят верст во все стороны. Лечил своих пациентов больше убеждениями о пользе быть ближе к природе, к целебному боровушинскому воздуху, о вреде курения и алкоголя. Больницей назывался крестьянский дом в центре села, а он, человек со средним медицинским образованием, был здесь и врач, и фельдшер, и акушер. Впрочем, роды у крестьянок приходилось принимать чаще всего на дому и даже в поле – где придется.

Теперь в Боровушке целый лечебный городок. Он разместился в сосновой роще за селом. Там и поликлиника, и хирургическое отделение, и родильный дом, и аптека. В этом лечебном городке Михаил Степанович бывал часто, но всегда заходил как бы случайно. Лечебный городок начали строить в тот год, когда он пошел на пенсию, и какое-то чувство, похожее на зависть, носил в себе старый фельдшер к новой больнице и ко всему ее персоналу.

Укладываясь в постель, Михаил Степанович долго еще думал о предстоящей встрече. Он думал, как пойдут они рыбачить на Серебрянку, где когда-то, купаясь, чуть не утонул Ванюшка Курлов. Побывают на озере Белом, вообще вдоволь побродят по окрестностям! Потом профессор примет больных в больнице. Михаил Степанович старается вспомнить, кто из жителей страдает глазами. Будто нет таких! Пожалуй, стоит дать объявление в газете, чтобы из других сел и деревень нуждающиеся побывали на приеме у профессора.

С этими мыслями Михаил Степанович заснул. Во сне видел свою старую больничку. Лиза, покойная жена, санитарка при больнице, поливала в палисаднике его любимые белые махровые астры. «Лиза, – звал он жену, – где марля, которую мы купили на деньги, вырученные с продажи подсолнухов? Надо нарезать из нее бинтов». На кушетке перед ним лежал человек с кровоточащей раной, и он никак не мог остановить кровь.

Утром, проснувшись, как всегда, с рассветом, Михаил Степанович первым делом вспомнил о телеграмме.

«Ивану уступлю эту комнату, – думал он. – Сам перейду в кух-

ню на раскладушку».

Оглядев свое жильё старого вдовца, Михаил Степанович нашел нужным навести полный порядок, сменить постельное белье, еще кое-где помыть, почистить.

– Ничего, Ваня! – рассуждал он сам с собой. – Может, в твоей одесской квартире и лучше. Пусть так... А помнишь, как учились в Омской фельдшерской школе? Спали на одной кровати. Ты был без стипендии, я получал повышенную. Делили ее на двоих. Ты стал профессором, доктором наук, заслуженным врачом республики, я же, как приехал в село после школы фельдшером, так и остался в этом «чине». Не подумай, Ваня, что завидую или что ещё, нет! Я прожил хорошо, счастливо... Вот если бы ещё сейчас со мной была моя Лиза!..

Закончив домашние дела, в новом выутюженном костюме, в белой сорочке Михаил Степанович вышел за ворота, что бы встретить гостя. Может, пройти к остановке? Может, профессор придет с очередным автобусом?

Улица родного села, длинная, прямая, как стрела. Неужели Иван не заметит, как похорошела она, как изменилась с тех пор? Новые дома выстроились по линеечке. Немножко выдалась, правда, вперед и портит вид избёнка бабки Макриды Титовны. Рядом – крестовые дома двух ее сыновей. Но не хочет бабка к ним. «Родилась и умру в своей избе», – отговаривается. Что с нее взять – настоящая «бабка Ежка»!

У каждого дома – палисадник с цветами, с кустами сирени и акации. А тогда он должен помнить, что, кроме коровьих загонов, около домов прямо ничего не было. Вот каменная школа. Хороша! А у окна детского сада ставень оторвался. Неужели не видит заведующая! Почему не прибьют? Хуже того, в переулке куча мусора. Он сейчас же пойдет и скажет, чтобы убрали.

Улица родного села – дом родной.

С крыльца почтового отделения сбежала девушка. Идёт ему навстречу.

– Вам телеграмма, – с какой-то грустью в голосе говорит и пода-

ёт длинный листик, склеенный посередине. Что-то неладное слышится в ее голосе, и как-то неровно стукнуло сердце в груди. Вскрыл телеграмму, прочёл. Жена профессора Курлова извещала, что Иван Николаевич скоропостижно скончался в пути.

Ускоряя шаги, Михаил Степанович всё шёл и шёл вперёд. Он давно миновал село и, сам того не понимая, куда идёт, очутился около старой изгороди. Почерневшие жерди еле держались на подгнивших столбиках. Что за изгородь? Да это кладбище! Зачем он здесь! Вспомнился анекдот про фельдшера, который будто бы указывая на кресты, хвалился: «Все у меня лечились!». Впрочем, мало ли обидного рассказывалось о фельдшерах! На свой счет он этого не принимает.

«Домой!»

Михаил Степанович пошел по направлению к селу, первый раз в жизни он почувствовал, что сердце его стучит с перебоем, что ноги плохо слушаются.

Догнала больничная легковая машина. Шофер затормозил. Открылась дверца: «Садитесь, довезу...»

– Спасибо. Предпочитаю пешие прогулки, – сказал он, пропустив машину.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 24 (30 января). – С. 4.

Раков Владимир Яковлевич

Владимир Яковлевич Раков окончил Омский государственный медицинский институт в 1969 году. С 1971 года после окончания ординатуры работает в «Городской больнице скорой медицинской помощи». С 1973 года по 2003 год был заведующим офтальмологическим отделением.

Владимир Яковлевич – врач-офтальмолог высшей квалификационной категории. Ежегодно проводил до 400 различных операций на микрохирургическом уровне, продолжает оперировать и сейчас.

Владимира Яковлевича Ракова называют легендой офтальмологической службы Курганской области.

Владимир Яковлевич на базе своего отделения организовал офтальмологический центр. За четверть века существования здесь была оказана помощь 200 тысячам жителей города и районов области.

Будучи главным внештатным офтальмологом отдела здравоохранения Администрации города Кургана, Владимир Яковлевич уделял большое внимание работе поликлиник: благодаря ему было обновлено оборудование в офтальмологических и процедурных кабинетах.

Владимир Яковлевич имеет публикации в сборниках работ по вопросам оказания офтальмологической помощи.

В 1999 году за большие заслуги и преданность делу В. Я. Раков приказом Министра здравоохранения РФ был награжден Почетной грамотой.

Учащиеся Утятской школы.

В первом ряду слева сидит Володя Раков.

В 2000 году отмечен Благодарственным письмом Губернатора Курганской области.

Решением Курганской городской Думы и Администрации города Кургана в августе 2000 года портрет нашего земляка занесен в галерею «Курганцы – гордость города».

В 2002 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный врач РФ».

– У меня была мечта овладеть своей профессией как можно глубже; знать как можно больше; помогать больным как можно лучше. И эта мечта исполнилась, – говорит он, – когда делом своей жизни я выбрал офтальмологию. И остаюсь ей верен до сей поры.

Шевердин Николай Николаевич

(1946–1996, хирург)

Работал в областной детской больнице им. Красного Креста г. Кургана. Стаж работы 25 лет. Здесь он стал хирургом высшей категории. Занесён в Книгу почета людей области.

Образование: окончил Омский государственный медицинский институт им. М. И. Калинина по специальности «педиатр».

Время скрывает от нас черты людей, делает их расплывчатыми, но масштабы личности угадываются даже в далёком прошлом.

Хирург Николай Николаевич Шевердин один из немногих, перед кем сотни людей готовы низко поклониться в благодарность за спасённые жизни.

Детство и отрочество Николая Николаевича прошло в селе Утятском, где друзья его уважали. Но не просто так, а за дело. Справедливость, смелость заслуживают уважения.

Для меня Коля Шевердин – герой, в котором, как в фокусе, собрано всё лучшее и ценное, к чему мы стремимся сами, но не у всех

это получается.

Поразительно, но сама судьба с детства словно нацелила этого мальчика на спасение чужих жизней.

Где-то в начале 60-х годов зимой он спас девочку. Трактор вёз стог сена. Дети решили, прицепившись, прокатиться. Ещё немного, и девочку затянуло бы под сани. Я была свидетелем этого. До сих пор помню, как оцепенела от страха. А Коля, проходя мимо, не растерялся, остановил трактор.

Каждый день мы совершаем маленький или не очень маленький выбор, сопоставляем героев с нами самими, с простотой нашей собственной жизни. По тому, какие у нас герои, можно судить о нас самих, о тех ценностях, которые нам важны и дороги.

Коля Шевердин среди друзей детства был особенным. Красивый блондин с чуть грустными глазами и негромким голосом. Теперь, кажется, что он уже тогда знал про себя всё и про нас всех тоже. Он всегда любил свою малую Родину. Утятка – это святое. Если пациенты говорили на приеме:

«Мы из Утятки», – это звучало для него, как пароль.

Он начал строить новый дом в Утятке, но не успел закончить...

На Утятском кладбище ему поставлен необычный памятник. На нём начертаны строки:

*Значит правда,
Что крик журавлиный –
Это давних знакомых зов!*

Т. Иванова. Из личных записей.

Иванов Сергей Степанович

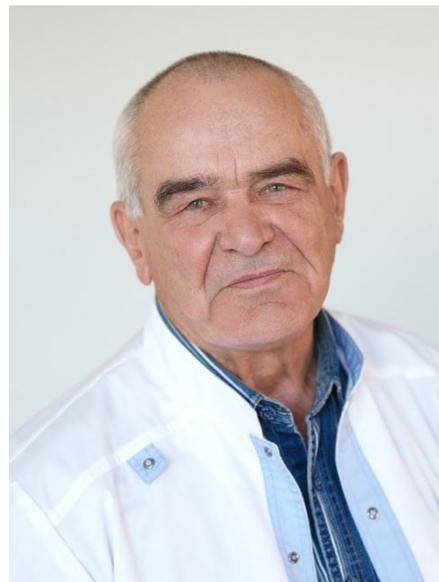
Родился в 1948 году.

Место работы: медицинский центр ХАРИЗМА (г. Курган).

Специализация: стоматолог-ортопед.

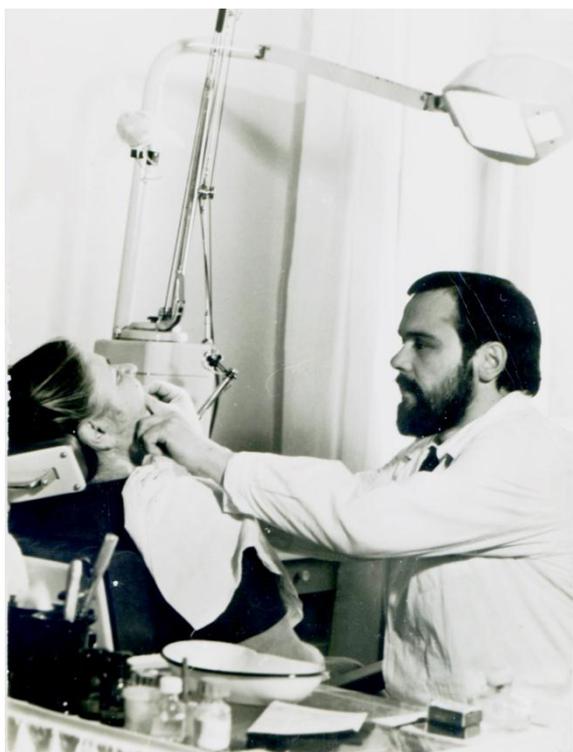
Стаж работы: 47 лет.

Образование: Окончил Омский государственный медицинский институт им. М. И. Калинина по специальности «стоматология» (1971 г.). Прошёл ординатуру в Омском институте по специальности «ортопедическая стоматология» (1976 г.).

С полной уверенностью можно сказать, что пациентами врача-стоматолога Иванова Сергея Степановича были не только жители города Кургана, но и половина жителей села Утятского и близлежащих деревень.

Стоматологом он стал первоклассным. На практике доказал, что способен на творческие решения сложных проблем в стоматологии. Обладает большим запасом знаний в своём врачебном деле. И не только в нём.

Сергей Степанович принадлежит к той немногочисленной части людей, знания к которым приходят неизвестно откуда.

Будучи дошкольником, он сам научился читать, писать. Причём, грамотность была абсолютной. Первая учительница Е. Ф. Кирилова говорила, что учить его нечему, он уже всё знает.

Эта удивительная способность сохранилась до зрелого возраста. Его глубокие знания в истории до сих пор поражают многих. Сергей Степано-

вич может объяснить значение непонятого слова, выражения. Может наизусть процитировать что-нибудь из классики, хотя никогда ничего специально не учил.

Говорят, что одним из проявлений Бога на земле является природа. В жизни Сергея Степановича она занимает одно из первых мест. Недаром на склоне лет он поселился в Утятском. Круглый год рыбалка, размеренная жизнь умного, не очень общительного человека без всяких амбиций. Примечательно, что домик свой он поставил в том краю села, где жили его предки. Край этот назывался Минеевка, по имени его прадеда Минея Иванова.

Т. Иванова. Из личных записей.

**Коля Швердин и Сережа Иванов.
Будущие хирург и стоматолог**

**Друзья детства.
Коля Макаров, Толя Ушаков, Коля Швердин,
Игорь Швердин, Серёжа Иванов.**

Утятка. Футбольная и хоккейная команды в 1960-е годы.

Утятский аптекарь

(очерк)

Ещё недавно Утятская аптека помещалась в простом крестьянском доме. Теперь для нее построено специальное здание – просторное и светлое. По наличию медикаментов, перевязочных материалов, предметов ухода за больными аптека может соперничать с любой городской. Однако рассказать хочется о заведующем аптекой Дмитрие Федоровиче Ламанове, об аптекаре, как все его называют.

Исстари бытует пословица: «Человек не красно солнышко, всех не обогреет», но в аптекаре Ламанове столько к людям благожелательства, доброты, что эту пословицу надо ставить под сомнение, она неправильна.

Пять лет живет и работает в селе Утятском аптекарь Ламанов. Полюбилось ему село, полюбились люди, и он людям полюбился.

Детство и юность Дмитрий Федорович провел в Казахстане. Восемнадцатилетним ушел на войну. Участвовал в форсировании Днепра, попал в плен, был в концлагерях, вместе с другими пленными рыл себе могилу, случайно удалось спастись и совершить побег. Потом опять сражения на Яссо-Кишинёвском направлении. С боями дошел до Германии и на реке Одер лишился ноги. Словом, человек прошел все муки ада. После войны, уже инвалидом, учился в специальном учебном заведении и вот – в Утятском – заведующий сельской аптекой.

Табличка на дверях аптеки гласит, что рабочий день начинается с 9 часов утра. До начала работы еще час, а Дмитрий Федорович уже на месте. Всех раньше к Дмитрию Федоровичу пришла соседка бабушка Настасья.

– Не дашь ли что-нибудь от нервов. Все нервы испортила со снохой. Каждый день пыль до потолка. Я ей слово, она мне два, да самые что ни на есть вредные.

И ведется беседа с бабушкой, как сохранить нервы. Как надо научиться сдерживать себя и не говорить того слова, на которое следует два – «Попробуйте, Настасья Дмитриевна...»

Зашел пастух Кудряшов по рецепту получить лекарство, а денег

маловато захватил. – Донесете потом. – Не возвращаться же человеку с пустыми руками.

Здоровье Прасковьи Фалевой идет на поправку. Советует ей аптекарь продолжать лечение, как можно больше бывать на воздухе, но от тяжелой физической работы пока воздерживаться.

Женщина-мать обеспокоена здоровьем дочки-подростка. У девочки нет аппетита. Известно, весной мясу не сезон, а рыбу не любит. И ведет аптекарь разговор, как разнообразить пищу, какие блюда можно приготовить из рыбы, и как полезна для девочки утренняя гимнастика и опять же воздух.

– Наш аптекарь не хуже врача, всё-то он знает, объяснит, расскажет. Побываешь у него, поговоришь с ним, и легче становится, – говорят о Дмитрие Федоровиче люди.

Здание аптеки

Добрая слава широко разлетелась об утятском аптекаре по соседним деревням и сёлам. Издалека в аптеку приходят и приезжают люди, для всех хватает у Дмитрия Федоровича теплоты и сердечности.

В пять часов кончает работу аптекарь. Теперь время и о себе подумать, здоровье и у самого неважно: Дмитрий Федорович передвигается с помощью костылей (даже протез не за что зацепить). Хорошо, что нынче имеет мотоколяску. Можно уехать на ближнее озеро или на крутой берег реки.

Там посидеть среди природы с удочкой. «Природа – наша естественная лечебница. Ей только и жив человек», – говорит Дмитрий Федорович.

Вот такой аптекарь в селе Утятском, не красное солнышко, но все люди, которые общаются с ним, им довольны, благодарны ему. Хорошо быть таким человеком.

В. Иванова

// Притоболье. – 1965. – № 29 (5 июня). – С. 3.

Увлечённость

(утятский фельдшер Нина Афанасьевна Сикачева)

Опять Нина Афанасьевна торопится. Ни днем, ни ночью покоя не знает.

Заглянувшая скоротать праздное время соседка поддерживает:

– Работа такая, да и человек она беспокойный. Дело это как раз по ней.

И долго ещё толкуют соседки о Нине Афанасьевне Сикачевой, сколько раз помогала она им самим, детям, мужьям, какой она замечательный фельдшер.

Сначала утятцы знали ее маленькой Ниночкой, потом стала Ниной, теперь вот Нина Афанасьевна. Только раз она уезжала из родных мест на четыре года, которые провела в Курганском медицинском училище. Когда же получила диплом медика, попросила направить на работу в Утятку, просьбу эту, конечно, удовлетворили.

Медпункт. Здесь хозяйничает такая чистота, такой ослепительно-белый цвет, что многие посетители разуваются у порога. И никакие уговоры фельдшера обуться не помогают.

За каждым ее движением следят пять пар девичьих глаз. Каждую весну и каждую осень к лучшему фельдшеру района приезжают на практику студентки медучилища. Здесь они впервые закрепляют

практикой знания, почерпнутые из учебника, и самое главное – учатся, каким должен быть сельский медик.

В марте у этих девчонок выпуск, и наверняка, повторяя слова клятвы Гиппократ, будут они видеть перед собой милое лицо утятского фельдшера. Вот она сосредоточенно выслушивает больного, вот ловко зашивает рваную рану, вот приготовилась удалять зуб. А вот она в школе, занимается с девочками, членами школьного санитарного поста, вот беседует с донорами, читает в клубе лекцию об охране здоровья, вот склонилась над листом ватмана, который станет в скором времени ярким медицинским плакатом, вот проводит профилактические осмотры, прививки.

Начинала Нина свою деятельность еще тогда, когда в Утятке существовала участковая больница. Потом ее упразднили, а работать хотелось в коллективе, потому перешла в Утятский детский санаторий. Работа спокойная, от и до, только и выполняй указания врача.

И она затосковала. Да еще квартировала у нее новый фельдшер. И когда прибегали к той встревоженные люди, Нина места себе не находила.

– Почему же это не я на вызов-то иду?

Через несколько месяцев, как только предоставилась возможность, она приняла медпункт.

Первым с ней старается поздороваться и стар и млад. Это очень нужный в Утятке человек.

Т. Михайлова

// Притоболье. – 1971. – № 129 (28 октября). – С. 3.

В бору под Утяткой

(детский психоневрологический санаторий)

Это было единственное в области учреждение, где врачевали детей с нервными расстройствами, умело совмещая лечение с учебой и отдыхом. Расположение здравницы более чем удачно. По берегу Тобола растянулось село Утятское, а выше, на песчаном взгорье, в просторном и светлом сосновом бору стоит здание санатория. Рукой подать – озеро Акулинкино.

– Шестьдесят детей лечатся у нас постоянно, – рассказывает Николай Михайлович Тихомиров, главный врач санатория. – Пациенты наши – от 4 до 14 лет с нервно-психическими расстройствами. Лекарства здесь сделают немного, если не будет врачевания педагогического.

Поэтому врачи и педагоги работают в теснейшем контакте. Да и не только они, но и медицинские сестры, учителя санаторной школы, все, кто здесь работает.

Николай Михайлович Тихомиров – главный врач санатория. За успехи, достигнутые в развитии здравоохранения и медицинской науки, награжден медалью «За трудовую доблесть».

Фото В. Гордиевских.

Матросов Н.

// Притоболье. – 1979. – № 46 (17 апреля). – С. 3.

Коллектив Утятского санатория. 1966 год.

Врачи, педагоги и воспитанники Утятского санатория. Николай Михайлович Тихомиров и его жена Анна Михайловна на фото слева – верхний ряд.

Дорога к Утятскому санаторию. 2000-е гг.

Забота о детях

(детский сад, ясли в Утятском)

В 1944 году в колхозе «7 ноября» Утятского сельсовета работают ясли и детская площадка в хорошем светлом доме. (По воспоминаниям старожил, это был дом раскулаченных). В помещении чисто, на окнах белые занавески. На подоконниках цветы. Заведующая яслями т. Волкова смотрит в основном за дошкольниками. Ясельники на попечении няни Нюры Родионовой. Ясли и площадку ежедневно посещают 12–18 детей. Дети выглядят хорошо.

Ольгина Л.

// Красный Курган. – 1944. – № 130 (2 июля). – С. 2.

В 1948 году в Утятском начала работать областная школа санаторного типа (бывшее здание сельхозтехникума). К 1949 году главный корпус был капитально отремонтирован, двор обнесён новым забором. Директором был А. А. Поздин. Об этом нам сообщает газета.

Рыбин М.

// По сталинскому пути. – 1949 г. – № 33 (19 августа). – С. 2.

В 1960-е годы в здании бывшего сельхозтехникума, бывшей школы санаторного типа располагается детский сад «Малютка». Са-

дик посещают 120 детей. Есть в садике и круглосуточная группа, для детей организовано четырехразовое питание. Педагогический коллектив здесь очень дружный, сплочённый. В этом немалая заслуга заведующей детским садом Анны Ивановны Долгушевой.

Евстратова Н.

// Притоболье. – 1969. – № 79 (3 июля). – С. 3.

Работники детского сада.

Заведующая А. И. Долгушева сидит справа.

УТЯТСКИЙ СЕЛЬСКИЙ КЛУБ

Утятский сельский клуб. 1950–1960-е годы.

Слёт мальчишек

В Утятском клубе был проведён слёт мальчишек. На него пришли ветераны войны и молодые солдаты Н. Боровков, Н. Ловыгин и Н. Андреев. На груди бывших солдат – знаки солдатской доблести, у многих – нашивки, свидетельствующие о ранениях.

В фойе – матросы и рота танкистов. Бывший военнослужащий А. С. Макаров принимает рапорты от командиров мальчишеских рот. В зале – тишина.

Потом перед собравшимися выступили солдаты разных поколений, рассказывали о службе, говорили, как пригодятся ребятам те знания, которые они получают в школе.

Гостей приняли в почетные пионеры.

О том, как проходил слёт, очень хорошо написала одна из учениц – Катя Сорокина – в своём сочинении «Незабываемый день»:

«Вчера в клубе был слёт мальчишек. К этому дню мы очень долго готовились, целый месяц. Я была ведущая в сценке «Василий Тёркин». Перед нашим выступлением сдавали рапорт и танкисты, и моряки. Особенно мне понравились моряки.

К нам пришли гости – парни, отслужившие в армии. С замирающим сердцем я смотрела, как их принимали в почетные пионеры. Потом началась наша сценка. Все участники сильно волновались, но зрители сказали, что мы выступили хорошо.

Такие дни, как этот, бывают нечасто».

А. Девятова.

// Притоболье. – 1969. – № 30 (6 марта). – С. 1.

Каждый четверг

Члены колхоза «Россия» и все жители населённых пунктов Утятского сельского Совета каждый четверг могут послушать местные радиопередачи. Организует их член исполкома сельсовета Тамара Николаевна Ушакова.

В программе передач – последние известия из жизни села, беседы на различные темы. Концерты участников художественной самодеятельности.

А. Трифонов.

// Притоболье. – 1967. – № 1 (1 января). – С. 3.

На сельской сцене

Клуб села Утятское. С затаённым дыханием следят зрители за тем, что происходит на сцене. Идёт спектакль «Русские люди».

Когда закрывается занавес, зал взрывается аплодисментами. И хотя пьеса поставлена непрофессиональными актёрами, а зрители знают каждого из артистов по имени, впечатление очень сильное. Даже наоборот – «своим» прощают мелкие ошибки, стараются их не замечать, внимание не ослабевает от первого до последнего акта.

Стоит того пьеса, но надо сказать и об исполнителях. Постановка осуществлена под руководством агронома колхоза «Россия» Г. И. Чупрова, он же – в главной роли. Хорошо сыграли в пьесе учительницы Г. Т. Михайлова, Л. Я. Уфимцева, методист клуба

Е. Н. Максимова, тракторист Л. М. Уфимцев и другие. Зрители желают им дальнейшего успеха.

Т. Ушакова.

// Притоболье. – 1968. – № 29/30 (8 марта). – С. 6.

Интересный диспут

Недавно в клубе села Утятское был проведён диспут на тему «Что такое счастье».

Хорошо подготовленный, он прошёл очень живо и интересно. Каждый хотел высказать своё мнение, но мне особенно понравились выступления фармацевта аптеки Любы Макаровой, депутата сельского Совета Анны Николаевны Синициной и заведующей клубом Елены Николаевны Максимовой.

Г. Ловыгина.

// Притоболье. – 1968. – № 150 (17 декабря). – С. 2.

«Представление» в коридоре

В начале февраля в нашем селе Утятском побывали артисты эстрады и цирка. Естественно, каждому хотелось посмотреть интересное представление. А так как клуб у нас не особенно большой – мест на 250, то было, прямо скажем, тесновато и жарко. Но, несмотря на это, выступлением гостей все остались довольны.

И только одно омрачило нам настроение в этот вечер. Во время представления в зал ввалились пьяные киномеханик Виктор Волков со своим помощником и стали шуметь, мешать собравшимся. С трудом удалось заставить их покинуть зал. Тогда они выключили свет в коридоре и устроили борьбу, в которой охотно принял участие и заведующий клубом Александр Потанин, также оказавшийся нетрезвым.

Это «представление» в коридоре сильно мешало смотреть концерт. Никакие уговоры не действовали на борцов.

Притобольной дирекции киносети следует строго спросить с Волкова за его недостойный поступок.

В. Веселов.

// Ленинский путь. – 1965. – № 18 (11 февраля). – С. 4.

Вскрыть в 1974 году

В колхозном клубе села Утятского в прошлое воскресенье состоялась церемония вручения свидетельств о рождении. Виновниками торжества были счастливые родители Александр Яковлевич и Галина Яковлевна Затула, Николай Анатольевич Антонов и Анатолий Владимирович Ижевских. Их поздравил с радостным событием в жизни секретарь партийной организации колхоза «Россия» Василий Степанович Фрончик.

Свидетельства о рождении вручил председатель сельского Совета Дмитрий Поликарпович Ушаков.

Для новорождённых были вручены памятные подарки от октябрят, пионеров, комсомольцев Утятской восьмилетней школы, от партийной организации и правления колхоза «Россия» с надписью: «Вскрыть в сентябре 1974 года». В этот день новорожденные впервые переступят порог школы.

Присутствующие горячо и сердечно поздравили родителей, пожелали им и малышам хорошего здоровья и большого счастья.

В. Ушаков, зав. клубом

// Притоболье. – 1968. – № 22. – 20 февраля. – С. 1.

Как мы работаем

Ежемесячно мы перевыполняем план сбора денег за кино. В июле, например, вместо 2000 рублей мы взяли 5000.

Наши соседи-киномеханики часто спрашивают у нас:

– Как вы работаете, что у вас такой успех?

А работаем мы вот как. Чтобы людям было виднее, когда и что будет, мы сделали три щита, на которых пишем название кинокартины и время демонстрации её. Один такой щит стоит у здания сельского Совета, второй – у колхозной конторы, третий – у столовой. В Нагорке, правда, нет таких щитов. Но там мы вывешиваем три-четыре рекламы. Не забываем мы и репертуар кино, нужный для того, чтобы люди заранее знали, что они могут увидеть на экране. Ожидая кино, зритель, может быть, и деньги на него приберегает...

Кинокартины мы демонстрируем в строго определённые часы: в 7 и 9.30. Очень помогает нам выполнять план и то, что наш отдел

культуры удовлетворяет спрос зрителя на новинки кино. Захотелось нашим колхозникам увидеть скорей третью серию «Тихого Дона» – и они увидели её.

Работаем мы сразу на двух стационарных киноаппаратах, что даёт возможность демонстрировать сеанс безостановочно и что не утомляет зрителя.

В. Колташов, киномеханик

// Искра. – 1958. – № 105 (2 сентября). – С. 2.

На эту старинную фотографию из архива Нагорской библиотеки можно смотреть бесконечно и думать о той молодежи, о сельском клубе, когда это было?!...

УТЯТСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Под руководством директора Варвары Степановны Ивановой и завуча Анны Тимофеевны Потаниной при школе работает кружок юных историков. Изучается история села Утятского, которое существует около 300 лет.

Краеведческий уголок-музей

В просторной избе светло и чисто. На окнах цветы. У стены деревянная кровать с горой пышно взбитых розовых подушек. Бросается в глаза большой портрет Михаила Ивановича Калинина. Хозяйка избы 90-летняя Прасковья Ивановна Иванова, отдавшись воспоминаниям, рассказывает:

– Тяжело жилось женщине в старину. Замуж выдавали силком. Про это в народе и песня сложена:

*Скука молодой на чужой стороне,
Плакать не смею, тужить не велят,
Только велят потихоньку вздыхать...*

Старушка продолжает нараспев:

*В избу зайду – слёз унять не могу,
Гляну в окошко – гуляет народ,
Все-то гуляют, милёночка нет...*

В селе Утятском не одна Прасковья Ивановна мастерица сказки рассказывать и песни петь. Её приятельница и однофамилица Татьяна Александровна Иванова также много знает их.

Вспоминают в селе Дмитрия Ивановича Чукомина, былинника и сказителя, умершего в прошлом году.

Учителя и ученики семилетней школы – директор школы Варвара Степановна Иванова, завуч Анна Тимофеевна Потанина, преподавательница географии Александра Гавриловна Яковлева и старшие школьники – записывают каждую услышанную ими песню, сказку, воспоминание. Эти ценные записи анализируются, сличаются с другими документами по истории села и приобщаются к материалам школьного краеведческого уголка-музея.

Преподаватели и ученики ведут специальный журнал «Школьная летопись». Первые краткие сведения по истории села Утятского в журнале записаны так: «Для защиты от опустошительных татарских набегов по распоряжению Тюменского воеводства основан острог Утятский. Он расположен на самом берегу реки Тобол».

В школьном уголке-музее подробно рассказывается о первых годах села после Октябрьской революции.

В селе был создан Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Сохранились имена первых членов Совета – Р. М. Родионов, Н. В. Луканин, Н. Д. Родионов и другие. Пережили крестьяне и тяжелые дни, когда в 1919 году бесчинствовали колчаковцы.

Классовая борьба времён военного коммунизма не прошла мимо села Утятского. Бандиты-кулаки, стремившиеся сорвать продразвёрстку и отправку хлеба Красной Армии, убили начальника милиции тов. Макарова и двух его помощников. Этой трагической странице истории в музее посвящен отдельный стенд. Товарищ Макаров и его товарищи были с почестями похоронены в центре села в братской могиле, сохранившейся до наших дней.

В 1923 году в Утятское пришли из Кургана первые пионеры. Их

было 80 человек. Они расположились лагерем, развели костёр и позвали к себе ребят села. В селе после этого тоже организовалась пионерская дружина.

Много интересного рассказывает школьный музей о периоде Великой Отечественной войны. Школьники вместе со взрослыми колхозниками всеми силами помогали фронту, собирали средства, боролись за урожай, заготавливали топливо. Патриотический труд школьников получил высокую оценку. Как величайшую ценность и гордость коллектив школы хранит телеграмму товарища Сталина:

«Утятка, Курганской области, Глядянского района, НСШ, директору Ивановой, учащимся Сомусевой, Фисенко и Волкову... Передайте учащимся Утятской НСШ, собравшим средства на строительство танков, благодарность Красной Армии и мои пожелания им здоровья, успехов в учёбе и общественной работе...

СТАЛИН».

С тех пор каждый ученик Утятской школы старается учиться и помогать Родине так же хорошо, как это делали их товарищи в дни войны, чтобы заслужить приветливое слово и благодарность величайшего в мире человека...

Коллектив школы не ограничивает краеведческую работу сбором материалов по истории села. Второй год ведётся журнал наблюдений над природой. Из него мы узнаём, когда в прошлом году выпал первый снег, какова была глубина его, когда распустились почки, в какой день замечен прилёт и отлёт казарки, как шло созревание полевых и огородных культур в 1947 году и как оно идёт сейчас.

Изучая историю и природу села, ученики Утятской школы глубже вникают в славное прошлое и настоящее своей великой Родины.

В этом огромная заслуга руководителей школы, прививающих своим питомцам вкус к краеведческой работе.

Ольга Лимарь

// Красный Курган. – 1948. – № 134 (7 июля). – С. 3.

Музей в Утятском

Заседание райисполкома затянулось допоздна. Горячи были прения, и никто не слышал, как по улице гулко проскакал всадник. Гонца из коммуны «Заря жизни» участники заседания увидели, когда он распахнул дверь и ещё с порога крикнул:

– Патраковские кулаки коммуну грабят!

И вот сквозь глухую осеннюю ночь по лесной просеке уже мчатся на помощь коммунарам вооруженные конники. Едва поспева-ет за ними молодая учительница Варенька Иванова. Она сжимает в руках револьвер, мысли её там, в коммуне, с женщинами, прячущими детей от озверевшего кулачья.

Случилось это больше четверти века назад. Но о подробностях той памятной ночи можно узнать в музее из рассказов директора Утятской школы-семилетки Варвары Степановны Ивановой. Музей в Утятском создали к 40-летию Октября. Активисты сельского Совета во главе с Варварой Степановной собрали здесь много интересных документов, повествующих о судьбе одного из сёл Зауралья. Рассказ начинается от стародавних времен, когда плыли по Тоболу на остро-грудых челнах дружинники Ермака, и доходит до наших дней.

Селения, подобные Утятскому, возникали в Зауралье как заста-вы, чтобы охранять земли, на которые вышел пахарь, от разбойных нападений кочевников. Так возник в своё время и нынешний район-ный центр Глядянское. Росла в ту пору у крепостцы сосна выше са-мого высокого бора. И с нее караульные поглядывали во все стороны – не покажется ли враг. Вот и вышло Глядянское.

Думы народа о воле, борьба его за свое счастье громким эхом отзывались в далекой слободе. Утятские мужики снаряжали к Пуга-чеву под Оренбург своего делегата Лаврентия Антонова, звали по-встанцев к себе, читали «прелестные грамоты» Емельяна Ивановича и жестоко расплатились за этот первый порыв к свободе.

Организаторы музея установили, когда в Утятском появилась первая керосиновая лампа. Это полезно для сравнения с сегодняшни-ми делами, когда колхозники обзавелись стационарной киноустанов-кой и через день смотрят новые фильмы, когда в селе, протянувшемся

чуть ли не на шесть километров, открыто пять школ.

Кстати, о школьных делах. Проживала в Утятском вдова Анфиса Курлова. Был у нее сын Ваня, мальчик очень способный к учению. И пошла Анфиса по богатеям с подписным листом, не соберу ли, мол, Ванюшке на дорогу. Кто давал пятак, кто расщедрится – гривенник, а у иных – от ворот-поворот, голь, дескать, перекатная, туда же учиться вздумали. Набрала-таки вдова три рубля, и отправился Ваня с ними в Омск добывать свою долю. Было это незадолго до семнадцатого года. Октябрь открыл перед юношей все пути. И вот теперь доктор медицинских наук, профессор Иван Николаевич Курлов прислал из Кишинева для сельского музея свою фотографию.

Получили в Утятском свою карточку и от Николая Васильевича Луканина. В Чкаловской области зоотехником работает теперь первый здешний волостной военком, проводивший в селе первую демонстрацию в честь Октябрьской революции. Старожилы вспоминают:

– Вот уж вправду светлый праздник был. Когда Николай Васильевич выступил и рассказал, куда людей Владимир Ильич Ленин зовет, далеко вперед стало видно.

Есть в музее и фотография Ивана Михайловича Бобкова, одного из первых и активнейших борцов за советскую власть. В 1920 году он был председателем местного ревкома, организовал коммуну «Заря жизни», которая стала ныне колхозом имени Н. К. Крупской. Бобков повел первый трактор, смотреть который сбегалось все село. Сейчас Иван Михайлович с прежней энергией работает в колхозе, помогает сельскому музею.

Еще фотография: первые комсомольцы. В центре – секретарь ячейки Ваня Вавилов. Он не дожил до наших дней, сложил голову в боях с бандитами в 1921 году. Тогда утятские коммунисты создали крепкий вооруженный отряд и помогли разгромить осиное гнездо кулацко-белогвардейских мятежников.

Старинное село, раскинувшееся по крутому лесистому берегу Тобола, отстаивая новую жизнь, прошло через те же испытания и радости, трудности и успехи, что и тысячи селений нашей Родины.

Трогательны любовь и забота, с которыми организаторы сель-

ского музея собирали экспонаты о становлении колхозного строя, о том, как переживало село дни Великой Отечественной войны, о том, как живет и крепнет сегодня колхоз имени Советской Армии.

Собраны все культуры, которые сеет колхоз. Одно из почетных мест – кукурузе. Нынче урожай её был отменный, главное же – впервые получили свои семена, а ведь кукуруза-то краснодарская.

В селе, где всего 70 лет назад впервые увидели самовар, сегодня с глубоким знанием дела говорят о преимуществах системы земледелия, разработанной их земляком колхозным ученым Т. С. Мальцевым. И не только говорят, но и применяют ее, а потому даже в минувшее нестерпимо засушливое лето собрали по 11 центнеров пшеницы с гектара.

Жизнь села многогранна, содержательна. В музее собраны местные частушки, пословицы, произведения своих поэтов. Украшать музей помогают любитель живописи И. С. Иванов, искусный резчик по дереву А. В. Комарских, мастерица-вышивальщица Н. А. Лобанова.

Принося дань уважения ветеранам, здесь называют и новые имена, которыми колхоз гордится сегодня. Это лучшие доярки Галя Чистякова, Зоя Ловыгина. Это воспитанники Варвары Степановны Ивановой – бригадир Е. В. Родионов, заместитель председателя правления колхоза Я. В. Магтошов, работающий в центре угля и металла – в городе Сталино, кандидат химических наук Г. Г. Батиков и многие другие.

Уклад сельской жизни стал иным и меняется все к лучшему. Скажем, сообщения о движении советского искусственного спутника Земли в Утятском по радио слушают час в час с москвичами. Да и само создание музея – живое свидетельство того, как выросла культура старинного села за последние четыре десятилетия.

В канун великого праздника откроется в Утятском музей. Пусть же он живет, обогащается новыми стендами, экспонатами, документами и, повествуя людям о минувшем, зовет их вперед в наше светлое будущее.

К. Тараданкин

// Известия. – 1957. – № 249 (10 октября). – С. 4.

Клады села Утятского (о красоте человеческой)

Хороший учитель всегда находит в юных сердцах доброе поле для посева. Хороший учитель всегда в пути, всегда идёт в ногу с временем. Ибо не одна книжная наука, а наука самой жизни делает ребёнка настоящим человеком. Один хороший учитель – это много замечательных людей.

Сибирь. Март. Три дня сыплет снег, застигает дороги. Справа лес, слева лес. В ледяном плену еле-еле дышит Тобол. На низком берегу цепочка домов – село Утятское.

– Варвару Степановну Иванову ищете? – спросила встречная женщина. – Она в музее. Пойдёмте, – и назвалась, – Потанина, преподаватель литературы.

– Потанина... Потанина... Откуда знакома мне эта фамилия?

Женщина ответила просто:

– Наверное, по газете.

– Верно, верно, я читала о вашем героическом поступке.

– Я получила сотни писем, даже из-за границы. А вот насчет героини – это вы зря. Ребёнок же тонул, а я учительница...

Пока мы шли, она рассказывала:

– Вася катался на коньках и провалился в прорубь. Я услышала крик и бросилась на помощь. Лёд обломился, и мы оба оказались в воде. Мокрая одежда тянула вниз. Не помню, как я вытолкнула мальчика на крепкий лёд, а мне уже помогли подбежавшие люди. Болели мы с Васей после этой ледяной ванны. Сейчас мальчик здоров, и я, видите, ничего, прыгаю...

Тут мы подошли к старой длинной избе с торжественной вывеской «Утятский сельский музей».

Мне повезло: нет ничего лучше, как увидеть человека при любимом деле. Потом, когда мы провели вместе уже много вечеров, я по рассказам Варвары Степановны представляла её то ещё смущённую жадным вниманием класса, то задумчиво бредущую в золотистом накате пшеницы с васильком в зубах, то босую, как и ребяташки, шагающие с ней по берегу реки. Но красивее всего она, несомненно,

была такая, какой я увидела её в этот первый раз – с узлом серебряных волос, с блестящими глазами и голосом, в котором звучала трогательная гордость:

– Вам интересен наш музей?!

Кусочек мира, где все дороги ведут к школе в буквальном и в переносном смысле слова, открыл мне душу учительницы.

Шёл урок истории.

– Дети, – спросила учительница, – что такое Родина?

– Родина – это Москва, – зазвенел один голосок.

– Родина – это вот, – детская рука показала на большую карту.

– И это тоже, – мальчик поднял глаза на ленинский портрет.

– Хорошо, дети, правильно...

Варвара Степановна помедлила, посмотрела в окно. На пригорке за рекой высились новые постройки колхоза «Россия». В конспекте урока были выписаны понравившиеся Варваре Степановне слова: «Говоря о широкой реке, не следует забывать о ручьях: они создали реку. Для того чтобы патриотизм был плотным, непоколебимым, нужно, чтобы он исходил из любви к своей маленькой родине, к родному городу, селу, краю».

– Наше село, – начала Варвара Степановна, – стоит на этом месте очень давно. Не всегда оно было такое, как сейчас, – с колхозными фермами, с электрическим светом и комбайнами. А какое было?..

С этого и началась долголетняя патриотическая экспедиция. Нестойким почерком сделаны первые записи старинных свадебных песен, частушек, сказов. И отлично оформлены уже выросшими учениками богатые стенды. Любой экспонат музея не только свидетельство истории. Это – одно из драгоценных зёрен разумного, доброго, вечного учительского посева.

...Носились по берегу маленького Тобола, лазили по берёзкам, играли на земляном валу. Девочка протянула Варваре Степановне пунцовый цветок.

– Смотрите, как капелька крови...

– А тут и правда пролилась народная кровь, дети! Слушайте.

Было это сразу после революции. Рыскали по степи белые бан-

ды, лютовало местное кулачье. Горсточка комсомольцев помогала устанавливать Советскую власть. Был среди нас Володя Кирильчик. В тот вечер все собрались в клубе послушать его рассказ о съезде молодёжи в Москве, о Ленине. А в это время за селом, на дороге, ведущей в город, стояла на комсомольском посту – они выставлены вокруг всего села – девушка Стеша. Страшно ей. Справа от дороги стеной стоит сосновый бор, слева – степь. Белизна до самого горизонта.

По дороге движутся точки. Стеша вглядывается. Это те самые подводы, на которых утром увозили на станцию хлеб для рабочих. Но почему зерно везут назад?

– Стой! – кричит Стеша и вскидывает берданку на руку.

Это кулаки вернули обоз, хотели укрыть его в лесу. На помощь Стеше подоспели комсомольцы, снарядили отряд в сорок человек и проводили обоз в Курган. А Владимир Кирильчик не успел рассказать нам о Ленине. Он погиб в эту ночь в схватке с кулачем. Тот обелиск, что в центре села, – память о нём.

...Возвращались школьники в село, когда прятались тени. К обелиску подошли торжественно, строем, остановились, положили цветы. С тех пор каждое лето цветут здесь гвоздика, петунья, редкие в этих краях розы. Сюда приходит детство на первую коммунистическую присягу: здесь завязывают красные галстуки на груди пионеров.

А школьный музей пополнился новым разделом: «Первые комсомольцы нашего села». Отыскали фотографию Ивана Вавилова, комсомольского вожака, погибшего в 1921 году. В интересной монографии собраны рассказы о Стеше и её друзьях. Среди экспонатов – старый комсомольский значок.

Каждое время рождает своих героев. В Великую Отечественную войну из Утятского ушли на фронт двадцать комсомольцев. Все они погибли в боях за Родину. Их семьи отдали в школу свои драгоценные реликвии: письма с фронта, скупые строчки воинских приказов, справки, альбомы. Под портретами подписи: Иван Репин – танкист, пал смертью храбрых; Яков Меншиков – таранил врага, сгорел в своём самолёте; Иван Потанин – учитель, погиб как герой...

Задумались как-то молодые исследователи: почему сосновый

бор зовут Федотовским? Конечно, обратились к живому справочнику, – так не без юмора отозвалась Варвара Степановна об утятских стариках. И ещё прибавила, что «в селе очень благоприятные условия для историка. У нас ведь по сто лет люди живут. Сибиряки, как дубы кряжистые».

На вопрос о роще ответил дед Сартаков:

– А роща-то, голуби, моего имени...

Выяснилось это в школе, куда Федот Сартаков пришёл послушать лекцию. И вот уже он сам на лекторском месте и рассказывает:

– Человек, если с сердцем, он природу любит, радуется солнышку, ветерку, травке-муравке. И должен он на земле свою добрую метинку сделать. Пришло и моё время оставить после себя след. Вспахал я косогор между Щучьим и Акулинкиным озёрами и начал садить сосенки. Беру из бора и сажаю рядками. Семь гектаров, кажись... А теперь в тот борок по ягоды, по грибы ходят. А вы, молодые, что за собой оставите?

Насадил ребята сад, занялись цветоводством. Школа выписывает самые лучшие семена.

Время идёт, подрастают дети. В школьном музее появляются новые экспонаты: деревянная соха, серп, ручной ткацкий станок, цеп, молотило. Предметы домашнего обихода: лампа, самовар, изделия прикладного искусства, старинная крестьянская одежда.

Ребята как бы заново открывают современный им мир, относятся к нему более зрело. Они создают увлекательные страницы новой истории села. Рисунки, цифры, портреты лучших людей – всё рассказывает о расцвете колхоза.

Школьники обращаются теперь к большим вопросам. Они уже

понимают толк в колхозных делах, гордятся тем, что в их хозяйстве 36 тракторов, 22 комбайна, 14 автомашин, 17 тысяч гектаров земельных угодий, а стада колхозного – не счесть. Богат их колхоз, плодородна земля. Как-никак шесть миллионов дохода получили. Удивляются ребята: и как это жили люди с серпом, сохой, керосиновой лампой!..

Последний вечер в Утятском, в доме у Варвары Степановны, окна в окна со школой.

– Сегодня у нас концерт, – кивая на огни, говорит хозяйка.

– А вы ходите? – спрашиваю я, думая, как должен устать человек, у которого так много хлопот.

– Я же актриса со стажем, – весело откликается моя собеседница. – Вот только последняя роль у меня неблагодарная – Кабаниха! – и она заливается смехом.

Мы говорим о пионерских сборах, уроках литературы и истории, которые проводятся в музее, читаем сочинения, написанные о селе.

На прощанье Варвара Степановна просит:

– Если остался в вашем блокноте листочек, запишите и наши трудности. Помещение для музея колхоз нам выделил в клубе. Но оно уже мало. У нас ведь со всей области посетители бывают. За прошлый год приезжих было тысяч пять. Да и за школу стыдно – старая очень. Пора бы богатому нашему селу и получше здание иметь. И ещё: обещала нам Третьяковская галерея прислать картины, ждём, не дождёмся.

В дверь постучали:

– Варвара Степановна, вы едете завтра за газетой?

– Редактирую колхозную газету «Вперёд», своей типографии нет, печатаем в Кургане, – пояснила Варвара Степановна.

И это в пятьдесят лет. Зато сколько остаётся добрых отметинок во всём, к чему прикасается такой человек, сколько кладов открывает он для себя и для людей!

Т. Герасимова

// Известия. – 1960. – 9 апреля.

В этом здании размещался музей села Утятского

Музей села Утятского

Каждый, кто приезжает в село Утятское Курганской области, сразу обращает внимание на вывеску сельского музея. Пока музей невелик – он занимает две комнаты в здании клуба. Организатор и директор музея – учительница Варвара Степановна Иванова. Ее трудами собраны все экспонаты. Специальный стенд посвящен прошлому села Утятского, начиная с момента его основания в 1680 году. Здесь можно прочесть воспоминания стариков о том, каким «событием» в селе явилось приобретение первого самовара, о том, как впервые загорелась керосиновая лампа.

Вот одна из записей, относящихся к 1958 году: «С 21 по 26 января мы, утятцы, невооруженным глазом наблюдали движение по небосводу искусственного спутника Земли. Маленькая звездочка двигалась с северо-запада на юго-восток».

Сейчас Варвара Степановна готовит новый стенд, посвященный героям семилетки.

– Ухожу на пенсию, – говорит она, – теперь буду заниматься только музеем. Колхоз обещал помочь деньгами, в клубе для нас освободят еще одну комнату.

Смирнов В.

// Огонек. – 1960. – № 12. – С. 28.

Не по должности, а по душе

Пускай душа не знает холода,
Как ясный день, как сад в цвету,
Пусть будет вечно сердце молодо,
Добром встречая доброту...

А. Коваленков.

У Варвары Степановны руки крестьянки. Крупные, переплетённые венами, натруженные. Этим рукам знакомы не только школьные тетрадки... Говорят, что сердце человека равно по величине кулаку. Что же, значит, у Варвары Степановны большое сердце. Большое и доброе. Доброта видна в её задумчивых, чуть усталых глазах, увеличенных стеклами очков. Светлые эти глаза смотрят на людей прямо и пытливо, что называется, в самую душу. Таким глазам не солжёшь. Их взгляд – умный, материнский – вызывает доверие. Посеребренные волосы Варвары Степановны стянуты на затылке в тугой узел. Скромная учительская прическа.

Кто же такая Варвара Степановна Иванова, где она живёт и чем занимается?

Если вы зайдёте в Глядянский райсобес Курганской области, то вам скажут, что Иванова 37 лет занималась педагогической деятельностью, а сейчас ушла на пенсию. Откровенно говоря, в словах этих – ушла на пенсию – мало весёлого. Но подвижная, сухощавая Варвара Степановна совсем не похожа на старушку.

И вот вы узнаете от школьников села Утятского, что Иванова – создатель и директор сельского музея. А колхозники сельхозартели «Россия» на ваш вопрос с гордостью ответят: «Варвара Степановна-то? Главный редактор нашей многотиражной газеты «Вперёд». Но и это не всё. В Кургане Иванова известна как местная писательница. В областной газете печатались отрывки из её повести о становлении Советской власти в Зауралье. А в райкоме партии вам назовут коммунистку Варвару Степановну Иванову подлинным пропагандистом идей коммунизма. И пропагандистом, действующим не в отрыве от жизни, а шагающим нога в ногу с народом.

Полно! Может ли со всем этим справиться пенсионерка? Оказы-

вается, может!

Семнадцатилетней девушкой вступила Варенька Иванова в комсомол. По пальцам можно было пересчитать деревенских комсомольцев в том двадцать втором году. При виде красной Варенькиной косынки свирепели богатеи, провожали её тяжелым взглядом, стискивая кулаки. А Вареньке хоть бы что! Пела задорные песни, участвовала в драматическом кружке, высмеивая со сцены мировую буржуазию и местных мироедов. Тоненькая была, как тростинка, а, однако, не гнулась.

– Поедешь вместе с Яшей Сартаковым в одну из деревень, – сказали Вареньке, – необходимо создать там комсомольскую ячейку.

Необходимо – значит необходимо. В деревне той кулаков оказалось полным-полно. Под их дудку плясал даже председатель сельского совета Терентий Раков. Был он большой любитель выпить и поточить лясы. Терешка – иначе его и знать никто не знал. Комсомольцев Терешка встретил пренебрежительно.

– На кой ляд вы тут нужны? Я Советская власть и век буду ею.

Варенька и Яша написали статью о «художествах» Терешки и послали её в газету. Слетел Терешка с высокого поста. А вскоре была организована и комсомольская ячейка. Первыми вошли в неё батраки.

В раскулачивании Варвара Степановна участвовала уже коммунисткой. В партию она вступила почти одновременно со своей старшей сестрой Натальей. Отцу Степану Минеевичу односельчане говорили с улыбкой:

– Обе девки твои в большевичках ходят. Сейчас вот за колхоз агитируют. А ты-то сам думаешь вступать?

– Спыхватились! Уже подал заявление. А дочки у меня что надо!

Отец ходил вместе с Варенькой и Натальей по дворам, убеждая крестьян записываться в сельскохозяйственную артель. К словам Минеевича прислушивались – был он в селе авторитетным человеком. Много в жизни пришлось испытать Варваре Степановне. Легли сейчас эти годы строгими морщинами на ясное лицо, серебряными нитями сверкнули в волосах...

И, задумываясь над прошлым, не раз и не два сожалела Варвара

Степановна о том, что ускользает из памяти пережитое, как песок из пальцев. А нельзя, чтобы ускользало! Никак нельзя. Так возникла мысль о создании сельского музея. Пусть молодёжь знает историю своего села, пусть знает и помнит имена односельчан, отличившихся в бою и труде!

Буквально по крупицам начала собирать Варвара Степановна первые экспонаты для сельского музея. Утятское – село древнее. Почти три века стоит оно на берегу Тобола. Старожилы помнят много песен и рассказов о седой старине, когда отражали утятцы набеги врагов, когда шли к Емельяну Пугачеву, воодушевленные его «преlestными грамотами». Записывала Иванова воспоминания Дмитрия Ивановича Чукомина, дожившего до ста лет. Записывала песни и рассказы своей девяностолетней матери Татьяны Александровны... Прислышав о музее, несли односельчане фотографии, документы, драгоценные реликвии, предметы старинного обихода. Вездесущие школьники собирали коллекции птичьих яиц, мастерили чучела.

Вначале Варвара Степановна «отвоевала» для музея всего две комнаты, потом ещё две. И уже не только с историей знакомятся посетители этого скромного музея. Здесь видят они портреты лучших людей колхоза, отличившихся в семилетке, здесь видят будущее родного села.

Это ли не пример настоящей партийной пропаганды! Пропаганды живой, доходчивой, убедительной.

Об утятском музее узнали в Москве. Варвара Степановна приезжала на коллегию Министерства культуры СССР, делилась своим опытом.

– Большое дело вы делаете, – сказали ей. – Если будет в чем нужда, обращайтесь. Обязательно поможем вам, Варвара Степановна.

Иванова тут же заметила, что для музея очень нужны репродукции картин известных художников. И вот недавно в Утятское пришла телеграмма: «В адрес вашего музея высланы 150 репродукций».

Только где вот разместить всё это богатство? Придется Варваре Степановне опять «воевать» за новые комнаты. Зная её характер, можно с уверенностью сказать, что репродукциям не придется по-

крываться пылью. Место для них найдется.

Говоря о Варваре Степановне Ивановой, нельзя не сказать вообще об интеллигенции села Утятского, ведущей среди населения широкую культурно-просветительную работу. Часто выступает перед колхозниками учительница Александра Девятова. Она доходчиво и просто читает лекции на темы коммунистического воспитания. Делает доклады председатель колхоза тридцатитысячник Евгений Яковлевич Ивановский. И уж, конечно, не остаётся в стороне директор школы Николай Николаевич Шевердин, сменивший на этом посту Варвару Степановну.

Директором школы она проработала двадцать три года.

... Улетают орлята, когда подрастут, из родного гнезда на простор... И вот уже узнаёт Варвара Степановна, что её вчерашний ученик Глеб Батиков стал председателем. Плохого не наградят высшей наградой страны – орденом Ленина. А школьная скромница и тихоня Надя Котова окончила институт и сейчас работает врачом в селе Кетово. Да разве всех перечислишь! Стали ученики Варвары Степановны учителями и агрономами, колхозниками и солдатами. С какой радостью читает и перечитывает она весточки от них!

И если кто-нибудь из них нагрянет в гости к Варваре Степановне летом, то она не отпустит своего питомца без букета цветов! И букет будет такой, что глаз не оторвешь! Летом в цветнике Варвары Степановны полыхают тюльпаны, гордо покачиваются гладиолусы, белеют нежные садовые лилии... Любит она цветы. И растит их заботливо и нежно, вкладывая в эту работу частичку своего сердца.

Низкий поклон вам, Варвара Степановна, за всё хорошее, что вы сделали и продолжаете делать для людей... Высокого полета вашим орлятам!

*Специальный корреспондент Л. Софронов
// Советская культура. – 1960. – 14 мая. – С. 2.*

Воспитатели нового поколения

В школе селения Утятское Глядянского района Курганской области 37 лет работала учительницей В. Иванова. Сейчас она находится на заслуженном отдыхе. Но учительница не прекратила активной общественной деятельности. По её инициативе в селе создан колхозный музей. Скоро также откроется картинная галерея, для которой закуплены репродукции картин известных художников и подобраны интересные полотна местных художников. На снимке:

учительница-пенсионерка В. Иванова и колхозный плотник, художник-любитель Ф. Вотин готовят галерею к открытию.

Народное образование. – 1961. – № 1.

Будь ясной, память...

(Иван Вавилов)

Счастливое совпадение: Родина готовится к своему юбилею – шестидесятилетию. А наш народный музей села Утятского, кроме того, к своему двадцатилетию. Двадцать лет назад к Октябрьскому празднику мы решили обнародовать собранный нами краеведческий материал, хранящийся в стенах местной школы. Мы много лет по крупицам собирали его, размещали в классных комнатах. И вот однажды строгий наробразовский инспектор спросил директора: «Что это, школа или музей?» и добавил: «Это рассеивает внимание учащихся на уроках».

Председатель исполкома сельского Совета Григорий Каргаполов помог нам переселиться в пустующие две комнаты при клубе, а художник Федор Иванович вызвался помочь оформить материал в лучшем виде. Так рождался наш музей. Уже всё было готово к приёму

посетителей – они давно ждали этого и несли подарки: кто чугунный умывальник, кто берестяной туес, кто самопрялку, кто лоскут пестряди, из которой в старину бабы шили себе понёвы, мужикам – шаровары.

– Пора писать афишу об открытии, назначайте день, – предложил художник.

– Еще рано, еще не все сделано, – возражаю по праву организатора музея. – На стенде, посвященном становлению Советской власти в нашей деревне, не заполнено место, оставленное для Ивана Вавилова.

– Пишите текст, я оформлю его; что делать, если нет с него никакой фотографии?

– Я просила вас, Федор Иванович, написать портрет его хоть углем, хоть карандашом, хоть акварелью...

– Пробовал. Не получается. Надо обратиться к настоящему художнику – я всего лишь любитель-самоучка. Пусть настоящий художник рискнет написать портрет по вашим словам, по вашим «в́идениям», как вы говорите.

– Не надо бояться, Федор Иванович, слов «любитель» и «самодеятельность». Ведь и весь наш музей не что иное, как самодеятельность! Вот начну сейчас об этом причитать-голосить, с настоящей самодеятельной слезой, тогда узнаете! Причеты, говорят, у меня получаются...

– Где проходили практику? – развеселился Федор Иванович. – На свадьбах или похоронах?

Оба смеемся. Лед сломан, и я на своем коньке:

– Знаете, какой это был парень! По тому времени хорошо грамотный и достаточно начитанный. Лицо самое простецкое, крестьянское, очень светлое, могу заверить – вдохновенное. Я хорошо помню его, как будто вчера с ним виделась. Округлый подбородок, короткий нос, русые волосы упали на лоб...

Слушая меня вполуха, Федор Иванович собрал краски, кисти, карандаши, сложил их в саквояж, сказал «до завтра» и ушел.

Осенние сумерки вползали в окно. Твердо решаю: буду писать

портрет сама. Как жаль, что забросила я это увлечение, забросила карандаш! Вот приду сейчас домой и сяду за рисунок, отложив все прочие дела!

Сосновая роща тихо шумит, обещая непогоду. В такое время особенно удручает своим скрипом старая сосна, напоминающая падающую Пизанскую башню. Прислушиваюсь к гулу верхушек: нет, буря будет нескоро, сосны говорят, что буря где-то ещё далеко...

Время давно перевалило за полночь, а я всё не отрываюсь от работы. Рисую, можно сказать, с натуры: память воскрешает его гордое лицо в профиль. Мы, школьники, исполняем на сцене гимн, только что нами разученный, и Иван, конечно, с нами. Мы поем: «Никто не даст нам избавленья...», а в это время он громко кричит:

– Кто там в последнем ряду не снял шапку! Долой шапку! – Мы продолжаем «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой...»

Потом вижу свою деревенскую улицу, идет вооруженный отряд коммунаров, и он среди них. Лица у коммунаров суровы, сосредоточенны, они идут «на бой кровавый, святой и правый» с остатками бродячей банды Землина. Ваня Вавилов поворачивает голову в нашу сторону, машет нам рукой, прощается. Это было последнее свидание – из того похода он не вернулся.

...Под утро он приснился мне: на нем зеленая солдатская гимнастерка...

Утром несу свой рисунок на суд художника – иду, как школьница на экзамен, боясь двойки. Федора Ивановича в музее нет, но на столе лежит портрет Ивана Вавилова, славного борца за Советскую власть. Портрет написан маслом. На голове солдата революции шлем с красной звездой. Как хорошо, что не забыл самодеятельный художник такой важной детали, как шлем – символ воина, борца за новую жизнь!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – № 173 (26 июля). – С. 4.

ПРИРОДА

Край родной

Акулинкино озеро

Предание гласит, что в этом озере когда-то утопилась несчастная Акулинка. Не то из-за неразделенной любви, не то из-за козней злой мачехи.

В весеннее половодье озеро соединяется с Тоболом, освежается, и круглый год люди ловят в Акулинкином щук, окуней.

По берегу озера в 1942 году Федот Сартаков посадил сосновую рощу. Сейчас двадцатишестилетние сосны в юной красе, под соснами в изобилии растут и полосатые рыжики, и жёлтые маслята, и грузди. Федота Михайловича Сартакова уже нет в живых, а за борком сохранилось его имя – Федотовский борок.

Озеро Акулинкино и Федотовский борок – излюбленное место отдыха рабочих и служащих Курганского завода медпрепаратов. В летнее время с семьями они приезжают сюда на автобусах, на легковых машинах, на мотоциклах.

Улов Сергея Иванова. 1960-е гг.

Плакучие берёзы

Обычно говорят: плакучие ивы. Однако есть и плакучие берёзы.

По старой сибирской дороге, вдоль берега поймы Тобола, между деревнями Раскатиха и Камышное сохранились десятка полтора столетних берёз. Стоят они рядком. Почернелые их стволы не обхва-

тишь. Толстые сучья опутаны тонкими ветвями, спускающимися отвесно до самой земли. Эти тонкие ветви сплошь усыпаны коричневыми серёжками.

Говорят, берёзы живут до 300 лет и более. Этим же всего 150 лет. Посажены они были по строжайшему распоряжению всеильного временщика графа Аракчеева, любимца царя Александра I.

Сами березы величественно спокойны даже в непогодь. Зато их длинные косы-ветви всегда в волнении, в движении, будто хотят рассказать, что садили их раскатихинские и нагорские мужики, а деревни Камышной тогда еще не было.

Родничок

У самого берега Тобола сосновый бор уступил место весёлой берёзовой роще. Берёзы разбежались по пологому берегу до самой воды и, как в зеркало, смотрятся в реку.

Помнится, в роще был родничок со студёной водой. На лодках из-за реки приплывали люди, чтобы набрать этой чудесной воды для чая или просто так попить.

Кто сделал углубление в земле, кто срубил из трех брёвнышек сруб и спустил в углубление? Нас это не занимало.

Сейчас нет сруба, нет углубления, нет берестяного ковшичка. Родниковая вода тоненьким ручейком-змейкой стекает к реке, не замерзая даже зимой.

Журчит ручеек, будто просит, чтоб пришел человек и восстановил былую славу родничка.

Зеленинская лука

Наш луг делится на отдельные уголья. Каждое имеет свое название. Есть Бубновская лука, Зеленинская, Кобылевская, есть лука Ярки.

Но самая большая и красивая – Зеленинская. Весной она дольше всех находится под водой, зато травы на ней и гуще и выше, чем на других.

От реки отделяют луку заросли ивняка, смородинника и хмеля. Нигде на лугу нет такой крупной черной смородины, как здесь.

Сейчас местный колхоз ведет очистку луговых угодий от лишних зарослей кустарника. Только жаль смородины, этого благодатного дара природы, столь полезного для здоровья человека.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 77 (2 апреля). – С. 4.

И к ним прилетят соловьи

Зима. Морозы небывалые, а думается о весне, о лете, о красоте наших сел и деревень. Новые дома, улицы из новых домов. Новые школы, клубы, дворцы культуры. Хорошеют деревни! Но во сто раз они красивее, когда озеленены улицы, на площадях разбиты скверы.

Весна – время посадок деревьев, цветов. Не упустить бы драгоценного времени! Посадочный материал под рукой – за околицей, за рекой.

Вот что есть уже в нашем селе и что надо умножить.

Черёмуха

Прежде всех деревьев распускается она и цветет. У нас в селе два черемуховых сада. Один возле дома Ивана Калугина, другой на южной окраине села – Завьяловский сад.

Черёмуха – весёлое дерево. Когда покроется оно пахучими белыми цветами, невозможно скрыть, глядя на него, радостного чувства, удержать улыбки...

Зацвела черемуха – значит, весна вошла в силу. Поселилась в черёмухе маленькая серенькая птичка – наш сибирский соловей, и всю ночь дарит людям свои трели.

Осыпались цветы черёмухи – появились ягоды. А когда они созрели, ими лакомятся ребяташки, женщины делают из них сладкую начинку для пирогов.

Лилии и ландыши

Настасья Дмитриевна Родионова принесла из леса лилии и ландыши, посадила их возле своих окон. Сначала зацвели ландыши. Открыла Настасья Дмитриевна окно – не налюбуется ими! Лилии – у нас их называют саранками – цветут чуть позднее. Лилия – растение высокое, цветы бледно-розовые или фиолетовые.

Настасья Дмитриевна говорит, что и подснежники будут прекрасно расти в палисаднике, и незабудки. Надо только не полениться сходить за ними до ближнего леса!

Калина

Весь палисадник у дома Василия Нетунаева занят калиной. Как это раньше мы не замечали, что калина – такой красивый кустарник! Цветёт калина в начале лета. Цветы как изящное кружево, а куст как девушка в белом кружевном платье.

Кто идёт по деревне, всяк остановится около палисадника с калиной.

Сколько песен сложено про калинушку... Пожалуй, надо и себе в палисадник принести из леса кустик калины.

Ирисы

Жёлтых и сиреневых ирисов на лугу целые заросли. Как-то в середине лета Марина Степановна Луканина, возвращаясь с покоса, принесла домой кустик жёлтого ириса. Посадила кустик в палисадник, хорошо полила, и кустик взялся.

Сейчас ирисы разрослись. Листья мощные, у цветов высокие цветоножки. Ничуть не хуже полевые ирисы садового низкорослого ириса-касатика!

Берёзонька белая

«Радуйся, берёзка, мы к тебе идём, про тебя поём!» – говорится в старинной девичьей песне. Сейчас эта песня забылась, но праздник берёзки молодёжь справляет каждую весну.

Только по какому-то нелепому предрассудку избегали деревенские люди садить берёзы возле своих домов. Школьники под руководством своего учителя С. С. Иванова два года назад проложили аллею берёз на школьном дворе. Растут юные кудрявые берёзки, и видятся они мне красавицами, белоствольными берёзами.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1969. – 4 марта. – С. 4.

Природа и люди

Чья голубая полянка?

Эту голубую от незабудок полянку за сосновой рощей недалеко от озера я помню с тех пор, как помню себя.

Хорош венок из незабудок на девушке, – она сама становится как незабудка. Символичен букетик из них, подаренный парнем подруге. Комната становится светлее и праздничнее, когда в вазе стоит несколько их стебельков. Но самую большую радость испытываешь прямо на этой полянке, когда склоняешься к ним, вдыхаешь их аромат...

Опять пришла весна, захотелось побыть на знакомой голубой полянке. Увы, она уже не голубая! Я нашла на ней только несколько низкорослых сиротливых цветков. Куда же девались незабудки, почему их не стало?

Дело в том, что красивое озеро и сосновая роща возле него последние годы стали местом отдыха горожан. По выходным дням сюда приезжает множество народу, и это хорошо, но... Кроме того, что поляна вытаптывается, каждый увозит с собой домой охапки этих цветов. Конечно, цветы – «ничейные», но полянки-то не стало!

Пройду в конец сосновой рощи. Здесь теперь усадьба детского санатория. Цветет много клумб с садовыми цветами, дети поливают их, ухаживают. Можно любоваться красивейшими цветами. Но, честно, садовые цветы не заменят полевых незабудок!

Не хватает берёзки!

Благословенный уголок природы, трудом человека ставший ещё очаровательнее. Старые ели и лиственницы, молодые сосёнки, рябинки и цветники, цветники... Здесь расположен колхозный детский сад-ясли. В нем работает заведующей Анна Ивановна Долгушева и живут более ста ее питомцев.

Опрятные светлые спальни, весёлые игровые комнаты с множеством игрушек, столовая, врачебная комната. Здешнему порядку, чистоте и уюту могут позавидовать многие городские детские учреждения.

Большую часть времени дети проводят на воздухе, среди природы, под этими старыми елями и лиственницами, юными сосёнками и рябинками. А Анне Ивановне всё мало!

– Думаем, – говорит, – заложить берёзовый парк, это будет очень красиво. Берёзы будут расти тут великолепно!

Берёзовый парк. А у его подножия – соответствующее обрамление: полевые колокольчики и лесные гвоздички и, конечно же, саранки – полевые лилии. А это значит, что самобытный уголок природы станет ещё краше.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1971. – № 155 (3 июля). – С. 4.

Так дозаривается вишня

Вот он, заветный вишняк. Идем к нему, когда всё кругом ещё спит утренним сном: и берёзы, и осины, и поле справа, и картофельная плантация слева. Я и сама вслед за Фирсоновной в полусне зябко вздрагиваю.

Наверное, в каждой деревне есть своя Фирсоновна, знающая, на какой полянке растёт самая сладкая ягода, под каким кустом какой гриб. Маленькой, сухонькой Фирсоновне уже за семьдесят, но идёт ходко, по-птичьи настороженно и, кажется, вот-вот вспорхнёт.

– Повременим, пусть солнышко взойдёт, – сказала и потянула меня за руку сесть у берёзового пня недалеко от вишняка. От земли тепло, лесные запахи пьянят, кружится голова. Фирсоновна вся – слух и внимание в ожидании таинственного свершения. Её состояние передается мне.

Солнце брызнуло неожиданно. Радуюсь ему, затрепетали листья на ближней осине, заподнимали головки цветы в траве, зашевелился вишняк, потряхивая тяжёлыми гроздьями. Наша сибирская вишня вынослива, и она будто звала:

– Человек, склонись ко мне, бери мои дары. Вари варенья, компоты, кисели, пеки пироги, пей терпкий квас, настоящий на мне!

Фирсоновна привычной рукой подняла ветку, отягощённую плодами, но рвать не стала.

– Не дошли, не дозарились, – сказала она. – Утра три-четыре

надо ждать ещё. – Перебросила корзину в другую руку и пошла прочь.

Мне оставалось только последовать за ней.

В. Иванова

Потоп. Год 1914

Наступило воскресенье 13 апреля 1914 года. Жители села Утятского собрались у большого понтонного моста посмотреть на «большую воду» – вон сколько разговоров о ней! Временная переправа, слегка покачиваясь на воде, надёжно покоилась на лёгких пустотелых ящиках-понтонках. В немалые деньги обошлась та новинка городской казне – аж 40 тысяч рублей.

И вот началось – не сразу, а постепенно, но с размахом. Узкие плоскодонные понтоны вздрогнули от совместного натиска льда и воды и сразу же натянулись, как струны. Ледяные массы усилили напор, мост не выдержал мощного удара и резко оборвался. Сильный поток потащил его, как щепку, по реке, крутя и ударяя о льдины. Кто-то из глазевших восхищённо крикнул: «Ох, и силища, потащило, понесло!..»

Почти одновременно на другой стороне села размыло дамбу длиной около двух вёрст с тремя мостами, которые стихия мгновенно разбила. Село оказалось отрезанным от остального мира и в окружении грозного неприятеля – тёмно-свинцовой массы воды. Переправы никакой не оказалось, так как старые лодки ещё раньше были проданы Курганской городской управе.

На следующий день к вечеру по небу потянулись тяжелые тучи. Наступил мрак. Вода поднялась на уровень берегов, а утром 15 апреля хлынула на берега и моментально затопила низкие места. Село Утятское погрузилось в воду.

В. Плющев

// Очевидец. – 2005. – № 1 (апрель). – С. 40-41.

1935 год. В реке Тобол найден череп мамонта! Об этом сообщает газета «Красный Курган» (1935. – № 87 (15 апреля). – С. 2):

Тобол разыгрался. 1947 год

В памяти многих зауральцев весна 1947 года, когда тихий степной Тобол, несущий свои мутные воды из дали дальней, вдруг показал свой необычный характер. Еще днём он залил Звериноголовское, а через двенадцать часов уже плавала Глядянка. А в ночь с 6 на 7 апреля большая вода пришла в Утятское. Вода прибывала стремительно. Да и было с чего!

Наводнению предшествовали обильные весенние дожди. Все озёра, все ямки и впадинки были залиты водой ещё с осени, а если добавить к этому бурное таяние снега, то всё станет понятно.

В село Утятское вода пришла под вечер прямо из Тобола. Пришлось выводить скот на более высокие места. Оказались не залитыми полоска земли у бора, школа, церковь и небольшой участок кладбища. Всё остальное было залито водой.

Председатель сельского Совета Михаил Уфимцев будил сонных людей. Он скакал по залитому селу на лошади, которая проваливалась в выкопанные под электрические столбы ямы. Один раз председатель даже перелетел через голову лошади прямо в воду, матерясь, на чем свет стоит: «...Понакопали тут всяких ям...», хотя эти ямы были выкопаны по его, председателя, указанию: готовились электри-

фицировать село.

Теперь Утятское напоминало огромное болото, где полузатопленные дома казались кочками.

Два или три дня свирепствовал Тобол. Он поднимал огромные волны и швырял их на дома, будто хотел их стронуть с места. В этом ему помогал сильный северный ветер, да и мороз поусердствовал: огромные сосульки свисали с карнизов домов и обледенелых крыш, ветер перебрасывал брызги с одной стороны дома на другую. Покрытое льдом село напоминало какой-то сказочный мир. Всё замерло в ожидании.

Но дома и люди выдержали и этот натиск, и будто в награду за их мужество и стойкость выглянуло тёплое, ласковое солнце. Ветер стих, по улицам стали сновать лодки, стали слышны голоса людей.

– У нас вода на пол вышла, – кричала через улицу соседка соседке.

– А у нас все забрались на чердак! Страсти-то какие! – несло в ответ.

В войну устояли и здесь устоим! Вот только жаль, куры и овцы все утонули...

– Не горюй, Варвара! Главное – сами живы! А кур и овец наживём!

Вода ушла через неделю.

Тобол вошёл в свои берега, оставив селу заиленные улицы. Трудно было поверить, что эти улицы были когда-то покрыты изумрудной зеленью конотопа.

А по Тоболу продолжали плыть бани, дома, брёвна, плетни, льдины с камышами, зайцами и дикими козами. Если льдина подплывала близко к берёзовой роще, что была на Нагорском берегу, животные быстро добирались до берега и моментально скрывались в лесу.

Колхозники продолжали работать в поле. И каждое утро их перевозил на противоположный берег на утлой лодчонке дедушка Гавриила, преодолевая эти ширь и страх. Весна торопила, надо было вовремя посеять хлеб, страна залечивала послевоенные раны, работы было, как говорят, невпроворот.

На Тоболе стали появляться небольшие острова. Вот тогда-то и произошло это трагическое событие.

Гавриил Ануфриевич Потанин занимался этим перевозом не один десяток лет. Брал он в свою лодку трёх-четырёх колхозников и начинал свой путь от Утятского берега, плыл вдоль него метров триста против течения, а затем поворачивал налево, и само течение уже несло лодку к тому месту, где он все годы высаживал своих пассажиров. Самым удивительным было то, что перевозчик не умел плавать, а лодкой управлял стоя. Он уже дважды сплавал туда и обратно. Вдруг подул северный ветер, небо стало совсем тёмным: того и гляди дождь пойдёт или снег. Несмотря на предупреждение, что повезёт не более трёх, в лодке расположились аж пять человек!

– Бабы, не повезу, двое выходи из лодки! – Но никто даже не пошевелился, никому не хотелось ещё ждать.

– Тогда поплыли, – вздохнув, сказал перевозчик. Лодка пошла, как всегда, против течения, а когда она была уже почти на середине, вдруг подул ураганный ветер, поднялись полутораметровые волны.

– Сидеть всем спокойно! – крикнул перевозчик и направил нос лодки в надвигающуюся огромную волну... Тяжёлая, перегруженная

лодка так и вошла в эту волну вместе с находящимися в ней людьми.

Потом они всплыли на поверхность бушующей реки, правда, не все... Васса Верхотурцева утонула сразу же, оставив троих детей-сирот. Самостоятельно добралась до берега лишь Лидия Родионова. Перевозчика в овчинном полушубке и меховых рукавицах подцепил жердью с гвоздём и вытащил на берег фронтовик Григорий Ерофеевич Тарасов, учитель. Елену Васильевну Мerezличенцову и Александру Ивановну Нетунаеву, державшихся за лодку, ухватил, как крошечные песчинки, Тобол и понёс в пучину беснующихся волн.

Ночь я печатал фотоснимки, отснятые в наводнение, и утомлённый, укрывшись шинелью, прилёг отдохнуть. Вдруг стук в окно:

– На Тоболе тонут!

Я в трусах и майке выбежал на берег, но моей лодки на месте не оказалось. Наконец метрах в трёхстах нашли прикованную цепью лодку. Кто-то подал ключ, кто-то широкую лопату, которой хозяйки сажат и вытаскивают из печи хлеб. Ещё мгновение и я тронулся навстречу барахтающимся в волнах женщинам.

– Держитесь! Держитесь! – кричал я им изо всех сил.

И вдруг луч солнца, пробив густые тучи, осветил их лица: обезумевшие от страха глаза, волосы растрёпаны, по лицам струилась вода. В их руках беспрестанно вертелся, как бревно, огромный бат, да, по сути, это и было бревно, из которого выдолбили лодку.

Картина, я вам скажу, жуткая! Я подвёл корму лодки к одной, а потом к другой женщинам и предупредил:

– Теперь вы спасены! Но в лодку не пытайтесь забраться! Держитесь крепче! Всё будет хорошо!

А на берегу собралась толпа наблюдателей, сопереживающих случившемуся. Среди них был человек в военной форме с биноклем. Он начал давать мне «указания», как грести, как спасать... Я крикнул ему: «Заткнись!»

Вскоре примчался Александр Федорович Девятков на своей крошечной лодке-байдарке, тоже инвалид, с протезом ...

– Есть верёвка? – спросил я его.

– Есть, – ответил.

– Бросай конец!

Я быстро намотал верёвку вокруг ноги, и мы потянули вместе к небольшому островку. Потом он поехал догонять бат, а я вытащил поочерёдно одну за другой женщин на берег острова. Они уже не могли самостоятельно двигаться, вода-то была очень холодной. И в это время ветер стих! Как будто он специально поднял могучие волны, чтобы причинить людям зло...

– Жаль, наши кошёлки утопили! – вот что первое, что пришло им в голову! Кошёлки! А в кошёлках-то были алябушки из картошки с травой... Чем детей кормить? – вот что их волновало. Ведь доберись бы они благополучно до пашни, им бы там выдали по хорошему куску настоящего пшеничного хлеба, который обязательно бы привезли детям, а так...

«Да вы молитесь Богу, что сами остались живы!» – подумал я.

Посадив женщин в лодку, мы благополучно добрались до берега, где нас поджидали медицинские работники из Утятской больницы. Они увезли женщин, а я ушёл домой. А вскоре пришла Варвара Степановна, директор школы.

– Страшно было? – спросила она меня.

– Да я просто не успел об этом подумать. Да и когда было думать?

Я даже не заметил, как в лодке вонзил в ногу гвоздь. Нога-то зажала, а односельчан мы потеряли.

Вот таким был печальный результат разбушевавшегося Тобола в это весеннее утро 1947 года.

Геннадий Яковлев

// Новый мир. – 2002. – № 84 (14 мая). – С. 4.

Зимний Тобол

Вечереет над Тоболом
над рекой,
Возле проруби –
безмолвье и покой...

С. Васильев.

Ещё не так давно – люди помнят это – зимним Тоболом лежал путь, соединяющий южные окраины Зауралья и Казахстан с Курганом. День и ночь шли обозы по Тоболу. В город везли хлеб, мясо, рыбу и прочее, из города налегке возвращались домой.

Теперь асфальтная дорога, называемая Звериноголовским трактом, идёт правым берегом реки. Шум беспрерывно идущих машин доносится до реки, но старик Тобол вряд ли слышит его. Он в ледяном плену и еле дышит.

Не только летом, но и зимой Тобол снабжал водой села и деревни. Существовала такая сезонная людская профессия – «прорубщик». Называемый так человек старательно следил за состоянием прорубей для скота, для питьевой воды, для полоскания белья. Все эти проруби делались на определенном расстоянии друг от друга и обносились «заветерниками» из комьев снега, а иногда и из веточного частокола.

Спустился над Тоболом вечер. В домах и избах, на фермах и улицах разом вспыхнули электрические огни.

Игра огней не доходит до ложа реки – здесь только игра теней и тишина. Трудно верится, что это ложе реки, а не заснеженная долина под ногами.

Какой-то любитель речной воды с большим, видимо, трудом пробил лёд и сделал прорубь. Она как голубой единственный глаз.

Маленькая рыбёшка бросилась к проруби, радуясь струе свежего воздуха, и будет долго мельтешиться там, пока не примчится сюда хищница-щука: ей также нужен воздух.

В. Иванова.

Три речки-невелички

Край, где живут речки Алабуга, Ялым и Глядяна, Евгения Ивановна помнит и любит. Это её молодость. В деревнях возле этих ре-

чек она учила грамоте крестьянских детей. С тех пор многое в памяти перепуталось, сместилось и даже забылось, но когда она думает о том далёком времени, ориентиром служат речки, на берегах которых частенько находила она «отраду душе» – как говорят в нашем краю.

Весной по берегам Алабуги цвели синие ирисы, их было так много, что синева отражалась в небе. Звучное имя речки оставили кочевые племена тюркского происхождения, а кочевали они в тех местах, может тысячу лет назад, а может, и более.

Пришельцам русским полюбилась речка Алабуга, и своим поселениям они дали её имя: есть сёла Нижняя Алабуга, Верхняя Алабуга, а в советское время появился ныне процветающий и здравствующий совхоз «Алабугский».

Летом прошлого года Евгения Ивановна посетила те речки-невелички. Постарела Алабуга, светлые её струи еле двигаются, и окуней в реке стало мало, а когда-то было невпроворот: ведь тюркское «алабуга» – русское «окунь»!

Не было «отрад душе», и когда стояла Евгении Ивановна на берегу Ялыма. Ялым (с тюркского – «обособленный») опоясал большое селение, которое носит имя реки. Хорошие люди живут в Ялыме, а речку свою запустили – замусорилась речка, а ей бы помочь надо немножко...

Только река Глядяна молода и светла по-прежнему. Рыболов на берегу ее не зря сидит – водятся в Глядяне и ерши, и окуни, и чебаки. Предание гласит: когда русские облюбовали место на берегу безымянной речки, они назвали свое селение Глядяной и речке такое же имя дали. Шло время. И откуда-то свалился этот ненужный суффикс «к», и стало село Глядяна Глядянкой и даже Глядянским.

Три речки-невелички – Алабуга, Ялым и Глядяна – дети одного отца – седого Тобола. Много подобных детей у него на длинном его пути в шестьсот шестнадцать километров...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1976. – № 91 (18 апреля). – С. 4.

Быструшка и Серебрянка

Быструшка и Серебрянка – сёстры, дочери Тобола.

Ленив летом Тобол. После весеннего буйства уляжется в русло и еле шевелится, отдыхает, нежится.

При встрече с нашим Тоболом в почтительном поклоне прогнулся. Как не поприветствовать древнейшее русское поселение, о котором в XVII веке летописец писал:

«Утяцкая слобода, кругом той слободы город, лежащий в столбах, такожь надолбы, рогатки и ров, и при том городе четверы проезжие ворота, на которых имеются караульные каланчи».

При встрече с такой «диковинкой» Тобол плеснулся, зашпешил, закрутилась вода воронками. Люди назвали эту часть реки – Быструшкой.

Не каждый решится купаться в Быструшке, вплавь ее преодолеть.

Серебрянка – младшая сестра Быструшки, и лежит она ниже ее.

Серебрянка. Фото 2021 года

Солнце и луна любят купать лучи свои в Серебрянке. Оттого, наверное, вода в ней серебром переливается. А может, серебрится вода от лещей, ельцов, чебачков да маришек, которые хороводы там устраивают, чешуйка-то у них – чистейшее серебро.

В. Иванова

// Притоболье. – 1970. – № 60 (23 мая). – С. 4.

Утоление жажды

1. Зеленеют луга

С детства знакомый луг – не узнаю его! Уж несколько лет нет весеннего паводка. Тобол запрятался глубоко и задыхается в зарослях кустарника...

Соседи-раскатихинцы – хитрецы: ещё прошлой осенью устроили на речке Чёрной, впадающей в Тобол, запруду, и принадлежащие им сенокосные угодья всю весну стояли под водой. Земля напилась, насвежилась. Запруда снята, и Чёрная двинулась своим путём. Будут и нынче раскатихинцы с дешёвым луговым сеном.

Тут и наши, нагорские мужики, спохватились: повернули Чёрную на свои угодья, хоть и поздновато, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Всё же заполнятся живительной водой высохшие ложбинки, озерки!

Ворчит-журчит недовольная Чёрная, а дело заданное делает. Появляются то там, то в другом месте водоёмчики, купаются в них белогрудые мартыны, похожие на гусей, и осторожные касатые утки и чирки полощутся тут же, боязливо оглядываясь.

Больше всех страдает от жажды самая дальняя лука Ярки – она на взгорке. Но установленная на Ярках дождевальная машина работает без устали. Изумрудная благодарная зелень лука радуется и обнадеживает.

Вот бы речку Басманку прибрать к рукам! Но она уже успела пересохнуть, не возьмёшь её – всему своё время...

За деревней Новой распахан и засеян травами выгон до самых огородов. Туда-сюда по полю ходит «Волжанка», дождит, поливает поле. Густо засевающая трава уже выше щиколотки. По молодой траве

бродит десятка полтора телят, принадлежащих жителям деревни. Их прогонят с одного конца, они зайдут с другого. Юрий Федорович, председатель нашего колхоза «Россия», нервничает: давал распоряжение огородить поле колючей проволокой, не помогает.

– Нашел выход! – говорит он и приглашает посмотреть глубокую канаву, которую начали рыть с северной стороны поля. Но из такой канавы не выбраться ни одному телёнку, если по несчастью туда угодит, да и поле такая рытвина избеобразит. «Как быть, как быть?» – сокрушается наш председатель. Что поделаешь: телята, принадлежащие людям, живущим в деревне, должны пользоваться где-то пастбищем...

По небу плавают лёгкие кисейные барашки – они не сулят дождя, которого так жаждет земля. Правобережную ленту бора пробуровила трудяга-речка Боровлянка. Вода в ней чистая, вкусная, пахнет хвóей, земляничником и смороденником. Когда-то Боровлянка держала на себе две водяные мельницы.

– А мы построим на Боровлянке водоём и разведём в нем рыбу, – говорит Юрий Федорович.

Он давно загорелся этой идеей. Уже определено место будущего водоёма, начаты некоторые работы по очистке. Как говорится, в добрый час!

2. Акулинкина слеза

Озеро Акулинкино любимо не только нами, рядом живущими с ним, – оно известно далеко за пределами района. Покойный Федот Сартаков насадил и вырастил борок на южном берегу озера не как память о себе, а в честь красавицы Акулинки, давшей название озеру. От старой сосновой рощи отделяет Акулинкино неширокая полоса земли, не знавшей ни сохи, ни бороны с сотворения мира.

Когда шла Акулинка к озеру в своем великом горюшке – бросала слёзы во все стороны, с тех пор растут на этой земле голубые цветочки-незабудки, а там, где ступали её босые белые ноженьки, – пятна светло-сиреневого чабреца.

Большой спад уровня воды нынче в Акулинкином. Помочь надо

озеру: кому же об этом позаботиться, как не нам, людям?

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1975. – 8 июня.

Акулинкино

Есть в легендах родного края нечто большее, чем память старины, хотя это уже само по себе дорогого стоит. Легенды лиричны, поэтичны, они утверждают в нас любовь к малой родине, они связующая нить поколений, передаются из уст в уста. Если бы легенды, рождённые самой жизнью, расцвеченные неиссякаемым родником народных талантов, собрал и записал увлечённый и способный к творчеству краевед, какая бы получилась интересная и нужная книжка!

Утятка, что в Притобольном районе, село, известное и богатое своей историей. В далёкие времена переселенцы из центральных областей России облюбовали этот прелестный уголок земли. И протянулась улица вдоль крутого берега полноводного Тобола, распустилась сирень в палисадниках, поднялись над крышами гордые тополя. Вдоволь было рыбы в реке и озёрах, грибов и ягод в лесах, дичи в угодьях. Птицы прилетало по весне видимо-невидимо. Утка небо закрывала... Поэтому и нарекли поселение – Утятка.

Много озёр и стариц в округе Утятки. Но более чем известно, даже знаменито озеро Акулинкино.

Название необычное. У нас ведь чуть ли не у каждой деревни озеро: то Щучье, то Линёво, то Камышное, то Берёзово. Почему это Акулинкино?

Легенда доносит: жила в давние времена здесь девица Акулина. И полюбила она великой любовью парня из богатой семьи. Была она безмерно счастлива, любовь, казалось, была взаимной, дело шло к свадьбе. Но отбила жениха злая разлучница из соседней деревни... Не пережила такого горя Акулина, бросилась в ночи в прозрачную, как слеза, воду озера, по берегам которого гуляла летними вечерами с любимым...

Озёра – они как люди. У каждого своя судьба. Пришла в одночасье большая беда на берег озера: распахали зелёную луговину под самый урез воды. Не нашлось другого места для посева кукурузы. Потекли по весне мутные потоки с удобренной пашни в чистые воды Акулинкина...

Долго болело озеро. Но справилось всё же с напастью. И побывать на нём я почитаю за честь. Я знаком с ним с раннего детства и безмерно, искренне счастлив, что озеро, как и встарь, живёт полноценной жизнью, что по-прежнему питают его живительными струями светлые родники и вольно дышится подо льдом всем его обитателям. Даже в глухозимье не пустует озеро: нет теперь заморов, и рыболовы с полным на то основанием могут рассчитывать на улов.

Такие озёра, как Акулинкино, мы обязаны беречь как зеницу ока. Они – частичка нашей истории и нашей жизни. И мы всегда перед ними в неоплатном долгу.

Олег Бунин

// Новый мир. – 2000. – № 38 (29 февраля). – С. 4.

Ода сосновой роще

Рощи... Рощицы... Берёзовые, сосновые – спутницы селений, украшение земли, любовь и радость людская.

«Вот она, милая роща» – поётся в одной песне. В другой: «Возле рощицы дорожка торная». Или еще: «Пойду я в рощу, разгуляюсь»... Впрочем, всех песен про рощи не перепеть и не переслушать.

Люди рощи растят, садят новые. Кто же сажал нашу сосновую рощу, что заслонила деревню от ветров, бурь, вьюг, и метелей? Уж не первые ли поселенцы Луканины да Потанины, Тюкачевы, Чукомины да Потоскуевы, облюбовавшие это местечко возле Тобола лет триста назад?

**Сосновая роща и старая дорога в село Утятское
(фото 1940–1950 гг.)**

Ночью роща подходит к деревне совсем близко, к самым огородам. Выйдешь на крыльцо и слушаешь рощу, а она будто поднялась на цыпочки – слушает звезды. Если ночь тихая, а хвоя на соснах шу-

мит – жди непогодушку. Роща, она что твой барометр!

Невелика наша роща. Южный край ее густ и оваян таинственностью. Сюда иной раз и косуля забредёт с детёнышем, и зайчишка притулится. Бывало, и волк-похитник здесь в чаще прятался. Во мшистом ложке довольно маслят, рыжиков, сухих груздей. Старые да немощные люди сроду себя на зиму груздями обеспечивают из этого ложка: не тащиться же им в дальний лес!

Серединная часть рощи просторная, веселая. Едва сошел снег – бегут ребятишки за фиалками, незабудками. Зацвела сосна – угощаются ребятишки «крупянками» да «свечками» с сосен. Ешьте их на здоровье! Тут вскоре и земляника покраснеет: ходи каждый день с чашкой, бери ароматные ягоды к обеду. Хороши они с молоком!..

В серединной части рощи каждый год, после окончания сева, праздник-гулянье справляется. Настоящего имени празднику еще не дано: кто называет его «бороздой», а кто «веснянками». Весельем, песнями, играми напоминают «веснянки» старинный девичий весенний праздник «семик», только куда размашистее! Для «семика» прежде, как бы ненароком, росла в бору группа берёзок, а сейчас их не стало. Идут, бывало, девчата и парни к берёзкам с гармошкой, с балалайкой, поют:

*Семик наш честной,
Семик праведной...
Не печалуйтесь, сосенки:
Мы не к вам идем,
Мы не вас завьем
Радуйтесь, белые березки:
Мы к вам идем,
Мы венки завьем...*

Северному краю рощи особую хвалу надо бы воздать. Когда-то в этой части леса была больница, славилась она широко. Густой сосновый лес, озон помогали здесь лечить больных. Сейчас на базе бывшей больницы – детский санаторий. Один из первых врачей бывшей больницы Николай Константинович Сосунов (светлая о нём память хранится) насадил среди сосен ели, пополнил рощу тополями и даже

черёмухой, и это дополнение хорошо ужилось с соснами. В наши дни сильно поредел северный край рощи.

Чуть ближе к середине рощи нельзя не заметить несколько гибнущих деревьев, и каждому ясно, почему сохнут они: по чьему-то недоразумению загорожен среди сосен загон для животных (не нашлось другого места).

Вот и всё, что хотелось сказать о нашей сосновой роще, добавив, что во все времена года роща хороша. Единой жизнью живёт она не один век с людьми и служит им.

Передо мной письмо человека, который давно покинул наше село. «Поклонитесь за меня роще, будьте великодушны», – пишет он мне.

Впрочем, он ли один из тех, кто когда-то покинул родные места, но грустит, тоскует по перелескам, лесным и полевым тропинкам?

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – № 102 (1 мая). – С. 4.

«Обыкновенная»

Специалисты считают, что на земле около девяноста видов семейства сосновых, в Зауралье же растут сосны вида «обыкновенная», Ствол у обыкновенных сосен высоко очищен от сучьев, живут они по 300–400 лет.

В нашем Утятском борке есть несколько сосен-долгожителей, об одной такой мой рассказ.

Входишь в бор, как в храм. Гулкая тишина и торжественность. Застонал лесной голубь, и гул пошел по лесу, отскакивая от одной сосны к другой. Застучал дятел справа – тебе кажется, стучит и слева. Вздогнула: кто-то запустил в спину шишкой. Вон сколько вверху, над головой...

Собственные шаги кажутся топотом, – стараюсь приглушить их, иду почти на цыпочках.

Лес кончился внезапно. Море света слепит. Тропа привела точно к заветной сосне. Она стоит впереди своих товарок, но чуть поодаль: так повелела ей жизнь.

Утятский бор

Могучий ствол не обхватишь; надо запрокинуть голову, чтоб видеть шарообразную крону. Недалеко от кроны кусок толстой коры отвалился, обнажилась рана, но она уже обильно смазана золотистой смолой. Крупная капля смолы упала на землю. Подымаю ее – как ароматна!

Стоя в одиночестве возле вековой сосны, почти физически ощущаешь прошлое, настоящее и будущее...

И думается: как сохранить эту сосну, как сделать её неприкосновенной, чтоб прожила она весь отпущенный ей природой век?

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1976. – № 91 (18 апреля). – С. 4.

Одинокая сосна

Достопримечательность нашей Утятки – одинокая сосна. Она стоит за бором, давно стоит. Вернее сказать – живёт своей одинокой жизнью.

Думаю, ей лет 300, а может быть, больше. Эту сосну помнят наши деды и прадеды.

Могучий ствол не обхватить, кверху он раздваивается, и мощные ветки спадают к земле, образуя шарообразную крону.

В детстве мы с подружками играли у подножия сосны в фантики и колечко...

Прошло более полувека, я стою у сосны в одиночестве и слышу детские голоса:

– Солнышко, колечко, выйди на крылечко...

– А этому фантику что сделать...

До сих пор помню, когда подходишь к сосне, странное движение воздуха и некую тревогу непонятную. Да и во взрослой жизни словно в космосе побываешь, сходяв к одинокой сосне. Говорят, тут можно ощутить не только прошлое, но и будущее. Сакральное место.

Одинокая сосна (старинное фото)

Сосна многих видела, много слышала, много знает. Проживает нелёгкую жизнь, как и многие люди. Стоит одна и в жару, и в холод, ветер всё чаще ломает уже сухие от возраста ветки.

Был период, когда отдыхающие устроили тир, палили по сосне. Следы от пуль были долго видны.

А эти ужасные отметины, сделанные топором...

Выдержала всё одинокая сосна, но вот простила ли людям их дикость...

В последние годы, может, по велению моды, но хотелось бы верить, что по велению души приходят к сосне молодожены и оставляют на её ветках замочки, бантики, ленточки... И стоит вековая одинокая сосна, увешанная ленточками, как старушка нелепыми бантиками.

Сакральное место – это место, наделяемое священным смыслом. Такие места являются объектом поклонения. Утятская одинокая сосна – один из таких объектов. Рядом с ней ощущаешь мощь прожитых лет наших предков. Это место для общения с высшим миром.

Время неумолимо бежит вперёд и для сосны наступит последний день... Я смотрю вокруг и понимаю, что в старости она не будет одинока, вокруг выросли молодые сосёнки и всё плотнее обступают её со всех сторон. Наверно, ей будет легче уйти навсегда в таком окружении. Не одной на ветру, а с родными рядом.

Т. Иванова. Из личных записей. 2020 год.

Одинокая сосна (фото 2000-х годов).

Баллада о черемуховом саде

I.

Во дни давние екатеринский солдат в отставке Фёдор Завьялов заложил в изголовье слободы Утятской черёмуховый сад неспроста, с приметой.

Люди любят черёмуху. Сердечное, душевное это дерево и весёлое. Ранней весной, когда покроется черёмуха с ног до головы душистыми белыми цветами, невозможно пройти мимо, не остановившись. Она глядит на тебя и улыбается. Ты только руками схлопаешь да и скажешь: свет ты истинный, красота ты неопишуемая! – и улыбнешься тоже ей, в неровен час и смехом зайдешься, и... испугаешься: что такое со мной творится?

И не только весной веселит людей черёмуха, летом и ранней осенью она одаривает урожаем своих ягод, из которых зимой пироги куда как хороши.

В кою пору вспорхнул сад. Заселили его пташки-певички: зорянки да малиновки, дрозды да иволги, и соловей не побрезговал. Поднялся сад, стоит, как на престоле, над слободой, над всей окрестностью. Всё ему видно, и его всё видят.

Черемуховый сад (2000-е гг.).

Разбежалась речка Быструшка, бьётся о взгорок: охота обнять сад, нашептать ему сладких слов, которые есть у ней, да не про всех. Отвел баловницу в сторону отец Тобол, ближе к матери Серебрянке, и велел той постороже держать дочь.

Сад обнесен жердяной оградой, да много ли толку от такой загородки, любая коровёнка на рога поднимет такую городьбу. Копают вокруг сада отставник ещё и канаву, мурлычет себе под нос солдатскую песню, которая в походах облегчала: «Солдатушки, бравы ребяташки», – и не слышал, как подошел человек.

– Бог на помощь, братушка, – это дьякон, совсем ещё молодой человек, даже борода по-настоящему не обозначилась, а голос – иерихонская труба. – Дай лопату, – просит дьячок и почал ворочать землю...

Диво редкостная осень. Давно миновал Михайлов день, а земля всё ещё талая... снег держится где-то в тучах и никак не может просыпаться на землю.

Подошел староста слободы Авраам Широносков и пашенный крестьянин Федор Бакланов. Обмолвились двумя-тремя словами, и пошли все через сад в избу солдата Федора Завьялова, в постоянное место сбора.

– Есть слух, что наш посыльный Семен Новгородов был под Челябиной у царского полковника Ивана Грязнова, был под Уфой у генерала Чики-Зарубина, а был ли у самого императора Петра Федоровича, неизвестно пока. Сказывают, Новгородов жалован чином атамана и ведет сюда, к нам, несметное войско, – сообщает Авраам Широносков.

Условились встретить атамана и войско как полагается, с почестью на площади слободы.

Уж много времени волнуется слобода, как в котле, кипят люди. Особенно сильно взволновал людей именной указ самодержца-императора Петра Федоровича, в котором просит он помощи от людей, обещает им жизнь вольную. С этим указом чуть не каждого в отдельности жителя слободы знакомил дьякон Гаврило Соколов, а уж где он его раздобыл, ему только известно. Он, этот указ, и сейчас у

него в кармане рясы. Недолгим было совещание руководителей Утятской слободы и закончилось чтением дьяконом Гаврилой молитвы о даровании победы царю-императору над супротивными.

II.

О, как постарел черёмуховый сад на краю нашего села! От былой его красоты и силы осталось лишь десяток обломанных кустов, да сохранилось за ним имя его автора – Завьялов сад, да предания и легенды о нём ещё живы. Видно, так тому и быть. Всему своё время.

Но ведь было же время, когда сад воскресал, оживал. Это были героические тридцатые годы, когда только-только начинались колхозы. По совету председателя колхоза «7 ноября» (так тогда назывался колхоз в нашей деревне) Степана Васильевича Верхотурцева – да живёт светлая память о нём – сад был расчищен, добавлены свежие посадки яблонь, малины. В самом центре сада расположена была небольшая пчелиная пасека. И как засиял сад, как заиграла в нём жизнь!

Мой спутник Юрий Евгеньевич Родионов, пастух дойного стада,

– могучей красоты и силы человек. Мы стоим с ним на опушке черёмухового сада. Перед взором – широкая пойма реки, почти у ног речка Быструшка укуталась, как старуха шальями-полушалками, лица не видно. Вспоминаем предания и легенды о саде.

Юрий Евгеньевич Родионов – старейший житель Утятки (2021).

Нет, Баба Яга в черёмуховый сад не заглядывала, она жила в Сухом болоте, домовою ночью шарился по избам, плёл бабам косы, ухал в печные трубы. В сад летал только огненный змей. Долго летал... Потом сменили его звёздочки. Сорвется с неба звёздочка и летит в сад, там в траве и гаснет. И в наши дни глубокой ночью ещё можно увидеть это. Так чем же является для нас черёмуховый сад? – спрашивает у меня Юрий Евгеньевич и сам же отвечает вопросом. – Памятником истории?

Я соглашаюсь с ним.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1980. – № 275 (30 ноября). – С. 4.

Завьялов сад

На южной окраине села есть у нас старый запущенный Завьялов сад. Буйно разрослась в нём черёмуха, застарели непролазные вишняки, кой-где маячат нежные рябинки, кустики смородины. В центре сада следы крестьянского подворья.

В далёком детстве этот сад манил и страшил. Сколько о нём рассказывалось легенд, былей и небылиц! Посадил этот сад будто бы солдат Фёдор Завьялов. Жил Фёдор с двумя сёстрами, старыми девами. Волшебницами были девы, волшебство помогало им ткать такие узоры, что никто в округе потом не мог воспроизвести подобное. Волшебство знал и Фёдор. Поглядит человеку в глаза, скажет слово, и человек за ним пойдёт хоть в огонь, хоть в воду, станет сам не свой.

Летописец XVIII века внёс ясность о Фёдоре Завьялове: «Организаторы восстания в Утяцкой слободе, отставной солдат Фёдор Завьялов и Семён Новгородов призывали к себе в дом крестьян слободы и склоняли их на сторону Пугачева».

В недавнее время местный колхоз пытался прибрать старый сад к рукам. Только ничего из этой попытки не вышло. Делают набеги на сад и ребяташки, и взрослые, бродит по саду скот. Но удивительно, старый, вековой сад неистребим, не хочет умирать, не сдаётся.

В. Иванова

// Притоболье. – 1970. – № 60 (23 мая). – С. 4.

УТЯТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИ, ОБЫЧАИ...

Варвара Степановна Иванова – сельская учительница, директор Утятской школы, историк-краевед, ещё в 1920-х годах начала писать заметки в «Красный Курган». Позднее хорошо узнали её и читатели «Советского Зауралья» и «Притоболья». Узнали по интересному и точному по образности и языку знанию людей и их быта, по так называемым «деревенским былям». Отличный знаток деревенского фольклора, народного песенного творчества, старинных народных обычаев, она все это богатство использовала в своих зарисовках, знакомя нас с истоками и корнями русской духовной культуры. Вот несколько таких материалов.

Иванова Варвара Степановна (1904–1989)

Бокогревы перевёрты

(февраль)

I.

У февраля свой нор, только ему присущий. То завьюжит – света белого не видно, то солнцем пригреет – капель звенеть заставит. То позовет мороз и велит ему лютовать. Бывает, за одни сутки февраль перевернет бурю на капель, капель – на мороз. Не зря люди много прозвищ надавали февралю: он и бокогрей, и вьюговей, и снежень, и лютень.

Февральские перевёрты раньше всех разгадал тетки Парасковьи серый гусь. Довольно бока пролеживать, день-то прибавился более

чем на полтора часа! Поднялся, встряхнулся, захлопал крыльями гусь и что есть силы гаркнул: га-га-га! Ленивые гусихи не поняли своего повелителя, а старая пегая гусиха еще дальше под крыло засунула свой нос. Озлился гусь, глаза налились кровью, покраснели нос, шишка на носу, а лапы сделались багровыми. Стал рваться из стайки и вырвался. Сразу во дворе «под руку» ему попала чёрная собачонка Жучка: растопырил крылья и, угрожающе шипя, погнался за ней. Бедняжка еле успела юркнуть под крыльцо. С трудом тетка Парасковья хворостиной водворила гуся опять в стайку, про себя отметив: «И невдомек мне, что Афонасьев-то день прошел. С Афонасьева-то дня завсегда гуси раститься начинают. Надо гнёзда нынче подновить».

С тетки Парасковьи гуся и начались птичьи переполохи. Зашавкали селезни. Распевно, с переливами заголосили петухи. А воробьи прямо с ума посходили: носятся стаями с места на место, ссорятся, дерутся, бранятся! Только и слышно: чи-во, чик-чиво...

II.

Как у Марьюшки кисель да блины,
А у Лукерьюшки горячи пироги.

Из песни на посиделках

Не грешно вспомнить старые февральские русские обычаи, они бытуют и сейчас, пусть в измененном виде.

С приходом февраля, бывало, кончался мясоед. Оставшееся мясо вялили – пригодится в сенокос на похлебку. Мясные щи на столе заменяли уха налимья, толстые (ячменные) щи, супы грибные и картофельные, кисели, пироги, каши разные и шаньги. В середине февраля раскрыта «ямка», в которой хранились для этой поры в деревянной посуде соленые грибы и арбузы, ягоды костяника с брусникой моченные.

К февралю кончались свадьбы. Не успел жениться, получил «головешку» (отказ) – не горюй, терпи до будущей зимы. Женильба не напасть, как бы, женившись, не пропасть! Бывало, церковный дьячок голос срывал, каждое воскресенье выкрикивая «оглашения», кто на ком жениться собирается и не знают ли люди между женихом и невестой родства или кумовства. Нередко из-за этих «оглашений» свадь-

бы расстраивались.

В теперешние февральи всё так и не так. Свадьбы нынче круглый год, двери загсов в любой день не закрыты.

Любят люди месяц февраль. Прощают ему его непостоянство. В феврале – масленица, самый весёлый праздник. Запах блинов стоит в воздухе над любой деревней и городом. Катушки ледяные, катание на лошадях, хоккейные состязания мальчишек на льду, бега на лыжах. Только нынешняя масленица получила новое название – проводы зимы. А самое главное – пахнет весной. Она идет, приближается. Она вселяет волнение, надежды на радости, которые обязательно принесет весна каждому.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1979. – № 29 (4 февраля). – С. 4.

Солнце в лето катится

(Масленица)

Хоть и бываем «рады мы проказам матушки зимы», но только Спиридон-солнцеворот повернёт солнце в сторону лета всего-то на воробьиный шаг, как затоскуют люди по красной весне.

Чем дальше живёшь на свете, тем чётче воспроизводит память «дела давно минувших дней», тем интереснее сравнивать это с днём сегодняшним. Недаром говорится: «далёкое – близкое»...

Как сейчас помню: у тётки Соловухи в избе лампа-помигаленка горит. У тётки Соловухи – вечерки. Прядут девки белый лён, долгую нитку тянут. Вполголоса песни поют – боятся тётку разбудить, а она спит на полатах, похрапывает...

Парни в полушубках, в сермяжках сидят на полу, похохатывают, с девками заигрывают. То и дело выходят на улицу покурить – двери на пяте не стоят!..

Вдруг одна из девок опустила веретено до пола – завертелось оно. Девка прищелкнула пальцами правой руки, заговорила частушкой-скороговоркой:

Скоро свет, скоро свет,

Скоро рассветает...

Девки, масленка придет.

Кто нас покатает?..

И девки с напускной печалью отвечают:

*У катушки простоим,
До земли протаем...*

В тусклое оконце заглядывает белая ночь – на улице светлее, чем в избе. Вошел в избу Васька Верич.

– Робя, – сказал Васька, – месяц на кривую сосну сел!..

Как ветром всех из избы выдуло, и двери забыли закрыть. Слезает с полатей тётка Соловуха, сердится:

– Ужо я вас встречу чем ворота подпирают, я вам устрою вечерки ужо! – Захлопнула двери, потушила помигаленку, полезла на печь досыпать.

Идёт Васька Верич деревней, посвистывает, снег под ногами поскрипывает. Васька Верич – парень-перестарок, собой дороден, бел лицом, у парней коновод. Верич – это у Васьки и отчество, и фамилия, и прозвище, всё по матери досталось

Кто-то тихо позвал Ваську. Оглянулся – у плетня стоит девка.

– Подойди ко мне, – тихо манит.

Узнал. Агничка, церковного служки дочь.

– Вася, – говорит Агничка, а сама дрожит (замёрзла, что ли?), – Вася, я замуж не могу выйти... старой девой обзывают, поют дразнилку под окнами – «тара-тара, девка стара, двадцати пяти годов...» Возьми меня, Вася, замуж...

Васька не робкого десятка, а растерялся, не знает, что сказать, как ответить. Еле-еле нашелся:

– За доброе слово спасибо, Агничка, только зарок я дал, пока жива моя матушка, жениться не буду. Мать больна, изба худа, где мне жену поместить, как двоих прокормить?..

Повесила низко голову Агничка, капают слёзы, прожигают снег до земли...

– Не горюй, Агничка, – жалеет Васька девку. – Найдёт тебя жених лучше меня.

Сорвалась с места Агничка, бросилась прочь...

Масленка, масленка – весёлый русский праздник! Живёт он с

того времени, как появился на земле русский народ.

Ладят на крупном яру мужики и парни катушку-забаву: утрамбовывают снег, поливают водой. Ладонь-дорожка расчищена через всю широкую реку до подножия берёзовой роши. А там, в роше, уже ожил родничок, о чём-то неумолимо шепчет...

Первыми опробуют катушку ребяташки: как муравьи, будут они скользить с неё, взбираться и опять кучей-малой лететь вниз. Потом придут девки в цветастых полушалках, станут в ряд и будут дожидаться, когда пригласят их парни сесть на саночки-кованцы. Каждая ждёт-надеется скатиться с милым дружкой! Ревниво сердце замрёт, если пригласит не её, а другую...

Придут гулять-кататься молодожёны. Придут бабы, мужики, притащат розвальни. Появятся и почтенные старушки. Для них разостлана большая коровья шкура: скатятся и они с катушки. Шумит веселье!

Не так ли или почти что так веселится и сейчас народ – в городах и сёлах, на больших площадях и за деревенскою околицей, провозжая восвояси до будущего года матушку Зиму и радостно готовясь к приходу красавицы Весны?..

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – 10 марта.

Талая вода, шалая вода

(апрель)

Приди, весна, с радостью,
С великою благостью...

Апрель – срединный месяц весны. Апрель – снегогон: апрельские ручьи землю будят. Апрель – водолей. Вода на лугу – будет сено в стогу. Мокрый апрель – хорошая пашня. Вот такая характеристика дана народом апрелю месяцу!

Лес еще не одет, ноги деревьев в воде. Еще не куковала кукушка. И не надо, чтоб скуковала на голое дерево: примета! А верба и ива уже нарядились в серёжки... Но вот небо задернула свинцовая туча, потянуло холодом, пошел снег, кругом опять белым-бело. Не беда, это внук за дедушкой пришел! Если на седьмое апреля (благовеще-

ние) застыли лужи, если днем ветер перебрасывает соломинки через дорогу, жди впереди сорок холодных утренников. Примета.

Многие пернатые вернулись к своим гнездам. Галдеж в грачевниках, скворцы заливаются-поют у своих скворешен! В затишке на солнышке порхают бабочки, летают пчелы, ползают божьи коровки. Земля дымится...

На пригорке, где чуть-чуть уже прогрелась земля, деревенские ребяташки затеяли игру «бить-бежать» (лапта). Им жарко – сбросили верхнюю одежду, а некоторые даже обувь: хорошо почувствовать теплую землю босой ногой!

В апреле – день Марьи-обманщицы, Марьи-хлопуши. Этот древний обычай бытует и в наше время. Шутки, смех, подсмеивание друг над другом! В Марьин день – никому не верь! Шутки и смех, как правило, безобидны и доброжелательны, вроде: «Нюра, я про тебя что-то знаю. Можно при всех ляпнуть?». «Андрей, тебе поклон. – От кого? – От Маши. – От какой Маши? – От коровы нашей...» Много балагурства – что-то от далёкого скоморошества...

К концу апреля вскрываются реки. Игру начинают сначала малые речки, такие, как Юргамыш, Глядяна, Алабуга, Боровлянка, а потом в игру вступает и Тобол. Будто бы щуки в ту пору помогают своими хвостами лёд на речке разбивать.

Чем раньше начинают играть реки, да еще если все одновременно, – быть наводнению. В сороковых годах наводнения были ежегодными. Особенно сильное – в 1947 году, под водой оказались левобережные селения, в том числе и Курган уже седьмого апреля. Немалый ущерб хозяйству приносили наводнения, но и блага от них немалые.

Много веселья в апреле! Но много и хлопот. Идут последние приготовления к полевым работам. Проращивается рассада для огородов, для цветников. Сжигается оставшийся от зимы мусор.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1979. – № 86 (13 апреля). – С. 4.

Звезды над нами

(Кичиги)

Богиня Эос (Утренняя заря) пленилась красотой бога Ориона. Артемида (богиня Луны) из ревности убила Ориона, превратив его в созвездие.

Древний миф.

В Зауралье созвездие Ориона хорошо видится осенью и зимой. Местные жители называют это созвездие Кичигами.

Побасенка гласит: «Кичиги-кичиги не худу учили: лениться не давали, робить заставляли».

Время от времени Ольга Федоровна приходит ко мне, и мы отводим душу в воспоминаниях о родной деревне. Перебираем по порядку избы и всех живших в них до седьмого колена вглубь. А как дойдем до избы тетки Соловухи, тут остановка: от избы тетки Соловухи сроду хоровод начинали. Ольга Федоровна тихонько зачнет хороводную, я подтяну:

*Вдоль по улице по шведской,
По границе по турецкой
Генеральский сын гуляет
И во скрипочку играет...*

Я пою «енеральской», как прежде говорилось. Ольга Фёдоровна сердится:

– Нечего насмешки строить! Кто теперь говорит «енеральской, енерал»? Теперь все бабы Ольи и те стали Ольгами, Любавы – Любовами, Настасьи – Анастасиями, Надёжи – Надеждами. Одни только Варвары окостенели!

Последнее – в пику мне.

После этой размолвки Ольга Фёдоровна долго не бывала у меня и вот опять «явилась не запылилась». Вижу, чем-то взволнована, да и время позднее – около десяти вечера.

– Не вижу звёзд, давно не вижу! – с тревогой заговорила она. – Куда они девались, звёзды?

Инстинктивно бросаюсь к окну. Город залит огнями, тёмно-

лиловое небо непроницаемо – лишь где-то в восточной части его еле теплятся несколько чахлых звездочек.

И опять вспомнилась деревня – наше деревенское небо. А январская ночь пятьдесят восьмого года никогда не может быть забыта! Мы наблюдали в ту ночь движение по небосводу искусственного спутника Земли. Небольшая красивая звёздочка двигалась с северо-запада на юго-восток.

Стоял изрядный морозец, но в избах никто не оставался: все вышли на улицу, все, запрокинув головы, смотрели в небо. Было таинственно-волшебное, как в сказке. Только ребятишки, перебегая с места на место, спугивали эту таинственность: им надо было найти самую высокую крышу, чтоб взобраться на нее и быть ближе к спутнику.

А небо!!.. Звезды усыпали его. Сколько их есть в бесконечной Вселенной – все высыпали встречать человеческое чудо! Звезды шевелились, трепетали, подмигивали друг другу и тем, кто смотрел на них с Земли. И казалось, был слышен их шорох... Так было. А сейчас?

– Что в окно можно увидеть? Одевайтесь, пойдем на улицу, – предложила Ольга Федоровна.

Мы долго бродили по городку, но так и не увидели звезд, а те редкие, что еле светились, были похожи на замарашек – хотелось почистить их суконкой...

С последним вечерним автобусом мы с Ольгой Федоровной выехали из города. Поехали искать звёзды. Автобус шёл ходко, чуть покачиваясь. Мы устроились у окна, но видели только сосны, обступившие дорогу с обеих сторон. Мне кажется, что я знаю, о чём думает сейчас Ольга Федоровна. Вообще, я знаю её как самое себя. А может, я и себя знаю плохо?..

Когда-то в молодости я завидовала Ольге – так называли мы её в девичестве. Красавица, высокая, стройная, на работе удалая, в разговоре за словом в карман не лазит. А песни играть, плясать – поискать такую ещё надо! Развесёлым был у неё и девичник: невеста веселилась не меньше подружек и ни одной слезинки. Хоть бы маленько

поплакала, – неприлично невесте не плакать... Мы-то знали, что замуж идет не за того, за кого хотела. И все же... Как запели подружки:

Приступи, родная матушка,

Расплети мне трубчатую косу...

Ох, как руки твои поднимаются.

На мою на девичью красоту...

– тут не удержишься: завытирали люди глаза, зашвыркали носами. И наша Ольюшка разлилась рекой...

Тяжёл на руку был муж у Ольги. Жена – в дом, а муж из дому. Гонялся за большими заработками, уходил из дому надолго, а возвращался «яко наг, яко благ, яко нет ничего». Одна, без помощи мужниной, пятистенный дом построила – огоревала. Дóма успевала всю работу проворотить и в колхозе – среди ударников. Мужа лишилась рано, осталась с двумя ребятами. Вдовья жизнь не красота, только сердцу сухота! Второй раз замуж выходить не пожелала.

– Детям, – говорит, – родного отца никто не заменит...

Автобус выбрался из соснового плена, и мы увидели яркую звезду, сияющую на юго-западе. Сама звезда красная, а лучики бросает голубоватые.

– Вечерняя заря, – промолвила Ольга Фёдоровна и ещё уточнила, – Планета Венера.

Не доезжая до своей деревни километра три, сошли с автобуса, пошли пешком. То там, то в другом месте неба непрерывно вспыхивали звёзды, и вскоре их были мириады. Обозначились созвездия. Отыскали Большую Медведицу и Малую. А Кичиги (пояс Ориона) отыскать не можем. И напрасно ищем: Кичиги появиться должны, когда Вечерняя заря (Венера) закатится за горизонт, чтоб утром рано загореться Утренней зарёй, самой красивой звездой, любимой всеми живыми на Земле.

Уж не так и давно в деревнях время определялось по движению небесных светил: днем – по солнцу, ночью – по луне, но больше всего по Кичигам. Кичиги – откуда такое слово?..

Говорят, в старину палку с загнутым кольцом называли кичигой,

а созвездие Ориона похоже на такую палку. Но «кичиги» – это и фантастические существа, скачущие по болотным кочкам – никакого зла они людям не чинили, но всё же беспокоили.

...То ли от звезд, то ли от белого снега, недавно покрывшего землю, стало светлее. Впрочем, мы не заметили – уже взошла луна...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1975. – № 293 (16 декабря). – С. 4.

Акулинкин венок

(трагическая история Акулины)

– Ну и морозы стоят... Не разбирают ни Рождества, ни Крещенья, ни Сретенья – жмут без передыху! – Марья Ивановна достаёт с печки валенки, подаёт мне. Я у неё в гостях. – Надень, погрейся.

– Ту берёзу, которая росла на площади, как не помнить, помню, – продолжает она прерванный разговор. – Спилили её вскоре после войны. А вот лиственницы живы, в полной можете сейчас – прямые, высокие, стройные. Уж поздно, вечер на дворе, а завтра утром сходим...

– Лиственницам тоже боле сотни лет. Садил их учитель Леонид Арсентьевич Рождественский со школьниками. Школу построили и аллею посадили в память этого. И про сосновую рощу всё знаю, она ещё молодая, чуть больше тридцати лет, я и садить помогала, – похваливается Марья Ивановна. – Тогда берег озера Акулинкино вспахал однолемешным плугом Федот Сартаков. В ту пору он был в колхозе лесником. Привёз откуда-то молодые сосенки, а нас, трёх женщин, послали рассадить их.

Хозяином был Федот колхозных лесов, как не вспомнить добрым словом! Порядок держал, не позволял своевольничать по колкам-перелескам. Сейчас пашня за Белым озером вся чисто оголена, весной ветры до неба с пашни черную землю поднимают. Не остаётся на наших пашнях берёзовых колков, осинничков – рубят подряд всё, не жалеют ни вишенников, ни смородинников.

– Как вы думаете, Марья Ивановна, почему Федот Михайлович выбрал местом для рощи берег озера? Не связано ли это с легендой об Акулине? – спросила.

– Кто знат! Поди спроси теперь его – ничего не скажет, не ответит, сколько лет уж лежит под дерновым одеялом. Может, и в память об Акулине, может, в память о солдатах, которые гибли в ту пору на войне...

– Голубушка, Марья Ивановна, – взмолилась я к ней, – Расскажи об Акулине, как слыхала, как знаешь...

– А вы не слыхали, не знаете?

– Слыхала, конечно. Но всяк рассказывает по-своему...

– Что ж, можно и рассказать, – соглашается и пересаживается с табуретки на стул. Сплела пальцы рук, положила их на свой цветастый фартук-запон. Во время рассказа не взглянула ни разу, будто рассказывала не для меня, а так, сама для себя, полузакрыв глаза. Вечерние сумерки вползли окончательно в горницу, огня мы не зажигаем...

– Дитя без отца – полусирота, без матери дитя – круглая сирота, – начала она свой рассказ с этой пословицы. – Сурова была мачеха у Акулины: не накормит, не напоит, а работу спрашивает, как с большой. Так худа была девчонка, в чём душа держалась! За худобу прозвали Заморенкой. Соседи жалели, и родной отец, наверно, жалел, только никогда не спросил у мачехи, отчего синяки не сходят с тела девчонки. Побегут ребята на полянку, зовут с собой: «Пойдём, Заморенка, поиграем». Но Заморенка дичилась сверстников, редко-редко разве поиграет в «коршунка» – такая игра прежде была, нынче её забыли...

Время, его не удержать, не остановить. Природа-матушка берёт своё, дело делает. К семнадцати годам расцвела Заморенка, как полевой цветок. Приглянулась она соседскому парню из богатой семьи. Проще сказать, полюбил он её, и Акулинка полюбила. Решили они пожениться, да родители парня никак не согласны: «Ни вздеть, ни надеть, рукотерта и того нет, а к нам в дом?». И уже другую невесту сыну подыскали, богатую: одних холстов, канифасов, пестрядей у ней ящик коленом надавлен.

Уговорились возлюбленные пойти на риск: как встанет парень под венец с нелюбимой, так и заявит священнику, что не по желанию

вступает в брак. «Ты, Акулинушка, будь недалеко от меня. Как откажусь от невесты, мы с тобой схватимся за руки и упадём в ноги батюшке, он нас тут же и повенчает. Он, отец Миррей, добрый, ведь не стал же венчать Сидарка с Наташкой, когда Наташка заявила, что пошла под венец по принуждению!»

И вот свадьба. Народ валом валит в церкву: свадьбы раньше смотреть ходили, как на спектакль, тогда ведь ни клубов, ни кина не было! Стоят жених с невестой рядом посредине, за спиной жениха стоит какая-то «царевна-королевна», как из сказки пришла. Светлые волосы распущены, закрыли её всю, белый канифасный сарафан до полу, на голове густой венок из синих полевых цветов. Кто она такая, не узнают люди, но маленько будто на Акулинку-Заморенку смахивает... Стоит не шелохнётся.

Акулинкино

Священник во всём облачении подходит сперва к жениху и спрашивает: «По желанию ли берёшь невесту?». И жених отвечает: «По желанию, батюшко». Стоящая сзади «царевна-королевна» затрепетала, как лист на осине, даже пламя на свечах запотрескивало. С таким же вопросом обратился священник к невесте, и та ответила, что по желанию идёт за жениха. А когда священник соединил их руки и повел вокруг аналоя, тут на всю церкву раздался не то вздох, не то стон такой, как будто у кого-то грудь разрывалась, аж все свечи разом погасли. Когда их вновь зажгли, «царевны-королевны» не оказалось

на месте: как провалилась!

А она, земли не касаясь, летела через всю деревню, через лес – прямо к озеру. Пастух видел, как белое облачко к озеру спускалось, и всплеск воды слышал, да подумал: «Ишь, как рыба в воде разгулялась-разыгралась». Позднее люди поняли, что это за облачко было, какая в озере рыба играла, когда увидели на светлой воде его плавающий голубой венчик из полевых цветов. С тех пор стало озеро называться Акулинкиным.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – 17 марта.

Утичьи озёрки

Как зеркальца, разбросаны озёрки. Кругом трава по плечи, камыш выше того. Испокон веков эти озёрки называются Утичьими. В камыше – сплошные гнёзда, на воде – табуны уток. И на это утиное царство один охотник – однорукий Иван по прозвищу Орёл. Да и тот после нелепого случая перестал заглядывать в Утичьи.

Возвращаясь с охоты, припозднился Иван. Забрёл по пути в Утичьи прихватить уточку пожирнее. Прихватить-то прихватил, а выйти на дорогу к дому не может. Кинется туда – озеро, кинется в другое место – опять озеро. Куда не кинется, встают на пути озёра – что ты будешь делать? Ночь надвинулась, звёзды высыпались, а Иван Орёл крутится на одном месте. Для острастки решил голос свой попробовать:

– Э... Эй... Эй!

А с противоположного берега:

– Чего орёшь. Заблудился что ли? Иди прямо на меня!

Пригляделся Иван: человек стоит.

– Как же мне идти? По воде разве?

– Никакой воды тут нет. Шагай смелее!

Пошел Иван, и правда, воды нет. Она ему мерещилась!

Вышел Иван на дорогу, а у дороги на кочке дед Липаха сидит. Перед Липахой столбиками барсуки стоят, щетина по хребту серебром отливает.

Про деда Липаху давно слух был, что он знаткой, а теперь Иван

в том сам убедился. Повернул дорогой к дому и... ноги мои ноги, дайте ходу!..

Давно нет на свете деда Липахи, а Иван Орёл жив и здоров ещё, хотя и при глубокой старости.

Надеюсь, не обидится на меня старый охотник, что по прозвищу здесь его называю. Прозвище его почётное, но об этом когда-нибудь в другой раз. И случай в Утичьих не мной выдуман – его рассказывают друг другу теперешние охотники.

Теперешних охотников больше сотни на Утичьи приходится. У каждого или мотоцикл, или мотороллер, а то и легковая машина. Теперешние охотники пешком не ходят!

А ружья? Что и говорить о ружьях, – сами стреляют, и без промаха. А озёрок Утичьих становится всё меньше и меньше – повысыхали! Покинули старые гнездовья и утки, переселились на дальнейшее большое озеро Парфентьево.

На недавнем собрании наши охотники решили восстановить былую славу Утичьих, сделать их заповедными, чтобы ни один ружейный выстрел не раздавался на Утичьих. Но, чтоб вернулись утки в Утичьи, наверное, надо сначала восстановить озёрки? Впрочем, может, это и возможно. Ведь наши охотники себе присвоили звание – друзья природы!

Озеро Белое

Бело-озеро похоже на разогнутую подкову. Вода отливает сталью. Кругом ни кустика, ни камышинки, лишь белый зернистый песок каймой. Тобол редко дарит Белу-озеру свои воды, но удивительно: оно всегда свежо, в достатке в нём щук, окуней, чебаков.

О Бело-озере немало былей и небылиц. Будто оно бездонно на середине. Будто когда-то оно было «стольным» царством самого Водяного, да в двадцатые годы комсомольцы выловили подводное чудище в образе громадной щуки со свирепыми глазами, плавниками, умотанными водорослями и ракушками. С тех пор и навсегда кончилось его царство!..

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 244 (17 октября). – С. 4.

Улов Сергея Степановича с озера Белое, огромный карп. 2020 год.

Путешествие за околицу (сказка-бывальщина для детей)

Бабушка Секлетия рассказала сказку-бывальщину внучке пятикласснице Иринке. Иринка – подружке Маринке, Маринка – Лариске. Скоро ту сказку знал весь пятый «б» во главе с классной руководителем Анной Григорьевной.

«Наше озеро Моховое, – рассказывала бабушка, – на всю округу одно такое. Мох на нём, как пух; все избы, все дома на нём ставлены, им утеплены. И город этим мохом не брезговал, он ещё недавно был весь деревянный. А ежели этим мохом утеплить хлев да подстилку им стелить – одно добро!

Озеро невелико, а вокруг его осины в обхват. Вторым ярусом – кусты крушины, боярки, калины, третьим – смородинник, шипица, разрыв-трава, костенишник, мышинный горох с синим вязелем. По этим зарослям не скоро проберешься: кусты тебя хватают, держат, вязелем ноги путает... К озеру есть подход – дорожка неширокая. Коли с добром пришёл, иди той дорожкой, садись в лодку-плоскодонку или бат, бери грабли и дери моху, сколько надо. А ежели кто не с добром...

Одинова двое любителей «даровщинки» на двух подводах приехали к озеру. Видят, стог моха готового. «Заберем, – говорят, – этот мох, да маленько еще добавим, и домой». Вырубили по колу вместо граблей, один сел в лодку, другой – в бат. Плавают, кольями воду буряют и вместо моха грязь да тину вытаскивают. Кружили, кружили – и на вехоть моху не добыли. Перемутили всё озеро, стала в нём вода черным-черна.

– Нет, понимаешь, тут никакого моха! – кричит один другому. – Приставай к берегу, хватит нам, понимаешь, того стога, который на берегу...

Ищут место, где ловчее пристать, и не найдут; та дорожка, которой шли, пропала совсем. Полезли напрямиком, исцарапались о кусты, всю одежду на себе прирвали, еле вылезли ободранцами, глянули, а навстречу им... бежит мужичок-моховичок, сам с ноготок, борода с локоток, тащит на себе моху стог... Бежит и горячится:

– Вы, – говорит, – такие-сякие и этакие, мох-от не растили, только губили, а на «даровщинку» тут и были... Да я, – говорит, – если захочу, самих вас в мох превращу...

Ободранцев оторопь взяла; стоят – рот разинули. А мужичок-моховичок мимо их со стогом-то, только его и видели...»

...И решили ребята-пятиклассники спутешествовать к озеру Моховому, увидеть сказку бабушки Секлетии въяве. На дворе стоял цветущий май, и был конец учебного года. Анна Григорьевна всем ребятам уже и годовые оценки вывела. Хорошо закончили учебный год ребята пятого «б»! До солнышка вышли всем классом в путешествие. Путь не дальний, да и не близкий: километров двенадцать будет вперёд и обратно. В кошёлках у каждого есть или бутылка молока, или кваса, пара яичек варёных, горбушка хлеба. Идут старой галишовской тропинкой, ведущей к Моховому озеру, от прохлады поёживаются. Обильная роса на берёзах, осинах, на траве, не слышно птиц – всё спит ещё, покой и тишина кругом.

– Это пшеница, – говорит Коля. – А это овес с викой. Вико-овсяная смесь на корм скоту, – уточняет Митя, показывая на поле. Коля да Митя пять лет уже просидели за одной партой, друзья – водой не разлить! И не спутают они пшеницу с овсом, горох с викой – знатоки!

На минутку задержались ребята перед полем вико-овсяной смеси, разглядывают растения. И вдруг яркими лучами брызнуло солнце. Засверкала хрусталём роса, затрепетали листья на ближней осине, где-то закуковала кукушка, обещая всем многие счастливые годы впереди. Взвилась в небо мышеловка – распластала крылья, трепещет ими на одном месте. Свистят синицы «ви-ти, ви-ти...». Так ребята вошли в сказку бабушки Секлетии.

Тропинку пересёк редкий лесок из берёз и осин. Вишенник в нём лентой протянулся. Вишенье уже теряет бледно-розовые лепестки – отцветает вишенье. На траве, на земле бело от вишенных лепестков, клубники в реднике видимо-невидимо – цвести начинает клубника. Идут ребята молча – такой уговор был. Всяк должен для себя замечать самое что ни на есть интересное и красивое.

– Ух, сколько будет ягод! – не удержался Шурик. – Осторожно, не топчите! – И сняли они обувь – земля уже тёплая – пошли босиком.

Вот и Моховое. Столпились ребята на берегу. Прикроет облачко солнце, и вода на середине озера кажется тёмной; а мох по краям зелёным. Убежит облако, засверкает солнце – вода кажется голубой, а мох золотисто-жёлтым...

– Эй, мужичок-моховичок, мы с добром пришли, иди к нам, покажись! – кричит Иринка – балуется. Все смеются и тоже зовут моховичка, приглашают. Сели отдохнуть, – взялись было за кошёлки – поесть немного, да Анна Григорьевна отговорила: сперва походить надо, понаблюдать, а уж потом и завтракать!

Разбились на две группы – одни пойдут влево, другие вправо, соберутся же все на этой тропинке-дорожке, на которой отдыхают сейчас, тут их будут поджидать Анна Григорьевна с Лариской.

Долго бродили ребята вокруг озера, а возвратились – рассказам не было конца. Петьку Сомусева побила какая-то большеголовая птица. «Крылья во! – развёл руками Петька. – Я только склонился, чтоб разглядеть красивую, розовую сарану, у которой, лепестки, как кольца, а она как налетела, как, долбанула меня в голову, а крыльями хлесь, хлесь! Здорово напугался...» Коля с Митей видели гнездо ремеза, оно как рукавичка и, должно быть, там есть уже птенцы. Иринка принесла стебель папоротника – это и есть разрыв-трава. Так, наверное, называют папоротник потому, что лепестки его как бы разорваны. Что-то прячет в платке Нюрочка Потанина.

– Кажи, Нюрочка, что там у тебя?

– Это цветик калины, он похож на кружево, – я хочу снять с него рисунок и связать такое же кружево...

Позавтракали ребята с аппетитом – даже пожалели, что мало взяли провизии. Вдоволь наигрались, нашалились, песен много спели и отправились домой. Надолго запомнится ребятам это путешествие за родную околицу. Может, и на всю жизнь.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – № 232 (4 октября). – С. 4.

Бугор Бабай

(бывальщинка)

Бабий бугор (бугры – местное название курганов) – отметинка на земле любопытная. У подножия его два озера: Бабье и Чистое.

Как богатырский шлем с вмятиной на верхушке-макушке, лежит на земле Бабий бугор, и про него сказов на возу не увезти.

Захоронена под бугром волшебница. Колдовством-волшебством держала она в своём подчинении много людей. В урочный час выходит баба из-под бугра и купается в своем Бабьем озере, а воды озера Чистого боится.

Бугор Бабай (фото 2020 год)

Досельна (по-нашему, первая поселенка на месте будущего села) Олёна Пентюринна видела бабу-волшебницу. Она вроде русалки. Олёна страдовала за бугром и пить захотела. Подошла к озеру. Идет, разывает руками камыш. Под ногами вода захлюпала, да мутная. Олёна идёт камышом, разывает его на ту и другую сторону и до середины стала доходить, а колдовка-то сидит на плоту, голову гребнем чешет. Сшабаркала Олёна камышом, колдовка и оглянулась – глазищи, как два огня. Олёна со страху поберестенела да бежать домой! Бежит – кричит, а что кричит, не понять. Помешалась со страху Олёна, так дурочкой и доживала век. Давно это было, шибко давно, деды не

помнят. Только с тех пор, как какая девка закуролесит, матери перестанет слушаться, возьмёт та её за косу и начнет приговаривать: «Ах ты, полоумная Олёна Пентюрина досельная».

Видал бабу-волшебницу и Севастьян Калинович. Этот не Олёне Пентюриной чета – врать не будет. По молодости дело было. Завёл Савоська зазнобушку в соседней деревне. Семь вёрст не околица; как сорвется, так и туда. Попёрся раз к зазнобушке напрямик через луг, мимо Бабьего озера. «Дай, – думает, – нарву любушке кувшинок». Разделся и в озеро. Только потянулся за жёлтой кувшинкой, а за руку его баба хватать.

– Что, – говорит, – добрый молодец, воровать мои кувшинки вздумал?

– Зачем воровать, так взять хочу, – не растерялся Савоська.

– Молодец, – говорит опять, – люблю ухватку. Пойдём, я дам тебе кувшинок из чистого золота.

Он и пошёл. Ночь-ноченьку таскала-волочила по камышам его колдовка. Очнулся утром на берегу весь в илу, в глине. Подхватил свои рубахи да бегом в озеро Чистое – все колдовские чары разом смыл.

Хотел скрыть свои похождения с колдовкой Савоська, в деревне разве скроешь что-либо про себя! Посмеиваться стали над Савоськой и прозвище ему придумали «Савоська – грязный нос». За глаза посмеивались.

Под старость стал Савоська Севастьяном Калиновичем, в старостах стал ходить. Хорошо управлял делом, не обижал людей, врать зря не будем. Какой-нибудь забулдыжка по пьяной лавочке иной раз и спросит у старосты:

– А чо, Севастьян Калинович, поди, живой крови в зубах у тебя не оставалось, как колдовка-то по камышам тебя волочила?

Усмехнется Севастьян, только скажет:

– Пустяки всё это.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – № 208 (5 сентября). – С. 4.

Запах детства

(новелла)

Мой отец Степан и мать Татьяна, мои деды, прадеды и прапрадеды – извечные жители одного из старейших поселений в Зауралье. Я была у родителей седьмой по счету, а всего нас детей было у них десятеро.

Отца в деревне уважали, он слыл «грамотеем»: умел на счетах считать, а ещё быстрее и лучше считал в уме. Мать грамоты не знала. Жили мы в одной избе, спали вповалку. Чтобы прокормить нас, отец бился как рыба об лёд. В хозяйстве управлялась мать, а он то был приказчиком у купца, то маслоделом на заводе.

Все мы учились в местном двухклассном училище (с пятью годами обучения). Отец радовался и гордился нашими успехами в учении и даже мечтал для нас о дальнейшем образовании.

От бабушки Марьи слышались мы сказок про чертей, которые жили на Иванищевом болоте. Из-за них, де, на нашей пашне – а она была у самого болота – сроду урожая доброго не было! Нашего дедушку Александра «черти в болото таскали, вином поили, и он плясал для них до третьих петухов».

Бабушка Марья одного маленького чертёнка, рассказывала, ловила, он был похож на ягнёнка. Чертёнок нещадно бился в её руках и верещал. В сердцах бабушка прикрикнула на него: «Да не бейся ты, господи!». Тут чертёнок сквозь землю и провалился.

Много было рассказов про волков. Страсть сколько их водилось в ту пору! Волки были «злые» и «добрые». «Добрые» жили в дебрях возле озера Круглого, «злые» – в Щучьих колках.

Четырёхлетний Прошка ушёл из деревни и заблудился в круглянских дебрях. Отец нашёл его в волчьем логове – он играл там с маленькими волчатами. Отец схватил Прошку на руки, а волчица-мать даже не шелохнулась, только глаза смежила – она тут же лежала, невдалеке.

Наш сосед поймал в Щучьих колках матёрого волка, спутал его, намордник надел и приволок в деревню. Мы бегали смотреть зверюгу, трогали его вздыбленную шерсть на хребте, чтоб никогда не бо-

яться.

Дядя Иван, отцов брат, рассказывал, как прабабушка Матрена со своим мужем-солдатом на службу ходила: они на Кавказе служили, турок в плен брали, и те пленные турки жили в нашей деревне.

Дядя Иван начнет рассказывать, заслушаешься!.. Он помнил, что рассказывал прадедушкин прадедушка: и как поселение наше возникло, как для поселения место выбирали. Потом мужики воевать ходили за царя Петра, а он оказался Пугачёвым. Прадедушкин прадедушка другом был пугачёвского атамана из наших же мужиков – Семёна Новгородова. И как мужики отказались от семенной картошки, как в Тобол ее свалили: «Пушшай ее черти водяные едят, а мы не будем!»

Четырнадцатилетнюю меня взрослые девки в свой хоровод брали: я песен много знала и голос у меня был звонкий. От взрослых девок наслушалась про их девичью любовь.

Сильно взволновала меня история любви Таньки и Алешки: родители не соглашались на их брак, Алёшка и Танька убежали на чужбину и там тайно повенчались. Я завела тетрадь и стала писать «роман» про Таньку с Алёшкой. «Роман» обнаружил старший брат и поднял меня на смех. Полетели тетрадки в печку, прямо в огонь!

Завела другую тетрадь, была осторожнее. Записывала песни и свои попытки сочинять стихи.

С установлением Советской власти пешком ушла в город – была задумка выучиться на учительницу, да и отец в том меня поощрял. Явилась в окружной отдел народного образования к его заведующему товарищу Пискунову. Это был ещё не старый человек, лицом похожий на моего брата Михаила.

– Товарищ Пискунов, – обратилась я к нему, – помогите мне выучиться на учительницу. Я буду хорошей учительницей, слово вам в том даю! – И я почему-то расплакалась. То ли слёзы мои, то ли босые ноги и весь вид мой, то ли горячая клятва тронули Пискунова, он устроил меня в общежитие для нуждающихся учащихся второй ступени на полный пансион...

Давно это было, шибко давно – более полувека; а запах детства

берегу в себе, слышу его, он хранится для меня в каждом кустике, в каждой травинке-былинке, он разлит в воздухе...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1976. – № 184 (7 августа). – С. 4.

Гривастый

Это солончаковое урочище – отличное пастбище для овец. Тетушка Феоктиста выводила на него отару рано утром, и овцы долго не хотели покидать его. Потом отара шла к водопою, к зарослям кустарника.

Феоктиста таскала с собой берёзовую палку с утолщённым концом для самообороны. Страсть сколько развелось волков в тот год! Особенным нахальством отличался Гривастый. Так назвала Феоктиста одного «знакомого»: от головы по хребту темная шерсть у него стояла дыбом, напоминая гриву.

Шарахнуть бы по Гривастому из ружья, да нет ружья во всей деревне! Правда, у бабушки Захара есть старая-престарая берданка. Обещается наладить её, да всё не соберётся.

Едва отара начала спускаться к водопою, как из кустов показалась волчья морда. Овцы кинулись в сторону, сгрудились. В два прыжка Гривастый подлетел к отаре и ухватил молодого барашка.

– Ату!.. Треклятый! – бросилась на волка Феоктиста, и что было силы ударила его палкой по носу. Волк выпустил жертву, замотал башкой, оцетинился на Феоктисту. Но та, не давая ему опомниться, гвоздила и гвоздила его по морде, по башке. Гривастый, щёлкнув зубами, пустился наутек.

– погоди, попадёшься мне, фашист недобитый! – погрозила вслед Гривастому Феоктиста и пошла, догонять отару.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 120 (24 мая). – С. 4.

Михеев грех

Эту притобольную бывальщину-полулегенду слышала в детстве много раз. Теперь сама её рассказываю и детям и взрослым... А не переложить ли её на бумагу?

Пастушьё дело, вроде, нехитрое, да не всякому даётся. Михею далось. Может, потому, что незлобен, прост, – словом, сам безобидная овца.

– Масек пасу, – говорил о себе. – Масек люблю, и они меня любят (маськами он называл овец). – Лонись пас, третьем годе пас, всегда пас. Пасу и пасу...

– Мась-мась, бар-бар, – позовет громко, и стадо мгновенно вокруг него.

А пастбище – степь привольная. Есть и буераки в степи с зарослями кустарников и непотребной дикоросли, но в буераки Михей овец не водит – овечья шерсть портится. Да и не растёт в буераках та самая мелкая полынка, которую любят овцы, от которой добреют.

А там, где небо соприкасается с землёй, лежит озеро – чаша круглая. Туда водит Михей стадо на водопой. В чаше-озере всё небо отражается; днем вместе с солнышком и белыми облачками, ночами с месяцем и звёздами. Рыбы в озере предостаточно. Михей рыбу не ловит. Но когда какой-нибудь рыбак предложит рыбки на уху, не отказывается.

Множится стадо овец. Довольны люди пастухам Михеем: есть к зиме валенки, полушубки, есть рукавицы, в день розговенья на столах жарехи с мясом жареным.

...Стал замечать Михей какое-то беспокойство у овец: всё шаркаются в сторону, плохо едят, к нему прибиваются. Стал присматриваться, приглядываться – и услышал как-то щенячье тьяканье, и мать-волчицу выследил. Знает Михей: пока малы волчата, волчица вблизи логова зла не сделает, а потом?.. Потом беды не миновать. Что делать, как поступить? Думал-думал Михей и придумал устроить волчицу, чтоб сама ушла, бросила логово и забыла своих волчат. На середине озера вобьет он кол-ригаль, волчат сложит в мешок и повешает на ригаль над озером. Остальное всё само свершится...

Выследил, дождался, когда волчица ушла куда-то, отыскал в буераке логово под корягой. Там копошились грязно-серые волчата с непомерно большими головами, их было пять. Склал их в мешок Михей – и бегом к озеру. Пока тащил мешок на плече, волчата притихли,

а когда положил их на дно лодки – забились, заскулили, затрепыхались. Приступил мешок ногой, гребёт, что есть силы воду, веслом правит на середину к колу-ригалью. Подумалось: не завязать ли мешок ту же да не бросить ли в воду – утопить, и делу конец. Но тут же прогнал эту мысль.

Кол-ригаль стоял крепко – Михей пробовал пошатать его. Накинул мешок на ригаль, и повис мешок с волчатами над водой... Скорей к берегу, назад! У берега собралось всё овечье стадо, надо же!!!

– Пошли отседа, маськи, – закричал на них Михей. – Вот я вас! – Выпрыгнул из лодки и погнал овец подальше от содеянного. А вслед – писк, тьяканье щенячье, нет от него спасения!..

...Волчица, не найдя волчат в логове, бросилась на розыски. Она вышла из буерака невдалеке от Михея со стадом, на минуту остановилась, посмотрев в его сторону, потом, не спеша, пошла туда, откуда слышался щенячий писк. Потом побежала трусцой, не оглядываясь. Бежать быстрее ей мешали наполненные молоком соски.

У самой кромки воды волчица остановилась, словно бы примеряя расстояние до кола с волчатами. Вошла в воду и припала пить-лакать её. Долго пила – хотела, видно, выпить всю воду, всё озеро. Вышла, зашаталась и грохнулась оземь, завывала: «У!.. У!..» И слышит Михей, различает в её вое человеческие слова: «И что с вами поделал Михей!» Попритчились эти слова ему – в страхе, в ужасе всё может показаться. А овцы плашмя все легли, тоже прислушиваются к вою: живая тварь всё понимает, как есть всё! А волчица опять бросилась в воду, по горло забежала, плыть хотела, да, видно, вымя тянуло ее к низу. Выскочила из воды, отряхнулась и побежала вдоль берега на противоположную сторону озера. Там, на другой стороне, повторила все сначала: опять пила воду, пыталась плыть и выла еще громче. На её вой ответил другой волчий голос – это шёл ей на помощь волк-отец.

Наступала ночь. С ночной стороны выплыла огромная туча чернее ночи. Туча и ночь смешались. Михей поднял стадо, повел его к загону. И едва успел заложить затворы, которые служат в загонах воротами, как хлынул проливной дождь, грянул гром. Развести костер

для безопасности, как делал это в тихие ночи, не было возможности, оставалось одно – стучать, брякать палкой в жестяное ведро и этим отпугивать зверей. Что он и делал, укрывшись в земляной избушке близ загона. Но этот бряк пропадал в шуме дождя, в непрерывных громовых раскатах.

Михей несколько раз выходил из своего убежища, ощупью добирался до загона, а ночь – глаз выколи! Сам он несколько не боялся волков, убеждённый, что они никогда не бросятся на человека. Он на себе это испытал: сколько раз за свою жизнь встречался с этими зверями нос к носу. Пастух промок до костей и развел огонь в печурке избушки, чтоб хоть чуть согреться.

Весенние ночи коротки: один глаз закроешь, а другой еще не успеешь, и ночи конец. Но этой тёмной грозовой ночи не было конца. Овцы вели себя всё беспокойней, шарахались то к одному, то к другому пряслу, словно кто-то бросал их всех сразу кучей, и при падении они издавали жалобное блеяние. Михей отбросил жестяное ведро в сторону, стал выходить к загону с горящей головней, но та тут же гасла от дождя.

Наконец перед рассветом дождь перестал, туча укатилась, светало. Овцы сбились на середине загона, а у дальнего прясла Михей увидел груды лежащих овец. Они были зарезаны волками! Михей открыл затворы, – живые овцы чуть не сбили его с ног. Выскочив из загона, они направились в сторону деревни. Остановить, задержать стадо не было возможности: овцы вышли из подчинения.

Солнце робко пробивалось сквозь туман, когда Михей со стадом был уже на деревенской площади. Сходились люди. Михей кланялся им и повторял одно:

– Простите, люди добрые, во всем виноват я, мой грех. Не хотел я зла, простите, люди, грех мой...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1977. – № 302 (28 декабря). – С. 4.

Эти длинные вечера...

(гадание)

I.

Вы запомнили те вечера? В их пору всегда длинные-длинные ночи и самые жгучие морозы, они еще называются крещенскими. Небо усыпали звёзды, висят над землей низко-низко, до любой звезды рукой подать, только не забыть бы надеть на руку рукавицу, чтоб не обжечься... И еще: такой ночью белизна кругом от затвердевшего снега, слегка припорошенного недавним куржаком.

Я бы назвала их, эти вечера, слушательными. Почему? Загадай любое желание – самое-самое – и слушай. Обязательно услышишь ответ! Не забудь лишь за пазуху положить теплый сочень, обыкновенный сочень, состряпанный из любого сорта муки и испечённый на поду русской печи. Можно и на плите, только без масла, на раскалённой железке. Любая девушка, спрятав под шубку такой сочень, смело может обращаться под вечер к любому незнакомому прохожему: «Назовите жениха!» и услышит в ответ: Сидор, Калистрат, Прокопий и т. д. Словом, будет названо то имя, которое самой судьбой ей предназначено. И любой неженатый парень испытать свою судьбу таким же образом может, обращаясь к прохожему. Но обязательно, чтоб сочень тоже был у него за пазухой: «Назовите невесту!»

II.

Сельский клуб – деревянное здание. В зале несколько парней от скуки зевают, дожидаясь девчат, которые закрылись вместе с завклубом Аней Бархатовой в соседней комнате по каким-то своим тайным девичьим делам. Договорились же вместе пойти за деревенскую околицу, позагорать под месяцем!

– Пойду спать, – говорит Андрей. – Завтра рано вставать, повторное снегозадержание на поле буду начинать...

– Я тоже спать хочу, – говорит и Виктор.

Дождаться девчат терпеливо решили Михаил, Николай и Иван...

– Собственно, почему мы от них спрятались? – вдруг опомнилась завклубом Аня. – Пусть бы парни были вместе с нами.

– Конечно, пусть будут, только бы не мешали, – согласились

все.

– Будем слушать магнитофонную запись, сделанную мной не далее как вчера. Свадебную застольную исполняет Матрена Васильевна. Нам надо разучить песню на всякий случай. Может, подарим ее со временем каким-нибудь счастливым-молодоженам.

Аня включает:

*У нас свадьба-скрутка весела,
Сорок печей калачей испечено,
Сорок ведер пива наварено,
Нашу Машу окручают,
Шиту кикку надевают
Подвенечну-вековечну!*

– Ха-ха-ха! – грохочут парни. – Во даёт бабушка Матрена! А голос-то с трещинками...

– погоди, останови магнитофон, Аня, – шумят девчата. – Что такое кика?

– Объясню, всё объясню... Слушайте дальше. Плач невесты:

*Задушевные подруженьки,
У вас батюшки жалостливы,
А меня-то, горе-горькую,
Отдает батюшка на чужую сторону.
Я гораздо ему надоела,
Я сусек хлеба у него съела,
Колодец воды выпила
Много платьицев износила,
Башмачков притоптала,*

– с горькой слезой причитает исполнительница, всё та же Матрена Васильевна.

– Ну, даёт, ну, даёт бабка Матрена! А сколько ей лет? Бабушке Матрене сколько лет?

– Слушайте, сама ответит сейчас Матрена Васильевна, – Аня опять включает магнитофон.

«Сколько годов, спрашиваешь? Сбилась со счёту, точно не знаю. Может, седьмой десяток доходит, а может, и девятый. Ты грамотея,

помоги сосчитать. Я выходила замуж семнадцати годов, в тот год к нам в деревню приезжал из Тобольска архиерей Варнава. Не слыхала про Варнаву? А про Распутина слыхала? Они были дружки – два сапога пара. Варнава и всадил Гришку в царскую семью, сосводничал самой царице Александре...»

III.

Поздно. Уже не вечер, а белая таинственная ночь. Полный месяц – рот до ушей. Обозначилось созвездие Плеяды, Млечный Путь рассек небо.

Молодёжь снежной целиной движется к таинственному сосновому лесу. Зря с собой взяли девчата этих парней-дуралеев: то толкаются, то ножку подставляют! Так хочется послушать тишину, затаив дыхание. Слышите, слышите... Звёзды шуршат... Смотрите, они шевелятся!

Что там слева катится с пригорка? Какой-то шар с хвостом крючком... Ай! Шар прямо под ноги. Собачонка Дамка напугала до смерти!

А вон и Андрюшка Мохов во всем белом со снега поднимается. Экая жердина, чуть не до неба! А рядом в шубе навыворот Витька...

– Эй, вы, слушальники! Идите сюда, намылим вам бока, – кричат хором девчата.

– Сколько времени? – спрашивает чей-то девичий голос.

– Десять минут второго, – ответило сразу несколько голосов.

Опомнились разом все. Бегом назад в деревню. Рассыпались по домам... Спокойной ночи!

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1979. – № 7 (9 января). – С. 4.

Развилка в поле

Прежде на Новый год деревенские девушки любили про женихов погадать. Теперь такое за девчатами не водится, и правильно, может быть...

Вздумали мы с подружкой в новогоднюю ночь подальше от деревни убежать, чтоб никто не мешал гадать. Было нам уж лет по семнадцать. Взялись за руки и бежим: мороз – нипочем! Полушубки тёп-

лые, валенки на ногах тоже. Бор миновали, выбежали на равнину, и так нам весело да интересно! От главной дороги две дорожки в разные стороны – это и есть развилка. Запыхались, даже жарко стало...

Луна с неба светит в полную силу. По заснеженной долине тени плывут. Кой-где снег искрами сверкает. Тишина, жутковато – не по себе что-то стало...

– Давай скорее кружиться! – говорит подружка. Зажмурились – кружимся и падаем на дорогу. До трёх раз надо. В которую сторону головой будешь падать, в ту сторону и замуж пойдешь.

В третий раз как упали, слышим – топот по земле и вой как бы собачий. Вскочили на ноги, а на пересёк главной дорожки мчится стая волков. Заметил нас матёрый вожак, присел на землю, поднял морду вверх и опять завыл, а остальные вокруг его подвывают.

Подружка бросилась бежать, я поймала ее: «Не надо, Настя! Только не бежать, а шагом... шагом пойдём, будто не боимся их». Ужас!.. Кровь в жилах застыла, а стая всё на одном месте...

И вдруг... спасение! От бора мчатся верховые. Видно, услышали в деревне люди волчий вой и выехали, чтоб пугнуть стаю.

– Глядите-ка, это же наши девки! Куда вас чёрт носил, такие-сякие? – хохочут мужики. А волчьей стаи как не бывало...

С тех пор мы с Настей не гадали про женихов. Да в тот год обе замуж вышли: наши-то суженые как раз и были в числе спасителей.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1973. – № 35 (10 февраля). – С. 4.

Легенды и были Завьяловского черемухового сада

На южной окраине села есть у нас старый запущенный Завьялов сад. В далёком детстве этот сад манил и страшил. Сколько о нём рассказывалось легенд, былей и небылиц! Посадил этот сад солдат Фёдор Завьялов.

Жил Фёдор с двумя сёстрами, старыми девами. Волшебницами были девы, волшебство помогало им ткать такие узоры, что никто в округе потом не мог воспроизвести подобное.

Волшебство знал и Фёдор. Поглядит человеку в глаза, скажет слово, и человек за ним пойдёт хоть в огонь, хоть в воду, станет сам

не свой. (Организаторы восстания в Утятской слободе – отставной солдат Федор Завьялов и Семен Новгородов – призывали к себе в дом крестьян слободы и склоняли их на сторону Пугачева).

Вот еще легенда. Баба Яга в черемуховый сад не заглядывала, она жила в Сухом болоте, домовый ночами шарился по избам, плел бабам косы, ухал в печные трубы. В сад летал только огненный змей. Долго летал... Потом сменили его звездочки. Сорвётся с неба звездочка и летит в сад; там, в траве, и гаснет. И в наши дни глубокой ночью еще можно увидеть это.

В. Иванова

// Притоболье. – 1970. – 23 мая.

// Советское Зауралье. – 1980. – 30 ноября.

Последние колдуны

В журнале «Живая старина», издававшемся в 1893 году в Петербурге, встретилась интересная статья Н. О. Осипова «Ритуал сибирской свадьбы». Описывается очень подробно свадьба в деревне Нагорской Утятской волости Курганского уезда Тобольской губернии. В начале статьи даны некоторые экономические данные. Сообщается, что в Нагорской – 157 дворов с тысячью наличных душ обоего пола. Ежегодно в деревне играет 8–9 свадеб, которые крестьянскому двору обходятся очень дорого.

Ритуал-церемония свадьбы очень сложный и хранит в себе древнейшие суеверия, предполагающие, что брак окружён влиянием тёмных сил, которые могут повредить счастливому супружеству. Для соблюдения ритуала свадьбы приглашается особый знаток – ведун, своего рода колдун, называемый вежливецем.

Автор статьи Н. О. Осипов сообщает, что нагорский колдун-вежливец Василий Федорович Бобков – «обстоятельный зажиточный крестьянин». Вежливец – главное лицо на свадьбе – большак, без него будто бы не уберечься от других колдунов, действующих по собственной злобе к брачующимся или по подговору. Описывая свадебный ритуал, автор приводит много свадебных песен, из которых есть бытующие и в наши дни. В песне, посвящённой жениху, напоминает ему о начале телесной и духовной жизни:

- *Кто тебя, Иванушко, народил?*
- *Народил меня батюшко свет (имя отца).*
- *Кто тебя, Иванушко, на белый свет пустил?*
- *Пустила на белый свет меня матушка (имя матери).*
- *Кто тебя, Иванушко, набело умывал?*
- *Умывал меня крестный батюшко (имя крестного).*
- *Кто тебя, Иванушко, хорошо снарядил?*
- *Снарядила меня крестна матушка (имя крестной).*

Немногие старожилы деревни Нагорской помнят своих «колдунов» и говорят, что Василий Бобков был уж последним. На вид будто бы был он не хмурым, не угрюмым, и речь его была складной. Вот как он ответил ребятам, вспоминает древняя бабушка Т. М., когда они зашумели на полатях, подглядывая за ходом свадьбы: «Маленьки ребятки, синие опупки, сопельки растные, не балуйте, – шуть, шуть!»

С приходом революционной культуры в деревню сгинули все «колдуны», забылись их «колдовские» заклинания.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1979. – № 203 (5 сентября). – С. 4.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Песнопевцы

Песнопевец – человек,
слагающий или поющий песни, поэт.

Словарь русского языка

Крестинке, Сереге и мне, троим вместе, восемнадцать. Крестинке – семь, а нам с Серёгой – остальные поровну. Мы утянулись за реку в рощу. Лежим на животах возле родничка, заглядываем в него. Вода живая, журчит, упавший в воду берёзовый листок крутится и крутится на одном месте. Возле нас вьётся серенькая пичужка, тренькает. Горячее солнце пробилось сквозь сеть берёзовых ветвей, и разморило нас. Уснул Серега, уснула Крестинка, дремлет мне. А серая пичужка у самого уха поет, усыпляет...

*– Тень-тень-тень,
Выше города плетень,
На голбце лучина,
В печи калачи,
Не про нас печены,
Про бояр...*

«Бабушки Марьи песенку-байку поймала птаха», – думаю я, а пичужка за мамину песенку теперь принялась, мама поёт ее маленькому Ванятке в зыбке:

*– Спи, усни, моё дитя,
Без пробуду до утра.
А как утречко придет,
Я сыночка разбужу.
Скажу: милый сын, вставай,
На работушку ступай...
Надо пашенку пахать,
Пора лошадок запрягать.*

Таким запомнилось мне первое знакомство с зареченской берёзовой рощей. Может быть, так же или по-другому происходит зна-

комство с рощей у всех, кто появился на свет в деревнях близ этой рощи? И с той минуты становится роща всем бескорыстным другом.

Мы повзрослели, нас называют по-местному «молодяжник». Собрались в рощу погулять.

Серёга – с гармошкой, побежали Серёжины пальцы по ладам, а девки в голос:

*– Поиграйте, поиграйте,
руки разудалые,
сатинетова рубашка,
волосы кудрявые...*

Перешёл Серёга на плясовую. Выскочила на круг отчаянная плясунья Кланька. Пляшет с припевками; всё в припевках выскажет, что думает и что в обычной речи не решится сказать.

*– Комсомольца не любила,
комсомолкой не была.
Комсомольца полюбила,
комсомолкой стала я.*

А парни, дружки Серёги, на Кланькину песню-частушку – свой ответ:

*– Комсомолкой быть –
надо измениться,
надо в церковь не ходить,
богу не молиться...*

И пошло... и пошло. Откуда что берётся? Впрочем, чему дивиться? Песни плавают в воздухе и в роще. Сколько берёз, столько и проголосных песен, сколько трав растёт, столько и частушек-подергушек. Жизнь идёт, время бежит, а песни остаются, копятя. Проголосная песня «Вечор поздно из лесочка» живет с того времени, как появились поселения по берегам Тобола. Она прилетела следом за первыми поселенцами. Ах, как её умел петь Иван Иванович Родионов! Родионовы-то мужики – сроду песенники, и жён себе под стать подбирали.

Хороводных песен предостаточно: то протяжных-раздольных, то быстрых-торопливых с притопом, с присвистом. Хороводная про

розочку алую прямо на глазах родилась. Вышел на середину круга не то Васька, не то Гераська и на одной ноте пропел-заявил:

– Хожу я, гуляю вдоль по хороводу! – а хоровод поддержал, прибавил: – Розочка алая! – Парень тем же тоном: – Ищу, выбираю я себе невесту, – хоровод вновь добавил: – Розочка алая!

Вывел парень на середину круга свою подружку, и хоровод пополнил рождающуюся песню:

– Вот нашел, вот сыскал сам себе невесту, розочка алая!

*Посмотрите, люди,
посмотрите добры,
как я гуляю с милою невестой!
Милая-милая радость дорогая,
сядем в карету, которой у нас нету...*

Раз за разом всё добавлялись новые куплеты – и про тестя, и про тещу, и про шурина весёлого. Получилась настоящая музыкальная комедия.

У каждого времени свои песни. Любят наши люди и умеют петь революционные песни, песни гражданской войны и войны Великой Отечественной. Невозможно забыть песню-причет, её пели женщины-солдатки вполголоса: «Ох, темна ноченька при буре, и скрылся месяц в облаках... Ты встань, проснись, друг мой милый, я без тебя жить не могу...»

Верно сказано: какое время, такие и песни! Песня – душа людская.

В любой деревне, большой и малой, живут хранители народных песен – нашего национального богатства. Чаще всего это пожилые женщины. Я назову имена своих односельчанок – Акулина Демидова, Евдокия Луканина, Дарья Мартюшова, Евгения Сорокина. Стоит послушать их песни, а может, и записать.

Богат наш благословенный край добрыми людьми, их добрыми делами и хорошими песнями.

А песни, как птицы, летят к нам. Их шлют нам певцы и певицы Людмила Зыкина, Ольга Воронец, Александра Стрельченко, Юрий Гуляев, Эдуард Хиль, Александра Пахмутова и многие другие. Мы с

благодарностью принимаем эти дорогие подарки, поём их и сами складываем песни, которыми полна душа.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 3 (4 января). – С. 4.

Наши колыбельные

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла!

А. Майков

Мать, укачивая ребенка на руках или укладывая его в кроватку, вполголоса напевает:

*Спи-усни, спи-усни,
Угомон себе возьми,
Золотиночка моя, убаюкаю тебя.
Укачаю, укладу ненаглядную свою...
О... о... о... о... о...
Скоро вырастешь большой,
Мой хорошенькой.
Не буду тебя тогда укладывать,
Не стану тогда уговаривать...
О... о... о... о... о...*

Умиротворение, любовь и нежность воцаряются в эту пору в доме, радость, вера и надежда... Не откажешь этой бесхитростной песенке в поэтичности и музыкальности.

...Вечер. Пора управы по хозяйству. Матери надо подоить корову, принести в дом дрова, свежей воды. Она расстилает в горнице на полу одеяло, подает детям игрушки и оставляет их одних – годовалого Степанчика и его восьмилетнюю сестричку Аннушку, обещая быстро-быстро управиться. Пеленая куклу, Аннушка напевает песенку, которую слышала от матери:

*Трактор пашет,
трактор пашет,
Тракторист рукой нам машет.*

*Папа-папа – наш отец, Михаил Степанович!
Скоро папонька придёт,
Нам гостинчик принесёт,
Белый грибочек,
калиновый листочек.*

Степанчику скоро надоели игрушки, он встаёт на ножки и собирается погулять по горнице. Аннушка тащит его на середину одеяла, подает ему резинового кота, сопровождает игрушку новой песенкой:

*Как у нашего кота
Есть на сердце доброта.
Приди, котик, ночевать,
Колыбелечку качать.
Я тебе, коту,
За работу заплачу,
Дам кувшин молока
И кусок пирога...*

Степанчик понял что-то в песенке, он несколько раз повторяет: «Буая дилятя». В переводе это означает: молоко горячо.

Стукнула дверь, в кухню кто-то вошел.

– Кто пришел? – кричит Аннушка.

– Я, дочка, я, – отвечает мужской голос.

– Папа пришел! – радостно сообщает Аннушка.

Степанчик так и взвился! Пытается бежать навстречу отцу и тут же шлепается. Крик, рёв!.. Отец едва успел освободиться от рабочей одежды, вошел в горницу, поднял плачущего ребенка:

– Не надо реветь, ты же мужик, не положено... Ну-ка, уймись! Давай лучше споём песенку про уточку моховую или про Аннушку Казаковну.

– Про Аннушку не надо, я не люблю эту песню, – возражает девочка, и отец, разгуливая по горнице с сыном на руках, поет про уточку:

*Уточка моховая,
Где ты ночесь ночевала?
Под мостом-мостищем,*

Под городом-городищем...

Счастливым Степанчик! У него есть в запасе ещё одна нянюшка, его родная бабушка Матрена Васильевна. Она время от времени приходит к нему, и тогда песни, байки, присказки и прибаутки льются рекой. Послушаем хоть одну байку (баять – говорить) бабушки Матрены в сокращенном виде:

*Прилетел динь-дятел,
Сел на ворота,
Ударил в бубен.
– Дома ли сестрица моя молодница?
Села на лавочку, расплакалась...
Серебром-монистом рассыпалась...
Курочки клюют,
Петушку не дают.
Спой, петушок, на широкий двор.*

*Идет петух на пятах,
Несет саблю на плечах.
Вы ку-ты, ку-ты, ку-ты,
Вы подайте сюды...
Мы шкурку сдерем,
На базар свезем:
Купим сапожки,
Степанчику на ножки.*

Вот и еще одна песенка из богатого репертуара бабушки Матрены Васильевны:

*Баю-баюшки-баю,
Живёт барин на краю,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят...*

Богат детский фольклор. Он особняком стоит в устном народном творчестве. Песни колыбельные, байки, считалки, присказки,

побасенки. Рассыпаны они серебром-монистом по деревням и весям, по домам и избам. Как бы их собрать воедино? Трудно, они в постоянном движении! Впрочем, может быть, возможно...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1979. – № 65 (18 марта). – С. 4.

Притобольные страдания

I.

В час, когда солнце сядет за горизонт, а запад ещё пылает огненно-золотыми красками, Юрка, двадцатипятилетний парень, заводит старенький автомобиль. Мотор ёрится, фыркает, наконец, начинает стучать ровнее. Юрка высовывает из окна кабины чубатую голову и кричит:

– Чья сегодня очередь? Садись!

Несколько женщин влезают в кузов, заполненный флягами с парным молоком.

– Поехали! – кричит Юрка и машет рукой оставшимся.

Остались Ликанида, Фрося, Клавдия, да Нюра с Саней – подруженьки задушевные. Все они связаны между собой единой судьбой, все начали работать на ферме в годы войны совсем молоденькими девчушками.

– Основные кадры нашей фермы, – величают их в торжественные дни на собраниях и бригадир, и заведующий фермой, и сам председатель колхоза.

Ушла машина. Юрка приедет за оставшимися не раньше чем через час. Пастухи угнали коров в степь. Установилась тишина. Запересвистывали пичуги в кустах, ухнула выпь, извещающая о наступлении ночи.

– Пойдемте, девоньки, пострадаем, – говорит рослая красавица Ликанида.

Они идут к берегу реки, к развесистому тополю, заблудившемуся в этой долине. Крепко вцепилось дерево в землю. Два оголённых корня, как упоры, как ноги исполина, готового выстоять любую невзгоду. А невзгод, видимо, немало терпит тополь. Обшаркан ствол, молнией сбита верхушка, а тополь пускает всё новые и но-

вые побеги, кустит свою крону.

– Что-то сильно тоскливо мне сегодня, – жалуется Ликанида, когда подошли к тополи и сели под его навес. – Уж так тоскливо!..

– Понятно, – резюмирует Клавдия, пытаясь развеселить подругу. – Ты же объявилась невестой, а невесте плакать полагается, убиваться... Слёз нет – луком глаза натереть надо.

– Невеста без места, невеста из кислого теста, – горько усмехается Ликанида.

– Слушай, Лика, – вступает в разговор Фрося. – Не глянется мне твой Егорий... Шабашник он и скряга. Ненавижу таких. Зачем он тебе? Пошли ты его подальше!

– Надоело быть ни девкой, ни бабой, ни мужней женой, как говорят про нас. Да еще кличку лепят: «Одиночка». Услышу эту кличку – нутро переворачивается. Обидно. Хочу стать мужней женой, испытать это счастье, – горячится Ликанида.

Клавдия протяжно начала:

*– С мужем жена – будто госпожа,
Без мужа жена – горька сирота...*

– У тебя, Клавдия, все навынтарары, – перебила ее Саня. – Чего песню портишь, с конца начинаешь? Зачни, Ликанида.

И Ликанида завела старинную тягучую песню своим низким и сильным голосом. Ее подхватили все дружно:

– Зимонька-зима холодна была, да морозливая.

С мужем жена не в любви жила.

Мужа извела.

Пришла ко двору, да и села на траву.

Слезно всплакнула.

С мужем жена – словно госпожа,

Без мужа жена – горька сирота.

Пойдем, муж, домой,

Пойдем, голубь мой.

Принаслушался мелких пташечек,

Принакушался сладких яблочек.

– Был бы у меня сынок, как у тебя, Кланыя, или дочка, как у тебя,

Фрося, и не подумала бы я ни о каком замужестве, – опять начала разговор Ликанида, жалуясь на свою долю.

– Кто же тебе не велел родить? Пересудов боялась, молвы злой... Умный да добрый человек по-умному это дело рассудит, а на глупого да злого смотреть нечего, – убежденно заявила Фрося.

– Завтра у меня окончательный сговор с Егором Петровичем. Приходите вечером, девоньки. Посидим, молодость вспомним, песню споём.

Послышался шум возвращающейся машины. Женщины поднялись ей навстречу, запели:

*– Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки...*

Ночь спустилась на землю. Выплыл на небе зазубренный серп луны, плеснулась щука в омуте, закачалась, изломалась лунная серебряная дорожка на середине реки. И опять неистово заухала где-то уже за рекой выпь.

II.

У Ликаниды в большой горнице гости за столом пьют, едят, речи ведут. Разрумянившаяся Ликанида своему жениху кушанья подвигает, водки в стакан подливает.

– Кушайте, Егор Петрович.

У Егора Петровича лысина во всю голову. Короткая, красная шея не ворочается, язык от выпитой водки заплетается.

– Выпей сама, я погляжу, – подвигает он стакан водки Ликаниде.

– Не пью я, Егор Петрович. Отродясь не пивала...

– Так я тебе и поверил. До сорока годов в девках просидела, да водки не пила... Хе... хе... Чиста и непорочна...

– Ликанида правду говорит, Егор Петрович, – вступилась за подругу Клавдия. – Мы тому свидетели.

– Э... – пренебрежительно машет рукой Егор Петрович. – Все вы одного поля ягодки...

В соседней малой горнице всеми забытая сидит на кровати древняя старушка Федосья Степановна. К шуму прислушивается. Нет-нет, да и смахнет скупую слезу с глаз: как-то сложится теперь её

судьба при новом хозяине.

Лика взяла её к себе на житье, когда убили на войне Федосьино-го единственного сына Васеньку. Лика считалась его невестой. У Лики в тот год было горя не пережелевать. На отца похоронная, мать слегла в постель и не встала. Осталась Лика одна-одинешенька. Пришла тогда Лика к Федосье в избу, упала к её ногам.

– Пойдем жить ко мне, тётушка Федосья. Буду тебе заместо дочери родной. Клятву даю – не оставлю тебя, не обижу, как бы ни сложилась моя судьба...

«Что будет теперь? Вон он, Егор-то Петрович, какой куражливый...» А Егор Петрович сберегательной книжкой трясет, хвастает, что денежку умеет зашибать, что выгодной работы сколько хочешь: «Стори одна деревня – в другую перейдём».

– Наша Ликанида Ивановна тоже не бесприданница, – перебивает хвастуна шофёр Юрий. – В таком доме жить не зазорно никому, а обстановка в доме – не хуже любой городской. Но лучше и дороже всего сама Ликанидушка – первая работница в колхозе.

– Не хаю, не хаю. Приданое у моей невесты неплохое. А вот безродную старушку, что рядом в горнице живет, не принимаю. Для таких дом старости есть. Туда её отправить надо, зачем нам она...

Ликанида слушает наречённого жениха. Бледнеет. Проворно вышла из-за стола и распахнула дверь в горенку:

– Тетушка Федосья, матушка милая, прости, что позабыла тебя. Иди, садись за стол не гостьей, а хозяйкой. Ну-ка, Егор Петрович, освободи-ка место. После таких слов твоих знать я тебя не хочу. Ты пташку не поймал ещё, а уж ощипал. Юра, друг родной, выпроводи этого фрукта из моего дома, чтоб духу его не было! – гневно распорядилась Ликанида.

Под общий гвалт и шум «без пяти минут жених» был выдворен...

– Ну вот, дорогие гости, кончилось представление, – уже тихо сказала Ликанида, когда утихла буря. – Девушки-подруженьки, спойте мне величальную, свадебную. Прежде таких, как я, называли «христовыми невестами» Пусть я буду вечной невестой моей первой не-

разделенной любви. Припойте мне Васю Казанцева, сына бабушки Федосьи, моей нареченной матушки.

Женщины стройно запели величальную:

– Ой, ярко горят воску

Ярого свечи.

Ой, столь ясно они

не гарывали.

Весело в дому стало

не бывывало.

Василий Павлович привез себе суженую,

Суженую-ряженую,

Ликаниду Ивановну.

Ликанида сидела, опершись на стол, слушала песню. Слезы ка-
тились по её лицу и капали на кружево белой шелковой кофточки.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1968. – № 180 (7 августа). – С. 3.

После свадьбы

Анфиса Мурашова сына женит. Недавно вернулся парень из ар-
мии, дождалась!

Четыре конные пары изукрашены лентами, расшитыми поло-
тенцами. Два верховых дружка гарцуют вокруг свадебного поезда,
шутками-прибаутками со встречными-поперечными перекидываются.

Нынешняя зима шибко на свадьбы урожайна. Ивану Корнееви-
чу, колхозному бригадиру, беда: надо подобрать для свадебного по-
езда лошадей, да всё одной масти. Сбруя тоже нужна соответствующая:
дуги с колокольцами, шлеи с шоркунцами. Хоть разорвись!

– Берите хоть автобус, хоть легковую машину! – предлагает
бригадир. – Чем хуже?

– Нет уж, Корнеич, уважь! Желательнее конный поезд!

Ушел поезд за невестой. У женихова двора толпа. Ворота –
настежь, улица верёвкой перетянута, на ней розовый букетик трепе-
щется: сумей-ка, жених, когда поезд помчится под верёвкой, сорвать
этот букетик, покажи перед всем честным народом свою удаль!

Мчится свадебный поезд. У пристяжных головы до земли, снег

из под копыт во все стороны! Грянули встречающие песню:

*– Ах, кони бегут,
Все счерна, сворона...
Все кони рядом,
Сашин конь передом...*

Вышла Анфиса на крыльцо. На блюде в руках пышный каравай хлеба. Целуют молодые хлеб, троекратно целует их мать. Не может сдержать слез радости, брызнули они на хлеб, сыну и снохе на свадебные наряды... Давно за сорок Анфисе Сергеевне, а выглядит ещё молодо, самую хоть замуж отдай: стройная, проворная, вся какая-то лёгкая.

Богатую свадьбу справила Анфиса Мурашова единственному сыну. Пока служил в армии, берегла копеечку. Купила сыну пальто хорошее, костюм и всё прочее, что требуется молодому парню-жениху. Обстановку новую в доме завела, повыбрасывала лишние полки-лавки. Надо бы домишко перестроить, да маленько сил не хватило. На руках у Анфисы ещё двое: старая мать и золовка, покойного мужа сестра. Обе они не работницы, не помощницы. А сын в письмах писал: «За перестройку дома не берись, береги себя. Приду из армии, тогда этим делом займёмся».

Свадебный пир в разгаре. Гремит радиола, её сменяет магнитофон. Танцуют, веселятся гости, кричат «горько». Сколько красивых девчат, парней! Но красивее всех её Саша и невеста его Ирочка, фельдшерица из больницы. Поблескивают на их пальцах обручальные кольца.

Перевела Анфиса взгляд на свой старый перстенёк, вспомнилась своя свадьба в этой же горнице. Ох, не зря сказано: «Заветный перстенёк и поношенным хорош, взглянешь на него – встрепенется сердце...»

С вечера гоняет ветер снег перекатами. Не спится Анфисе, прислушивается к завываниям ветра. Вспоминается всё до мелочей: и то, как сына ждала, как встречала, как свадьбу справляла...

На третий день после того подошел сын и как-то виновато

начал:

– Не обижайся, мама. Ира не хочет жить в нашем доме. Тесно у нас, душно, две больные старухи... А у нее хорошая квартира, она хочет туда. Не могу же я... Ну, пойми, мама...

И Александр с женой ушли.

Конечно, Ира права – тесно в доме, воздуха мало. Но ведь она знала, видела! Как же так? Ведь только бы до весны дожить, перестроили бы дом... Анфиса то оправдывает сына и сноху, то обвиняет. Всё одна, всё одна со всеми заботами!..

Мимо окон прошел с песней пьяный сосед. «То не ветер ветку клонит... – тянет, – то моё сердечко ноет...»

Анфиса даёт волю слезам, потом забывается во сне.

В полночь разразилась бешеная буря. Старый дом вздрагивал, оборвавшийся ставень бил в раму.

– Анфисушка, – взмолилась с печки мать, – сходи на улицу, закрепи ставень, вылетит рама... Ох, господи, матушка-заступница!..

Анфисе бы поглубже зарыться в постель, но кто кроме неё пойдёт в такую непогоду на улицу? Встала, накинула шаль, полушубок. Сняла двери с крючка, – ветер вырвал из рук. Увязая до пояса в снегу, закрепила ставень, вернулась в дом. Стоит ли ложиться, скоро уже и на работу!

– Холодно, Анфисушка, выдуло избу, – ёжится на кровати золовка.

– Сейчас затоплю печь. Завтрак вам сготовлю, – набрасывает на золовку своё одеяло Анфиса.

Пробиралась к ферме в снежной кутерьме. Деревня ещё спала, избы, прижавшись к земле, будто ждали конца вьюги. Лишь в некоторых домах тускло горел огонь, и ярче всех светилось окно сына и снохи.

«Уж встали. Сашеньке-то рано надо на работу... Дети мои милые! И что я убивалась сегодня ночь? Зря же. Вот ведь где живут, почти рядом! Не буду больше так... Пусть живут, как лучше им!».

Свернула в проулок – навстречу какой-то человек. Узнала: Иван Корнеевич, бригадир. Уже на ферме побывал, проверил, всё ли в по-

рядке.

– Доброго здоровья, Анфиса Сергеевна.

– Доброго здоровья, Иван Корнеевич. Там уж, наверное, все собрались, а я только плетусь... Буря-то, буря была какая! Утихает, будто...

– Первая идешь, Анфиса Сергеевна. Зато раньше всех упрямишься. А буря стихает. Снегу сколько добавилось! Снег – добро. Много снегу – много добра. В жизни все так: нет худа без добра.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 24 (30 января). – С. 4.

На склоне дня

Как неприкаянная, ходит Таисья Егоровна по двору, заглядывает во все углы, будто потеряла что-то. Несколько раз заходила в огород, останавливалась возле грядок, на которых, радуясь жизни, бурно росла огородная снедь. Из-под шершавого листка высунул белый носик огурец. «Поленькина грядка», – подумала Таисья, и чудится ей, как Поленька хлопает в ладошки, смеётся и топает ножками. Чудится, будто прошёл босоногий Игорь в коротких штанах и майке. Очнулась – нет Поленьки, нет Игоря. Забрал сын Павел свою семью, переехал на центральную усадьбу в новую квартиру на третьем этаже большого кирпичного дома. Просил, уговаривал её бросить всё, переезжать вместе со всеми.

– Квартира большая, в три комнаты, прямо городского типа, – говорит он. – Есть балкон, можно выращивать цветы.

– А огород где будет? – спросила мать.

– Огороды отводят за озером. Видишь ли, мама, дом так построен, что возле него нет места для огорода.

– Корову где будем держать? – опять сыну вопрос.

– Живут же люди без коров, обойдемся и мы. – Помрачнел, и брови сошлись у переносицы. – Игорь осенью пойдет в пятый класс, – не шибко сладко бегать в школу за четыре километра. Там Поленька подрастает...

Что верно, то верно. Из-за этого неудобства со школой старшая Таисьиная дочь Лидия окончила только семь классов, да и Павел

столько же. Живет сейчас Лидия с мужем на центральной. Муж шофёр, она повар в столовой. Детей нет, хозяйства никакого, кругом – бегом.

Вышла за ворота ограды на улицу. Остановилась возле дома. Врос домишко в землю. Построен как-то непутёво. Глухой стеной на улицу, а окошками в ограду. Будто увидела это только что. Да и деревня вся сходит на нет: осталось десятка два домов, не больше. Но почему так жалко всего?

Деревня Гусиное, последнее время чаще всего её называют Третьей бригадой, стояла среди степи возле балки, пробуравившей степь. За балкой бескрайнее пшеничное поле. Павел круглый год работал на этом поле: весной сеял, летом убирал урожай, зимой возил на поля удобрения, задерживал снег. Всё возле дома, на виду. Да и самой Таисье знакомо поле до последнего взлобка, до впадинки. Исходила его вдоль и поперек и с сохой, и с бороной, и с литовкой.

Всплыла в памяти старинная, давно забытая всеми песня. Наедине с собой хорошо поговорить через песню, вылить душу. Сердцем петь.

*Скука молодой на чужой стороне,
Плакать не смею, тужить не велят,
Только велят потихоньку вздыхать.
Выйду на улицу широкую
Гляну на пути – мои слезки текут.
В избу зайду, слез унять не могу,
Гляну в окошко – гуляет народ,
Все люди гуляют, а милого нет...*

Песня увела в далекое прошлое. Большое село, мать, отец, братья и она – русая коса, девичья краса. Зимним белым днем скрипнули ворота ограды, въехали сваты из какого-то далекого Гусинога. Смешное название, да есть же деревни рядом – Коровье, Барашково и другие. Жених робеет, краснеет, а сваха тараторит, как горохом сыплет, расхваливает жениха, его родню, деревню Гусиное.

Оставили жениха с невестой в горнице с глазу на глаз. Молчит Алексей, молчит Тая. Боятся взглянуть друг на друга. Преодоле

Алеша робость и первым заговорил:

– Выходи за меня, Тая. Обижать не буду, любить буду, жалеть.

Отказать жениху не отказали, но и согласия не дали: подумать надо, побывайте через недельку. Через недельку опять те же разговоры: понаведайтесь еще дней через пять, коли невеста глянется. И только в третий приезд просватали Таю.

Сдержал слово Алексей: любил жену, берёг.

Любила ли Тая? Наверное, любила, может, и не так, как в песнях про любовь поётся, может, просто исполняла свой долг.

Первенцем была дочь. А сын родился незадолго до войны. С войны Алексей не вернулся – скоро тридцать лет, как вдовствует Таисья Егоровна. Впрочем, таких, как она, – через дом да в каждом. Не растраченную любовь отдавала детям, а теперь внукам.

– Поленька, Игорек. Внучата ненаглядные, скука без вас, не житьё...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 218 (17 сентября). – С. 4.

На брёвнышках

Солнце, путаясь в мохнатых верхушках соснового бора, постепенно спустилось за село, с реки потянуло прохладой.

У тесовой ограды на брёвнышках сидят старые женщины – матери и бабушки тех, кто несёт на себе сейчас все крестьянские заботы и работы. Ведут меж собой неторопливую беседу.

– В наше-то время, бывало, выстроится хоровод через всю улицу... Песен-то, песен сколько! – мечтательно тянет маленькая кругленькая старушка. – А теперь девки и парни, как настанет вечера, всё в клуб бегут...

– В наше время клубов не было, – возражает соседка. – Были бы клубы, может, и мы гуда же побежали б.

Помолчали. Каждая, наверное, вспомнила себя молодой...

– Такого песенника, как мой чернобровый, поищи, бывало! Ловко зачинал, легко было к нему подставать. Он и в солдатах запевалом был.

Это сказала высокая худая женщина. Ее в деревне тоже зовут

Чернобровой – по мужу досталось прозвище, да и у самой брови, как углём, нарисованы. А волосы белые, как снег.

Солнце садится за Утятский бор

Сказала, помолчала, откинула чуть голову и тихонько завела круговую-игральную:

*– Ой, да что по травке, по муравке,
По лазоревым цветочкам.
По зелёным лепесточкам
Красна девушка гуляла...*

Подхватили робко вполголоса, будто отвыкнув. Песня просилась взлететь, а ее сдерживали, и было обидно за нее.

*Она гуляла, приустала,
Приуставши, спать ложилась,
Спать ложилась, не стыдилась.
Ко молодцу на колени...*

Песня оживила лица, разгладила морщины, заставила блестеть глаза. Только сидевшая на краю дородная женщина казалась безучастной и, когда кончилась песня, поднялась:

– Что уж, ково уж. Скрипите, как немазаная телега! Пойти лучше спать...

И поплыла к своему дому.

– Куприяновна она и есть Куприяновна-нелюдейка, – заворчала

ей вслед Чернобровая. – Бывало, в войну робишь, робишь – искры из глаз! Душа изнылась, исстрадалась. Вырвется из души песня, а она: «Распелись!.. Како веселье-то? Мужья да сыновья там, может, смерть сейчас принимают. Стыда у вас нет!» Как кипятком обварит!

– Да что о ней говорить!.. Она вон сыну своему жизнь испортила. Уродится же эко место!

И пошли честить Куприяновну за то, что сыну-де её уж пятый десяток пошёл, а всё «в парнях ходит»: та для Куприяновны не невеста, другая не годится – все не по нраву!

– Гликерья, слышь-ка! – решив сменить тему, обратилась Чернобровая к женщине в синей вязаной кофточке. – В председательскую твою бытность как-то убирали мы сено возле Кундрашного. И вот приезжие из города девчата пели песню про медсестру Анюту – шибко хорошая! Не помнишь? С тех пор никогда больше не слыхивала...

– Помню, – сказала Гликерья. – Давай споем, попробуем? – И запели вдвоем:

*Я был ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу,
Наши близко, но силы иссякли
И не страшен я больше врагу...*

Спели куплет, вытерли концами головных платков набежавшие слезы. Вдохнули. Допели до конца. Много на свете песен, от которых не удержать слез!..

Гасла вечерняя заря, спускалась на землю ночь. Опустели бревна возле тесовой ограды. А за рекой, в берёзовой роще, открыл концерт соловей. Притихли, не шелохнутся ни травинка-былинка, ни лист на берёзе – все слушают певца...

Но вот из клуба выпорхнула стайка девчат и парней. Впереди гитарист бренчит, поет:

*Хмуриться не надо. Лада!
Хмуриться не надо. Лада!
Для меня твой смех отрада,
Лада!*

Идет за гитаристом молодёжь: уплясалась, утанцевалась!.. Расходятся поодиночке и парами.

Где-то совсем близко прогорланил петух, ему ответил второй, третий, – началась петушина симфония, возвещающая наступление глубокой ночи. Опустела улица, погрузилась в сон деревня.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 145 (21 июня). – С. 4.

Грановитое кольцо

Весенние ночи воробьиного носа короче. Не поймет Анисья – спала она или только в забытье была. В окно брезжит свет. Пора вставать. Вот так и жизнь. Жила и будто не жила, а пятьдесят лет пролетело – не заметила. Что-то сердце волнуется, с чего бы? Вспомнила и усмехнулась. Сегодня ж праздник борозды. По привычке...

И кто придумал этот весенний праздник? Поди отыщи теперь виноватого. Лет сорок назад, как люди стали справлять его. Сама жизнь его выдумала.

Подошла к окну, распахнула его. Орут петухи, как на пожар. Туман убегает из деревни, тулится к роще облаком. Там, в роще, каждый год и проходят праздничные торжества и всё веселье. Природа загодя способствовала этому. Белоствольные, кудрявые берёзы тесным кругом обступили поляну, приготовились смотреть на людское веселье.

Пора браться за праздничную стряпню. Выкатала на стол сдобное тесто. Распределила его для сладких пирогов. Затопила печь. Теперь успевай поворачивайся! Для рыбных пирогов особое тесто. Рыба с вечера приготовлена, распластана по хребту, подсолена, лежит на блюде, отливает розоватой желтизной.

А всё-таки самый весёлый праздник борозды был в тот год, когда они поженились с Гришей. Гриша тогда за ударный труд на севе первую премию взял. На гулянке от Анисы не отходил, всё за руку её держал. А как переживала Анюта Сидорова, Гришина ухажорка! Все это видели, на виду всё было. Поёт под гармонь частушки, голос звонкий, на всю рощу:

– Что, кудрявая берёза,

*Ветру нет, а ты шумишь?
Что, ретивое сердечко,
Горя нет, а ты болишь?..*

Выйдет на круг плясать и тут не прячет свои страдания:

*– Колечко моё, золото витое,
Сердечко моё, кровью залитое.*

Ушли Аниса с Гришей в глубь рощи, чтоб не терзать зря сердце Анюты. В этом деле никто не виноват. Посидели под кустом калины, помиловались. Снял с руки Анисы Григорий медное колечко и забросил его далеко в чащу.

– Я тебе, Аниса, куплю настоящее кольцо, это медное тебя недостойно.

Так тогда с гулянья и увел Гриша Анису к себе домой.

Поманило счастье, да скоро и спряталось. Навалилась беда. Не успел купить Гриша обещанное кольцо, ушёл на войну да и не пришёл. Хорошо, что сына оставил, портрет свой, своё повторение.

Родила парнишку и не знала – радоваться или плакать? Похоронная на отца в шкатулке лежала, увеличилось в деревне на одного «безотцовщину».

Прибежала Анята Сидорова, бывшая соперница, замужем уж была Анна. Целует роженицу, смеётся.

– Гришенька родился, Гришенька.

Так и дали отцовское имя парнишке, а Анна с мужем кумовьями стали Анисье, наречёнными родителями маленькому Гришке.

Григорий теперь сам отцом стал, а большое уважение имеет к наречённым родителям. Во всех делах своих советуется с лелей Анной Степановной да с лельком Василием Семеновичем.

Из горницы вышла сноха Анисьи Валентина.

– Где же Гриша запропастился?

– А вон он, лёгок на помине, – взглянув в окно, увидела Анисья.

Григорий шёл улицей с чемоданом в руках.

– Что так долго? – встретила его жена в дверях.

– Из-за гостей задержался. Гости из города полный автобус привёз. Музыкантов, артистов.

На цыпочках, чтоб не разбудить ребятишек, прошли в горницу. Не терпелось Вале, открыла чемодан и ахнула. Сверху лежали красивые модные черные сапожки.

– Кому это, Гриша?

– Меряй, годны будут – тебе пойдут...

– Мамонька, – забылась от радости Валентина и громче позвала:

– Идите обновы смотреть...

Проснулся семилетний Олежка, скатился с кровати:

– А мне что, папка, купил?

– А мне что купил? – притопала маленькая Ниночка.

Шуруют ребятишки в чемодане, всё вверх дном. Валентина пробует надеть сапоги.

– Ну что, годны?

– Туго, Гриша. С застёжками надо было...

– Ну, вот тебе и на... не лезут, значит...

– Мама! – позвал Григорий. – Идите скорей сюда.

Пришла Анисья.

– Вам для сегодняшнего празднику вот этот платок с разводами.

– Спасибо. Добрый платок...

– И ещё, – Григорий достал из кармана пиджака небольшую коробочку и открыл ее. На голубой атласной подкладке коробки блеснуло гранёное кольцо.

– Что ты, Гриша, мне не надо... Не в коня овёс травить. Вале подай.

– До Вали очередь не дошла... Дайте руку!

Анисья спрятала руку под фартук.

– На левую, на левую руку, на безымянный палец надевай, Гриша. Вдовы носят кольца на левой руке, – подсказывала Валентина.

– Как раз подошло. Носите, мама, и не снимайте. Это отцовское обещание, за него я выполняю.

Анисья поднесла руку с кольцом к глазам, и вдруг из глаз ее неудержимо хлынули слезы... Пошатываясь, она вышла из горницы, а слезы всё лились.

День разгулялся на славу. Это был чудесный день, какие бывают

в нашем краю, когда весна встречается с летом. Роща гудела. Гремела музыка. Анисья с Валентиной и ребятишками устроилась на удобное место около самой наскоро сколоченной сцены, с которой правление колхоза объявит имена лучших работников, раздаст им премии.

Анисья справилась с пережитым волнением, была счастлива, как никогда.

«Чего стыдиться-то, в самом деле. Ну, кольцо золотое граненое на руке колхозницы-телятницы? Так оно же мужем завещано, сыном на руку надето. Взошла бы сейчас на подмости и на весь мир бы заявить могла: «Я счастливая мать, а это счастье самое большое на свете. Матери, я всем вам желаю такого сына, как мой Гришенька!»

– Мамонька, – прервала мысли Анисьи Валентина. – Грани-то на колечке как переливаются.

– Так оно же грановитое! – уточнила Анисья и поправила кольцо на пальце.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1970. – № 226 (25 сентября). – С. 4.

Притобольные новеллы

Ветла-вещунья

Ах, эти памятные в жизни даты! От них не уйти, не спрятаться...

Отстояли жгучие январские морозы, точь-в-точь такие, как в роковом 1942 году. Красноватое солнце в мохнатых рукавицах спускается к закату. Я бреду сугробами за околицу к нашей роще.

*...Сугробы белые,
А небо синее,
Да не замерзну я,
Платком укутана...*

Тогда, в 42-м году, я стояла на опушке этой рощи и плакала. Звенели пилы, стучали топоры, берёзы падали со стоном...

– О чём ты плачешь? – спросила меня лесничиха Фёкла.

– Мне рощи жаль...

– Глупая!.. – Людей надо жалеть. Пойдем, напилишь дров для Антонины: пластом лежит баба, мерзнут ребятишки в нетопленной избе...

...Вот она – роща, возродившаяся вновь. Какая тишина, какая красота кругом! Тихая красота. Молодые рослые берёзы увешаны белым кружевом. На кружеве переливаются и сверкают золотые искры.

От той, старой, рощи сохранилась лишь вековая ветла. К ней никто не посмел подступить, не нашлось силы, способной одолеть ее: может, она ещё из сказочного царства берендеев? Широко разбросила руки, растопырила крючковатые пальцы, позванивает невидимыми колокольцами... Приникнув к её стволу, слышу их чудный звон.

Ах, как многое видела и знает старая эта ветла!

Прялка-прялица

Прялка-прялица – неперемное орудие женского крестьянского труда, забытого в наши дни, о чем жалеть, слава богу, не приходится.

В наш уголок-музей при клубе доставил прялицу почтенный, уважаемый человек в колхозе Дмитрий Григорьевич. Мы едва успели сказать ему спасибо и положили прялицу в сторону.

У людей в наши дни появилась потребность остановиться, оглянуться назад и вокруг, узнать про свою родину как можно больше – о ее истоках, о начале, и нам в музей несли много интересного.

И вот наступило время разобраться в собранных вещах. Нашлись, не без труда, консультанты.

– Это лоскут канифаса, это пестрядь, сермяжное, зипунное, опоясное, холст изгребный, просто холст...

Дошел черед и до прялицы, и тут мы ахнули. Это было истинно художественное произведение, выточенное из цельного куска дерева. На тыльной стороне прялицы было выжжено:

*... Эта прялка именна,
На всех вечерочках одна,
Примечай-ка, милый мой,
По прялочке по именной...*

Кто же была владелицей этой чудной прялицы?

Мы нашли ее в избе у Дмитрия Григорьевича. Это была стопятидесятая Маланья Павловна – маленькая, сухонькая старушка в синем в крапинку ситцевом платице и таком же платочке. Она сидела на верхнем голбце у печки, левой приподнятой рукой непрерывно

что-то невидимое ритмично дергала, а правой, опущенной вниз, будто сучила нитку.

– Ей все чудится, что она прядет, – пояснили нам.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1972. – № 30 (5 февраля). – С. 4.

Семик – берёзкины именины

В шуме березы есть что-то от русской души.

В. Рождественский

От глубокой древности идет поклонение берёзе-матушке, олицетворяющей собой богиню Ладу, покровительницу семейного согласия и счастья.

Отцвела черемуха, зацвела сирень. В берёзовой роще синь от незабудок.

Незабудочка-цветочек,

Незабудочка-трава,

Не забудь меня, дружочек,

Не забуду я тебя.

Пришла пора справлять берёзкины именины – семик честной.

Старая вековая береза вышагнула из рощи, стоит особняком. Поседевшая, гордая и мудрая, потряхивает изумрудными серёжками. Ждёт-поджидает гостей-девчат. Семик – исключительно девичий праздник. Девушка, женщина – главная хранительница семейного очага.

Пойдут девушки на гулянье в рощу, и кое-кто из парней вздумает увязаться за ними, будет подсматривать, подглядывать девичьи игры, пляски, и горе соглядатаю, если он будет обнаружен и пойман девчатами.

Кукует в роще кукушка, волнуется девичья душа, слушая прелестный голос птицы, такой нежный и такой грустный. Кукушка-кукушка, накукуй мне много лет счастливой жизни, просит девичья душа...

Настряпали девушки каралек, наварили в масле орешков, будет чем угоститься на именинах. Венки из полевой травы и цветов – главный девичий наряд в этот день. У Маши на голове золотой венок

из жёлтых одуванчиков, у Веры незабудки вплетены, у Ксении – ветки сирени, а у Катюшки – купавки.

Из края в край пройдут сперва девушки свою деревню. Бренчит балалайка, гармонисты на сегодня в отставке. Эх... балалаечка-гитара – утешение мне... Балалайке помогает ударный инструмент печная железная заслонка, и частушки, частушки, нет им конца. Вот смешанный лес у околицы. Девушки перешли на речитатив: «Не печальтесь вы, сосенки, что не к вам идем, и не радуйтесь осинки, мы вас обойдем. Радуйтесь, белые берёзы, мы к вам идем, подарки несём».

Под развесистой берёзой что растёт на отшибе, остановились. Под этой берёзой много поколений встречало свой семик. Сколько же лет этой берёзе – главной имениннице? Может, сто, а может, двести? Берёзы живут до пятисот лет, пусть наша берёза живет до тысячи...

Образовался хоровод вокруг берёзы, и грянула величальная:

*Со венком я хожу,
И не знаю, куда венок положу,
Положу венок берёзке на плечо,
А со правого на левый положу,
Я к берёзе той иду-иду.
Поклонюсь ей да прочь отойду.*

Развесили свои венки на ветки берёзы, полились круговые песни, начались пляски. Балалайка в отставку, всех плясовых песен девушкам не переплясать, так много их, и плясать под них шибко ловко.

Наплясались, наигрались девушки досыта. Каждая взяла свой венок и бегом к реке, через мягкую, как ковёр, луговую полянку.

*На венках девки гадали,
Венки в речку побросали,
Чей венок плывет –
Милая вздохнет.
Одна девка не смолчала,
Громко-громко закричала:
– А мой утонул,
Милый обманул.
К ней подружки собирались,*

*Уговаривать старались.
Не плачь, глупая, неразумная,
Твой венок в волнах ныряет,
Милый привет тебе посылает,
Не плачь, глупая, неразумная.*

Девушки принесут домой ветки берёзы, украсят свои избы и горницы, и долго будет стоять этот свежий берёзовый дух в домах и избах.

В наши дни широко отмечается праздник берёзки. В ритуал праздника внесено много нового. Праздник берёзы давно перешагнул деревенскую околицу, и в городе еще размашистее.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1981. – № 133 (10 июня). – С. 4.

Берёзы по дороге из Утятки в Нагорку.

Чем богаты, тем и рады

Всему своё время, говорит народ: в зазимье Варвара мосты мостит, Савва гвозди вострит, а Микола приколачивает. А Спиридон-солнцеворот – солнышко на лето, зиму на мороз поворачивает. Тут как тут и Новый год – средизимью ворота открывает...

В зале Курганского культпросветучилища последняя репетиция.

Сижу, слушаю – любо! Смотрю, как вьётся хоровод, и вдруг слышу: старинная круговая-игральная:

*Ходит царь
Вкруг Нова Города,
Ищет царь Царевну свою,
Королевну свою.
Где вы видали,
Где вы слышали Царевну мою?..*

И музыка, и голоса слились в единое. Чудится поляна в лесу и хоровод берендеев вкруг пушистой сосны. Голос будто Артемки, сверстника своего, слышу:

*Э-вон она,
Саревна твоя...*

Так по-нашенски – «саревна». У нас так говорилось: «Сарь, сариса, рукависа»...

*Ты бери ее
За правую руку,
Ты веди ее
Во Новый Городок...*

Кончилась песня.

– Спасибо, – говорю, – Григорий Иванович, за песенку, уважили, утешили. Старую, забытую песню так оживили! Где Вы ее откопали?

Григорий Иванович Иванов-Балин, преподаватель училища, наш зауральский композитор, смотрит на меня, смеётся:

– Запомняли, Варвара Степановна? От Вас же и записал я несколько песен – эта одна из них. Вам спасибо! Может, ещё знаете какие песни интересные? Подарите...

– Может, и знаю, да сразу-то не вспомню. А если вспомню – берите, пожалуйста. Чем богаты – тем и рады.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – № 1 (1 января). – С. 4.

ЖИЛИ-БЫЛИ В СЕЛЕ УТЯТСКОМ...

Иван Фролович, беглый монах

Черёмуховый сад посередине нашего села... Сколько ему лет? Кем посажен был, кем выращен? Увы, от пышного сада, который я ещё помню, осталось всего несколько посадок.

Пытаюсь проникнуть в глубь времени... Во всяком случае, оставшимся черёмухам не менее ста пятидесяти лет, а может, и более. Слыхала я и навек запомнила имя их «автора»: Иван Фролович, беглый монах. Рассказывали, был он в юности отдан «по обету» родителями в монастырь. Долго томился там и всё же ушёл, порвав с церковью.

Кроме черёмухи, росли в том саду рябины, яблони, плодоносили обильно вишенники, смородинник – этим и существовал поселившийся здесь одинокий тогда уже старец. Да ещё умел он печи класть, по плотничьему делу тоже мог.

Потом сад приобрёл в собственность землевладелец Матвеев, потом много-много лет сад был ничейным, бесхозным.

Сейчас на месте старого сада стоит домик пенсионерки. Первой в Притоболье женщины-колхозного механизатора Марьи Ивановны Калугиной.

Ранней весной и эти оставшиеся кусты черёмухи белым-белы. Никто не пройдет мимо, чтоб не остановиться, не порадоваться им! Долго над селом стоит запах цветущей черёмухи – любимого всеми цветения...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1978. – № 55 (7 марта). – С. 4.

**2022 год. От сада Ивана Фроловича не осталось и следа,
а вот выросший в землю домик ещё жив.**

Миней Иванов. Минеев переулоч

Дедушка Миней никакой не герой был, а переулоч, где стояла его изба, Минеевым переулочком называли. Мотя, старшая внучка, (а жило в переулочке 17 мальчишек и девчонок – Минеевых внучат), даже стыдилась такого названия. В переулочке стоял ещё дом тётки Анфисы Курловой да изба Митрия Тюкачева.

Одним концом переулоч подходил к главной улице деревни, другим – тянулся к сосновой роще. От рощи шёл густой смоляной дух – не он ли помогал Минеевым ребятам расти быстрее?

Стали Минеевы ребята, подрастая, один за другим выскакивать из переулочка на сторону. Но куда бы ни кидались – переулоч тянул назад: в нём в мороз не так холодно, в зной не так жарко, в голод не так голодно, а безмолвной ночью, когда открывается небесная бездна, не так страшно.

Давно нет на свете Миней, а многочисленные его внуки, правнуки и праправнуки всё тяготеют к переулочку, откуда пошли они. И не то что жаль курной избы, а просто самое дорогое, видимо, в человеческой жизни – детство и юность.

Миней Иванов с женой Степанидой

И встаёт перед ними мысленно их родоначальник – старый Миней. Спина колесом, жидкая белая борода до пояса, руки-крюки ниже колен. Рядом с ним верный друг Белоножко-конь: то соху тянет, то борону, то воз с кладью, а Миней ему помогает. И старая дедова изба чудится, а за избой в густой траве родословная тропинка вьётся...

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1974. – 4 декабря.

Минеев переулоч. 2020 год.

Мика

Резвая, неопределённой масти лошадка шла играючи, то мелкой рысью, то шажком. Она чувствовала настроение хозяина Ивана Корнеевича, колхозного бригадира. А он, опустив вожжи, наслаждался покоем и тишиной, царившими в этот час в природе. Стояли погожие дни «бабьего лета». Сегодня за обедом на полевом стане, смеясь и шутя, было высказано единое мнение, что женщины перехитрили мужчин, присвоив своё имя самой лучшей поре года. Извиваясь, дорожка бежала мимо иссиня-тёмного бора, окаймлённого золотом берёзового подлеска. Впереди – необъятный простор речной поймы. В воздухе ни пылинки, ни паутинки, лишь у края на чистом огромном небе висел раскалённый диск заходящего солнца.

Подъезжая к деревне, Иван Корнеевич еще издали заметил ребятишек вокруг вросшей в землю избы, одиноко стоявшей у берега речки.

«И что им далась эта изба? Больше места не находят для игр, – подумал бригадир. – Сломать надо – ни к чему она тут!»

– Иван Корнеич, – закричали ребятишки, едва он поравнялся с избой. – Мика опять сбежал... Печку в избе разворачивает...

Бригадир остановил лошадь, и ребятишки облепили дрожки.

– Мика на нас махался, – сообщил самый маленький парнишка.

– Да ведь вы, как осенние мухи, небось замахнёшься...

Мика... Так зовут в деревне восьмидесятилетнего глухонемого колхозника Михаила Предеина. Когда-то он обладал огромной силой. Был высок, широкоплеч, хорошо сложен, рус волосом и даже лицом красив, если бы несчастье не наложило особый на него отпечаток, какой накладывает оно на всех глухонемых. Он не знал усталости, работал много, легко и красиво. Любо было глядеть, когда он шёл впереди бригады косарей, либо лес с корня валил, или пашню пахал. Никто не мог сравниться с ним.

Михайло не был женат, жил бобылём в избе, доставшейся ему от отца. В ранней молодости он самозабвенно любил подружку детских лет Мотьку, но девушка досталась другому. Михайло с утратой внешне смирился. Больше он никогда не проявлял желания обзаве-

стись семьей, и когда ему намекали об этом, решительно отказывался. Но семье Матрены был предан до конца, а когда её не стало на свете, с такой же преданностью относился к её дочери, вдове Марье Мельниковой, оказывая ей бескорыстную помощь по хозяйству.

Неизбежная старость пришла и к Михаилу.

Трудно человеку, если он один. Колхоз назначил Михаилу Предеину пенсию, да не в пенсии всё дело! Это видели и понимали все. Решили определить его в дом престарелых, благо это заведение находится всего в пятнадцати километрах от деревни.

Сговорился Мика переселиться на новое местожительство, а через две недели ушел оттуда в свою избу.

Жестами, знаками объяснял Мика, что тоскливо там, дела никакого нет, а самое плохое – бороду предложили остричь. Вместо обычных шаровар и рубахи с пояском дали какое-то одеяние, как мешок.

Запряг лошадь Иван Корнеевич, посадил с собой Мику, и поехали с ним в Ипатовку – так называется место, где расположен дом для престарелых.

– Курорт, настоящий курорт, – рассказывал Иван Корнеевич, побывав в Ипатовке. – Я бы не прочь пожить там, отдохнуть! Спальни светлые, постели чистые. Греются старички на солнышке, кто книжку читает, кто просто отдыхает. Я и пообедал в столовой вместе с Михаилом Елизаровичем. Хороший, добрый обед. Договорился с администратором, чтоб разрешили нашему деду вместо пижамы шаровары и рубаху носить и чтоб до его бороды никакого касательства. Будет наш Мика подметать и расчищать дорожки на усадьбе. Словом, устроил старика как нельзя лучше...

...Вот тебе и устроил! Он опять явился. Не хочет, видно, спать лежа, желает спать стоя.

А Мика крушил свое старое гнездо. Выворачивал опечки, лавки. Из-под пола выкатил старую кадку. Всё это он вытащил на улицу. Долго стоял, покачиваясь от усталости из стороны в сторону, потом взвалил крашеную полатницу, себе на плечи и понёс вдоль деревни.

Солнце совсем спустилось за горизонт. Ожила дремавшая день

деревня. Затарахтели мотоциклы – вторая смена механизаторов направлялась в поле для ночной работы. Иван Корнеевич пришел на бригадный двор, чтоб встретиться с плотниками, пастухами, конюхом, которые в эти вечерние часы заходили на полевой стан, а чуть

позднее и самому отправиться на пашню, где идет круглосуточная работа.

Во двор заехал на мотоцикле комбайнер Андрей Прохоров.

– Что это, Иван Корнеевич, Мика всё своё приданое перетаскал во двор Марье

Мельниковой. Уж, не на жительство ли туда переходит? Устроить бы его дома, в своей деревне. Жалко старика. И как-то без него не то – чего-то не хватает...

Вбежали во двор вездесущие мальчишки...

– Дедушка Мика пошел в свою Ипатовку. Честное слово! Вот он, за огороды уже вышел, – взобравшись на прясло, орали ребяташки.

А Мика поднялся уже на пригорок. Снял с ног ботинки, связал шнурками, перебросил через плечо, ещё раз оглянулся на деревню и, сгорбившись, зашагал вдаль.

– Матвей! – позвал конюха бригадир. – Запряги мою лошадь, догони Мику и доставь его до места: уважить надо старика. На пашню я с тобой, Андрюха, уеду. А в Ипатовке мы побываем еще не раз, не оставим старика без внимания.

У Ивана Корнеевича почему-то вдруг задрожал подбородок, и он отвернулся, будто бы на него напал кашель.

// Советское Зауралье. – 1969. – № 267 (14 ноября). – С. 4.

Добродея Алексеевна

Нынешние старички да старушки все на пенсии, живут да радуются. И никого это не удивляет, будто вечно так и было. Однако у всякого дела своя история.

Первой пенсионеркой в нашей деревне была безродная старушка Добродея Алексеевна. Новая советская жизнь только-только началась, а Добродее в ту пору уже было далеко на девятый десяток. Добродея – это прозвище, а настоящее имя, отчество и фамилия её были Любовь Алексеевна Алымова.

Когда-то привел её в нашу деревню со службы солдат Андрей Алымов. Знать, нелегка у солдата служба – недолго в родной деревне пожил: осталась Люба вдовой, одна-одинешенька. Ждали, что соберётся Любовь и уедет на родину: есть же у неё, поди, где-то родные! А она никуда не поехала. «Теперь, – говорит, – ваша деревня моей стала навечно».

Своей избы у Любы не было, квартировала, где придется, но каждый рад был её принять. Еще бы! Многое знала и умела молодая женщина и учила этому других. Там бабам показала, как кроить надо рубашки-кофточки, девчат научила вязать да плести на коклюшках кружева, там помогла выходить больного ребенка...

Пригласили Любовь Алексеевну в Совет, вручили ей пенсию и пенсионное удостоверение. «Народ пожелал установить Вам пенсию, дорогая наша добродеюшка Любовь Алексеевна», – сказал ей председатель Совета.

Идёт улицей деревни Любовь Алексеевна – в руках посошок, на плечах ротонда-накидка, расшитая бисером, на голове кружевной шарф, как фата. Второй раз в долгой жизни своей она была в этом одеянии: в первый раз в молодости шла с Андреем Алымовым венчаться, второй раз в глубокой старости, когда признали её заслуги люди и оценили.

В. Иванова.

Митя Иванов

(*Меншиково*)

То было трудное время. Мы, только что окончившие городскую среднюю школу с педагогическим уклоном, стали тогда сельскими учителями. Мите Иванову, весёлому парню, отличному товарищу, досталось работать в школе деревни Меншиковой (теперь Кетовского района). Расставаясь с нами, он говорил: «Надо сразу глубже окунуться в работу, и тогда не будет скучно. А если что, давайте знать, я мигом...»

Скучать в Меншиковой Мите не пришлось: сразу вошел в жизнь деревни, словно век жил в ней!

...Ночь, а в окне сельского Совета помигивает керосиновая лампа, там всё ещё не закончилось собрание крестьян. Правда, многие мужики уже ушли домой, записавшись в колхоз, остались самые упорные, несговорчивые. Учитель Дмитрий Емельянович – так звали теперь Митю – председательствует.

– Вы что! Вы против жизни? Нельзя против жизни!.. Будем жить как одна большая дружная семья... Новое время настало, его не остановить, поймите! Как вы не понимаете?..

– Хорошо, Митрей Омельянович, – соскочил с места, замахав короткими ручками, мужичок по прозвищу «Борода с локоток». – Я, к примеру, запишусь в колхоз, пай внесу – две лошади, две коровы. А ты записался? Что есть у тебя? Что внесёшь?

– Душу свою вношу, – отрезал Митя. Кто-то хмыкнул, скрипнула скамья.

– Труд свой внесу! – добавил Митя. В ответ вздохи, сопение... Видно, этого тоже мало. Тогда Митя крикнул в полный голос. – Лошадь приведу в полной упряжке! – Он окинул всех блестящими глазами. Через два дня будет, увидите!

При полной тишине кто-то съехидничал:

– Не увидим, дак услышим... – Все поднялись с мест, зашумели, и не было возможности их остановить.

Через два дня Митя выполнил обещанное. У отца своего, железнодорожника, выпросил рыжего конька-горбунка...

Послесловие: учитель Дмитрий Емельянович Иванов погиб смертью героя на подступах врага к Волге-матушке в годы Великой Отечественной войны.

// Советское Зауралье. – 1976. – № 215 (12 сентября). – С. 4.

Тёщица

Ребята звали его Тёщицей. Он не обижался на это прозвище, покорно откликался на зов своей ласковой милой улыбкой. Рослый красивый четырнадцатилетний мальчик, румянец во всю щеку.

Не шла к нему эта кличка, если иметь в виду общее понятие о тёщах как сварливых и злых. Но есть и ещё одно понятие в слове «тёща». Тёща ласковая, тёща щедрая на блины и пельмени, кисели, наливочки. Вот это, второе понятие, к нему подходило.

Жил Тёщица с матерью-вдовой в небольшой избёнке, стоящей поодаль от главной улицы села, в закутке. Вдова не чаяла души в своём единственном сыне. Мать и сын не разлучались. В страду или в сенокос он работал рядом с ней, за большого сходил.

Но вот нагрянула беда. Вот тут-то прозвище и оправдалось. Жизнь злой тёщей повернулась к сыну и матери.

Пришло на деревню распоряжение отправить в ФЗО одного подростка не моложе и не старше 14 лет. В Совете вертели распоряжение и так и сяк. Думали-гадали, кого отправить, и выбор пал на Тёщицу.

Как ни плакала вдова, как ни упрашивала сельское начальство, не помогло.

– Глупая... интересу своего не понимаешь, человеком парень будет...

Отправили Тёщицу в далёкий город. Проходит месяц, другой... Как в воду канул парень. В розыск послала мать, ответ пришёл, что сбежал парень.

Где был Тёщица, что повидал, неизвестно. Только зимней ночью пришёл домой. Мать так и ахнула! Не узнать парнишку – худой, оборванный... А через день милиция забрала Тёщицу как дезертира, да только к месту не доставила его. Тяжело заболел Тёщица и умер в городской больнице.

Трагический случай. Писать о нём, может, и не стоило, как говорится, он не типичен. А было это в 1940 году. Вряд ли найдутся деревни в нашем крае, где не происходило подобного события в этот год.

В. Иванова.

Марина Фирсоновна

Бабушка Марина, Марина Фирсоновна не была мне родственницей. Она просто часто приходила к нам в дом. Помню круглый стол, скатерть на нём, бабушка Марина гладит по ней старческими, узловатыми пальцами и наговаривает матери письмо сыну в Архангельск. Мать слушает, молча пишет.

– Пропиши про дрова, мол, хватит на зиму, картошку прибавила...

Когда информация заканчивается, мать читает всё письмо целиком.

– Здравствуйте, Андрюша, Лиза и Витя...

Голос матери я и теперь слышу. Потом они пьют чай из самовара, разговаривают. Один из рассказов бабушки Марины не могу забыть до сих пор, хотя прошло более полувека. Ушёл её младшенький на войну. И вдруг, 1942 год, ночь в Утятке, стук в дверь. На пороге Алёшенька, младшенький...

– Накормила его картошкой, и айда-айда, пока никто не увидал.

И ушёл Алёшенька в ночь. Больше она его никогда не видела. Как жила после этого, что думала... А Алёшеньку этого мне жальче всего. Ушёл в ночь... Где лежат его косточки... Трагедия. На ум приходит эпизод из книги В. Астафьева «Прокляты и убиты», где двое деревенских парней убежали из части к мамке попить молока. И по закону военного времени были расстреляны.

Вечером, подоив корову, мать наливает фляжку молока, и я несу её бабушке Марине в избушку. Именно избушка, глиняная. От воротцев из тына к порогу ведёт дорожка, выложенная досочками почти белого цвета, так они отскоблены и вымыты. В избушке чистота стерильная, махонькая русская печь белоснежна. Вынув из деревянного сундука круглую булку хлеба, завёрнутую в чистейшее полотенце, подаёт мне...

Русские женщины очень чистоплотны, я в этом не раз убеждалась. И всегда негодую, когда слышу словосочетание «Русская свинья».

Рядом с избушкой аккуратная поленница из кустов. Рубит их бабушка Марина сама топором по берегу Тобола. И собирает каждую хворостинку на своём пути. Когда сегодня я запинаясь о кучи хвороста в Утятском бору, то вспоминаю бабушку Марину, она прибрала бы всё это.

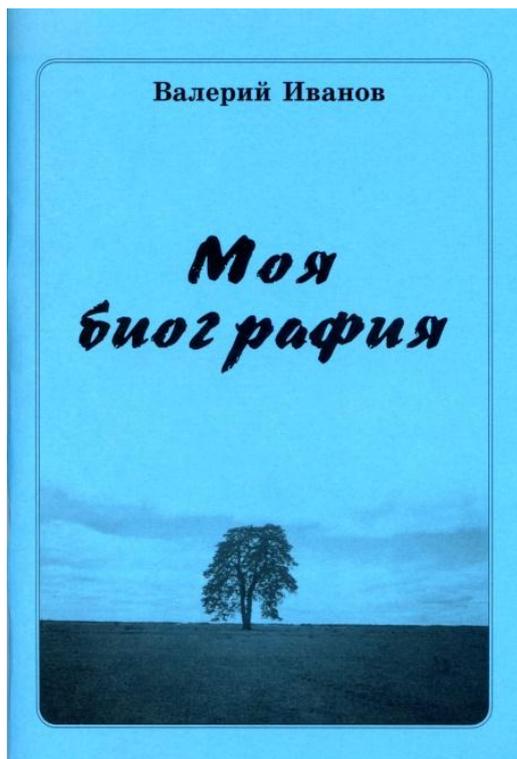
Каждое лето, набрав кружку земляники, я возвращаюсь домой через кладбище, пытаюсь угадать могилку бабушки Марины, знаю в каком месте, но не подписаны старые могилы.

– После, помру, Тánюшка (ударение на первом слоге), пойдёшь по ягоды, положи мне на могилку горсточку.

Комок в горле. Я кладу горсть земляники между могилками наугад. Бабушка Марина, я помню тебя...

Т. Иванова. Из личных записей.

Валерий Донатович Иванов (1937 г. р., сын Варвары Степановны) перед уходом из жизни выпустил небольшую книгу «Моя биография». Был он доцентом, заведующим кафедры философии курганского института. В разделе «Кладовая памяти» есть его воспоминания об Утятском.

Макар Бубнов

«Не стоит село без праведника». Не нами сказано. Но не стоит оно и без юродивого. Иногда это одно и то же лицо. Я слышал, что до революции жил в селе Утятском Миколка-чудак, за пятак купался зимой в Крещенской проруби.

После войны многие в Кургане знали старуху Моторовну. Ходила Моторовна по рынку, заходила в пивные. Чуть зазеваётся посетитель пивной, макнёт Моторовна в кружку с пивом свой грязный палец или плюнет туда – и кружка её. Ругали Моторовну, иногда били. Но что делать? Другого способа выпить кружку пива у неё не было.

Дом, в котором долгое время жила семья Валерия Донатовича.

В Утятском после войны была своя достопримечательность – Макар Бубнов. Жил Макар в большом доме под железной крышей на краю села. Весной и осенью его одинокую фигуру можно было встретить в лесу или в поле поздно вечером и рано утром. Все знали: Макар «дурит». Многие утверждали, что Макар «зачитался». По другой версии, в первую мировую войну попал Макар в плен, сильно там влюбился. Судьба разлучила влюблённых, он страдал, и что-то такое с ним произошло. Была у Макара дочь Наташа, красавица, умерла в шестнадцать лет. После этого Макар окончательно тронулся умом.

Несмотря на свою «дурь», Макар был вполне безобиден. Односельчане его нисколько не боялись, даже дети. Походит вот так по лесам и полям босиком неделю-другую и возвращается в свой дом, до следующей «дури».

Однажды по селу прошёл слух: к Макару Бубнову приехали гости из Ленинграда: родственница Макара с дочерью Людмилой. С Людой я вскоре познакомился. Ей было пятнадцать, мне шестнадцать. Душными летними вечерами мы гуляли и целовались. Это были наши первые поцелуи, и я слышал, как бьётся её сердце. Вскоре гости уехали.

Мисюсь, где ты?

Иван Аника

Жил в Утятском крестьянин-колхозник Иван Лебедев, недалёкого ума человек. Характер имел вздорный. Где бы надо промолчать, Иван бросался в драку. За воинственность натуры прозвали Ивана Аникой.

Утятские мужики за словом в карман не лезли. Когда началась борьба с «антисоветской пропагандой», многие пострадали за свой острый язык. Приезжает, например, уполномоченный из района проверять, как выполняют колхозники директиву партии о разведении мелкого рогатого скота (овец и коз) в личном хозяйстве. Собирают мужиков. «Ну, как, граждане, – обращается к ним уполномоченный, – разводите мелкий рогатый скот?» «Разводим», – слышится ответ. И после некоторой паузы: «В штанах да в рубашках». Только того остро- слова и видели.

Подобного рода историю я слышал совсем из другого источника. В мои аспирантские годы работал на кафедре философии гуманитарных факультетов МГУ доцент Григорий Георгиевич Андреев. В начале войны он был военным атташе в Великобритании. Приехал в Москву, пахнувший дорогим коньяком и сигаретами. В 1943 году его арестовали за антисоветскую пропаганду. Одиннадцать с лишним лет провёл он в тюрьмах и лагерях, прежде чем был полностью реабилитирован. От него я слышал эту историю.

Конец войны, салют в честь победы. Из палатки выходит солдат, молодой парень, поднимает вверх палец и громко пускает ветры. «Вот и мой салют», – говорит он. Кто-то донёс. Парня арестовали. Антисоветская пропаганда.

Село Утятское, у магазина (1940–1950гг.)

Так же случилось с Иваном Аникой, только в самом начале войны. Когда началась война, многие бросились в магазины запасать спички и мыло. Встал в очередь и Иван. В это время, минуя длинную очередь, к прилавку шествуют двое: местная активистка по прозвищу «Чернодырка» и Иван Демидов, бывший охранник в лагерях, а в вой-

ну директор Утятского детского дома. Демидов, как и всякое начальство, в полувоенной форме. Очередь молчит, не желая связываться с этими персонами. И только Иван верен себе. Обращаясь к Демидову, он громко, на всю очередь кричит: «Куда прёшь? Вот погоди, придёт немец, он снимет с тебя галифе-то!»

Ивана в тот же день арестовали, увезли в район, а оттуда в город. Осталась жена Ивана Дарья с детьми без кормильца.

Из четверых детей повезло только старшему, Дмитрию, который всю жизнь проработал в колхозе конюхом. Другой сын, Геннадий, Генка, недолго пробыл в селе. Кстати, этот Генка однажды спас мне жизнь.

Ребёнком упал я в омут и стал тонуть. Помню, как гнулись и выскальзывали кусты, за которые я хватался, да зелёную воду перед глазами. Генка рыбачил неподалёку, прибежал и вытащил меня из воды. После Дарья Аничиха приходила к моей бабушке, жаловалась, что, цепляясь за Генку, я порвал на нём рубашку. Ушла довольная, унося с собой новую рубаху, оставшуюся от покойного деда.

Вскоре Генка ушёл в соседнее село Камышное. Нищенствовал, ходил по дворам. Где накормят, где ночевать оставят. Когда подрос, принимал участие в художественной самодеятельности. Пел-выкрикивал на сцене сельского клуба: «Где ты, где ты, друг хороший мой...» Младшими в семье были две девочки. Старшую, Тамару, Дарья отправляла по домам собирать куски. Как сейчас вижу маленькую фигурку, закутанную в рваную материнскую шаль. «Где отец-то? – постоянно спрашивали её. «Неизвестно, – так же привычно отвечала она.

Позже Тамара уехала в Курган, стала штукатуром-маляром. Жила в общежитии. Изредка писала матери письма. В одном из них были такие слова:

*Выйди, маменька, послушай
Рано утром на заре,
Не твоя ли дочка плачет
На чужой на стороне.*

У Тамары стало болеть сердце. Работать в полную силу она не

могла. В конце концов наложила на себя руки.

Младшую дочь Лизу Дарья отдала чужим людям. Где она теперь, никто не знает.

Бабушка и Макрида Китовна

О моей бабушке Татьяне Александровне на селе говорили, что она «знаткая». Купит, например, крестьянин корову в дальней деревне. Много дней уйдёт у хозяйки на то, чтобы встречать кормилицу из стада, прежде чем она привыкнет к новому месту. Бабушка берёт «опояску» (пояс, которым подвязывают верхнюю одежду), несколько раз переведёт корову через опояску и при этом ей что-то говорит. Сделает она это утром, а вечером доёна уже мычит у ворот: сама пришла.

От однообразной пищи (картошка варёная, картошка печёная) и постоянного недоедания меня в детстве мучила золотуха. Бабушка подведёт меня к русской печи, откуда пышет жаром, возьмёт в руки горшечник (промасленную тряпку, с помощью которой достают горшки из печи), поднесёт горячий горшечник несколько раз к моему лицу, приговаривая: «Огонь палючий, возьми огонь летучий», и золотухи как не бывало.

В годы войны к бабушке приходили женщины со всей округи гадать на картах о мужьях, братьях и сыновьях, оказавшихся на фронте. Бабушка раскладывала карты: «Смотри, Сина (Аксинья), вот он, твой Василий, в казённом доме. Наверное, в лазарете. А вот тебе нечаянный интерес. Жди скорой весточки». И Сина уходит окрылённой. В картах у бабушки Сталин был трефовый (крестовый) король, а Гитлер – червонный. И всякий раз выходило так, что трефовый король одерживал верх над червонным. С тех пор я возненавидел червонного короля.

Моими первыми успехами в арифметике я обязан бабушке и картам. Играя со мной в «шестьдесят шесть», она заставляла меня считать взятки. А ещё тайком от моей матери бабушка учила меня молитвам. Некоторые слова молитв казались мне странными и непонятными: «И со звездою учахуся» (это как?). Или: «Наш Бог роди, родися» (нас бо ради родися).

Несмотря на то что бабушка была неграмотной крестьянкой, моя мать её побаивалась и никогда не курила в доме. Со своей стороны, бабушка поддерживала авторитет матери.

После ареста и гибели моего отца мать больше не выходила замуж, хотя была ещё молодой. Однажды к нам в дом пожаловал потенциальный жених с бутылкой водки в руке. Встретила его бабушка: «Ты это что, ты к кому пришёл? Она директор школы, а ты с водкой явился!? А ну, уходи отсюда!» Так и выставила незадачливого посетителя.

Ещё я заметил: бабушка не любила судачить с соседями. Смолodu обременённая большой семьёй, она привыкла всегда быть чем-то занятой. В старости у неё появилось больше свободного времени, но и тогда она не снисходила до праздного общения.

Исключение делалось только для Макриды Китовны. Неторопливо беседуя, они вдвоём выпивали полуведёрный самовар кипятку. Чай пили в прикуску, шумно прихлёбывая его из блюдца.

Я верчусь тут же, меня мучает неотвязный вопрос. Наконец, я решаюсь, подхожу к Макриде Китовне и между нами происходит следующий диалог:

– Макрида Китовна, у Вас отец Кит был?

– Кит, батюшка, Кит.

Силя

Девичья фамилия его матери Селиванова, и поэтому он Силя. В моём семейном альбоме сохранилась фотография: мы вдвоём с Силей в возрасте не то трёх, не то четырёх лет. Он крупный, весёлый, с пряником в руке. Рядом худенький мальчик смотрит исподлобья, положив руки на колени. Это я.

С Силей нас связывает многолетняя дружба, и я не помню случая, чтобы мы поссорились. Зато однажды вдвоём одолели трёх братьев Максимовых, из которых один был наш ровесник, а другой старше по возрасту.

В детских играх мы всегда оказывались в одной команде. Происходило это так: я «матка», мой друг «делится». «Матки, матки, чей допрос? Капитан или матрос?». Если Силя «капитан», он стоит смир-

но, если «матрос», закладывает руки за спину. По этому условному сигналу я безошибочно выбираю его.

В наших повседневных отношениях Силя мне подчиняется, но в ряде случаев он явный лидер. Мы оба любим рыбалку. Однако Силя любит её больше. С вечера готовим наживку – дождевых червей – и рано утром я захожу за Силей. Наш путь лежит на реку Тобол, под Ярки, где лучше всего ловится рыба. Главное орудие лова – жерлицы. Расставишь вдоль берега с десятков жерлиц с насаженными на крючки живцами – пескариками и плотвой – и сидишь ждёшь. Если удилище согнулось к воде дугой, наверняка на крючке окунь. Если леса то натянется, то ослабнет, «водит» осторожная щука.

Скорей срывайся с места и беги к удилищу, рискуя сорваться в воду с крутого обрыва! Иначе можно прозевать поклёвку. Зато какие это незабываемые мгновения, когда тащишь из глубины омота упирающегося килограммового окуня или блеснёт перед тобой скользкое белое тело речной хищницы щуки! Обычно по богатству улова Силя впереди. Но даже и его превосходит некий Линя, признанный чемпион рыбалки.

Одно время мы увлеклись голубями. Каждый из нас оборудовал голубятню на крыше собственного дома. Особенно нравились красно-белые голуби с хохолками и мохнатыми лапками, которых нам привозили из соседнего села Обухова.

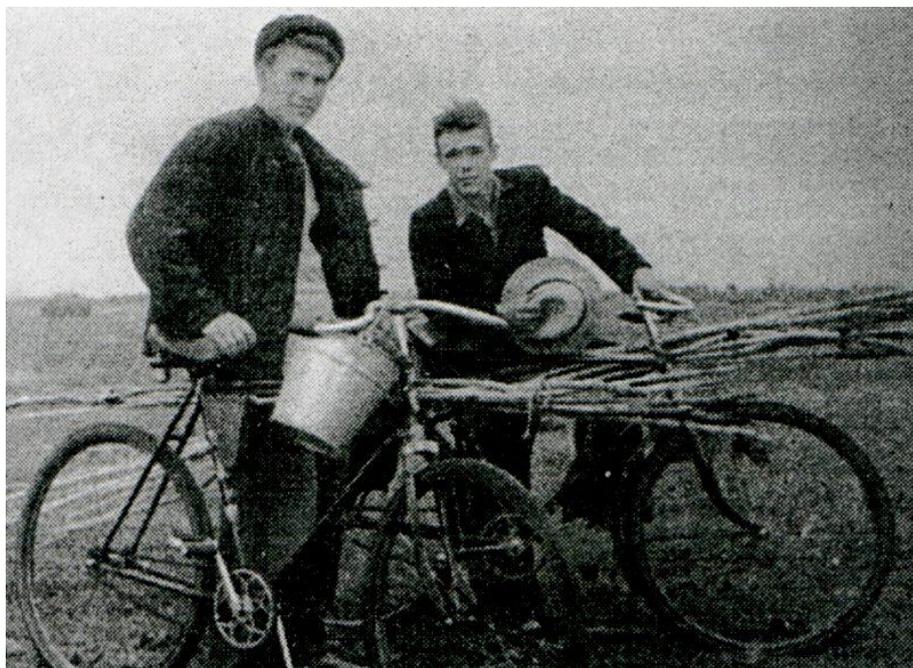
Через некоторое время часть моих голубей погубила забравшаяся на крышу кошка, другие погибли от какой-то неизвестной болезни. Силины голуби ещё долго после этого ворковали на крыше его дома.

Кроме Сили, в детстве у меня был ещё один друг – Юра Куракин. «Курочка» назвали мы его или «Курица», когда на него сердились. С Юрой мы устраивали бесконечные по времени игры «в индейцев». Подражая героям Майн Рида, с помощью лассо ловили мустангов и обменивали их на разнообразные товары. Силя участия в этих играх не принимал, лишь изредка наблюдал за нашей игрой.

После окончания семилетней школы мать Юрия, солдатская вдова, отправила сына в город учиться на токаря. Я тяжело переносил разлуку с другом. Однажды он приехал к матери на побывку и зашел

ко мне. Обрадованный встречей, я снова принялся за игру, в которую мы когда-то играли. Но на этот раз мой друг не принял в ней участия. Снисходительно улыбнулся и смотрел на меня, как обычно взрослые смотрят на игры детей.

И вдруг я понял: детство кончилось.

С Виктором Потаниным на рыбалке

Мига

По воскресеньям в наш дом приходит высокий седой старикнищий с холщовой сумой через плечо. Садится в углу на кухне и молчит. Я знаю, что это глухонемой, хотя отдельные слова он всё же произносит. Себя называет «Микой» (Михаил), мою бабушку «Канькой» (Танька). Для неё он «Мига» и «Немушко».

Обычно бабушка не обращает на Мигу внимания. Гремит на кухне ухватами. Изредка они обмениваются жестами, похожими на азбуку глухонемых. Иногда я вижу, как бабушка украдкой торопливо суёт Миге кусок хлеба.

После того как Мига немного выпьет, он обхватывает голову руками и «поёт»: «Поваляй-ка, поваляй-ка...». Бабушка переводит: «Позволь, тятенька, жениться, позволь взять, кого люблю».

Когда-то у Миги была семья: жена и двое детей. Но жена умерла, а дети выросли. Остался Мига в маленькой избушке с дочерью Зо-

ей. Старший сын Борис, инвалид войны на одной ноге, с многочисленным семейством живёт отдельно.

Посидев какое-то время, Мига уходит. Спустя много лет я узнаю, что Мига мой близкий родственник, родной брат моей бабушки Михаил Александрович Потанин.

Жабрей

«Жабрей» – это прозвище Петра Николаевича Луканина. На селе прозвища нередко заменяют имена и фамилии. Никто и не вспомнит, что он Луканин. Жабрей и Жабрей.

Между фамилией и человеком редко бывает связь. Прозвище всегда возникает по какому-то поводу. В Завьялово, южной окраине села, живёт мужик, у которого не одно, а целых два прозвища: «Орёл» и «Чернобровый». Почему он «Орёл», я, право, не знаю. Возможно, вид у него такой бравый. А почему «Чернобровый», могу объяснить.

У Чернобрового красивая жена, чем он очень гордится. «Моя чернобровая», – ласково называет он её. Вот и приклеилось к нему прозвище «Чернобровый».

Раскроем Толковый словарь В. И. Даля: «Жабрей, жабрик, зябра... пикульник, курятник, петушьи головки, бадылек?»

В общем, колючая трава. Так называют в обиходе строптивного человека. На первый взгляд Жабрей совсем не такой: высокий голос, уступчивая речь. Но попробуйте его заставить что-то сделать вопреки его воле! Не выйдет!

В молодости Жабрей служил на флоте, говорят, был участником Цусимского сражения. Теперь он один. Я обращаю внимание, что в селе преобладают либо многодетные семьи, либо одинокие старики и старухи.

Есть, правда, у Жабрея сын Михаил. «Мишаня», – как называют его друзья. Но живёт Мишаня в городе, работает там парикмахером и у отца бывает редко.

Вероятно, от одиночества обратился Жабрей к религии. Последний священник в селе отец Тутолмин был расстрелян в 30-е годы. Остались попадья и два сына. Младший – Коля Тутолмин – слывет

чем-то вроде деревенского дурачка. О нём ходит молва, что он в один присест может съесть двести штук пельменей. Старший брат Коли на короткое время появился в селе после войны, когда русских начали репатриировать из Китая. Изумлял сельчан городским видом и нездешним обхождением.

За неимением настоящего священника деревенские старухи почитают за батюшку Жабрея, и он охотно исполняет эту роль.

Есть у него Библия и икона – та самая, которая, по преданию, когда-то приплыла по Тоболу к селу да здесь и остановилась. В ознаменование этого события построена в Утятском большая церковь с высокой звонницей и могучим колоколом, чей звон, рассказывают, был слышен по округе на сорок вёрст. Я ещё помню эту церковь, хотя и полуразрушенную, с осколком белой мраморной плиты возле неё. С тех пор как большевики сбросили колокол на землю, а церковь превратили в склад, негде стало молиться верующим. Вот и ходят старухи в дом к Жабрею.

Злые языки рассказывают: сидит Жабрей в горнице, молится, бьёт поклоны. Видит в окно краем глаза, что чужая скотина зашла в огород. Сердце его не выдерживает. С криками: «В бога, в душу мать...» выбегает на крыльцо.

Так это было или не так, судить не берусь. Знаю другое. Власти откуда-то узнали, что Жабрей хранит чудотворную икону. Несколько раз приходили к нему с обыском. Уговаривали, угрожали. Не отдал Жабрей икону. Благодаря ему возвращена она теперь русской православной церкви.

В. Д. Иванов.

Пётр Луканин

Увиделись с ним под вечер. Уже солнце за лес спускалось, было в улицах пусто и тихо, бродил за дальними огородами последний закатный луч.

Кроме меня, пришли к нему ребяташки. Второклашки-погодки, под стол пролезут, а знать все надо:

– Деду, про адмирала Макарова расскажи?

Дед был нетороплив, сутул, поседел от годов, беспокойной судьбины, смотрел на гостей испытующе – оценивал на неведомых весах.

– Расскажи, деду?

– Про Макарова-то... До мужика добрый был. Я на крейсере «Россия» служил кочегаром...

Макаров, Японское море, жёлтые следы от мин, хрипы раненых, матросские песни, тягучие, как тоска. Пел он ещё хорошо, слова помнил, но голос уже сел, состарился. Гнали коров по улице, и с ними пришли запахи трав, горького чабреца. Легли сумерки, и он совсем побелел и стал вовсе древний, далёкий... Это была с ним вторая встреча.

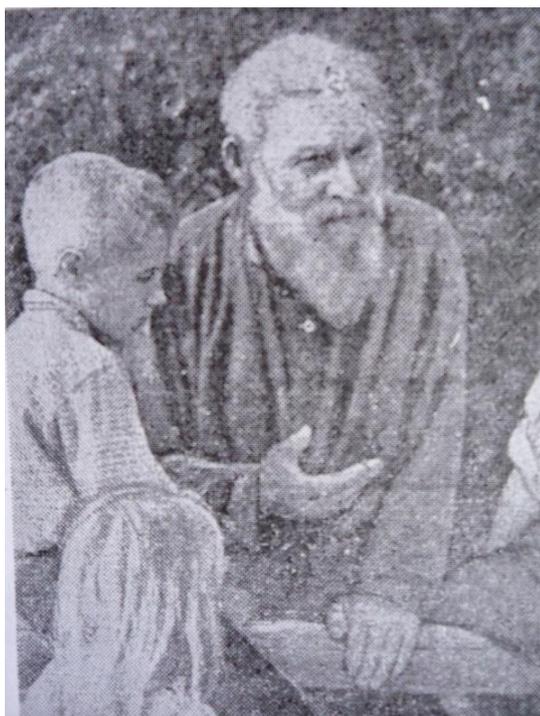
Первый раз Петра Николаевича Луканина, кочегара с «России», я встретил на юбилейной выставке 1963 года заслуженного художника Аджарской АССР В. Ф. Илюшина. На меня смотрели умные цепкие глаза. Казалось, они всё видят на свете, всему знают цену. Внизу подпись – этюд к картине «Пугачёвцы в селе Утятском». Возле него останавливались всё время люди. И он смотрел на всех неизменно строгими пытливыми глазами, словно спрашивал что-то, а может, сердился. Художник талантливо подсмотрел его, и сейчас он был живой, глазастый и мудрый, оттого и можно было с ним говорить хоть о чём.

А потом у А. С. Новикова-Прибоя в «Цусиме» я прочитал: «По непонятым причинам командование отделило от эскадры для Владивостока четыре сильнейших крейсера: «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрик». Всё это облегчало японцам блокировать с моря Порт-Артур... И это было одной из причин сдачи морской крепости. На «России» ушел тогда из крепости и кочегар Петр Луканин. И многое пришлось испытать обоим: и кочегару из села Утятского, и крейсеру 1-го ранга Первой Тихоокеанской эскадры. Но оба остались живы.

И вот мы опять в гостях у П. Н. Луканина. Ребятишкам нравится его песня.

*Ох, Микадо, будет худо,
Разобьют твою посуду,
Разнесут дотла!
Раз-два,
Э-эх, и раз-два...*

Когда он поёт, то не веришь его морщинам, седой бороде до сивовы, сухим поддрагивающим рукам. Видишь матроса веселого, ладного. Видишь его товарищей, безымянных героев. Видишь свою Родину от края до края, ведь она родит героев.

А потом стихла песня, слезли с прясла ребяташки, проводили его домой до крыльца. Он шагал широко, по-молодому, оттого что гостям был рад и мыслям своим, и хотелось ещё говорить и вспоминать, слушать далёкое, родное в сердце. Но был уже вечер поздний. Отцвела по лесам черёмуха, и в улицу зашли все запахи трав с лугов. Было хорошо дышать медом. Было хорошо от встречи.

В. Потанин

// Молодой ленинец. – 1964. – № 77 (26 июня). – с. 4.

Андреев Константин Сергеевич

Родился 12 июня 1951 года, жил в Тюмени, служил в Тернопольско-Берлинской ракетной дивизии.

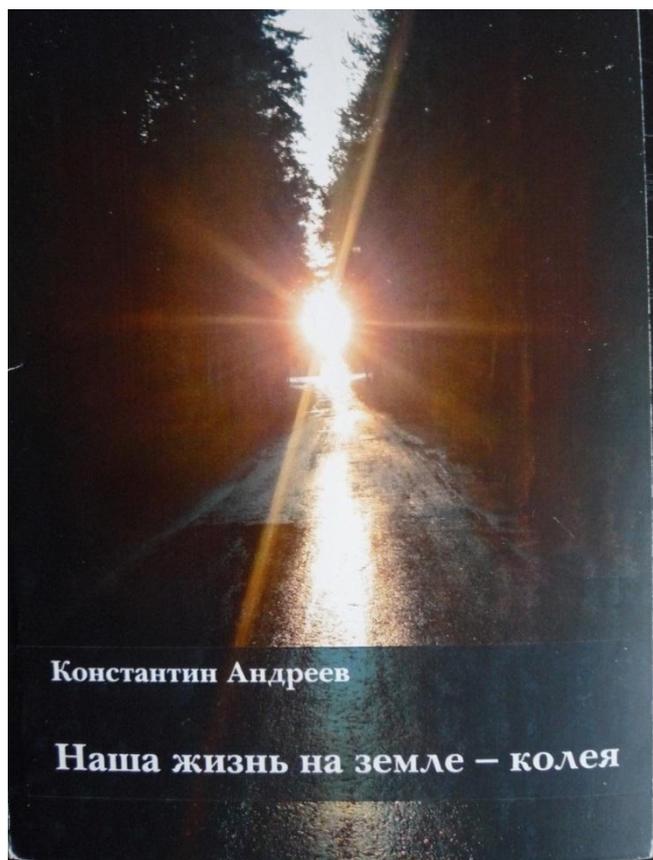
Память и время

Человек счастлив, пока у него есть Родина!

Как бы ни была она сурова к нему, своему сыну. Её никогда не забыть и от неё никогда не отречься. Ведь Родина – это место моего рождения и могилы родных на старом кладбище.

Проходят годы, но в памяти навсегда остаётся голос, голос родных мест, зовущий к себе. В этом голосе память хранит очень многое.

Это и голос пастухов, выгоняющих поутру стада на луга, голоса птиц, поющих в прибрежных кустах, трели соловьёв.

Голоса детства и юности. И всплывающий, в уже поседевшей памяти, голос первой любви.

Память хранит запах дыма из печных труб, запах цветущей черёмухи в старом саду, запах грибов и ягод, в изобилии растущих по берёзовым колкам.

Память, она как губка, вобрала в себя очень много и теперь по прошествии лет, возвращает нам мгновения жизни.

Возвращает для того, чтобы мы не забыли, кто мы и как мы жили.

Возвращает для того, чтобы мы не забыли запах созревающих хлебов в полях, чтобы навсегда остался в памяти запах свежее испеченного хлеба и вкус краюхи с парным молоком.

Помнили раннее утро, когда все ещё спят, а из кухни доносится шум. Это мама гремит чугушками и сковородками у старой русской печи.

Всё осталось в памяти, всё!

И вот это всё называется Родина!

За делами и заботами, порой я забываю, что где-то есть моя родная деревня Утятское. Но вспомнив, разбужу в сердце неуёмную тоску по родному краю и тогда собираюсь в дорогу. Автобус остановился на трассе и я, выйдя из него, ступаю на дорогу, проложенную в вековом бору. Пропетляв три километра по бору, дорога выводит меня на высокий берег Тобола. Волнение охватывает душу, ведь я пришёл к своей заветной цели. С берега, где я стою, открывается чудесный вид. Деревня как на ладони, мой старый дом, деревенский бор, поля.

Сердце начинает учащённо биться, душу переполняет что-то торжественное и радостное.

Это моя Родина!

Ну, здравствуй, родная!

Моя деревня! Каждый раз, когда я бываю здесь, я стараюсь пройти по заветным местам. Местам, которые запали мне в душу с детских лет. И я гляжу с горечью и болью в душе, как на наших глазах умирает моя деревня. Прости меня, моя милая деревня, моя малая Родина! Прости за то, что когда-то уехал отсюда в далёкие края. А теперь сколько нужно сил и уменья, чтобы поднять тебя с колен и возродить былую славу и богатство.

Люблю смотреть на пламя утренней зари,
Когда встаёт над горизонтом солнца полукруг,
Уходят сумерки и гаснут фонари,
И разом оживает всё вокруг.

Жизнь начинается с утра без суеты,
И радостней минуты этой нет,
Когда на землю, на деревья, на цветы,
Польётся солнца нежный, тёплый свет.

Цикады будут в тишине звенеть,
А соловьи! Как соловьи поют в родном краю!
Кто говорит – Париж увидев, можно умереть?
Да просто он не видел Родину мою!

К. Андреев.

Александр Новиков

(1952–2002)

Не жить без оглядки

Я не историк и даже не краевед. Я самый что ни на есть заурядный внук своих бабушек и дедушек.

Об одном из них я слишком мало знаю, только кое-что слышал: он когда-то где-то скончался от каких-то боевых ран, оставив сиротами троих сыновей-подростков, моего отца – совсем мальцом. Дру-

гой дедушка тоже воевал. Где-то на наших восточных границах. Как умирал – это хорошо помню. Все дядьки воевали уже в Отечественную. Отец вернулся с фронта без ноги, побывав всего-то в одном бою под Орлом. Его хоронили в день моего десятилетия. В деревне тогда, кажется, впервые шёпотом заговорили о болезни, в общем-то, со смешным, но потому и жутким названием «рак».

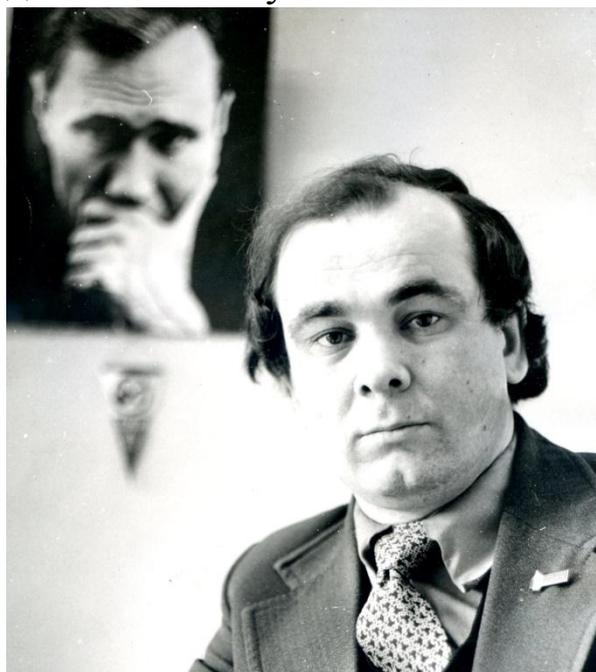
Бабушка Федосья пережила своих детей. Много повидала и хлебнула горя, и мы (десятка три внуков, правнуков и праправнуков), видимо, чувствовали это и любили её, как никого в родном селе. Иногда больше, пожалуй, чем матерей.

Теперь в самый раз вспомнить про бабушкины сказки. А как же без этого в большой семье? Всё звучало: и сказки, и частушки, и были, и песни...

Бабушка напевает, а я записываю:

*Во поле, во полюшке
Ёлочка стоит,
Там гусар израненный
В ковыле лежит.
Конь его копытами
Сыру землю бьёт:
Для гусара молодца
Воду достаёт.
«Не бей, не бей, конюшко,
Воду не достать,
А мне, добру молодцу,
От земли не встать...»*

...С чего я вдруг пустился в столь нескромное занятие – самописание? Объясню. Очень не хочется, чтобы мою публикацию вос-

приняли как дань возникшей моде на историческое. Наше поколение пережило музейный бум конца 50-60-х годов, потом в 70-х – расплывшееся равнодушие ко всему отечественному. Эти перепады в народном самосознании вполне ощутимы и зримы.

В Утятском, где я рос, в 1959 году стараниями бывшего директора школы Варвары Степановны Ивановой был открыт замечательный музей. Говорят – чуть ли не первый сельский самодеятельный в стране. Не забыть, с каким трепетом мы, мальчишки, разглядывали винтовочные гильзы, найденные в огородах нашими же ровесниками, старинную крестьянскую утварь, портреты нынешних и давно живших земляков. А после – на долгие годы заколоченные ставни да ржавый замок на дверях. И так по сей день.

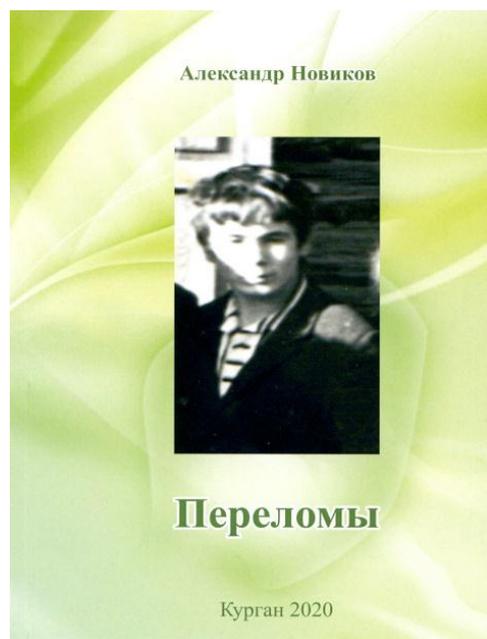
С родственниками и односельчанами в Утятском. Шурик в центре.

До причин подобных явлений докапываются специалисты-обществоведы. Я же рассуждаю по-житейски. Уважение к предыдущим поколениям, к старине, к прошлому Отечества должно быть нормой жизни. Не навязанным кем-то, а естественным. Если в семье перестают уважать старших (не бояться, а уважать!), то она слабеет. В семье происходит расстройство, разлад, вступает в силу эгоизм поколений, «отцы» и «дети» размежевываются.

Совсем недавно я понял, казалось бы, простую вещь. Едва мне стукнуло тридцать, умерла бабушка Федосья. И тогда я почувствовал, как наступает старость. На меня наступает. Понимаете, пока я знал, что где-то рядом есть бабушка, мне в пору было слушать её колыбельные песни. А так... я вмиг стал внутренне намного старше, чем был, и лишь тогда расстался с молодостью. Подобное превращение, наверное, может произойти с кем-то и в двадцать лет.

// Молодой ленинец. – 1987. – № 81 (7 июля). – С. 3.

Жить – не зреть, а цвести,
не стареть, а расти,
и себя не любить, а ломать.
И прожитые дни
не терять, а копить,
и по ним переломы считать.
Долго что-то лепить,
а сегодня разбить,
чтобы завтра лепить по-иному...
От зовущих идей,
от хороших людей
остаются в душе переломы.

// Молодой ленинец. – 1973. – № 123 (13 октября). – С. 3.

Иванов Степан Степанович (1912– 1988)

Военно-морское авиатехническое училище им. Молотова (Пермь) окончил в 1938 году. Участник Великой Отечественной войны. Имеет награды:

- 1) орден «Красной Звезды»;
- 2) орден «Отечественной войны» 2 степени;
- 3) медаль «За оборону Ленинграда»;
- 4) медаль «За победу над Японией»;
- 5) медаль «За боевые заслуги».

Горит в нём искорка

(очерк)

У прилавка – обычная для вечернего часа сутолока. Люди заходят, покупают, что нужно, уходят. Окидываешь взглядом магазин, и вдруг... Откуда здесь эта красота?

Бьют в глаза ослепительной желтизной, рдеют нежнейшим румянцем цветы. Чья заботливая рука поставила их сюда, на прилавок?

– Это Степан Степанович. Каждый день приносит по букету. Говорит, пусть люди любуются, – отвечает продавщица.

Живёт в душе человека искорка.

Кто её туда заронил? Тихие песни, которые пела мать над колыбелью? Или чудесные сказки, увлекательные истории, которые довелось слушать в детстве? Может, природа – милые русские перелески, просторы полей! Трудно сказать, но эта искорка будоражит душу, зовёт к прекрасному, определяет всю жизнь.

И человек становится творцом. Он создаёт произведения искусства.

Но чтобы талант человека расцвёл, нужны труд, учёба и ещё то, что мы называем жизненными условиями.

А если человеку не пришлось учиться?

...В 1947 году авиатехник Степан Иванов был демобилизован. С Дальнего Востока он поехал в родное Утятское.

Эшелон подходил к Новосибирску. Хоть и коротка остановка, но после долгого пути неплохо поразмяться. Степан, торопясь, вбежал в зал ожидания и замер. Напротив, на стене – полотно. Эту картину он никогда не видел до этого. Два вздыбленных храпящих коня, двое всадников в смертельном поединке, а сзади – два войска, русское и татарское. До чего хороша картина! Сколько напряжения, ди-

намики! Долго ему виделся ещё «Поединок».

Он всё-таки нашёл репродукцию взволновавшей его картины и уже в Утятском сделал копию.

В тот год в райцентре – селе Глядянском – открыли новую столовую. «Что хорошего в голых стенах! – подумал Степан Степанович, побывав в ней. – Пусть “Поединок” мой висит здесь». И он отдал эту и несколько других своих работ, чтобы украсить зал столовой.

В работе, в домашних делах дни тянутся незаметно, свободного времени – в обрез, но и немногие минуты досуга Степан Степанович посвящал рисованию. Понравится ему картина или пейзаж где-нибудь в журнале – обязательно скопирует.

Однажды у Ивановых пилили дрова. Взвизгнула пила, и от бревна, желтея свежим срезом, отвалился кряжистый берёзовый комель с толстой, пальца в два, растрескавшейся корой. Степан Степанович поставил комель на попа и задумался, глядя на свежий срез: как оригинально кора окружает древесину! А что, если... Ну да, вот так, отрезать чуть наискосок пластину!...»

Степан Степанович у ворот своего дома в Уятке

И на стене вскоре появилась ещё одна работа Степана Степановича: в круглой рамке, которую образовало кольцо бурой растрескавшейся коры, на загрунтованной древесине – деревья, за которыми голубеет замок – университет на Ленинских горах. Получилась прекрасная миниатюра.

Жила тогда в Утятском учительница Варвара Степановна, сестра Степана Степановича. От неё-то и «заразился» он цветоводством. И двор Ивановых превратился в цветник. Всё лето до поздней осени рдеют здесь великолепные георгины, бледнеют нежные флоксы. А перед крыльцом – огромные махровые шары – канны. Односельчане охотно посещают это «цветочное царство», тем более, что его хозяин никого не отпустит без пышного красивого букета.

– Хочу, – говорит он, – чтобы во всех дворах, у всех утятцев были цветы. Весной оставлю себе несколько георгинов, а остальные раздам. Пусть разводят!

Два года назад в селе открылся детский санаторий. Туда и пошёл работать Степан Степанович. И опять беспокойство, хлопоты – ведь всё пришлось создавать на голом месте. А больным детям так нужны удобства, красота, уют! Новый завхоз наладил хозяйство, а потом попросил перевести его в цветоводы: хоть оклад и меньше, зато можно целиком отдаться любимому делу! И опять Степан Степанович хлопочет, беспокоится, «колдует» над грядками.

Этот уже стареющий, подвижный, сухонький человек с доброй улыбкой, всегда что-то придумывает, творит, украшает.

Интересна одна из его последних работ. Вход на усадьбу санатория – ворота – сделаны металлическими, ажурными.

– Хороши ворота, но... чего-то здесь не хватает, – за-

думался Степан Степанович: – Знаете что? Давайте на них поставим... ну, оленя, допустим!

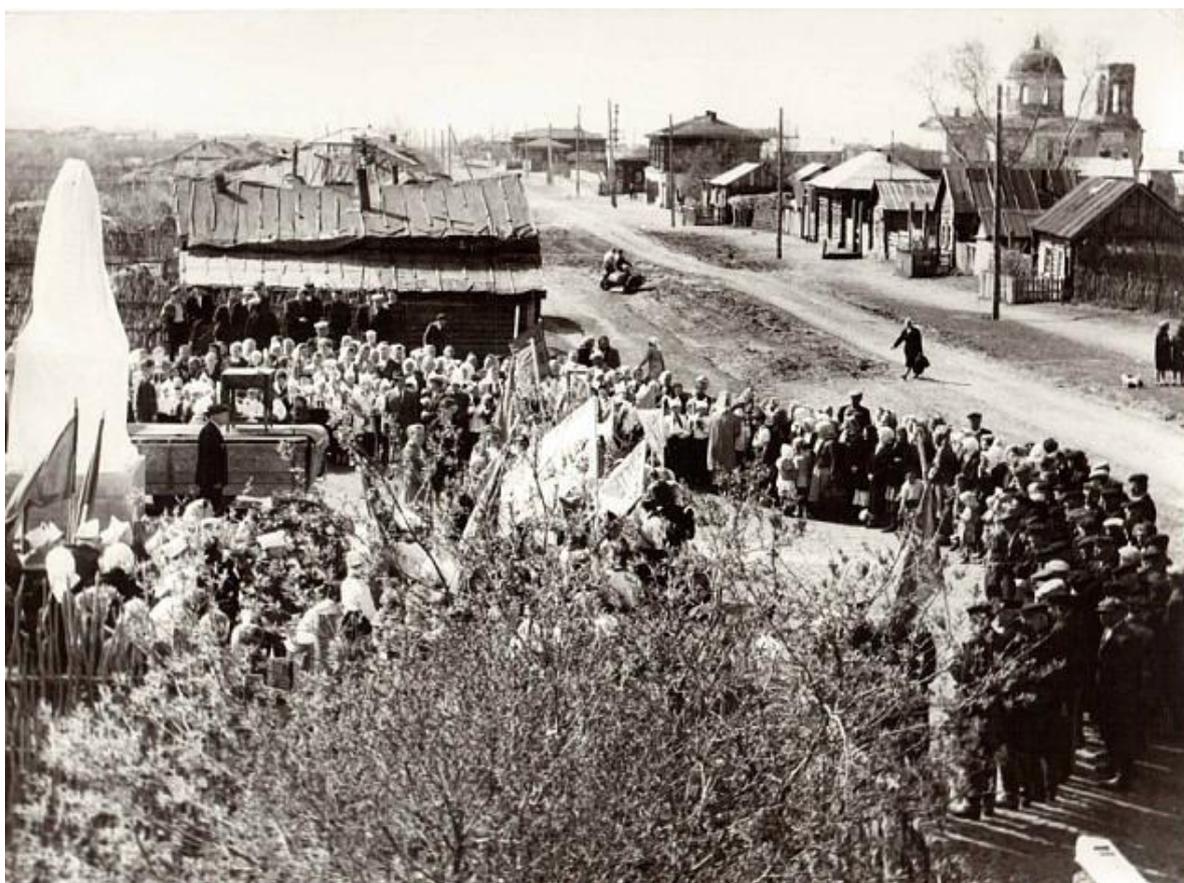
Сделав в земле форму, он изготовил металлическую арматуру, залил алебастр. И вот уже на новых воротах, гордо вскинув голову, замерло изваяние красавца оленя, сделанное умельцем.

Не получился из Степана Степановича профессионал-художник: жизнь повернула не туда. Но она, его долгая не очень лёгкая жизнь, не погасила в нём искорку творчества, стремления к прекрасному. Он не автор впечатляющих полотен. Но он каждый день бескорыстно приносит людям много добра, заставляет их видеть прекрасное в буднях, стремиться к прекрасному.

Так и живёт в селе этот незаметный, незначительный, но очень нужный людям человек.

В. Долгих

// Советское Зауралье. – 1964. – № 271 (15 ноября). – С. 3

Открытие памятника солдату – герою Отечественной войны. Утятское. 1965 год. Автор Степан Степанович Иванов. К сожалению, нет фотографии памятника, сохранился только этот снимок, где памятник накрыт пологом.

Добрые мои соседи *Молодожёны*

Который день бусенит дождь – прямой, обложной. Намокла земля, на лужах надуваются пузыри и тут же лопаются. Деревья словно только что выкупались, с них течёт вода. Рады люди дождю: ещё бы, в мае такое!..

Муж Лилии сейчас почти не бывает дома. Носится на своей машине по пашням, а пашни колхоза в день не объедешь, дождь радует, но работать мешает. На Юрку Лилия не в обиде – его надо тоже понять! – помощь трактористам-машинистам в такое время как никогда нужна. И всё же всё одна да одна...

Лиля ждёт ребенка, первенца, Юрий говорит: «Только сына!», а Лиля знает – это напускное! Так говорят почти все мужья, а рады бывают дочкам не меньше. А ей все равно: хоть сын, хоть дочь!

Пришла соседка навестить, Марья Ивановна. Спасибо ей, печется о Лиле, как о дочери, и не чувствуешь, что родители далеко...

Седьмой год пошел, как Тебайкины живут в этом колхозе. Она приехала из Подмосковья сюда учительствовать, он из Челябинска по окончании Института механизации и электрификации сельского хозяйства. Приехали почти одновременно. Ей было легче привыкать, в школе её встретил хороший, дружный коллектив. Ему – труднее: кое-кто из трактористов не сразу поверил в способности молодого инженера.

– Бывали минуты, – вспоминает Юрий, – хотелось сесть на попутную машину и уехать обратно в город, к родителям. Хорошо, что не поддался настроению. Не имел бы тогда ничего – ни этих полей, ни Лили, ни маленького.

Всё позади. Теперь инженер Юрий Федорович – уважаемый человек.

Теперь Тебайкины не мыслят жизни вне именно этого колхоза.

Лёгкий стук в двери. Приехал муж.

– Лилька, родная, что делается в поле!.. Я не только видел – я слышал, как растут хлеба и травы! Как ты себя чувствуешь?..

Поздняя любовь

Когда сумерки сгущаются, женщина выходит из своего дома и отправляется на ночное дежурство. Она сторож в сельской аптеке. Анна Павловна, так зовут женщину. Я с детства знаю её. Вместе росли здесь, на берегу Тобола, в Утятке. В юности Нюра славилась своей сноровкой в работе. Что ни труднее дело – туда и Нюру! Одной из первых среди подруг села и за руль трактора.

Там, где старая заброшенная дорога пересекает сосновый борок, вокруг могучей сосны, на поляне, проводили мы, молодёжь, свой досуг. Здесь девушки и парни находили себе суженых. Нюра редко бывала на гулянках: всё было недосуг. Может, потому так долго стороной обходило её девичье счастье?

Любовь пришла, когда Нюре было за тридцать.

– Неужто, Нюрушка, согласна стать мне женой, а детям материю? – не веря в такое, всё переспрашивал её Яков, овдовевший тогда и оставшийся с пятью малыми ребятами.

Обрела семья Якова Менщикова вновь радость, да ненадолго: началась Отечественная война, ушел Яков на фронт. Простились у той вековой сосны, свидетельницы и счастливого смеха, и горьких слез многих.

– Трудно будет тебе, Нюра, с ребятами. Определи их в детдом, – советовал Яков.

Но Нюра этого не сделала. Всю силу своей нерастраченной любви она перенесла теперь на детей. Похоронную Нюра получила в поле, в это время заводила трактор. Изменила ей тут сноровка, сорвалась рукоятка, ударила что есть силы, и повисла кисть руки. Что болело сильнее – сломанная рука или сердце, знает только она...

Вечером того же дня маленькая Капуська, обнимая ее за шею, шептала, сама заливаясь слезами:

– Не плачь, мамонька, не плачь, мы с тобой...

Стала Нюра пастухом, старшие ребяташки – подпасками. За работу люди платили молоком, картошкой, овощами. Шли годы – росли ребята. Учились в школе. Стали взрослыми, разлетелись в разные стороны...

– У Капуси муж очень хороший, счастливая Капуся, – рассказывает Анна Павловна, – Коля тоже часто навещает, а вот от Сашеньки давно нет весточки...

Круто посолила седина когда-то черные волосы Анны. И живет женщина ожиданием: не придет ли письмо от детей, не приедет ли кто из них навестить ее?

Большая семья

Старший сын Татьяны Важениной Юрий привел в дом сразу троих: жену, тещу и шестилетнего, себе сына, Шурку. Дом у Татьяны – не разбежишься: изба да горница, а семья стала семь человек.

По-прежнему, может, и уместились бы, – «в тесноте, да не в обиде!» – спали бы вповалку на полу, ютились бы кое-как, да поотвыкли теперь спать на полу, теснота не нравится. Пришлось купить по соседству еще избу с горницей. А живут как одна семья.

Через год жена Клавдия подарила Юрию дочку Леночку, а еще через год Любочку. Растёт семья!

– Мы со сватьей Татьяной, – рассказывает теща Юрия, – живём хорошо. Поперёк слова друг дружке не говаривали: что нам ссориться? Намаялись в жизни: она троих воспитала без мужа, я двоих. Придешь, бывало с работы: ни пить, ни есть, ни себе, ни детям. Хоть волком вой! А теперь – жить да радоваться, Посмотрите-ка, в горнице-то у нас! Мы живем ладно, а люди и лучше нас... Про зятя спрашиваешь? Зять добрый у меня. Работает шофером, заработок хороший и уважение есть! Никакой работой не брезгует, ни от чего не отказывается. Шурка-то, старшенький, не родной Юрию, а и не знает об этом.

Клава в поле работает не каждый день, сегодня у неё выходной. Держит на коленях свою десятимесячную Любочку, ласкает ее. Рослая, красивая, хоть картину пиши с нее – «Материнство».

Вбежал Шурка, запыхался:

– Мама, папка мимо проехал! Мам, а, правда, что когда-то мы жили одни, и не было у нас папки?..

– Не верь никому, Шурка, папка наш всегда был и будет с нами.

В. Иванова

// Советское Зауралье. – 1967. – № 173 (23 июля). – С. 4.

ПРОГУЛКИ С ФОТОАПАРАТОМ
(2020–2021)

Утятка

Новая деревня

Деревня Вавилкова

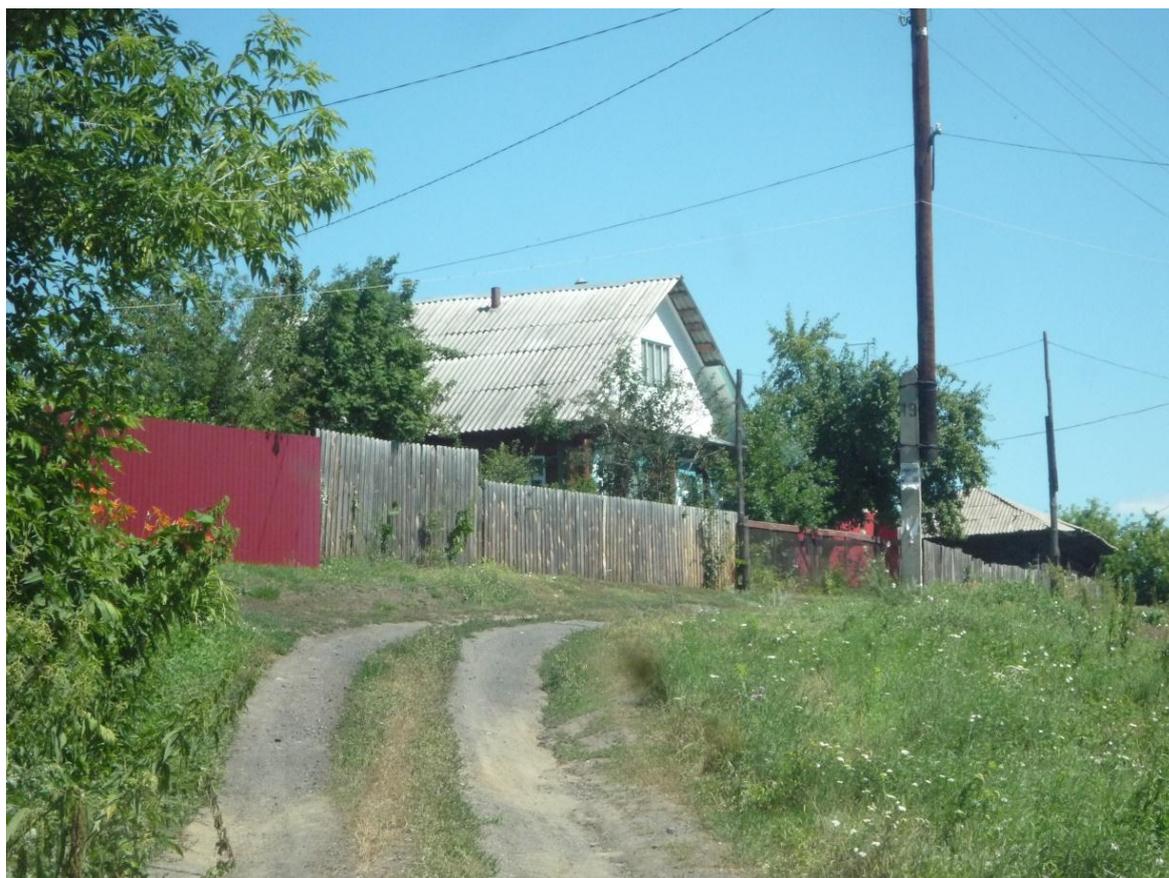

Заборка

По дороге из Утятки в Нагорку

